

В. Н. БАСКАКОВ

ПУШКИНСКИЙ ДОМ

В. Н. БАСКАКОВ

ПУШКИНСКИЙ ДОМ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

В. Н. БАСКАКОВ

ПУШКИНСКИЙ ДОМ

ИЗДАНИЕ 2-е, ДОПОЛНЕННОЕ

Ответственный редактор
академик Д. С. ЛИХАЧЕВ

*Владимир Леонидович
Степанов
с благодарностью и почта-
цией*

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

9.1.89

Баскаков

Б $\frac{4603010000-736}{042(02)-88}$ 328-88—IV

© Издательство «Наука», 1988 г.

ISBN 5-02-027954-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Откуда бы вы ни любовались панорамой невских берегов — с Дворцовой набережной, с Кировского моста или от Петропавловской крепости, — вы всегда обратите внимание на величественное здание с колоннадой и башней, замыкающее знаменитый ансамбль Стрелки Васильевского острова и представляющее собою классический образец архитектуры первой половины XIX в. Раньше в этом здании располагалась Петербургская таможня, сейчас — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

Пушкинский Дом возник в 1905 г. как своеобразный памятник великому русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину. По замыслу основателей, Пушкинский Дом должен был представлять собою музей, сосредоточивающий все, что касается Пушкина, и одновременно стать источниковедческим центром той части русской науки о литературе, которая занимается изучением жизни и творчества Пушкина, его великого наследия. Так полагали основатели Пушкинского Дома, но развитие научной мысли, запросы общества, идущего навстречу первой русской революции, наконец, задачи, в это время стоявшие перед литературной наукой, почти сразу же внесли свои коррективы в первоначальный замысел. Сфера деятельности Пушкинского Дома расширяется, охватывая сначала всю пушкинскую эпоху, затем весь XIX век, а после 1930 г., когда на его основе в системе Академии наук СССР создается научно-исследовательский институт, — и весь русский литературный процесс на всем протяжении его существования, от момента возникновения русской литературы до наших дней.

Сегодняшний облик Пушкинского Дома, профиль исследовательских работ, их историко-литературная оснащенность и теоретико-методологический уровень определяются не только современным состоянием отечественной литературной науки, но и особенностями создания, становления и развития этого уникального учреждения,

его историей, его богатейшими научными и общекультурными традициями. Сейчас Пушкинский Дом — это прежде всего научно-исследовательский центр, деятельность которого накладывает свой отпечаток на формирование методов и направлений в изучении отечественной литературы, перспектив поступательного движения научной мысли в одной из важнейших отраслей советского литературоведения. Однако не только в этом заключается значение Пушкинского Дома в современном научном и литературном развитии. Пушкинский Дом — не только известное научно-исследовательское учреждение, но и крупнейший центр русской национальной культуры. Так он был задуман в начале XX в., такое значение он сохраняет и сегодня. Достаточно сказать, что именно здесь находятся все рукописи Пушкина, его библиотека, здесь хранится рукописное наследие многих выдающихся деятелей русского литературного движения прошлого и современности, здесь создано одно из крупнейших в стране собраний древнерусских рукописей, сосредоточены огромнейшие коллекции звуковых записей русского народнопоэтического творчества, изобразительных материалов по истории русской литературы; наконец, здесь же работает обширнейшая специализированная библиотека, в своем составе имеющая множество уникальных и редких изданий, порою отсутствующих во многих, а иногда и во всех библиотеках страны. Богатства русской культуры, сосредоточенные в Пушкинском Доме, огромны и бесценны. Сочетание же двух аспектов деятельности — исследовательского и источниковедческого — предопределяет неповторимость Пушкинского Дома как научного и культурного учреждения. Другого центра, подобного Пушкинскому Дому, в нашей стране нет, нет его и за ее рубежами.

Сегодня Пушкинский Дом занимается не только исследованием русской литературы, но и собиранием, открытием, введением в научный и культурный оборот ее неизвестных или затерянных произведений, автографов, писательских имен. Здесь восстановлено и в ярчайших своих проявлениях представлено читателю русское литературное средневековье, здесь возрождены многие неизвестные ранее или прочно забытые памятники русского народного творчества, найдены, изучены и подарены народу тысячи прозаических и поэтических, эпистолярных и критико-публицистических произведений выдающихся русских писателей далекого и недавнего прошлого.

Уникальность Пушкинского Дома не в том, что здесь занимаются изучением русской литературы, — этим занимаются десятки институтов и кафедр в разных городах страны, — а в том, что исследования ведутся здесь на основе богатейших рукописных, книжных, изобра-

зительных собраний, сосредоточенных в Рукописном отделе, Литературном музее и библиотеке Института, т. е. в тех отделах, которые в своей совокупности в 1905—1930 гг. и представляли собою Пушкинский Дом. Именно там, в истории Пушкинского Дома, лежат истоки процессов, во многом и до сих пор определяющих профиль и направление деятельности Института русской литературы и неизменно поддерживающих традиционное взаимодействие исследования с широким поиском, собиранием и хранением памятников национальной культуры, делающее особенным и неповторимым это научное учреждение.

История Пушкинского Дома — это часть истории русской литературной науки XX в. В ее развитии он сыграл выдающуюся роль. Впрочем, надо сказать, что эта роль не была одинаковой на всех этапах истории Пушкинского Дома и характер ее определялся прежде всего коренными общественно-политическими переменами в жизни страны, уровнем и состоянием отечественного литературоведения в целом, а также профилем и задачами самого Пушкинского Дома. Его история сложна, увлекательна, многообразна в своих проявлениях, порою удивительна и даже героична. В ней причудливо переплелись многие замыслы, начинания, судьбы отдельных явлений нашей литературной науки и целых ее отраслей, школ, направлений. В Пушкинском Доме закладывались научные основы истории русского литературного средневековья, здесь формировалась история русской литературы XVIII в., отсюда вышли первые советские текстологические исследования, сыгравшие важнейшую роль в развитии этой научной дисциплины; наконец, с Пушкинским Домом во многом связано развитие советской компаративистики, фольклористики, библиографии, источниковедения, археографии. И все это стало возможно только в неразрывной связи и единстве, в удивительном переплетении и взаимопроникновении, в комплексном, всеохватывающем характере изучения русского литературного процесса.

Многие отрасли литературной науки стали для Пушкинского Дома традиционными. Они зарождались, формировались и развивались в Пушкинском Доме и сегодня определяют его профиль и направление исследований. Основные усилия Института в прошлом и сейчас сосредоточены на изучении русского литературного процесса во всем его многообразии, взаимосвязях с действительностью, с ее художественными, общественными, социальными, политическими аспектами. Сложность исследования литературного процесса обусловила и широкую разветвленность структуры Института, мобильный

характер некоторых его подразделений, необходимость координации их деятельности между собой и деятельности Института в целом с другими научными учреждениями, разрабатывающими общие с ним проблемы или проблемы смежные. Поэтому для Пушкинского Дома характерны четкость границ, в которых осуществляются его исследования, и многообразие направлений. Теоретические исследования здесь тесно взаимодействуют с историко-литературными, текстология средневековой и классической литературы обогащается результатами источниковедения, которое в свою очередь развивается за счет систематических архивных и библиографических поисков, изучение народного творчества и археографические исследования питаются результатами многочисленных экспедиций, музейно-экспозиционная работа переплетается с популяризаторской деятельностью, опирающейся на весь комплекс исследований, проводимых в Пушкинском Доме.

Структура Пушкинского Дома, его профиль, масштабы исследований складывались не вдруг и не сразу. Несколько этапов, неодинаковых по характеру и значимости своей деятельности и роли в отечественном литературоведении, прошел Пушкинский Дом в своем развитии. Музейно-источниковедческое или, правильнее сказать, музейно-архивное учреждение, деятельность которого полностью сосредоточена в сфере истории русской литературы XIX в., — таков Пушкинский Дом в дооктябрьскую эпоху. Несколько расширились его интересы и масштабы работ в 20-е годы, которые следует понимать как подготовительный период к созданию будущего научно-исследовательского института. По характеру своих работ в 1917—1930 гг. это уже не музейно-архивное учреждение, но еще и не научно-исследовательский институт в современном значении этого слова. Это переходный период, период накопления возможностей для превращения учреждения, работающего в области вспомогательных литературоведческих дисциплин, в научно-исследовательский институт с широкой программой работ и перспективами развития историко-литературного и теоретического аспектов исследований. Новый этап истории начинается для Пушкинского Дома в 1930 г. С этого времени наступает эпоха формирования научно-исследовательского учреждения, трудно и медленно складывается его структура, воспитываются кадры, вырисовывается профиль; наконец, далеко не сразу определяется и круг исследований.

Лишь в конце 30-х годов, т. е. накануне Великой Отечественной войны, в Пушкинском Доме в основных чертах завершается эпоха формирования, и Институт переходит к выполнению широкого

комплекса исследований по истории русской литературы. Завершение первоначального этапа развития Института и вступление его в пору творческой зрелости в истории Пушкинского Дома обозначено двумя событиями. Первое из них — академическое издание сочинений Пушкина, второе — многотомная «История русской литературы» — крупнейшие замыслы довоенного времени.

Прерванное или, лучше сказать, замедленное войной и блокадой развитие исследовательской деятельности в Пушкинском Доме в послевоенные годы восстанавливается, формируются новые направления в его деятельности, складывается новое поколение ученых, укрепляются международные связи. Исследовательская деятельность становится все более и более многообразной. В Институте практически разрабатываются все отрасли литературной науки, которые связаны с историей русской литературы. Успешная деятельность Пушкинского Дома и теоретико-методологический уровень его трудов обусловлены не только богатейшей источниковедческой основой, на которую Институт опирается в большинстве своих исследований, но и высокой квалификацией кадров. На всем протяжении существования Пушкинского Дома в его работах принимали участие крупнейшие научные силы страны. Достаточно сказать, что его основателями и руководителями на протяжении многих лет были выдающиеся русские ученые академик Н. А. Котляревский и член-корреспондент АН СССР Б. Л. Модзалевский, среди его директоров — А. В. Луначарский и М. Горький, академики С. Ф. Платонов, П. Н. Сакулин, П. И. Лебедев-Полянский, А. С. Бушмин, члены-корреспонденты АН СССР Н. Ф. Бельчиков, В. Г. Базанов. В разное время в деятельности Пушкинского Дома участвовали академики А. С. Орлов, В. Н. Перетц, Н. К. Никольский, Н. П. Лихачев, И. И. Толстой, В. Ф. Шишмарев, В. М. Жирмунский, В. В. Виноградов, М. П. Алексеев, члены-корреспонденты АН СССР Н. К. Козмин, В. И. Чернышев, Н. К. Пиксанов, С. Д. Балухатый, П. Н. Берков, В. П. Адрианова-Перетц, Б. Г. Рейзов. Сегодня в Пушкинском Доме работают академик Д. С. Лихачев, член-корреспондент АН СССР Л. А. Дмитриев, тридцать докторов наук, свыше пятидесяти кандидатов наук.

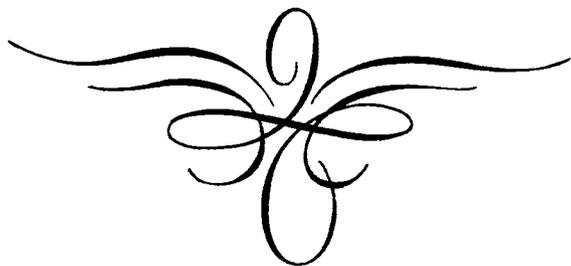
В нашей литературной науке Пушкинский Дом является единственным научно-исследовательским учреждением, деятельность которого полностью посвящена изучению русской литературы на всем протяжении ее исторического существования. Проблематика и характер исследований Пушкинского Дома определяются задачами, которые поставлены перед советским народом, перед учеными нашей страны Коммунистической партией, постановлениями Центрального

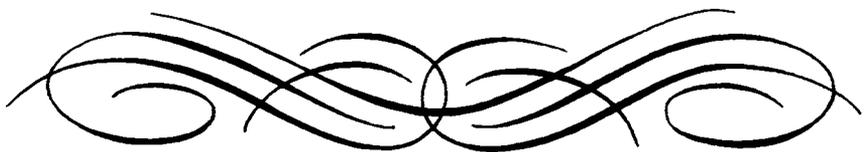
Комитета КПСС по вопросам науки, литературы, искусства. Партийной организации института принадлежит руководящая роль в формировании научного процесса. Коммунисты, ученые борются за чистоту марксистско-ленинской методологии в литературной науке, за повышение роли и значения Пушкинского Дома в развитии общества, в формировании личности и мировоззрения советского человека — строителя коммунизма.

В 1980 г. за заслуги в изучении русской литературы Институт награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Чтобы полнее представить себе тот вклад, который сделан Пушкинским Домом в литературное движение, в научную и общественную жизнь нашей страны, необходимо проследить главнейшие пути его исторического развития и подвести хотя бы общие итоги деятельности Института в отдельных отраслях литературной науки и литературного источниковедения. Этому и посвящена предлагаемая вниманию читателей монография.

ИСТОРИЯ
ПУШКИНСКОГО
ДОМА
И ОБЩИЕ
НАПРАВЛЕНИЯ
ЕГО
ИССЛЕДОВАНИЙ

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПУШКИНСКОГО ДОМА И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ в 1905—1917 гг.

Идею создания Пушкинского Дома обычно связывают с юбилеем 1899 г., когда отмечалось столетие со дня рождения Пушкина. Вместе с тем редко обращают внимание на то обстоятельство, что создание этого учреждения — естественный результат исторического развития русской культуры и науки.

Профиль Пушкинского Дома во многом был предопределен особенностями литературоведения того времени. В 90-е годы XIX в. находившееся в стадии формирования отечественное пушкиноведение почти не обращалось к крупным вопросам биографии или наследия великого поэта, занимаясь главным образом собиранием, осмыслением, публикацией новых материалов и подготавливая тем самым будущий качественный скачок в этой отрасли литературной науки. Подобный эмпиризм в исследовании наследия Пушкина оправдывался ограниченностью материала, введенного в научный оборот и к тому времени еще недостаточного для постановки крупных проблем, создания широких обобщений историко-литературного характера. Такое положение в пушкиноведении обусловило и особенности широко отмечавшегося в 1899 г. столетнего юбилея со дня рождения Пушкина, характер научно-организационных мероприятий, приуроченных к нему, и структуру самого пушкиноведения.¹

Собирание и изучение источников, поставленное в широких масштабах, требовало создания организационного центра, роль которого, конечно, не могли исполнять ни Отделение русского языка и словесности Академии наук, ни созданный в дни юбилея Разряд изящной словесности, ни пушкинские комиссии и общества, существовавшие либо открываемые в 1899 г. при разных литературных организациях и даже учебных заведениях. В программах своей деятельности все они были связаны с пушкиноведением, но ни одна из этих организаций не могла взять на себя роль музейно-источниковедческого учреждения, которое сосредоточило бы у себя неисчерпаемые пушкинские материалы и возглавило бы или взяло на себя

¹ Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. С. 89—90.

их соби́рание, систематизацию, изучение, публикацию. Русская наука и культура нуждались в специальном пушкиноведческом центре. Необходимость его была подтверждена юбилейными мероприятиями 1899 г. Замысел возник, идея уже существовала, но она еще не стала достоянием общественности. Продолжительные споры и обсуждения этой идеи начнутся несколько позже, после юбилея, в них она будет совершенствоваться и видоизменяться, постепенно приобретая формы и реальное содержание, необходимые для ее практического воплощения.

Создание Пушкинского Дома — сложный и длительный процесс, охватывающий без малого целое десятилетие. Долгое время он существовал лишь в разговорах и на бумаге — и это была его предыстория, которая до сих пор изучена далеко не полностью. Между тем период, предшествующий официальному утверждению Пушкинского Дома, значителен и важен для его последующего развития, потому что именно тогда формулировались те организационные и научные принципы, которые потом нашли свое отражение в Положении о Пушкинском Доме и на много лет предопределили характер и облик этого крупнейшего в стране музейно-источниковедческого, а позднее научного центра.

В последние годы XIX в. создались благоприятные условия для возникновения учреждения, посвященного памяти Пушкина. Его идея зародилась и была впервые высказана в недрах официальных органов, образованных Академией наук для подготовки и проведения юбилея и организации послеюбилейных мероприятий. Среди этих официальных органов прежде всего следует назвать Комиссию по устройству чествования столетия со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина. Она была создана при Академии наук 28 октября 1898 г. и утверждена под председательством ее президента вел. кн. Константина Константиновича, известного в истории литературы своими поэтическими произведениями, печатавшимися под псевдонимом К. Р.

В состав Комиссии кроме деятелей науки, искусства, культуры вошли представители тогдашней администрации и печати.² В Комиссию вошли многие выдающиеся представители русского общества того времени, но в целом ее состав был весьма умеренных настроений. Это объясняется тем обстоятельством, что руководство пушкинскими торжествами осуществлялось преимущественно официальными чиновниками, к тому же назначение членов Комиссии было сделано

² В Комиссии работали академики К. С. Веселовский, М. И. Сухомлинов, Ф. А. Бредихин, А. Ф. Бычков, А. Н. Веселовский, П. В. Никитин, А. Н. Пыпин, А. А. Шахматов, писатели, журналисты, государственные и общественные деятели Д. В. Григорович, К. К. Случевский, А. С. Суворин, С. Ю. Витте, М. М. Стасюлевич, А. Ф. Кони, П. Н. Исаков, композитор Н. А. Римский-Корсаков, представители Академии художеств, Министерства народного просвещения, С.-Петербургского университета, Александровского лицея. Непосредственное руководство работой Комиссии осуществляли вице-президент Академии наук академик Л. Н. Майков и непрменный секретарь академик Н. Ф. Дубровин. Полный состав Комиссии см. в кн.: Чествование памяти А. С. Пушкина императорскою Академией наук в сотую годовщину дня его рождения. Май 1899 г. СПб., 1900. С. 3—4.

по рекомендациям вел. кн. Константина Константиновича и, разумеется, должно было отражать интересы правящей верхушки.

Комиссия была по сути своей почетной и собиралась лишь три раза, главным образом для создания специальных органов, которые должны были взять на себя конкретные обязанности по организации и проведению юбилея.³ Останавливаться на деятельности Комиссии нет необходимости, следует лишь еще раз подчеркнуть, что именно с ее работой связаны первые мысли о создании Пушкинского Дома. Вот что 9 декабря 1898 г., вскоре после создания Комиссии, писал академику Л. Н. Майкову попечитель Оренбургского учебного округа И. Я. Ростовцев: «Нужно придумать такое учреждение, какого еще не было в России, и притом учреждение, в котором приняла бы участие вся грамотная Россия и которое наиболее соответствовало бы значению великого поэта. Мне кажется, что таким учреждением мог бы быть Одеон имени Пушкина. Это должно быть особое, вновь выстроенное здание в центральной местности Петербурга. Здесь могли бы происходить ежегодные состязания поэтов, которые излагали бы свои произведения перед лицом всего народа и увенчивались бы премиями. Здесь могли бы происходить представления драматических произведений Пушкина».⁴ Подобное, хотя и менее определенное, заявление сделал поэт К. К. Случевский, считавший, что весьма желательно «озаботиться об учреждении чего-либо такого, что в своей обособленности и цельности не только осталось бы непреходящею памятью празднования, но подлежало бы также и развитию».⁵ Такие предложения в 1899 г. привлекали внимание, вызвали сочувствие, однако все это лишь подтверждало желательность и необходимость создания специального учреждения, посвященного Пушкину, но еще не вело к серьезным обсуждениям и к их практической реализации.

Некоторые события юбилейных торжеств способствовали укреплению слагающегося мнения в общественном сознании, превращая в общих чертах намечавшуюся мысль о Пушкинском Доме в постоянные русское общества, ускоряя ее созревание и воплощение в жизнь. К таким событиям прежде всего следует отнести Пушкинскую выставку, организованную Академией наук, а также создание Комиссии по постройке памятника Пушкину в Петербурге. С этих событий юбилейного года начинается предыстория Пушкинского Дома. Они

³ Разработка программы юбилейных торжеств и ее реализация были поручены специально созданной подкомиссии во главе с президентом Академии наук. В нее вошли вице-президент академик Л. Н. Майков, непреременный секретарь Академии наук академик Н. Ф. Дубровин, академики А. Ф. Бычков, А. Н. Веселовский, А. Н. Пыпин, М. И. Сухолинов, А. А. Шахматов, а также товарищ министра народного просвещения Н. А. Зверев, вице-президент Академии художеств граф И. И. Толстой, директор императорских театров И. А. Всеволожский, почетный академик А. Ф. Кони, поэт и редактор «Правительственного вестника» К. К. Случевский, художник М. Я. Виллие, композитор Н. А. Римский-Корсаков, педагог и литератор В. П. Острогорский, председатель Комитета литературных и художественных обществ П. Н. Исаков.

⁴ 50 лет Пушкинского Дома. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 6.

⁵ Там же.

проясняют некоторые моменты, связанные с зарождением самой идеи посвященного Пушкину учреждения, с восприятием ее русской научной и литературной общественностью.

Пушкинская выставка была открыта в Большом конференц-зале Академии наук с 15 по 26 мая 1899 г. Руководителем всех подготовительных работ был вице-президент Академии наук академик Л. Н. Майков, непосредственным организатором и фактическим распорядителем выставки — приглашенный в апреле 1899 г. для работы в Академии наук Б. Л. Модзалевский. На выставку были собраны принадлежавшие частным лицам и учреждениям многочисленные материалы о Пушкине — документальные, книжные, иконографические, мемориальные. Это было первое столь представительное и богатое собрание реликвий, посвященных Пушкину.⁶ Когда весь этот «громадный и до того времени рассеянный по ряду лиц и учреждений материал был с большим трудом собран воедино, — вспоминает свидетель и будущий хранитель Пушкинского Дома М. Д. Беляев, — получилась яркая и красочная картина жизни и деятельности Пушкина, дававшая весьма много и ученому специалисту, и просто рядовому почитателю поэта (<...> Естественно, что у устроителей тогда же явилась мысль о том, чтобы так или иначе сохранить весь этот ценный материал, который был собран воедино, помешать ему вновь распылиться и понемногу погибнуть, однако сразу этого сделать не удалось, — и по закрытии выставки экспонаты вновь разошлись по рукам».⁷

Утверждению мысли о необходимости создания специального пушкиноведческого центра во многом способствовала Комиссия по изданию сочинений Пушкина.⁸ Разыскания, произведенные в процессе подготовки академического издания сочинений Пушкина, первые пушкиноведческие исследования, с этим изданием связанные, также настоятельно подводили к уже высказанной в общих чертах мысли о необходимости учреждения в русской науке центра, занимающегося изучением пушкинского наследия и литературы его эпохи. Как отмечает Н. В. Измайлов, тот факт, что Пушкинский Дом сложился, не дожидаясь «осуществления первоначальной идеи дома-памятника, свидетельствует о настоятельной жизненной потребности в создании этого учреждения. Комиссия по изданию сочинений Пушкина в своей работе столкнулась с многочисленными, выдвигавшимися самой жизнью научными и практическими зада-

⁶ Пушкинское собрание, представленное на выставке, оказалось столь значительным, что устроителям пришлось задуматься о научном оформлении ее итогов. В том же 1899 г. был выпущен в свет составленный Б. Л. Модзалевским «Каталог Пушкинской юбилейной выставки в императорской Академии наук» (с позднее изданным «Дополнением к Каталогу»). Самым же значительным и до сих пор сохраняющим не только художественное, но и научное значение результатом этой выставки явился «Альбом Пушкинской юбилейной выставки в императорской Академии наук», в 1900 г. изданный К. А. Фишером под редакцией Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевского.

⁷ Пушкинский Дом при Российской Академии наук: Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924. С. 7—8.

⁸ Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 3—4.

чами, которые выходили за пределы ее компетенции и превышали ее возможности материального и штатного порядка. Эти функции принял на себя Пушкинский Дом».⁹

Если Пушкинская выставка и Пушкинская комиссия подсказали форму и содержание будущего учреждения, то Комиссия по постройке памятника Пушкину в Петербурге стала со временем тем рабочим органом, который занимался организацией Пушкинского Дома и в течение ряда лет руководил его деятельностью. Она была создана 30 марта 1899 г. и 20 апреля утверждена при Академии наук в качестве «особой Комиссии для сооружения памятника Пушкину».¹⁰ В нее при председательстве президента Академии наук вошли вице-президент академик Л. Н. Майков, непререкаемый секретарь академик Н. Ф. Дубровин, а также граф И. И. Толстой, М. Я. Виллие, П. И. Исаков, А. П. Саломон, А. Н. Веселовский, П. И. Лелянов, Н. В. Султанов. На Комиссию «был возложен сбор по добровольной подписке средств на сооружение памятника Пушкину, принятие мер к выработке проектов памятника и, наконец, постройка такового».¹¹

Мысль о памятнике Пушкину в Петербурге возникла и стала предметом обсуждения одновременно с созданием юбилейной комиссии в конце 1898 г. «Неужели Пушкин не заслужил более почетного места, более соответствующих размеров? — писал профессор Академии художеств М. Я. Виллие, имея в виду более чем скромную скульптуру поэта на Пушкинской улице, представляющую собой уменьшенную модель московского памятника работы А. М. Опекушина. — Фигура эта недостойна поэта, недостойна и столицы (<...> Поставьте певца на видное, достойное его место, в соседстве воспетого им Медного всадника, например, в саду Адмиралтейской набережной, лицом к реке...».¹² Несмотря на кажущуюся бесспорность, вопрос о возможности сооружения памятника был решен далеко не сразу. Дело в том, что 10 января 1899 г. на заседании юбилейной комиссии ее член министр финансов С. Ю. Витте высказался против организации добровольной подписки на памятник, потому что на собранные по подписке деньги уже был поставлен памятник в Москве. Однако выступление С. Ю. Витте не могло охладить желания видеть в Петербурге значительный и достойный памятник Пушкину, хотя на какое-то время вопрос о памятнике с повестки дня был все же снят и даже не попал в программу юбилейных мероприятий. Вновь заговорили о памятнике после заявления Соединенного комитета литературных и художественных обществ, обратившегося с просьбой разрешить ему сбор средств, проектирование и постройку памятника.¹³ Положиться в осуществлении этого замысла на общественность, которую представлял собою названный Комитет, правительство не решилось, в результате чего при Академии наук и появилась еще одна комиссия,

⁹ 50 лет Пушкинского Дома. С. 59.

¹⁰ Чествование памяти А. С. Пушкина... С. 9.

¹¹ Пушкинский Дом при Российской Академии наук... С. 7.

¹² ИРЛИ, ф. 244, оп. 26, № 6, л. 46.

¹³ Там же, л. 47.

возглавляемая ее президентом. Именно она, первое время фактически управляемая академиком Н. Ф. Дубровиным, несколько лет спустя выработала свое представление о памятнике великому поэту, в котором должны были сочетаться памятник как скульптурное изображение Пушкина и специальное учреждение, ему посвященное.

Кто впервые высказал мысль о необходимости создания музея или специального учреждения, посвященного Пушкину, сейчас определить невозможно, но несомненно одно: слово это было сказано в связи с юбилеем 1899 г., непосредственно с ним связано, а несколькими годами позже эта идея была включена в общее представление о памятнике поэту и стала предметом обсуждения соответствующей комиссии. В самых общих чертах идея прозвучала в приведенных выше предложениях И. Я. Ростовцева и К. К. Случевского, относящихся к юбилейным дням 1899 г., но это были частные высказывания, хотя и выражавшие широкое общественное мнение. Первые же практические шаги в этом отношении были сделаны пять-шесть лет спустя. К этому времени скончался управляющий Комиссией академик Н. Ф. Дубровин (12 июня 1904 г.). После его смерти Комиссию возглавил новый неперемный секретарь Академии наук академик С. Ф. Ольденбург. В этой должности он был утвержден президентом Академии наук 10 ноября 1904 г.¹⁴ В своей статье о первых шагах Пушкинского Дома Е. П. Казанович отмечает, что «с новым управлением начался и новый период в деятельности Комиссии».¹⁵ Действительно, С. Ф. Ольденбург всемерно поддерживал зародившуюся мысль о создании Пушкинского Дома и всячески способствовал ее осуществлению. Назначение его управляющим делами Комиссии во многом способствовало благоприятному решению вопроса об учреждении Пушкинского Дома. Именно с его приходом мысль о памятнике Пушкину была поставлена в связь с предложением о создании специального учреждения, посвященного поэту.

К началу 1905 г. Комиссия уже проделала большую работу.¹⁶ Была объявлена подписка на памятник и собрано 110 тысяч рублей, выбрано место для установки памятника — на новой набережной (от Троицкого до Сампсониевского моста), которую предлагалось наименовать Пушкинскою. Однако последнее намерение Комиссии осуществлено не было. Городская дума с этим предложением не согласилась и наименовала ее Набережной императора Петра Великого.

Таким образом, к началу обсуждения проекта будущего Пушкинского Дома Комиссия располагала значительной суммой собранных средств, поддерживала широкие связи с литературно-театральной общественностью, которая своими вечерами, постановками, концер-

¹⁴ Там же, № 342, л. 7. — Одновременно с назначением С. Ф. Ольденбурга, в ноябре 1904 г., в Комиссию был приглашен археолог, историк византийского и древнерусского искусства академик Н. П. Кондаков.

¹⁵ Временник Пушкинского Дома. 1913. СПб., 1914. С. XI.

¹⁶ Обстоятельства возникновения, состав, характеристика деятельности, финансовое положение Комиссии изложены в кратком отчете, подводящем итоги ее работы на 9 февраля 1905 г. (ИРЛИ, ф. 244, оп. 26, № 342, л. 15—16).

тами способствовала пополнению ее денежного фонда. В Петербурге и Москве ежегодно ставились спектакли в Маринском и Большом театрах, посвященные Пушкину, сбор с которых шел на усиление средств Комиссии. В этих спектаклях участвовали, как правило, лучшие артистические силы. Кроме того, Комиссия обратилась ко всем литературным и художественным обществам, во множестве существовавшим во всех городах и губерниях России, с предложением проводить вечера, спектакли, концерты для поддержания средств Комиссии. Это принесло еще 13 тысяч рублей. И, казалось бы, Комиссия могла уже приступить к разработке проекта памятника, но отказ Городской думы установить памятник в избранном Комиссией месте и возникшие предложения о своеобразном пушкинском комплексе, включающем посвященную поэту музейно-научное учреждение и памятник, приостановили реализацию первоначального замысла, направив деятельность Комиссии по новому руслу, приведшему к результатам, при ее организации не предполагавшимся.

Первый практический шаг, повлекший за собою обсуждение проекта, а затем и учреждение Пушкинского Дома, был сделан 7 мая 1905 г. В этот день С. Ф. Ольденбург обратился ко всем членам Комиссии с письмом, в котором поставил их в известность, что секретарь Пушкинского лицейского общества и член Комиссии по изданию сочинений Пушкина П. Е. Рейнбот «возбудил вопрос, не будет ли желательнее соорудить памятник А. С. Пушкину не в виде статуи, а в виде постройки особого музея. В музее этом, которому должно быть присвоено имя Пушкина как родоначальника нашей изящной литературы, будет сосредоточено все, что касается наших выдающихся художников слова, как-то: рукописи, вещи, издания сочинений и т. п.»¹⁷ Так было сформулировано первое предложение о создании будущего Пушкинского Дома, передаваемое на официальное обсуждение.

Обращение С. Ф. Ольденбурга к членам Комиссии явилось, видимо, поводом и для постановки вопроса о характере памятника Пушкину в печати. Разделяя мнение П. Е. Рейнбота и размышляя о будущем пушкинском музее, известный литературовед Н. Лернер 14 мая 1905 г. писал: «В нем должно быть собрано все, что говорит о Пушкине: его рукописи, книги, вещи, литература о нем, его портреты и проч. Если бы устроился такой музей, да еще соединенный с просветительным учреждением (вроде, например, народного университета), туда, быть может, не пожалели бы отдать свои сокровища и Публичная библиотека, и Московский Румянцевский музей, владеющие рукописями Пушкина, и Академия наук, и Александровский лицей, владеющий небольшим пушкинским собранием, и частные

¹⁷ ИРЛИ, ф. 244, оп. 26, № 342, л. 26. — Не предполагая в ближайшее время собирать Комиссию, С. Ф. Ольденбург просил ее членов высказать свое мнение «командированному с настоящим письмом чиновнику особых поручений Академии и делопроизводителю Комиссии В. А. Рышкову». Путем такого опроса он предполагал выяснить «степень желательности увековечения памяти нашего гениального поэта не только в виде статуи, но и в виде грандиозного просветительного учреждения, вполне подходящего к великому имени Пушкина».

коллекционеры-любители, вроде П. Я. Дашкова».¹⁸ Выступления в печати, а также проведенный опрос членов Комиссии подтвердили доброжелательное отношение к высказанному предложению и подготовили почву для его обсуждения, которое состоялось 15 декабря 1905 г. На этом заседании «в принципе было решено создание Пушкинского Дома».¹⁹ Завершилась предыстория Пушкинского Дома, охватывающая более шести лет и характеризующаяся постепенным вызреванием мысли, зародившейся во время пушкинских торжеств. 15 декабря следует считать днем основания Пушкинского Дома, когда он вступил в пору своего исторического существования.

Решение о создании Пушкинского Дома сопровождалось обсуждением финансового вопроса: уже тогда было ясно, что на субсидирование этого учреждения со стороны правительства надеяться не приходится. Учитывая это обстоятельство, Комиссия на том же заседании постановила «прекратить подписку на памятник, для которого собранная сумма (112 691 р. 78 ¹/₂ к) могла считаться достаточной, и последующую подписку продолжать уже в целях построения музея», т. е. имеющиеся деньги полностью употребить на памятник, а все вновь собранные ассигновать на строительство учреждаемого музея.²⁰

Утвердив общую идею будущего учреждения-музея и поручив составление проекта Положения о нем Б. Л. Модзалевскому и В. А. Рышкову, Комиссия занялась организацией средств, необходимых для сооружения задуманного пушкинского комплекса. И хотя финансовые дела не определяют существа создававшегося музея, сказать несколько слов о механике сбора средств необходимо, потому что сам этот процесс включал в себя творческий момент, был будителем творческой энергии в широких слоях русской интеллигенции. Вот что мы читаем в специальном сообщении Комиссии о сборе средств на сооружение Пушкинского Дома: «Комиссия не считала себя вправе ограничивать свою деятельность по сбору пожертвований и по распространению идеи создания Пушкинского Дома только столицами: она считала безусловно необходимым, чтобы в сооружении Дома принимала участие вся Россия. Поэтому в заседании своем 28 февраля 1907 г. она признала желательным довести о целях своих до сведения всех заинтересованных лиц и учреждений и с помощью их устроить по возможности во всех русских литературных, драматических и музыкальных обществах, собраниях и кружках, в годовщины дней рождения и кончины классиков русской литературы, спектакли из их произведений или соответственные концерты, чтения и т. п. с обращением дохода от них на усиление средств комиссии».²¹ Комиссия собрала сведения

¹⁸ Лернер Н. «Дом Пушкина» на Мойке // Биржевые ведомости. 1905. 14 мая. № 8822.

¹⁹ От высочайше утвержденной Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге (ИРЛИ, ф. 244, оп. 26, № 343, л. 280).

²⁰ Временник Пушкинского Дома. 1913. С. XI.

²¹ От высочайше утвержденной Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге. Л. 280.

о всех существовавших в России обществах, собраниях, кружках и о их председателях. Эти сведения дали возможность разослать 235 приглашений к устройству спектаклей, чтений, вечеров, сбор с которых должен был поступать на учреждение Пушкинского Дома в Петербурге. Это принесло, конечно, некоторые дополнения к ранее собранным суммам, но дополнения очень скромные. Как свидетельствует Е. П. Казанович, к 1913 г. сумма денежных пожертвований возросла до 146 тысяч, т. е. на сооружение Пушкинского Дома за шесть лет удалось собрать только 33 тысячи рублей, что, конечно, не вселяло никаких надежд на сооружение специального здания, да еще в центре Петербурга.²²

Вслед за финансовыми вопросами 15 декабря 1905 г. Комиссия детализировала некоторые моменты рассматриваемого проекта. Например, она решила, что «единственным безусловно подходящим местом для памятника является угол Каменноостровского проспекта и набережной Петра Великого. Вместе с тем было решено поставить в связь с памятником здание декоративного характера, в котором мог бы поместиться Пушкинский музей, библиотека и другие научно-литературные учреждения, относящиеся к пушкинскому и послепушкинскому периоду русской литературы».²³ Однако 5 февраля 1906 г. стало известно из газет, что С.-Петербургская городская управа «не нашла возможным согласиться с мнением (...) относительно предоставления Комиссии под постройку памятника и здания декоративного характера принадлежащего городу участка на углу Каменноостровского проспекта и набережной Петра Великого».²⁴ Обращение делопроизводителя Комиссии В. А. Рышкова к членам управы результатов, судя по всему, не принесло. Самое первое обращение к замыслу, как свидетельствует газетная информация, внесло в него значительные коррективы, направленные на его расширение. Вместо предложенного музея, посвященного только Пушкину, Комиссия учреждает музейно-источниковедческий центр, в котором уже на этом этапе просматривается идея будущего историко-литературного института. Это подтверждает в своих воспоминаниях и Е. П. Казанович, которая отмечает, что в процессе разработки «мысль о Пушкинском музее приняла вид широкой программы „Дома имени Пушкина“ — своего рода литературного мавзолея, в котором могли бы храниться реликвии не только Пушкина, но и других деятелей русской словесности XIX века».²⁵ М. Д. Беляев идет еще дальше. Он считает, что Пушкинский Дом «восприял свое бытие в ряду прочих академических учреждений в качестве института истории новой русской литературы».²⁶

Решение о создании Пушкинского Дома было принято, но пока еще не было четкого представления о его структуре, профиле занятий, перспективах его собирательской или научной деятельности.

²² Временник Пушкинского Дома. 1913. С. XVII.

²³ Петербургская газета. 1905. 30 дек. № 332.

²⁴ ИРЛИ, ф. 244, оп. 26, № 342, л. 98.

²⁵ Временник Пушкинского Дома. 1913. С. XI.

²⁶ Пушкинский Дом при Российской Академии наук... С. 10—11.

Необходимо было Положение о Пушкинском Доме, строго регламентирующее его права по сравнению с другими научными учреждениями, в том числе академическими, а также устанавливающее его структуру, юридический и финансовый статус. Проект такого Положения, как уже было сказано, разработали Б. Л. Модзалевский и В. А. Рышков и существенно поправили члены Комиссии еще до официального его обсуждения и утверждения. Обсуждение этого Положения состоялось на двух заседаниях Комиссии (22 сентября 1906 г. и 28 февраля 1907 г.), проходивших в Мраморном дворце под председательством президента Академии наук и председателя Комиссии К. К. Романова.²⁷ По результатам первого обсуждения в проект были внесены исправления и дополнения, и он был утвержден на заседании 28 февраля 1907 г. На этом заседании присутствовали президент Академии наук К. К. Романов, председатель Союза литературных и художественных обществ П. Н. Исаков, министр народного просвещения П. М. фон Кауфман, академики Н. П. Кондаков, П. В. Никитин, непрменный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург, секретарь Пушкинского лицейского общества П. Е. Рейнбот, Н. А. Резцов, директор Александровского лицея А. П. Саломон, Н. В. Султанов, управляющий собственной его императорского величества Канцелярии гофмейстер А. С. Танеев, академик А. А. Шахматов, делопроизводитель Комиссии В. А. Рышков. Однако в обсуждении проекта — а он обсуждался последним, седьмым вопросом — участие приняли далеко не все члены Комиссии. Обсуждение в основном свелось к частному вопросу об отношении вновь создаваемого учреждения к Пушкинскому собранию Лицейского общества, в результате все пришли к единому мнению о желательности их объединения. Если бы Пушкинское общество, говорил фон Кауфман, «было бы привлечено для совместной работы с Пушкинским Домом, то оно <...> вероятно, пожелало бы поместить свое собрание в Пушкинский Дом, ибо собрание это предназначается прежде всего для научного пользования им, для каковой цели Пушкинский Дом будет более подходящим, чем Лицей». П. М. фон Кауфман предложил уполномочить его и П. Е. Рейнбота «войти с предложением в Пушкинское лицейское общество о передаче его собрания в Пушкинский Дом и просить А. П. Саломона доложить его дело в Совете императорского Александровского лицея». Затем было произведено постатейное голосование проекта, причем по предложению А. П. Саломона было решено изменить название «Дом Пушкина» на «Пушкинский Дом». Таким образом, существующее и поныне название было произнесено впервые 28 февраля 1907 г. и навсегда включено в историю нашей литературной науки по предложению директора Александровского лицея А. П. Саломона.²⁸ Некоторая односторонность обсуждения объясняется тем обстоятельством, что проект в подробностях был обсужден и отредактирован

²⁷ ИРЛИ, ф. 244, оп. 26, № 342, л. 205, 339, 341.

²⁸ См.: Протокол заседания Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге от 28 февраля 1907 г. (ИРЛИ, ф. 244, оп. 29, № 15).

Положение о Пушкинском Доме.

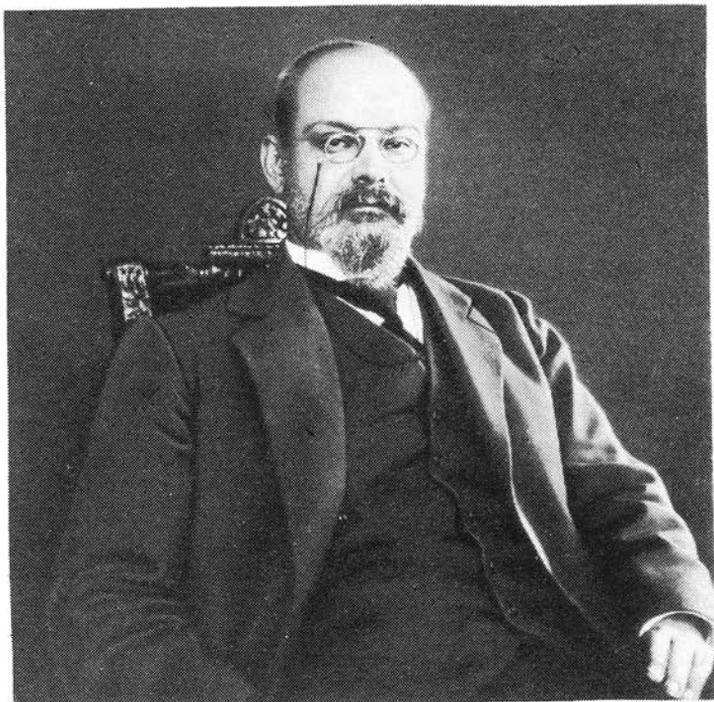
1. Пушкинский Дом учреждается (в самостоятельную память) восточнорусском поэт Александр Сергеевич Пушкин, для собрания всего, что касается Пушкина, какъ писателя и человека.
2. Пушкинский Дом назначается также для хранения всего, что касается жизни и деятельности Пушкина.
3. Собрание, принадлежащее учреждению, состоитъ изъ частей, могутъ поступать въ Пушкинский Домъ, оста- вать ихъ собственностию.
4. Пушкинский Домъ составляетъ государственное достояние и находится въ ведении Императорской Академии Наукъ.
5. Завѣдывание Пушкинскимъ Домомъ въ наукомъ, хозяй- ственномъ и административномъ отношеніяхъ возлагается на Собрание.
6. Собрание, подъ председательствомъ Президента Импера- торской Академии Наукъ, состоитъ изъ:
 - а) Почетныхъ членовъ Пушкинскаго Дома.
 - б) Представителей Императорской Академии Наукъ, избираемыхъ Общимъ Собраниемъ Ковенцими на три года.
 - в) Представителей Отдѣленія Русскаго языка и словес- ности Императорской Академии Наукъ, избира- емыхъ на три года.
 - г) Представителя Рязанскаго университета, избира- емыхъ на три года.

еще в сентябре 1906 г. и на этом заседании производилось лишь его официальное утверждение накануне представления документа в Министерство народного просвещения и в Совет министров. Эти инстанции приняли Положение о Пушкинском Доме без особых возражений, потому что учреждение Пушкинского Дома не требовало дополнительных финансовых вложений. Это подчеркнул в своем решении министр народного просвещения П. М. фон Кауфман, тот самый, который на заседании Комиссии выступал с предложением об объединении Пушкинского Дома и Пушкинского лицейского общества. В постановлении, им подписанном, говорится: «Усматривая, что действие Положения о Пушкинском Доме не связано ни с какими новыми для казны расходами, а также, что лицам, входящим в состав Совета и Комитета сего учреждения, не испрашивается никаких служебных прав и преимуществ, я не встречаю препятствий к удовлетворению изъясненного ходатайства Его Императорского Высочества и, полагая, что учреждением Пушкинского Дома достойно будет почтена память о великом русском поэте, об изложенном имею честь представить на благоусмотрение Совета Министров».²⁹

Утвержденное 14 июля 1907 г. Положение о Пушкинском Доме дало основание для развертывания работ по осуществлению намеченных планов, хотя, как будет сказано несколько ниже, работы эти начались задолго до утверждения этого Положения. Основные пункты Положения определяли структуру и задачи Пушкинского Дома, созданного в память великого русского поэта и предназначенного для собирания всего, что касается Пушкина-поэта и Пушкина-человека. В последующих пунктах Положения устанавливалось место Пушкинского Дома в Академии наук, система его управления, источники финансирования, порядок избрания почетных членов и членов-сотрудников, а также устанавливался день памяти Пушкина и других русских писателей — 29 января, когда произносились памятные речи и читался годовой отчет Пушкинского Дома. Управление Пушкинским Домом, в соответствии с Положением, сосредоточивалось в двух органах, первый из которых назывался Советом и, находясь под председательством президента Академии наук, по сути дела являлся почетным, второй, именуемый Комитетом и состоящий из председателя, трех членов, ученого секретаря Пушкинского Дома и хранителей его отделений, избирался Советом и должен был управлять Пушкинским Домом.

Таким образом, в Положении достаточно определенно устанавливалась сфера собирательской деятельности Пушкинского Дома (Пушкин и русская классическая литература), определялись его роль и место в академической среде, устанавливались функции и права его руководящих органов. Правда, сразу же следует отметить, что руководящие органы Пушкинского Дома в том виде, в каком они определялись Положением, никогда не формировались: не был составлен Совет Пушкинского Дома, не выбирался его

²⁹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 29, № 1.

Академик Н. А. Котляревский — один из основателей
и первый директор Пушкинского Дома.

Комитет, никогда не избирались почетные члены и члены-сотрудники. Деятельностью Пушкинского Дома на первоначальном этапе его существования руководила учредившая его Комиссия по постройке памятника Пушкину в Петербурге в лице ее управляющего С. Ф. Ольденбурга и ее членов Б. Л. Модзалевского и В. А. Рышкова.³⁰

Для дальнейшего устройства Пушкинского Дома Комиссия по постройке памятника Пушкину в Петербурге избрала из своей среды особую подкомиссию. В ее состав вошли академики С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов, Н. А. Котляревский, а также М. П. Боткин, М. Я. Виллие, П. Н. Исаков, П. Е. Рейнбот, Б. Л. Модзалевский, В. А. Рышков.

Непосредственными помощниками С. Ф. Ольденбурга при организации Пушкинского Дома стали Б. Л. Модзалевский и В. А. Рышков. Если деятельность Б. Л. Модзалевского в этом отношении

³⁰ В 1909 г., уезжая в длительную зарубежную командировку, С. Ф. Ольденбург, очень много сделавший для реализации идеи Пушкинского Дома, сложил с себя обязанности управляющего. На эту должность 10 июня 1910 г. был назначен академик Нестор Александрович Котляревский, руководивший Пушкинским Домом сначала на правах управляющего делами Комиссии по постройке памятника Пушкину в Петербурге, а потом директора (до самой своей смерти 12 мая 1925 г.).

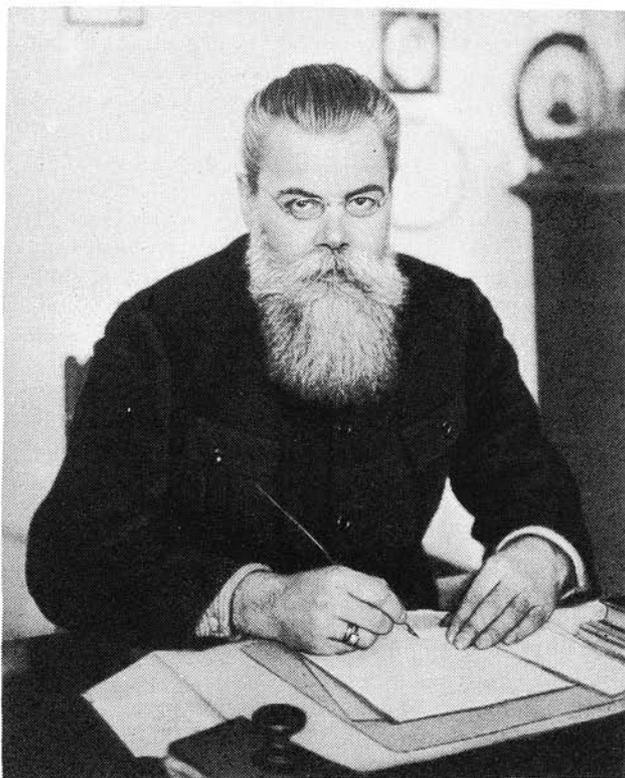
хорошо известна и впоследствии отмечена его избранием в члены-корреспонденты Академии наук СССР, то имя Владимира Александровича Рышкова (1865—1938) сейчас совершенно забыто и в связи с историей создания Пушкинского Дома даже не вспоминается. Между тем на первоначальном этапе этой истории В. А. Рышков был одним из главных действующих лиц. Он оставил в ней свой заметный след и сохранил для будущих поколений мельчайшие события этого сложного и знаменательного для русской литературной науки процесса.

В. А. Рышков был в центре литературной жизни своего времени. Хорошее знание литературной среды и обширные знакомства, связывавшие его со многими деятелями русской литературы, культуры, искусства, возможно, и подсказали руководству Академии наук мысль о привлечении его к работе в Комиссии по постройке памятника Пушкину в Петербурге в качестве ее делопроизводителя. Эта второстепенная, казалось бы, должность требовала больших знаний, энергии, умения ориентироваться в сложных процессах, в это время в русской культурной жизни совершавшихся. И В. А. Рышков, обладая этими качествами, на протяжении целого десятилетия успешно вел дела Комиссии, в 1905—1910 гг. приняв самое деятельное участие в организации Пушкинского Дома, разрабатывая вместе с Б. Л. Модзалевским его Положение, изыскивая необходимые средства, ведя переговоры о первых приобретениях рукописей, книг, изобразительных материалов. Важнейшее значение имеет составленный В. А. Рышковым дневник деятельности Комиссии по постройке памятника Пушкину в Петербурге, многие страницы которого посвящены истории создания Пушкинского Дома.³¹

Вновь созданная подкомиссия в своих заседаниях 16 и 23 марта 1909 г. обсудила вопрос о строительстве здания для Пушкинского Дома, его внешнем и внутреннем облике. Подкомиссия признала желательным, чтобы Пушкинский Дом «в основных своих чертах представлял собою двухэтажное здание, в стиле Empire, длиною по фасаду 48 сажен и шириною 12 сажен. При этом в верхнем этаже должны помешаться 10 зал для коллекций Дома, а в нижнем этаже — один большой зал, предназначенный для публичных заседаний, литературных лекций, собраний и т. п., два зала для выставок, кабинеты для занятий научного персонала и затем служба. Подкомиссия нашла нужным просить профессоров — руководителей императорской Академии художеств о том, чтобы при задании архитектурных тем для конкурса было предложено разработать проект Пушкинского Дома».³² Просьба эта была исполнена в 1910 г. учениками мастерской профессора Л. Н. Бенуа в Высшем художественном училище при императорской Академии художеств.

³¹ Архив В. А. Рышкова, содержащий материалы по истории Пушкинского Дома, в настоящее время хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Некоторые материалы этого архива собраны в ЦГАЛИ (ф. 1145) и Государственном центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина (ф. 236).

³² Временник Пушкинского Дома. 1913. С. XIV—XV.

Б. Л. Модзалевский — один из основателей и ученый хранитель Пушкинского Дома.

В работе над эскизами Пушкинского Дома принимали участие Ф. М. Плюцинский, М. Г. Шилянский, М. Ф. Львов, А. М. Рухлядев и др. Составленные ими проекты вместе с другими ученическими работами демонстрировались на отчетной выставке 1910 г. в залах Академии художеств. К сожалению, эти проекты не сохранились, и мы можем судить о первоначальных замыслах памятника-музея лишь по приведенным свидетельствам, основанным на кратких протоколах заседаний подкомиссии по организации Пушкинского Дома да по переписке руководства названной подкомиссии с Академией художеств.³³

Деятельность созданной подкомиссии продолжалась недолго. Собравшись несколько раз, она фактически прекратила свое существование, полностью уступив свои функции действительному осуществлявшему руководство Пушкинским Домом в то время Н. А. Котляревскому, Б. Л. Модзалевскому и В. А. Рышкову. Это подтверждает

³³ Дело «По проекту Пушкинского Дома и памятника Пушкину» хранится в ЦГИА СССР в Ленинграде (ф. 789, оп. 13, № 73).

и Е. П. Казанович, которая пишет, что на обсуждении проекта постройки Пушкинского Дома «деятельность подкомиссии остановилась. Остальная же работа, как-то: собирание средств и музейных материалов продолжала по-прежнему находиться в руках управляющего делами, делопроизводителя В. А. Рышкова и члена Комиссии Б. Л. Модзалевского».³⁴

Собирание материалов, впоследствии вошедших в богатейшие коллекции Пушкинского Дома, началось задолго до его официального утверждения. Еще в юбилейном 1899 г. вице-президент Академии наук академик Л. Н. Майков, редактировавший академическое собрание сочинений Пушкина, предпринял первые шаги, направленные на приобретение в собственность Академии наук личной библиотеки Пушкина. Тогда эта библиотека хранилась в сельце Ивановском Бронницкого уезда Московской губернии, в имении внука поэта Александра Александровича Пушкина. Вступив с ним в переписку, Л. Н. Майков в апреле 1900 г. уже получил разрешение на командирование Б. Л. Модзалевского для осмотра и перевозки библиотеки в Петербург. Неожиданная смерть Л. Н. Майкова (7 апреля 1900 г.) чуть было не сорвала налаженное дело, но благодаря поддержке Отделения русского языка и словесности поездка Б. Л. Модзалевского состоялась и принесла самые благоприятные результаты. Вот что пишет по этому поводу сам Б. Л. Модзалевский: «Приехав в сельцо Ивановское в сентябре 1900 г., я встретил со стороны А. А. Пушкина самый радушный прием и полное содействие выполнению моей задачи. Библиотека оказалась в довольно плачевном состоянии: многие книги были попорчены сыростью и мышами, многие были помяты или растрепаны; спешно она была разобрана <...> уложена в 35 ящиков и отправлена до станции Бронницы на подводах, а затем — по железной дороге. В Петербург книги были доставлены 1-го октября и временно помещены в одной из комнат Славянского отделения Библиотеки Академии наук, где и производилось затем постепенное их описание. Таким образом, библиотека Пушкина, свыше 60 лет странствовавшая с места на место и подвергавшаяся всевозможным случайностям, снова, хотя, конечно, и не в полном виде, вернулась в Петербург, — на этот раз уж навсегда».³⁵ Библиотека была привезена в Петербург, но еще не куплена Академией наук. В начале 1905 г. переговоры о приобретении ее в собственность Академии наук возобновились. 17 февраля 1905 г. внук поэта А. А. Пушкин сообщил С. Ф. Ольденбургу о своем желании продать библиотеку, чтобы она «не перешла бы в частные руки, а была бы приобретена Академией за сумму в восемнадцать тысяч рублей».³⁶ Приобретение этой библиотеки непосредственно связывалось с проектом создания Пушкинского Дома. Об этом

³⁴ Временник Пушкинского Дома. 1913. С. XV.

³⁵ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. (Библиографическое описание) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9—10. С. XI—XII.

³⁶ ИРЛИ, ф. 244, оп. 26, № 342, л. 96.

Библиотека Пушкина в Рукописном отделе.

свидетельствует сохранившийся черновик письма В. А. Рышкова к гр. И. И. Толстому от 23 февраля 1906 г.: «Библиотека эта, как выяснилось из работы по ее описанию, представляет несомненное значение в смысле чисто научном, служа показателем литературных интересов поэта, заключаая в себе подбор книг (в количестве до 4 тысяч томов), свидетельствующий о тщательности и глубине изучения занимавших его вопросов, зачастую с собственноручными его заметками; в полном своем составе она драгоценна даже по одному тому, что принадлежала нашему величайшему поэту. Значение библиотеки, таким образом, усугубляется и теми воспоминаниями, которые связываются с именем поэта, каждая черта, каждый след которого должен быть дорог всякому русскому человеку. Прочное обеспечение дальнейшей судьбы библиотеки не может не представлять живейшего интереса для императорской Академии наук, особенно ввиду того, что состоящая при ней высочайше учрежденная

Комиссия по постройке памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге, в заседании своем 15 декабря минувшего года, решив окончательно вопрос о месте для самого памятника, как вам не безызвестно, пришла к заключению о необходимости поставить в связь с ним здание декоративного характера, в котором мог бы поместиться Пушкинский музей, библиотека и другие научно-литературные учреждения, относящиеся к пушкинскому и послепушкинскому периоду русской литературы. Приобретение библиотеки поэта в собственность музея явилось бы драгоценным для него основанием, вполне достойным великого имени Пушкина, и, обеспечив, с одной стороны, дальнейшую судьбу этого ценного собрания, с другой стороны, помогло бы внуку поэта выйти из того затруднительного положения, в которое он был введен, между прочим, и как помещик, тяжелыми современными обстоятельствами, и дало бы ему сознание, что, несмотря на это и на полученные им, по сообщению его поверенного, от заграничных книготорговцев выгодные предложения, библиотека его деда останется навсегда достоянием русского общества».³⁷

Переговоры о приобретении библиотеки Пушкина успешно завершились: 21 апреля 1906 г. решением правительства были выделены необходимые средства для ее покупки, и библиотека, став собственностью Академии наук, легла в основание фондов Пушкинского Дома, «по сооружении которого и должна войти в его будущие собрания».³⁸ Современники рассматривали этот факт как символ и залог несомненного успеха создаваемого музея. Приобретение библиотеки Пушкина свидетельствовало о том, что еще до утверждения в правительстве Пушкинский Дом получил свое признание и на практике начал осуществлять свои функции.

Придя к управлению делами, Н. А. Котляревский прежде всего «поставил себе задачей (<...> приведение в порядок накопленного его предшественниками имущества».³⁹ А приводить в порядок уже было что. Помимо библиотеки Пушкина, описание которой к этому времени было закончено Модзалевским, Пушкинский Дом располагал уже значительными фондами, и приток новых поступлений не прекращался.

«Еще до высочайшего утверждения Положения, — отмечает Е. П. Казанович, — начали притекать пожертвования, состоявшие — кроме денег — главным образом из бумаг, писем, портретов, рукописей, книг и прочих музейных предметов. Они складывались по мере накопления в ящики, запечатывались и хранились в стенах Академии до более благоприятного времени».⁴⁰ Достаточно взглянуть на хранящиеся сейчас в Рукописном отделе Пушкинского Дома обширные тома, заключающие переписку по комплектованию фондов, чтобы составить представление о количестве вновь поступавших тогда материалов.

³⁷ Там же, л. 100.

³⁸ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. XV.

³⁹ Временник Пушкинского Дома. 1913. С. XV.

⁴⁰ Там же. С. XIV.

Первыми частными пожертвованиями, поступившими в Пушкинский Дом, стали портрет А. П. Керн и ее скамеечка, на которой сидел Пушкин, подаренные внучкой А. П. Керн — А. А. Кулжинской, а также переданные П. П. Гнедичем два портрета поэта и переводчика Н. И. Гнедича (один работы Кипренского). Поток частных пожертвований, то усиливаясь, то ослабевая, продолжал приносить все новые и новые документы, автографы, портреты, книги в формирующиеся и быстро растущие фонды Пушкинского Дома. Среди лиц, в 1906—1910 гг. передавших Пушкинскому Дому принадлежащие им реликвии, писатели и потомки писателей, ученые, художники, государственные деятели. Среди них мы находим знакомые нам имена А. А. Бахрушина, А. Ф. Кони, А. Ф. Онегина, Н. К. Пиксанова, Н. А. Котляревского, Д. В. Ульянинского, И. Л. Леонтьева-Шеглова, Б. Л. Модзалевского, Н. М. Лисовского, В. Е. Евгеньева-Максимова, В. В. Матэ, Л. Ф. Пантелеева, П. Н. Сакулина и многих других. Свои материалы передали Пушкинскому Дому Литературный фонд, Дирекция императорских театров, Отделение русского языка и словесности Академии наук, Общество Толстовского музея, издательство Брокгауз — Ефрон, ряд московских и петербургских архивов.⁴¹ Усиленный приток пожертвований, а также осуществление нескольких крупных покупок вскоре привели к необходимости описания и учета принадлежащих Пушкинскому Дому материалов. Это было сделано Б. Л. Модзалевским, который составил «Список рукописей и некоторых других предметов, принадлежащих Пушкинскому Дому».⁴² Это был первый опыт количественного подсчета богатств Пушкинского Дома, хотя и не совсем полный: регистрация ограничивалась в основном пожертвованиями, сделанными до 1910 г.

Пушкинский Дом «богатеет каждый день ценными рукописями, — читаем мы в письме Б. Л. Модзалевского к Л. Э. Бухгейму от 14 октября 1915 г., — назову из последних поступлений богатый дар Кони (Кольцов, Никитин, Огарев, Гончаров и пр. и пр.), архив Павлищева, архив Маркович (Марко Вовчка), автографы Пушкина — от барона П. А. Вревского (3) и П. М. Раевского (3), часть архива „Современника“ некрасовской поры и пр. и пр. — всего не перечеть».⁴³

Вряд ли возможно дать хотя бы приблизительный перечень всего, что поступило в Пушкинский Дом в первые годы его существования. Впрочем, количественные характеристики фондов Пушкинского Дома в дореволюционный период в воспоминаниях и свидетельствах современников противоречивы и не всегда точны.

⁴¹ Списки лиц и учреждений, сделавших пожертвования Пушкинскому Дому с момента его основания до 1914 г., см. в кн.: Временник Пушкинского Дома. 1913. С. XXI; Временник Пушкинского Дома, 1914. Пг., [1915]. С. X.

⁴² Работа Б. Л. Модзалевского, посвященная описанию части собраний Пушкинского Дома, первоначально была напечатана в «Известиях имп. Академии наук» (1911, 6 сер. С. 509—538) и перепечатана с дополнениями, сделанными Е. П. Казанович, в книге «Временник Пушкинского Дома. 1914» (с. 1—63).

⁴³ ИРЛИ, ф. 611, № 16, л. 14.

Например, Е. П. Казанович сообщает, что в 1913 г. в фондах Пушкинского Дома было уже свыше тысячи рукописей, около 300 портретов и библиотека, содержащая 25 тысяч томов.⁴⁴ Более компетентный в этих делах Б. Л. Модзалевский в письме к тому же Л. Э. Бухгейму 28 декабря 1916 г. приводит несколько иные данные: «Я считаю, что одних рукописей у нас уже тысяч 40—45 (недавно приобрели весь архив Стасюлевича), книг до 20 000, портретов сот до 5, вещей-реликвий до сотни».⁴⁵ Не пытаюсь дать полного представления о богатствах Пушкинского Дома, отметим только, что первые автографы Пушкина поступили сюда в составе библиотеки поэта (1906), рукописных собраний П. А. Ефремова (1908) и П. А. Плетнева (1911). Эти собрания были приобретены Академией наук для Пушкинского Дома, в качестве же пожертвования первый автограф Пушкина поступил в 1911 г. Это было письмо Пушкина к его невесте, Н. Н. Гончаровой, переданное сюда В. Б. Бертенсоном. В том же 1911 г. несколько пушкинских материалов передала баронесса С. Б. Вревская, которой Пушкинский Дом «вообще обязан многими ценными пожертвованиями».⁴⁶

Стремясь усилить приток пожертвований, — а в частных руках в ту эпоху находилось неисчислимое множество бесценных историко-литературных реликвий, — Комиссия по постройке памятника Пушкину в Петербурге, по предложению А. А. Бахрушина, решила в 1911 г. устроить в Москве выставку «Русские писатели XIX века». Эта же выставка преследовала и другую цель — «ознакомить русское общество с задачами проектируемого Пушкинского Дома и (<...>) усилить средства на сооружение его».⁴⁷ Она должна была состояться в Москве с 1 декабря 1911 по 1 февраля 1912 г. и представлять как материалы, собранные в фондах Пушкинского Дома, так и принадлежащие частным владельцам, приглашаемым к участию в выставке. Вполне возможно, что организация такой выставки способствовала бы не только увеличению средств Комиссии, но и пополнению коллекций Пушкинского Дома за счет пожертвованных после выставки экспонатов, находившихся в частных руках, но выставка эта сначала была отложена, а позднее и совсем не состоялась. Это был, пожалуй, первый, но неосуществленный крупный замысел Пушкинского Дома, преследующий цель популяризовать и пополнять его богатства.

Для воссоздания истории Пушкинского Дома в дореволюционную пору можно не перечислять отдельные его приобретения или сделанные ему пожертвования, хотя они в своей совокупности составляют существенную часть его сегодняшнего богатства, но нельзя обойти молчанием некоторые эпизоды в его развитии, представляющие собою своеобразные вехи в становлении этого учреждения как научного и культурного центра. История приобретения рукописных

⁴⁴ Временник Пушкинского Дома. 1913. С. XVII.

⁴⁵ ИРЛИ, ф. 611, № 16, л. 16.

⁴⁶ Пушкинский Дом при Российской Академии наук... С. 14.

⁴⁷ Программу и предложение к участию в выставке см.: ИРЛИ, ф. 244, оп. 26, № 344, л. 50—51.

и книжных собраний П. А. Ефремова, П. А. Плетнева, А. Ф. Онегина в какой-то мере является историей самого Пушкинского Дома в ту пору.

В первые годы своего существования Пушкинский Дом занят собиранием историко-литературных материалов: книг, рукописей, иконографий. В дореволюционную пору это главная его задача. Выполняя ее, Пушкинский Дом, получив от Академии наук библиотеку Пушкина, вступает в напряженную борьбу за рукописное собрание и библиотеку известного библиофила, издателя и пушкиниста члена-корреспондента Академии наук П. А. Ефремова (1830—1907), развернувшуюся в 1907—1908 гг. и в конце концов завершившуюся лишь частичным успехом. Библиотека и рукописное собрание П. А. Ефремова в своей полноте и единстве — явление исключительное и замечательное в нашей науке. П. А. Ефремов собрал в своей библиотеке — в ней свыше 20 тысяч томов — все издания всех русских писателей XVIII и XIX вв., альманахи и сборники, начиная с журналов XVIII в., библиографические справочники, журнальные и газетные вырезки, систематизированные и собранные в папки и переплеты. У П. А. Ефремова была не только ценнейшая библиотека, но и большая коллекция портретов русских писателей, в том числе обширная пушкинская иконография, а также собрание автографов, среди которых рукописи произведений и писем Державина, Карамзина, Дмитриева, Милонова, Нелединского-Мелецкого, Каченовского, В. Измайлова, Муравьева-Апостола, И. Котляревского, Дельвига, Жуковского, Грибоедова, Баратынского, Ф. Глинки, Гнедича, Рылеева, Пушкина, Загоскина, Некрасова, Салтыкова-Щедрина и др.

Для рассмотрения и оценки библиотеки П. А. Ефремова была создана авторитетная комиссия, в которую вошли академики А. А. Шахматов, С. Ф. Ольденбург, член-корреспондент Академии наук В. И. Срезневский, а также П. К. Симони, Б. Л. Модзалевский, И. А. Кубасов. В своем заключении эта комиссия констатировала, что «библиотека Ефремова вполне отвечает целям Пушкинского Дома. По внутреннему своему содержанию она представляет собою богатейшую по составу и неограниченную по подбору коллекцию книг; для всякого исследователя по вопросам истории русской словесности и литературы эта библиотека, заключающая в себе книги по всем вопросам указанной области и дающая возможность, не обращаясь к другим библиотекам, изучать и исследовать любую тему, является особенно ценною. (...) Принимая во внимание, что библиотека П. А. Ефремова заключает в себе не менее 20 000 томов, не считая громадного количества брошюр, и имея в виду ее выдающееся научное значение, она должна быть оценена в 30 000 рублей, за какую сумму наследница Ефремова изъявила согласие продать библиотеку для Пушкинского Дома».⁴⁸

Комиссия высказала пожелание, чтобы библиотека Ефремова, как и приобретенная уже в 1906 г. библиотека А. С. Пушкина,

⁴⁸ ИРЛИ, ф. 244, оп. 26, № 343, л. 177, 179.

до постройки Пушкинского Дома хранилась в Академии наук. Однако хлопоты, предпринятые Комиссией, дали ничтожные результаты. После длительной переписки и проволочек было выделено всего лишь 5000 рублей, да и то тогда, когда эта библиотека как целое уже не существовала. Вдова П. А. Ефремова продала ее за 26 тысяч рублей петербургскому книгопродавцу Фельтену. Это у него на полученные деньги были куплены рукописи русских писателей и «коллекция альманахов начала XIX века, собрания сочинений русских писателей, сочинения по библиографии и истории русской литературы».⁴⁹ Таким образом, библиотека П. А. Ефремова оказалась раздробленной, но и та часть, которая поступила в Пушкинский Дом, представляет собою ценнейшее собрание рукописей и книг по истории русской литературы и до сих пор является одной из важнейших частей его рукописного и книжного собраний.

Неудача, постигшая Пушкинский Дом в случае с собранием П. А. Ефремова, не удивительна, потому что вновь созданное учреждение было совершенно лишено материальной поддержки со стороны государства и долгие годы существовало на эпизодические субсидии и частные пожертвования. Однако существование целого научного учреждения на одни пожертвования было делом сложным и ненадежным. Приходилось постоянно — и порою тщетно — выискивать необходимые средства для содержания немногочисленных работников-энтузиастов, для приобретения материалов, для организации текущей деятельности Пушкинского Дома. «Не найдете ли среди Ваших московских знакомых, — писал Б. Л. Модзалевский Л. Э. Бухгейму 14 октября 1915 г., — человека, который пожелал бы прийти материально на помощь делу создания Пушкинского Дома? Не сочтите это намеком на Вас: Вы делаете уже хорошее культурное дело, — а не зажжете ли и в другом ком-либо благородный огонь любви к нашей литературе, которая уже целый век честно и плодотворно служит русскому просвещению в прямом и лучшем смысле слова. И какая благодарная роль выпала бы такому лицу! Удивляюсь тем, кто, бросая сотни тысяч на ветер, не захочет увековечить свое имя в таком большом и светлом деле».⁵⁰

Недостаток средств, конечно, сокращал возможности, но не мог остановить притока рукописей, книг, изобразительных материалов в Пушкинский Дом. Его руководители внимательно следили за движением ценнейших собраний внутри страны и за ее пределами. В этой связи следует отметить, что в становлении Пушкинского Дома как хранилища документов по истории русской литературы существенную роль сыграли события, касающиеся приобретения пушкинского собрания А. Ф. Онегина в Париже. Хлопоты и переговоры о передаче этого собрания Пушкинскому Дому продолжались 20 лет. Начались они в 1907 г., когда министр финансов В. Н. Коковцов, состоявший в то время членом Комиссии по постройке памятника Пушкину в Петербурге, посетил парижский музей А. Ф. Онегина

⁴⁹ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1919), № 2, л. 158—159, 161—163.

⁵⁰ ИРЛИ, ф. 611, № 16, л. 14.

А. Ф. Онегин.

и 9 декабря 1907 г. представил доклад о желательности его приобретения для Пушкинского Дома.⁵¹

Почему Онегинский музей был интересен для Пушкинского Дома и почему мы рассматриваем его приобретение как одно из крупнейших событий дореволюционной истории этого учреждения? Онегинский музей должен был составить основу формировавшегося тогда пушкинского фонда и тем самым стать в центре будущей исследовательской работы, посвященной Пушкину и литературе его эпохи. В составе этого музея были многочисленные рукописи Пушкина, ранее принадлежавшие В. А. Жуковскому и переданные его сыном, Павлом Васильевичем, А. Ф. Онегину, а также документы, связанные с дуэлью и смертью поэта, с посмертным изданием его стихотворений, с делами опеки над его имуществом и детьми. На этой основе А. Ф. Онегин создал огромный музей, преимущественно пушкинского содержания: рукописи, русские и зарубежные издания Пушкина, многоязычная литература о нем, пушкинская иконография и иллю-

⁵¹ Воспоминания В. Н. Коковцова о посещении Онегина в Париже и о последующих хлопотах по приобретению его музея, написанные в 1920 г., хранятся в архиве А. Ф. Онегина (ИРЛИ, № 29270/ССVIII1612, л. 62—65). Копию доклада В. Н. Коковцова от 9 декабря 1907 г. см. там же (л. 1—3, 6).

страции к его произведениям — все это представляло огромную культурную и научную ценность. Впрочем, пушкинские материалы составляли главное содержание собрания А. Ф. Онегина, но владелец его был тесно и на протяжении многих лет связан с выдающимися представителями русской культуры, а поэтому в его собрании отложился крупный массив документов по истории русской литературы XIX в. в целом, среди которых автографы Лермонтова, Гоголя, Жуковского, Герцена, И. С. Тургенева, А. К. Толстого, И. С. Аксакова, Я. П. Полонского и др. В этом же собрании, помимо рукописей и иконографии, сохранялась и часть личной библиотеки В. А. Жуковского (598 томов).

Учитывая ценность собрания Онегина и его значение для русской науки и культуры, Академия наук в 1908 г. командировала в Париж для осмотра коллекции и ее предварительного описания Б. Л. Модзалевского, в результате поездки представившего доклад с научной характеристикой коллекции и предложением о ее скорейшем приобретении.⁵² Предварительные переговоры с А. Ф. Онегиным, протекавшие не без осложнений и проволочек, все же привели в 1909 г. к заключению с ним соглашения о передаче в собственность Пушкинского Дома коллекции в полном ее составе, но с условием, что А. Ф. Онегину предоставляется пожизненное право пользоваться ею и пополнять уже принадлежащую Пушкинскому Дому коллекцию. Вся коллекция пока оставалась в Париже, а А. Ф. Онегин должен был пожизненно получать от Академии наук ежегодную пенсию в размере 6000 рублей, которая, собственно, и предназначалась на пополнение его собрания. Такое соглашение было подписано: собрание А. Ф. Онегина, оставаясь в Париже, перешло в собственность Пушкинского Дома, а условия, в нем поставленные, выполнялись Академией наук до тех пор, пока военные действия не прервали культурных и научных отношений с Францией. Собрание А. Ф. Онегина исчезло из поля зрения Пушкинского Дома, хотя формально и принадлежало ему. Лишь в 1919 г. были предприняты шаги по установлению прерванных контактов с А. Ф. Онегиным, и после его смерти коллекция в полном составе в 1927 г. поступила в Пушкинский Дом. Получение этого собрания представляет собою значительный эпизод первого послереволюционного периода в истории Пушкинского Дома и будет рассмотрено в следующей главе, а пока нужно сказать, что даже в первые годы своего существования Пушкинский Дом, несмотря на отсутствие постоянного штата и регулярного финансирования, вел оживленную и энергичную деятельность, сосредоточивая в своих фондах крупнейшие историко-литературные ценности. И среди них собрание А. Ф. Онегина с его сложной, порой загадочной и не до конца выясненной историей занимает одно из первых мест.

Одновременно с переговорами, которые Академия наук вела с А. Ф. Онегиным, в Петербурге совершалось другое, не менее важное для Пушкинского Дома событие. Речь идет о приобретении

⁵² Описание Пушкинского музея А. Ф. Онегина, сделанное Б. Л. Модзалевским, опубликовано в книге «Пушкин и его современники» (СПб., 1909. Вып. XII. С. 7—47).

книжно-рукописного собрания П. А. Плетнева, поэта и критика, редактора «Современника», находившегося в близких и даже дружеских отношениях с Пушкиным, Гоголем и многими писателями и поэтами из их окружения. Библиотека П. А. Плетнева состояла преимущественно из произведений русских писателей XVIII—XIX вв. в различных изданиях — полных, избранных, отдельных, популярных, а также из достаточно полного подбора современных П. А. Плетневу альманахов и журналов. Кроме того, вместе с библиотекой в Пушкинский Дом поступило достаточно большое рукописное собрание, содержащее автографы произведений и писем Пушкина, Гоголя, И. С. Аксакова, П. А. Вяземского, Ф. Глинки, Гончарова, В. А. Жуковского, И. И. Козлова, К. Мармье, А. Н. Майкова, Н. А. Некрасова, М. М. Стасюлевича, И. С. Тургенева, Ф. И. Тютчева, С. П. Шевырева и др. Это были первоклассные материалы для изучения пушкинской эпохи, которая всегда была и остается в центре собирательской и научной деятельности Пушкинского Дома.

Названные собрания П. А. Ефремова, А. Ф. Онегина, П. А. Плетнева, — конечно, крупнейшие и выдающиеся по своей научной значимости, но далеко не единственные. В это же время в Пушкинский Дом поступают и другие, на первый взгляд не столь значительные коллекции и собрания. Однако и они представляют огромный научный интерес и играют важнейшую роль в изучении литературной части русского исторического и культурного развития.

В 1914 г. С. Б. Вревская передает Пушкинскому Дому библиотеку села Тригорского, книгами которой пользовался Пушкин; часть своей библиотеки (около 100 томов) дарит академик Н. А. Котляревский, первый директор Пушкинского Дома; сюда же поступает завешанный И. Л. Леонтьевым-Шегловым его архив и библиотека (до 1000 томов). Так из отдельных поступлений складывается пушкинский фонд. В него входят рукописи, издания произведений Пушкина, в том числе с его автографами, портреты поэта, его родственников, знакомых, друзей и многое другое.

Собрания — рукописные, иконографические, книжные — складывались довольно быстро. Желавших передать историко-литературные материалы в Пушкинский Дом было немало, и число их из года в год увеличивалось. Уже в самые первые годы существования Пушкинского Дома сказывалось отсутствие собственного помещения, а следовательно, и отсутствие необходимых условий для хранения накопленных богатств, их популяризации и научного использования. До 1913 г. все размещалось в сундуках и ящиках. Впервые Пушкинский Дом в результате настойчивых ходатайств академика Н. А. Котляревского получил собственное помещение (не очень просторное и не очень удобное) в 1913 г., когда ему были предоставлены три небольших зала и вестибюль в главном здании Академии наук. В них были размещены коллекции Пушкинского Дома, и впервые в своей истории он принял посетителей.⁵³ Это был своего рода перво-

⁵³ Памяти Нестора Александровича Котляревского. 1863—1925. Л., 1926. С. 48—50.

начальный вариант будущего Литературного музея.⁵⁴ Однако просуществовал он очень недолго. Началась война, и устроенные экспозиции пришлось свернуть, а в залах главного здания Академии наук разместился лазарет. Накопленные материалы вновь поместились в ящиках, которые были расставлены по чердаку, под лестницами и в вестибюле главного здания.

Собирание рукописей и изобразительного материала — это важнейшая сторона деятельности Пушкинского Дома в 1905—1917 гг., но не единственная. Несмотря на отсутствие помещения и тяжелые условия существования, в Пушкинском Доме мало-помалу начала пробуждаться научная деятельность. И это естественно: накопленные богатства, привлекая внимание ученых, должны были постепенно вводиться в научный оборот, а это в свою очередь требовало их разборки, описания, изучения, публикации. Огромная историко-литературная ценность накопленных материалов навредила на мысль о необходимости развертывания издательской деятельности Пушкинского Дома. Первый шаг в этом отношении был сделан в 1914 г. В январе этого года появился первый «Временник Пушкинского Дома» (на 1913 год). От простого собирания материалов по истории русской литературы Пушкинский Дом перешел к их исследованию. «Временник Пушкинского Дома», подготовленный под руководством Н. А. Котляревского, обозначил собою начало того процесса, который впоследствии, пятнадцатью годами позже, приведет к созданию на основе Пушкинского Дома научно-исследовательского института.

Первоначальный замысел «Временника» сводился к тому, чтобы «сделать из него ежегодник, который выходил бы к 29-му января, — годовщине смерти Пушкина».⁵⁵ В этом издании предполагалось публиковать «полное научное описание всех рукописей, хранящихся в музее, всего его инвентаря и опись книг, более или менее редких и чем-либо замечательных».⁵⁶ Таким образом, задумывалось повременное издание, достаточно точно отражавшее характер и содержание работы Пушкинского Дома. Именно это издание стало прообразом, хотя и отдаленным, многих последующих, в том числе и существующих ныне серийных изданий.

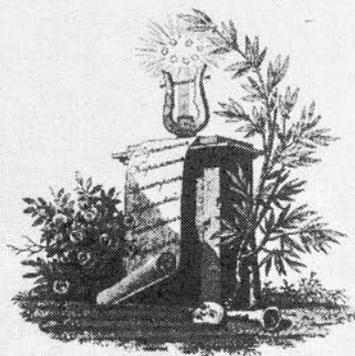
Издание «Временников» — вышли два выпуска за 1913 и за 1914 гг. — осуществлялось без всякой финансовой поддержки. Стремясь к тому, чтобы это издание расположило «любителей старины в пользу Пушкинского Дома, — писал Н. А. Котляревский, — я счел нужным придать изданию красивую внешность, хотя и не располагал никакими специальными средствами для его напечатания и оплаты гонорара сотрудников». «Временники были изданы

⁵⁴ Создать полное представление об этих выставках сейчас трудно, так как подробные их описания не сохранились. Однако великолепные фотографии вестибюля и всех трех залов содержатся в первом выпуске Временника Пушкинского Дома, изданного в 1914 г.

⁵⁵ Модзалевский Б. [Предисловие] // Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922. С. VII.

⁵⁶ Котляревский Н. [Предисловие] // Временник Пушкинского Дома. 1913. С. VI.

ВРЕМЕННОИКЪ
ПУШКИНСКАГО ДОМА.
1913.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

«Временник Пушкинского Дома на 1913 год».
Первое издание, осуществленное Пушкинским Домом.

на сумму, взятую заимообразно со стороны. „Временник 1913 года“ был издан в количестве 650 экз., из которых 400 поступило в продажу, 50 экз. дано авторам, а 200 разослано бесплатно разным лицам и учреждениям, делавшим пожертвования в Пушкинский Дом». ⁵⁷ Как мы видим, издание «Временников» осуществлялось лишь благодаря энтузиазму людей, беззаветно преданных своему делу, идее Пушкинского Дома, русской литературе. Задача первого «Временника» — познакомить читателя с малоизвестным для него Пушкинским Домом — была выполнена достаточно успешно. Помещенная в первом выпуске статья Е. П. Казанович о Пушкинском Доме давала обстоятельное представление об истории его возникновения, первых шагах и роли в тогдашней русской культуре. Своеобразным дополнением к этой статье был помещенный здесь же список лиц и учреждений, сделавших пожертвования Пушкинскому Дому. Научную же часть «Временника» составляло описание архива Н. А. Добролюбова, выполненное В. Княжниним.

Второй выпуск «Временника» (за 1914 г.) вышел уже во время войны. Он преследовал те же цели, что и первый: знакомить общественность с Пушкинским Домом и его сокровищами. Эту задачу выполняла здесь работа Б. Л. Модзалевского и Е. П. Казанович, посвященная описанию рукописей, принадлежавших Пушкинскому Дому. Названная работа до сих пор сохраняет свое значение с точки зрения истории науки, давая представление, и достаточно полное, о характере и объеме собраний Пушкинского Дома на первоначальных этапах его истории. Однако второй выпуск «Временника» по своей структуре значительно отличается от первого. В разделе «Приложения» появились уже статьи, представляющие собою публикации материалов Пушкинского Дома, сопровождаемые исследованием, т. е. здесь совершена вторая шаг от музея к научно-исследовательскому учреждению — переход от простого описания накопленных богатств к тщательному их изучению и публикации. Можно предполагать, что если бы это издание, в первых своих выпусках строго продуманное и четко организованное, продолжалось и дальше, то его структура и содержание еще более были бы усовершенствованы и соотношены с содержанием и характером Пушкинского Дома. К сожалению, наступила война и издание «Временника» прекратилось навсегда, несмотря на радужные надежды его основателей и руководителей. Попытки возобновить издание «Временника» позднее предпринимались неоднократно. Мысль об издании «нового, 3-го выпуска „Временника“ Дома (первые два выпуска почти уже распроданы), для которого давно подобраны разнообразные и ценные материалы, пришлось пока оставить ввиду общего неблагоприятного положения книжно-издательского и типографского дела». ⁵⁸ Задуманный в 1919 г. «новый выпуск „Временника“ удалось устроить

⁵⁷ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1916), № 1, л. 4.

⁵⁸ Приложение к Отчету о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1919 г. Составил действительный член Академии Н. К. Никольский. Пг., 1921. С. 48.

к изданию при помощи Петербургского отделения Государственного издательства, но к моменту печатания начисто готовых уже листов у Отделения не оказалось бумаги необходимого качества и формата; поэтому, не желая изменять установленного для „Временника“ внешнего вида книги, к которому многочисленные друзья Пушкинского Дома успели уже привыкнуть, решено было выпускаемую ныне книгу работ сотрудников Пушкинского Дома назвать „Сборником“, — в надежде в ближайшее время издать следующий том „Временника“, за пятилетие 1915—1919 гг., с тем чтобы поместить в нем новые материалы Дома, в обработке его сотрудников и друзей, а также краткое описание всех еще не перечисленных в предыдущих выпусках „Временника“ рукописных собраний Дома, до настоящего времени приведенных в порядок и научно описанных, а следовательно, доступных для общественного пользования.⁵⁹ Таким образом, проследить дальнейшую эволюцию «Временника» можно, обратившись к названному Б. Модзалевским «Сборнику Пушкинского Дома на 1923 год» (вышел в свет в 1922 г.), который по сути дела является очередным выпуском «Временника», по стечению обстоятельств изданным под другим заглавием. В этой книге мы не найдем ни работ по истории Пушкинского Дома, ни перечней и описаний принадлежащих ему рукописных и изобразительных материалов. Она полностью состоит из исследований-публикаций по истории русской литературы XIX в., представляя собой тип издания, довольно широко распространенный в практике Пушкинского Дома 20-х годов и отдаленно напоминающий возникшее несколько позже «Литературное наследство».⁶⁰ Впрочем, и два вышедшие до Октябрьской революции «Временника» сыграли свою роль: «Именно благодаря „Временнику“ Пушкинский Дом привлек на себя большое внимание и число пожертвований за два последних года значительно возросло», — отмечал Н. А. Котляревский в названном выше докладе управляющего делами Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в Петербурге.⁶¹ Кроме того, обращаясь к первым издательским опытам Пушкинского Дома, следует отметить их высокие научные качества, информативность и тщательно продуманную структуру изданий. Эти «Временники» заложили традиции описания и публикации рукописей, которые развивались в Пушкинском Доме на протяжении многих десятилетий, развиваются и сейчас.

Империалистическая война наложила свой отпечаток на деятельность Пушкинского Дома. Его издательские начинания были прекращены почти полностью. Однако в 1916 г. Н. А. Котляревский, «чтобы укрепить за Пушкинским Домом научное значение

⁵⁹ Модзалевский Б. [Предисловие]. С. VII.

⁶⁰ Позднее предпринимались попытки издать «Временник» на 1915—1922 гг. (см.: Отчет о деятельности Российской Академии наук в 1923 году. Л., 1924. С. 112), был подготовлен к печати «Временник» на 1926 г., в план изданий на 1927—1928 гг. был включен «Временник» на 1928 г. Все эти издания, будучи полностью или в основной части подготовленными, не были изданы (ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1927), № 8, с. 72).

⁶¹ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1916), № 1, л. 3.

Главное здание Академии наук.
Здесь в 1913—1922 гг. размещался Пушкинский Дом.

⟨. . .⟩ счел возможным приступить ⟨. . .⟩ к изданию особого научного сборника, посвященного памяти Ап. Ал. Григорьева». ⁶² Это издание, осуществленное на деньги, полученные в результате бессрочного займа, и вышедшее в свет в 1917 г., — последнее издательское предприятие Пушкинского Дома в дореволюционную пору — представляет собою комментированную публикацию произведений и писем А. А. Григорьева, выполненную В. Княжниним. ⁶³ Эта книга стала первым опытом в длинной цепи подобных работ, посвященных отдельным писателям и изданных Пушкинским Домом в 20—30-е годы. Три книги, вышедшие в дореволюционную пору, все же сыграли свою положительную роль. Пушкинский Дом стал известен не только узкому кругу литераторов и ученых, но и широким слоям русской интеллигенции. Это способствовало и пополнению его фондов, и получению эпизодической финансовой поддержки, и организации изданий и выставок. Впрочем, что касается выставок, то эта часть деятельности Пушкинского Дома была менее успешной, чем работа по комплектованию фондов или даже по изданию трудов.

Пушкинский Дом жил надеждой на строительство специального здания, где будут размещены его коллекции и где можно будет вести как научную, так и выставочную работу. Однако эти надежды становились все призрачнее и призрачнее, а с началом войны, в 1914 г., исчезли совсем. Пушкинский Дом, со всеми своими богатствами «ютясь то в чердачном помещении главного здания Академии, в Конференции Академии, тая свои накапливаемые богатства в ящиках и сундуках, то в вестибюле главного здания на лестнице и под лестницей ⟨. . .⟩ наконец получил для размещения своих шкафов и коллекций несколько проходных комнат» во втором этаже главного здания Академии наук. ⁶⁴ Это произошло в 1913 г. В трех небольших залах и в вестибюле была развернута экспозиция из материалов Пушкинского Дома. Это была первая выставка, первая демонстрация накопленных богатств и реликвий. «Как ни мало удовлетворяло это помещение задачам Пантеона русской литературы, каковым должен являться Пушкинский Дом, однако все же после того, как коллекции его были со вкусом размещены в отведенных для них комнатах, получился ряд уютных уголков, много говорящих уму и сердцу каждого культурного русского человека», — вспоминал свидетель и участник событий М. Д. Беляев. ⁶⁵

Наступившая война тяжело отразилась на деятельности Пушкинского Дома. Прежде всего пришлось свернуть выставку и уступить помещение под воинский лазарет, а рукописи, книги, картины снова пришлось уложить в ящики и корзины и поместить под лестницами или на чердаке, где они хранились до 1913 г. А между тем их было уже очень много. В докладе управляющий делами Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в Петрограде

⁶² Там же, л. 5.

⁶³ Аполлон Александрович Григорьев: Материалы для биографии // Под ред. В. Княжнина. Пг.: изд. Пушкинского Дома при Академии наук, 1917.

⁶⁴ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1921), № 1, л. 107.

⁶⁵ Пушкинский Дом при Российской Академии наук. . . с. 16.

Н. А. Котляревский сообщал, что к 1 января 1916 г. в библиотеке Пушкинского Дома насчитывалось 30 000 томов, в Рукописном отделении — 10 000 рукописей. Революционный 1917 год заметно сказался на положении Пушкинского Дома. Достаточно сказать, что еще до наступления февральской революции был закрыт госпиталь, размещавшийся в главном здании Академии наук. Пушкинскому Дому были возвращены принадлежавшие ему помещения во втором этаже этого здания, а кроме того, для работы сотрудников и для размещения коллекций ему был передан во временное пользование и Большой конференц-зал. Это было весьма кстати, потому что именно в 1917 г. существенно изменились условия комплектования фондов. Если раньше Пушкинский Дом пополнялся за счет пожертвований и эпизодических покупок, то сейчас сюда поступают целые собрания, ранее принадлежавшие частным лицам или учреждениям, увеличивается приток целых коллекций или их частей, брошенных прежними владельцами на произвол судьбы или охотно продаваемых в условиях наступившего голода и усилившейся миграции русской интеллигенции; наконец, сюда поступают многочисленные материалы через различные государственные организации, ими располагающие, но не призванные их собирать, изучать или просто хранить. В это время решилась судьба Пушкинского музея Александровского лицея, обсуждавшаяся, как мы знаем, при рассмотрении Положения о Пушкинском Доме в 1906 г. В полном составе он был передан Пушкинскому Дому. Этот шаг совершался в целях сохранения коллекции, которая могла, без надлежащих мер по ее охране, пострадать или раствориться совершенно, особенно в пору ликвидации этого учебного заведения. Вот что по этому поводу писал Н. А. Котляревский в Отчете о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1917 год: «...ввиду тревожных условий жизни Совет Пушкинского лицейского общества и Комитет, заведующий Лермонтовским музеем при Николаевском кавалерийском училище, передали все имущество Лицейского Пушкинского музея и Лермонтовского музея на хранение Пушкинскому Дому. Пушкинский Дом счастлив тем, что он мог оказать означенным учреждениям посильное гостеприимство. Часть этих собраний, как и собраний Пушкинского Дома, в октябре месяце были вывезены из Петрограда ввиду начатой тогда общей эвакуации столицы».⁶⁶

Помимо пушкинской и лермонтовской коллекций Пушкинскому Дому в это время приходилось спасать и приводить в порядок многие, порою очень значительные, рукописные и книжные собрания. Например, архив III Отделения был спасен усилиями работников Пушкинского Дома в тревожные дни февраля 1917 г. Во время пожара в помещении штаба корпуса жандармов 27 или 28 февраля сотрудники Пушкинского Дома во главе с Н. А. Котляревским и Б. Л. Модзалевским вынесли бумаги III Отделения из огня и перевезли их в Академию наук, где «сложили сначала на лестнице,

⁶⁶ Котляревский Н. А. Отчет о деятельности Отделения Русского языка и словесности за 1917 год. Пг., 1917. С. 16.

Первая выставка материалов Пушкинского Дома в аванзалах
Главного здания Академии наук (1913).

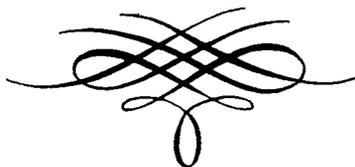
а потом перенесли в Большой конференц-зал. Архив пробыл там около пяти лет и в 1922 г., когда Пушкинский Дом стал готовиться к переезду в собственное здание, был передан по принадлежности в Центрархив и вывезен в здание Сената. За эти годы Б. Л. Модзалевским, А. А. Шиловым и А. С. Поляковым были разобраны секретные бумаги III Отделения 1820-х—1830-х годов и из них извлечены важные документы, давшие материал для нескольких изданий».⁶⁷

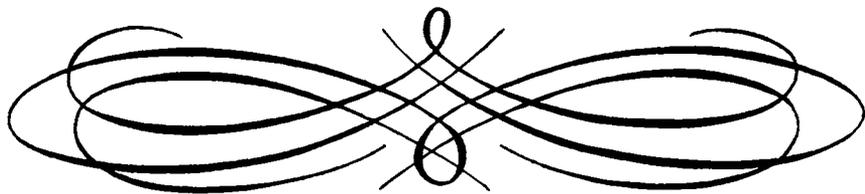
В трудных условиях, голодные, в неотапливаемых помещениях добровольные сотрудники Пушкинского Дома работали не покладая рук. Осуществлялся процесс спасения русской культуры и передачи наследия ее народу. И в этом великом деле Пушкинский Дом, представляемый и руководимый энтузиастами и учеными-патриотами, был в самых первых рядах. Поэтому мы не удивляемся,

⁶⁷ Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. (РО ИРЛИ, Р. I, оп. 11, № 141, л. 9).

читая строки, написанные Б. Л. Модзалевским 25 февраля 1917 г., когда политическая забастовка охватила весь рабочий Петроград и Россия стояла накануне второй буржуазно-демократической революции: «Смешно будет дальнему нашему потомку, если письмо это дойдет до него; в Питере волнения, забастовка трамваев, по улицам патрули и казаки, толпы рабочих и манифестантов, нет хлеба, все злые и мрачные, а я „пою“ о Пушкинском Доме! Вот, скажут, чудака-то был или сумасшедший, или маниак. . . Мне и самому совестно, да любовь к захватившей меня идее берет верх даже над не совсем сытым желудком».⁶⁸ Такие люди создавали и возглавляли Пушкинский Дом, и идея Пушкинского Дома была идеей их жизни. Поэтому становится понятным, как это сначала беспомощное учреждение, лишенное всякой поддержки со стороны государства, выжило, сформировалось и стало одним из крупнейших хранилищ литературного наследия русского народа, а несколько позднее и основой для создания единственного тогда в стране научно-исследовательского института, занимающегося изучением русской литературы, ее истории и теории.

⁶⁸ Из письма Б. Л. Модзалевского к Л. Э. Бухгейму от 25 февраля 1917 г. (ИРЛИ, ф. 611, № 16, л. 25).

ПУШКИНСКИЙ ДОМ
в 1918—1930 гг.

Профиль Пушкинского Дома как научного учреждения в первые годы после Октябрьской революции изменился мало, но зато его положение — финансовое, штатное, материальное — стало существенно другим, что привело к некоторому расширению масштабов его деятельности, совершенствованию организации проводимых исследований. Срочность и решительность перемен, разработанных и произведенных в первые послереволюционные месяцы, были обусловлены положением Пушкинского Дома, в суровых условиях военного времени становившимся все более и более тяжелым. В истории науки, пожалуй, трудно назвать научное учреждение, которое было бы поставлено в столь сложные и для развития научной мысли не свойственные обстоятельства, в каких Пушкинский Дом оказался с момента его основания.

К 1917 г. Пушкинский Дом в отечественной литературной науке стал крупным источниковедческим центром, известным своими богатейшими коллекциями, а также первыми научно-справочными изданиями и публикациями. Тем не менее временами создавалась такая ситуация, что деятельность этого учреждения, поддерживаемая исключительно усилиями энтузиастов, замирала, а порою и прекращалась совсем. В своем докладе Комиссии по постройке памятника Пушкину управляющий ее делами академик Н. А. Котляревский 24 мая 1917 г. не без горечи сообщал, что положение Пушкинского Дома «крайне тяжелое (<...> задолженность кассе Академии наук дошла до 7000 р., Академической библиотеке до 5000 р.»). Учитывая эти обстоятельства, Н. А. Котляревский внес предложение «закончить к 1 июня все работы в Пушкинском Доме и приостановить на время покупки».¹ Впрочем, это предложение Н. А. Котляревского не было осуществлено, работы, в то время не весьма широкие, все же продолжались. Сокращение масштабов научной деятельности объяснялось не только отсутствием штатов, помещений, финансирования, но и эвакуацией из Петрограда наиболее ценных материалов Пушкинского Дома. «Часть (<...> собраний Пушкинского Дома, —

¹ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1916), № 1, л. 14.

сообщал Н. А. Котляревский, — в октябре месяце были вывезены из Петрограда ввиду начатой тогда общей эвакуации столицы».² Все эти обстоятельства, взятые в их совокупности, в значительной мере приостановили научную деятельность Пушкинского Дома, ограничив ее пополнением коллекций и приведением их в порядок. Однако и эти работы небольшой коллектив энтузиастов выполнял с большим напряжением. В 1917 г. под руководством Б. Л. Модзалевского, находившегося на постоянной службе в Архиве Конференции Академии наук, собирали и описывали рукописи, изобразительные материалы и книги Н. Г. Богданова, Л. К. Ильинский, А. С. Поляков, Н. Н. Заблоцкая, Н. В. Яковлев, Е. П. Казанович. Этим сил, конечно, было недостаточно для правильной постановки хранения и научного использования накопленных богатств. Требовались перемены, и эти перемены вскоре наступили.

В дореволюционные годы Пушкинский Дом состоял при Академии наук, но не являлся академическим учреждением. Управление им осуществляла Комиссия по постройке памятника Пушкину в Петербурге, также состоявшая при Академии наук и не обладавшая достаточными правами, чтобы обеспечить нормальную собирательскую и научную деятельность такого научного центра, каким к 1917 г. стал Пушкинский Дом. Поэтому сразу же после Октябрьской революции встал вопрос об устройстве дальнейшей судьбы Пушкинского Дома, который в прежних условиях не мог не только работать, но и существовать.

Решающую роль в судьбе Пушкинского Дома сыграло Постановление Конференции Российской Академии наук от 20 апреля 1918 г. Этим Постановлением Пушкинский Дом с его библиотекой, музеем и рукописным собранием был принят в разряд остальных научных институтов, музеев и библиотек, входящих «в состав академических учреждений на правах, определяемых особым уставом». На этом заседании, проходившем под председательством президента Академии наук академика А. П. Карпинского, управляющий делами Комиссии по постройке памятника Пушкину в Петербурге академик Н. А. Котляревский отметил, что «образованный Комиссией по постройке памятника Пушкину Пушкинский Дом за последнее время занял очень видное и совсем особое место в ряду наших книгохранилищ и музеев. В число книжных, рукописных и иных его коллекций вошли целые библиотеки, ряд больших и малых архивов, относящихся к истории жизни и творчества русских писателей XIX в., от Державина до Чехова. В относительно короткий срок Пушкинский Дом стал национальным музеем особого типа, просветительным учреждением, которое во многом может облегчить работу историка литературы. До сих пор Пушкинский Дом пользовался гостеприим-

² Котляревский Н. А. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1917 год. Пг., 1917. С. 16. — Эвакуированные материалы, в том числе рукописи Пушкина и Лермонтова, наиболее редкие книги и иконография, были возвращены из Москвы и Саратова лишь в 1921 г. «в связи с наступлением всеобщего успокоения» (см.: Пушкинский Дом при Российской Академии наук: Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924. С. 31).

ством Академии наук, которая уступила ему во временное пользование несколько зал, в которых и размещены его коллекции и книги. Кроме того, именно благодаря покровительству Академии наук Пушкинский Дом имел возможность так широко развернуть свою деятельность. Но Пушкинский Дом все-таки не входит в состав учреждений самой Академии на определенных правах, какими пользуются, например, музеи Азиатский, Ботанический, Геологический и другие. А между тем было бы весьма желательно связать Пушкинский Дом возможно более тесно с научной работой Академии».³

Общее собрание Академии в связи с принятием Пушкинского Дома в число академических учреждений поручило академиком А. А. Шахматову, С. Ф. Ольденбургу и Н. А. Котляревскому образовать комиссию с правом приглашения в ее состав других лиц, необходимых для выработки устава и штатов Пушкинского Дома. В результате для составления документации, необходимой при переходе Пушкинского Дома в число академических учреждений, были привлечены Б. Л. Модзалевский, В. А. Рышков, Е. П. Казанович, при участии которых и составлялся проект нового Положения о Пушкинском Доме. Краткое Положение о Пушкинском Доме, составленное этой комиссией, было заслушано Общим собранием Российской Академии наук 8 марта 1919 г., а в следующем заседании Конференции, состоявшемся 5 апреля 1919 г., Положение о Пушкинском Доме и его штат были утверждены вместе со сметой, составлявшей на второе полугодие 1919 г. 339 576 рублей, в том числе 90 000 рублей на приобретение коллекций, книг, рукописей. Таким образом, с 1 июля 1919 г. Пушкинский Дом получил возможность организовать «свой штат и начать планомерную работу по разбору и приведению в порядок всех своих приобретений, а также по изучению и систематизации богатейшего собрания рукописей».⁴

Общие положения о Пушкинском Доме при Российской Академии наук, разработанные названной выше комиссией, были несколько шире и конкретнее того Положения, которое утверждалось в 1907 г. и, надо сказать, в значительной степени так и осталось формальным документом, далеким от действительности и не всегда соблюдаемым в повседневной деятельности Пушкинского Дома. В новом Положении впервые были сформулированы цели Пушкинского Дома как научно-просветительного учреждения, которое, во-первых, должно «облегчать ученым исследователям изучение истории жизни и литературной деятельности Пушкина и других художников русского слова», во-вторых, «служить образовательным и учебным потребностям вообще и школы в частности». Кроме того, здесь четко определялась структура Пушкинского Дома, сложившегося к этому времени как единство рукописного отделения, библиотеки и музея.

³ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1916), № 1, л. 20.

⁴ Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук за 1919 год. Составил действительный член Академии Н. К. Никольский. Пг., 1921. С. 33 -49.

Система управления, разработанная в этом документе и состоящая из Комитета, возглавляемого директором, и Совета под председательством президента Академии наук, в таком виде никогда не была осуществлена. Пушкинским Домом, как и прежде, управляли Н. А. Котляревский, но теперь уже на правах его директора, и Б. Л. Модзалевский, ставший старшим ученым хранителем Пушкинского Дома.

Важнейшим результатом введения Пушкинского Дома в число академических учреждений стало предоставление ему собственного небольшого штата, определенного новым Положением, и средств «на содержание, пополнение и издательскую деятельность», которые «составляются из суммы, отпускаемой из Государственного казначейства по смете Российской Академии наук». Пушкинский Дом впервые получил регулярное финансовое обеспечение, и впервые к хранению, комплектованию и изучению его фондов пришли штатные работники, которые в первое время вели эту работу рука об руку с работниками-энтузиастами, в Академии наук не состоявшими. Правда, штат этот был невелик и состоял всего лишь из 12 человек, в том числе директора, старшего ученого хранителя, одновременно заведовавшего Отделением рукописей, и десяти хранителей, библиотечарей, научных сотрудников и правителя дел.

Если поднять архивную документацию, то мы можем узнать, что в это время помимо Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского в качестве штатных работников в Пушкинский Дом были привлечены старший библиотечарь И. А. Кубасов, хранитель музея С. В. Штейн, хранители рукописей Н. Г. Богданова и Л. К. Ильинский, библиотечарь Е. П. Казанович, научные сотрудники Н. А. Чебышева, В. И. Саитов, Б. И. Коплан, Н. С. Боткина-Враская, В. В. Никифоров. В последующие три-четыре года в Пушкинский Дом пришли Н. К. Козмин, Н. В. Измайлов, П. Е. Рейнбот, М. Д. Беляев, Е. П. Населенко, Н. В. Яковлев, М. Л. Гофман, В. Д. Комарова, С. А. Переселенков, т. е. сформировался в основных чертах тот состав, в котором Пушкинский Дом работал почти целое десятилетие. Надо сказать, что в 1920-е годы в Пушкинском Доме работали сыновья и родственники многих крупных русских писателей и ученых. Среди них Андрей Андреевич Достоевский, племянник Ф. М. Достоевского, Сергей Александрович Островский, сын драматурга, Николай Александрович Пыпин, сын академика А. Н. Пыпина, Софья Алексеевна Шахматова, дочь академика А. А. Шахматова, Лидия Ивановна Круп, правнучка сестры Пушкина О. С. Павлищевой. . . «Эти имена, — замечает в своих воспоминаниях Н. В. Измайлов, — придавали Пушкинскому Дому особый характер, делали его своеобразным мемориальным музеем литературы и науки».⁵

В первые послереволюционные годы материалы Пушкинского Дома размещались в Большом конференц-зале и аванзалах главного здания Академии наук. Вот как выглядел Пушкинский Дом в первые

⁵ Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. (РО ИРЛИ, Р. I, оп. 11, № 141, л. 12).

послереволюционные годы, по воспоминаниям его старейшего сотрудника Н. В. Яковлева: «В Большом конференц-зале Академии наук на длинном постаменте стоял гигантский скелет доисторического животного, диплодока. Перпендикулярно к этому постаменту были установлены друг на друге ящики в два-три ряда, смотря по размеру. Так получились стены, а внутри них — закуты, важно именуемые „кабинетами“. Закуты поменьше — кабинет директора и старшего ученого хранителя, а также канцелярии. Закуты побольше — кабинеты музейных и библиотечных сотрудников. В том же, втором этаже главного здания, но в правой стороне находилась квартира академика А. А. Шахматова. Одна или две комнаты в ней были отведены под Рукописное отделение Пушкинского Дома».⁶ И перебрались сотрудники Пушкинского Дома в квартиру академика А. А. Шахматова, к этому времени уже покойного, не потому, что тесно было в Большом конференц-зале и прилегающих к нему аванзалах, а потому, что там было холодно: «Чтобы совсем не замерзнуть в парадных, не отапливавшихся тогда хороммах Академии», — поясняет этот переезд М. Д. Беляев.⁷

Директор Пушкинского Дома Н. А. Котляревский уже в 1918 г. возбудил ходатайство о предоставлении нового помещения или о строительстве специального здания. Результатом этого ходатайства явилось обращение неперменного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга 3 мая 1919 г. в Комиссариат народного просвещения, в котором он писал, что «скорейшее сооружение литературного Пантеона в проектируемом масштабе вполне осуществимо уже по одному тому, что фундамент его уже возведен и материал имеется в изобилии <...> Но отсутствие прочной организации, присущей всякому жизненному и самостоятельному учреждению, совершенно не отвечающие блестящим перспективам этой сокровищницы ассигнования, отсутствие необходимых штатов, специального помещения и т. д. лишают Пушкинский Дом возможности развиваться во вполне жизнеспособный институт, обрекают это ценнейшее собрание на роль музейного склада и могут обратить его живоносные источники в замурованные колодцы. Необходима скорая помощь Правительства, его энергичное участие в деле строительства».⁸ Конечно, вопрос о строительстве в эти трудные для всей страны годы отпал сразу же. Тем не менее проблема помещения все же была решена. Декретом Председателя Совета Комиссаров Союза Коммун Северной области от 20 февраля 1919 г. Пушкинскому Дому было предоставлено здание Архива бывшего таможенного департамента, расположенное на Тифлисской улице, против Университетской (ныне Менделеевской) линии, рядом с Библиотекой Академии наук.⁹ Здание, полученное Пушкинским Домом, представляло

⁶ Яковлев Н. Из воспоминаний о Пушкинском Доме // Звезда. 1969. № 8. С. 170.

⁷ Беляев М. Д. Пушкинский Дом и его первые обитатели (ИРЛИ, Р 1, оп. 2, № 394, л. 73).

⁸ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1916), № 1, л. 70—71.

⁹ Северная Коммуна. 1919. 20 февр. № 40.

собой небольшую сохранившуюся часть старого Гостиного двора, построенного по проекту Д. Трезини в 1721—1737 гг. Неправильный четырехугольник Гостиного двора в свое время занимал всю набережную от нынешнего Института физиологии до Академии транспорта и тыла, а задним фасадом выходил на Тифлисскую улицу и занимал всю площадь напротив Нового гостиного двора. По своей архитектуре здание напоминало Новый гостиный двор (ныне Исторический факультет ЛГУ). Вдоль всех его фасадов шли «непрерывные ряды рустованных аркад. Аркадам первого этажа соответствовали прямоугольные окна второго этажа, обрамленные наличниками. Между аркой и вторым этажом Гостиного двора проходил пояс несложного профиля. Высокая крыша здания была прорезана многими слуховыми окнами».¹⁰ Сохранившаяся к XX в. часть этого громадного строения не может дать никакого представления о его первоначальном облике: «От аркад не осталось следа: они заложены, на месте бывшей галереи находятся служебные помещения».¹¹ Официальная передача этого здания Пушкинскому Дому состоялась 26 апреля 1919 г. Однако в момент передачи это здание находилось в столь аварийном состоянии, что думать о скором переезде было крайне неосмотрительно. Да и для размещения коллекций Пушкинского Дома оно не годилось ни по размерам, ни по своему состоянию. «Затея втиснуть Пушкинский Дом в эти далеко не живописные развалины, — писал М. Д. Беляев, — безусловно была одной из самых неудачных идей Бориса Львовича. Но как всякий упрямый украинец, он отчего-то был фанатически предан ей, толкуя о каких-то капитальных перестройках впоследствии и строя тому подобные планы».¹²

Передача состоялась, но положение Пушкинского Дома пока не изменилось. Переданное здание «было занято имуществом Архива и при ближайшем осмотре внутри оказалось в таком плачевном состоянии, что воспользоваться им немедленно для нужд Пушкинского Дома оказалось совершенно невозможным. Помимо необходимости в приспособлении его комнат соответственно потребностям Дома выяснилась необходимость в предварительном полном ремонте для приведения в порядок всего здания (...). Таким образом, несмотря на казавшееся вначале благоприятное во всех отношениях разрешение вопроса о собственном помещении для Пушкинского Дома, последний, в силу необходимости, оказался вынужденным по-прежнему остаться в крайне тесных и совершенно неудобных и неподходящих для него двух комнатах, в зале и вестибюле главного здания Академии наук».¹³ Переезд в новое, частично отремонтированное здание состоялся лишь в октябре 1922 г., когда в доме на Тифлисской улице были отремонтированы три зала и галерея,

¹⁰ К а н н П. Я. Стрелка Васильевского острова. Л., 1973. С. 27.

¹¹ Там же. С. 103.

¹² Б е л я е в М. Д. Пушкинский Дом и его первые обитатели. Л. 73.

¹³ Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук за 1919 год. С. 34—35.

где разместились рукописное собрание, библиотека и музей. Это было пока лишь условное улучшение, потому что многие материалы по-прежнему оставались в ящиках и были недоступны для обозрения и изучения. Однако появилась реальная перспектива после ремонта всего здания хранить рукописи, книги, картины в условиях, для них необходимых.

В период ремонта полученного на Тифлисской улице помещения Пушкинскому Дому летом 1920 г. было передано здание на улице Халтурина (№ 22), до Октябрьской революции принадлежавшее князю С. С. Абамелек-Лазареву. Оно было необходимо для проведения открытых заседаний, собраний, конференций, а также для организации временных выставок. Это дало Пушкинскому Дому достаточно широкие возможности для показа тех богатств, которые были накоплены за 15 лет его существования. Здание на улице Халтурина принадлежало Пушкинскому Дому до 1925 г., когда взамен его было предоставлено обширное помещение в академическом доме на Тучковой набережной (№ 2-а), где разместились основные экспозиции музея, принявшего здесь первых посетителей 17 июня 1925 г.¹⁴ В этом помещении, ныне занимаемом Институтом физиологии АН СССР, музей размещался до конца 1927 г., когда Пушкинский Дом получил здание бывшей Петербургской таможни (Тучкова наб., № 2). Переезд в это здание состоялся 10 октября — 25 ноября 1927 г.¹⁵ С тех пор Пушкинский Дом, а с 1930 г. Институт русской литературы АН СССР, работает в этом доме «таможенного присутствия», заложенном 30 августа 1829 г. и построенном по проектам архитектора И. Ф. Лукини. Флаг таможни был поднят на его флагштоке 8 сентября 1832 г. Это здание, украшенное восьмиколонным портиком и фронтоном, над которым возвышаются изваяния бога торговли Меркурия, бога моря Нептуна и богини плодородия Цереры, играет «важную роль в зрительном восприятии ансамбля Стрелки — оно композиционно перекликается с башней Кунсткамеры, стоящей на южной, противоположной, стороне Стрелки».¹⁶ По преданию, в этом доме бывал Пушкин.

С утверждением штата, хотя и малочисленного, и сметных ассигнований Пушкинский Дом получил возможность вести регулярные работы по учету, приведению в порядок материалов, перенесших долгие годы скитальческого существования. Работы эти, отмечается в отчете за 1919 г., «постепенно подвигаются вперед при полной самоотверженности научного персонала Дома, ведущего свое дело в загроможденных комнатах, летом в духоте, а зимою в 7—8-градусной температуре, которая с наступлением сильных морозов, при почти полном отсутствии топлива, опустилась даже и ниже нуля. . .».¹⁷

¹⁴ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1925 год. Л., 1926. С. 148—158.

¹⁵ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 год. 1. Общий отчет. Л., 1928. С. 169.

¹⁶ К а н н П. Я. Стрелка Васильевского острова. С. 82.

¹⁷ Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук за 1919 год. С. 35.

Обращаясь к научной деятельности Пушкинского Дома в 1917—1930 гг., прежде всего необходимо сказать о ее основных направлениях, которые, как это следует из документов, в первую очередь по-прежнему связаны с собиранием, хранением и изучением наследия русской литературы и культуры; во-вторых, с его популяризацией и пропагандой, выразившимися в многочисленных временных и постоянных выставках, открытых заседаниях, собраниях, вечерах; наконец, в-третьих, с конкретными научными исследованиями, пока еще источниковедческого и отчасти историко-литературного характера.

Если в первый период существования Пушкинского Дома его деятельность почти полностью определялась собиранием и хранением, за исключением выставки 1914 г. да нескольких издательских опытов, посвященных описанию и публикации собранных материалов, то теперь на первый план выступают научные и пропагандистские функции, к концу 20-х годов несколько изменившие профиль Пушкинского Дома. Однако эти изменения произошли далеко не сразу, и в первые послереволюционные годы Пушкинский Дом по-прежнему остается музейно-источниковедческим центром, лишь постепенно начинающим расширять свою деятельность в сторону популяризации и исследования своих богатств.

После Октябрьской революции собирательская деятельность в Пушкинском Доме продолжает оставаться в центре внимания и масштабы ее не сокращаются, а, как и надо было ожидать, заметно увеличиваются. «В Пушкинском Доме усиленно шла собирательская работа, — вспоминает Н. В. Яковлев. — Это была одна из лучших, вековых традиций Академии наук. Сотрудники Пушкинского Дома неутомимо искали архивные, музейные и библиотечные ценности. Больше всего обследовали, конечно, Петроград и его окрестности. Неоценимым руководителем в этом деле был Б. Л. Модзалевский. Немалое значение имели и широкие научные, общественные, литературные, театральные связи Н. А. Котляревского».¹⁸ Изменились не только масштабы собирания, но и источники получения музейно-рукописного наследия. Если в предреволюционные годы пополнение фондов шло главным образом за счет пожертвований и редких покупок наиболее ценных собраний, то сейчас в Пушкинский Дом материалы передают государственные учреждения, разными путями их сохранившие или получившие; кроме того, рукописи, книги, произведения живописи и графики поступают из брошенных квартир бежавшей русской аристократии. Н. В. Яковлев вспоминает, что в то время приходилось «иметь дело с целыми квартирами, со всеми их рукописно-музейно-книжными материалами».¹⁹ Именно таким путем поступили брошенные наследниками архивы Салтыкова-Щедрина, Льва Львовича Толстого, сына Л. Н. Толстого, и многие другие. Это не значит, что в эти годы прекратился приток пожертвований. Совсем нет. Например, в 1921 г. Н. К. Пиксанов передал

¹⁸ Яковлев Н. Из воспоминаний о Пушкинском Доме. С. 172.

¹⁹ Там же.

в Пушкинский Дом автограф стихотворения Пушкина «Клеветникам России», два автографа Пушкина поступили из Русского музея, рукописи Пушкина и Н. И. Надеждина пришли в составе собрания И. А. Шляпкина, рукописи «Истории Петра Великого» попали в Пушкинский Дом через П. Е. Шеголева; кроме того, в том же году Пушкинский Дом получил библиотеку, архив и обстановку кабинета В. М. Гаршина от его вдовы Н. М. Гаршиной, материалы архитектора А. Л. Витберга и его сына Ф. А. Витберга от их наследников, портреты А. Е. Измайлова, Д. В. Веневитинова и Е. П. Ростопчиной от Максима Горького и многое другое. Надо сказать, что в это время М. Горький внимательно следил за деятельностью Пушкинского Дома и не раз оказывал ему поддержку и помощь в решении целого ряда сложных вопросов, в том числе и финансовых. Хранитель Пушкинского Дома — тогда существовала такая должность — М. Д. Беляев вспоминает: «В это время я как раз довольно часто бывал у Алексея Максимовича Пешкова в его квартире наверху громадного дома на Кронверкском проспекте, и мне удалось заинтересовать его делом организации Пушкинского Дома. А от него в то время косвенно зависело очень многое. Прежде всего он сам многое пожертвовал туда через меня. Так, назову, например, барельеф из кости работы Якова Серякова, изображающий Арину Родионовну (няню Пушкина), альбом А. Е. Шиповой, рожденной графини Комаровской, со стихами Пушкина; рисунки Тараса Шевченко и другое. Туда же решил он тогда передать и весь свой архив, часть которого была у него под рукой на квартире, он сразу же и отдал мне, а остальную, оставшуюся в Териоках, обещал передать позднее. Он же выхлопывал деньги на приобретение различных интересных Дому вещей, например, писем Пушкина к Геккерну и портретов лицеистов первого выпуска (. . .) Предлагал через меня же Пушкинскому Дому выхлопотать национализацию и передачу Академии наук того дома Волконских, в котором умер Пушкин».²⁰

Кроме пожертвований и получения брошенных владельцами материалов Пушкинский Дом в эти годы производит ряд крупных закупок, существенно пополнивших его фонды. Эти закупки производятся на деньги, периодически выделяемые Народным Комиссариатом просвещения. Именно на эти средства в 1919 г. было приобретено знаменитое Дашковское собрание, до сих пор являющееся одной из ценнейших частей Рукописного отдела Пушкинского Дома. В его состав входят обширные архивы В. Р. Зотова (65 томов), А. В. Старчевского (85 томов), Н. И. Греча, Д. П. Рунич, Н. С. Лескова, С. Н. Терпигорева, Н. В. Кукольника, П. А. Каратыгина, С. Н. Шубинского, П. И. Мельникова-Печерского, О. И. Сенковского и др. Кроме того, в этом собрании представлены рукописи почти всех русских писателей XVIII и XIX вв. Среди них Пушкин, Жуковский, Гоголь, Л. Толстой, Радищев, Державин, Новиков, Гончаров, Писемский, Островский, Салтыков-Щедрин, Ап. Григорьев, Майков, Полонский, Фет, Герцен, Огарев, Панаев, Погодин,

²⁰ Беляев М. Д. Пушкинский Дом и его первые обитатели. Л. 12—13.

Тургенев, Некрасов и многие другие. Здесь коллекция акварельных портретов русских писателей, альбом с корректурами произведений Карамзина. Всего в Дашковском собрании 525 великолепно переплетенных томов и многие тысячи отдельных автографов, размещенных в алфавите авторов.

Дашковское собрание, конечно, крупнейшее приобретение Пушкинского Дома тех лет, но далеко не единственное. В эти же годы поступают архив семьи Стасовых, архив журнала «Русская старина», архивы А. В. Никитенко, К. Р., Н. К. Михайловского, Я. П. Полонского, собрание М. И. Семевского, архив Литфонда и др.²¹ Собрание рукописного, книжного, изобразительного материала как одно из важнейших направлений в работе Пушкинского Дома в период 1918—1930 гг. развивалось успешно прежде всего потому, что оно имело здесь уже свои традиции: собирание литературного наследия русского прошлого было главной целью и главной задачей деятельности Пушкинского Дома в период от его возникновения до Октябрьской революции. Это главное направление было в то время единственным; позднее же, после Октябрьской революции и включения Пушкинского Дома в число учреждений Академии наук, оно перестает быть единственным, но на некоторое время все же остается еще главным, наряду с новыми направлениями и задачами, вставшими перед Пушкинским Домом в связи с изменением его правового, финансового, общественного положения, что повело, конечно, к частичному изменению его научного профиля и расширению его задач.

Характер собирательской деятельности Пушкинского Дома постепенно изменяется, другими становятся источники поступлений. Был собран и размещен в государственных архивохранилищах весь комплекс материалов, в годы революции и гражданской войны брошенных на произвол судьбы; осуществлено распределение их между государственными хранилищами в соответствии с профилем получаемых материалов; наконец, несколько сократился приток пожертвований в связи с уменьшением количества рукописей и произведений искусства, находящихся в частных руках. В собирательской деятельности все более и более усиливается поисковый момент, требующий иногда сложных и длительных разысканий, специальных знаний и навыков.

Во второй половине 20-х годов собирание материалов сопровождается большими работами по их разбору, систематизации, описанию. В то же время идет еще довольно интенсивное пополнение богатств Пушкинского Дома, по своим размерам более значительное, чем в дальнейшем, на поздних этапах деятельности Пушкинского Дома, в том числе и в наши дни. В эти годы пополняется пушкинский фонд, поступают рукописи его произведений, письма, в том числе

²¹ Достаточно полные перечни пожертвованных в Пушкинский Дом материалов и приобретенных им в 1918—1930 гг. содержатся в регулярно публиковавшихся отчетах Отделения русского языка и литературы, а за 1918—1923 гг. — в книге «Пушкинский Дом при Российской Академии наук».

27 писем, найденных в особняке князя Юсупова, поступают архивы Аксаковых, Гарина-Михайловского, Толиверовой-Пешковой, Мережковского, Н. А. Котляревского, собрание П. И. Бартенева с письмами Пушкина, Жуковского, Аксакова, Одоевского, Фета, собрание автографов Г. В. Юдина, собрание писем и черновых рукописей Жуковского и, наконец, после смерти А. Ф. Кони в 1927 г., его обширнейший архив, переданный в Пушкинский Дом по завещанию самого А. Ф. Кони.

В конце 20-х годов завершилась история с передачей в Пушкинский Дом парижского Пушкинского музея А. Ф. Онегина. Как мы помним, договор с Онегиным был подписан в 1908 г. и огромная коллекция стала собственностью Академии наук. События военных лет на некоторое время прервали регулярные отношения с Францией. Онегин и его коллекция из поля зрения нашей Академии исчезли. Однако уже в 1919 г. неприменный секретарь академик С. Ф. Ольденбург начал поиски. Он обратился к директору Французского института в Петрограде профессору Патуйе с просьбой выяснить судьбу коллекции, принадлежавшей Академии наук и, по условиям, находящейся в пожизненном распоряжении Онегина. Вскоре при посредстве советских дипломатических представителей в Париже, особенно при помощи Л. Б. Красина, контакты с Онегиным были восстановлены, в 1922 г. был оформлен новый договор с ним, выплачены расходы по музею в размере 100 000 франков, и весь музей окончательно стал собственностью советского государства. А. Ф. Онегин умер в 1925 г. Передача его коллекции Пушкинскому Дому состоялась несколько позже, в 1928 г., при непосредственном содействии академика А. Н. Крылова, который представлял Академию наук в переговорах с французскими властями. История передачи коллекции и ее получения в Пушкинском Доме отражена в воспоминаниях Н. В. Измайлова: «В 1925 г. Александр Федорович Отто-Онегин умер (<...> в своем завещании подтвердив право собственности на его музей советской Академии наук и оставив ей, кроме того, все накопленное им состояние — свыше 600 тысяч франков, что по тогдашнему курсу было большой суммой. Предстояло получить то и другое и доставить музей в Ленинград. (<...> Летом 1926 г. побывал недолго в Париже академик С. Ф. Платонов — тогда директор Пушкинского Дома — и подготовил почву для передачи музея, но закончить это сложное дело, а главное наладить упаковку и перевозку музея не имел ни времени, ни возможности. (<...>»

Летом 1927 г. съездил в Париж академик М. М. Богословский. Он договорился с бывшим там в длительной командировке академиком А. Н. Крыловым. Этот крупнейший судостроитель принимал от французского правительства военные корабли русского флота, уведенные белыми в Бизерту, ржавевшие там на якорях 8 лет и теперь возвращаемые Советскому Союзу. А. Н. Крылов, человек большого ума и кипучей энергии, удивительно своеобразный „старый морской волк“, доведя до благополучного конца вопрос о денежном наследстве, из которого, впрочем, наследственные пошлины поглотили более половины, так как капитал оставлялся не частному лицу,

а иностранному государству, поручил организацию перевозки своей помощнице и секретарше Анне Богдановне Ферангер — даме умной, деловой и энергичной, под стать самому Крылову. Кто помогал ей в систематизации рукописей, книг, портретов, мемориальных вещей и проч. — не знаю. Кажется, все делала она сама, а технически — приглашенная ею транспортная контора. Но все было сделано превосходно, и ни одна вещь не попортилась. В конце 1927 г. мы получили сообщение, что все отправлено.

Раньше всех пришли отосланные с дипломатической почтой восемь больших фибровых чемоданов. Их привезли в Ленинградское агентство Наркоминдела (Невский пр., 8), и я отправился за ними, снабженный соответствующим полномочием, в сопровождении обоих наших слушателей — Ивана Федоровича Беляева и Андрея Андреевича Тихонова, столяра-краснодеревца. Мы поехали на розвальнях в одну лошадь — другого транспорта Академия не имела — и, выполнив все формальности, привезли чемоданы в Пушкинский Дом, в его нынешнее, незадолго до того освоенное помещение. В первом чемодане были рукописи — автографы Пушкина, альбом А. О. Смирновой, бумаги Жуковского, письма И. С. Тургенева к Онегину и к Рольстону и проч. Все очень заботливо, аккуратно уложенное и переписанное. В других чемоданах — портреты, гравюры, акварели, наконец — самые ценные книги в великолепных марокеновых с золотым тиснением и обрезами „онегинских“ переплетах, которыми восхищался знаток и любитель „марокенчиков“ П. Е. Рейнбот. Все пришло в отменном порядке.

Через несколько дней прибыли с железной дороги остальные вещи — ящики с менее ценными книгами, большие портреты (начиная с самого Онегина, на котором он поразительно похож на Александра III — по словам предания, его единокровного брата), книжные шкафы, секретеры, всякая иная мебель — все, тщательно упакованное в деревянные клетки, завернутое в рогожи и переложенное стружкой. Ничто не попортилось — спасибо Анне Богдановне! — и скоро было расставлено на места. Но вскоре после этого скончался Б. Л. Модзалевский, потом начались академические пертурбации — и выставка Онегинского музея смогла состояться лишь в 1930 г.»²²

Конечно, названные собрания и архивы — это лишь ничтожная часть того, что Пушкинский Дом принял во второй половине 20-х годов, но даже и этот краткий перечень показателен для общей характеристики формирования Рукописного отделения Пушкинского Дома в эту эпоху.

Новым моментом в деятельности Пушкинского Дома второй половины 20-х годов является обращение к собиранию материалов, посвященных русской литературе XX в., в том числе литературе

²² Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг., л. 62—65. — Еще до поступления Онегинского собрания Пушкинский Дом опубликовал ряд содержащихся в нем пушкинских материалов по фотокопиям (см.: Незданный Пушкин: Собрание А. Ф. Онегина. Пб.: изд. Атений, 1922. XXXII+236 с. — Второе издание, исправленное и дополненное, вышло в Госиздате в 1923 г.).

советской. В 1930 г. «в связи с организацией зала современной литературы в музее (. . .) приобретены рукописи журналов „Звезда“, „Новый мир“, „Резец“, „Земля Советская“, „Недра“ и архивы Союза писателей, ЛАПП и ряда современных писателей (. . .) Всего принято 314 новых поступлений, заключающих до 3800 инвентарных №№». ²³ Пожалуй, выставку, посвященную современной литературе, и произведенное для нее собрание произведений графики, живописи, а также рукописей и следует считать исходной точкой в обращении Пушкинского Дома к современной тематике, к изучению советской литературы.

Обращаясь к вопросу об изменении и расширении деятельности Пушкинского Дома, необходимо несколько слов сказать о том, что к этому времени Пушкинский Дом становится уже не просто музеем, собирающим историко-литературные материалы, а центром, группирующим вокруг себя достаточно широкие круги литературной общественности и специалистов по истории русской литературы. В дореволюционные годы этого не было, тогда лишь небольшая кучка энтузиастов работала временами в Пушкинском Доме, как мы сейчас бы сказали, «на общественных началах», занимаясь первичной обработкой новых поступлений, но это не был еще широкий коллектив ученых. В первые же послереволюционные годы с Пушкинским Домом устанавливаются контакты многие писатели, ученые — историки и литературоведы, общественные деятели.

Среди писателей, серьезно интересовавшихся судьбой и деятельностью Пушкинского Дома, прежде всего следует назвать Александра Блока. Еще в дореволюционную пору он был связан с Пушкинским Домом и интересовался его делами. Об этом свидетельствует, например, первый выпуск «Временника Пушкинского Дома», находящийся в библиотеке Блока. В эти годы он уже хорошо знаком с управляющим делами Пушкинского Дома академиком Н. А. Котляревским, с которым ему нередко приходится встречаться в литературной среде. Это о книге Котляревского, посвященной Лермонтову, в 1906 г. Блок напечатал суровый отзыв. ²⁴ Однако такое выступление поэта не помешало им сохранить расположение друг к другу. В Пушкинском Доме в дореволюционные годы Блок, конечно, бывал, особенно когда в главном здании Академии наук открылась в 1913 г. выставка фондов. Однако связи его с Пушкинским Домом укрепились после Октябрьской революции. 19 апреля 1918 г. Блок снова посетил Пушкинский Дом, познакомился с работавшими там сотрудниками-энтузиастами. В своем дневнике Блок в этот день записал: «В Академии наук утром. Знакомство с Модзалевским и др. Много разговоров». ²⁵ Таким образом, с Модзалевским Блок познакомился 19 апреля 1918 г. А о чем он беседовал в этот день в Пушкинском Доме — можно только предполагать. Ведь день-то был знаменатель-

²³ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1930 год. Л., 1931, с. 246.

²⁴ Блок А. Педант о поэте // Слово. 1906. 27 февр. Литературное приложение, № 4.

²⁵ Блок А. Записные книжки. 1901—1920. М.; Худ. литература, 1965. С. 401.

Пушкинскому Дому.

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук кончатый и законный,
Не пустой для сердца звук!

Это-звонь парохода
На торжественной рѣкѣ,
Переклика парохода
Съ пароходомъ вдалекѣ.

Это-древній Сфинксъ, глядящій
Всѣгда медлительный волкъ,
Всадникъ бронзовый, летящій
На недвижномъ скакутѣ.

Не твое ли, Пушкин, радость
Окрывала нас тогда?

Вот затвиль такой Знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
Въ Академіи Наукъ.

Вот затвиль въ часъ заката
Уходя въ ногу тьму,
Съ облой площади Сената
Тихо кланюсь ему.

5 февраля
1921.

Александръ Блокъ.

ный — канун большой перемены в судьбе Пушкинского Дома, зачисления его в разряд академических учреждений. Не в связи ли с предстоящим на следующий день обсуждением дел Пушкинского Дома в Конференции Академии наук пригласил Блока Котляревский? Достаточно тесные связи Блока с Пушкинским Домом позволили его сотрудникам в феврале 1921 г. обратиться к нему с просьбой сделать запись в альбоме Е. П. Казанович, в котором оставляли свои автографы почетные посетители Пушкинского Дома. В автографе стихотворение «Пушкинскому Дому» датировано 5 февраля 1921 г., т. е. оно было написано за несколько дней до выступления Блока с речью «О назначении поэта» в день 84-й годовщины смерти Пушкина. Об этом стихотворении Блок сказал: «Кто-то позвонил по телефону и сказал, что Пушкинский Дом просит написать ему в альбом какие-нибудь строки о Пушкине. Я написал, но, кажется, вышло плохо. Я отвык от стихов, не писал уже несколько лет».²⁶ Стихотворение было опубликовано во втором номере «Дома литераторов» за 1921 г. Это было последнее законченное поэтическое произведение Александра Блока.²⁷ 7 августа 1921 г. поэт умер. Сегодня, более шести десятилетий спустя, это стихотворение, начинающееся словами:

Имя Пушкинского Дома
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук! —

воспринимается как приветствие великого поэта Пушкинскому Дому. В 30-е годы в Пушкинский Дом было передано все, что находилось в кабинете поэта в момент его смерти: его рукописи, библиотека, письменный стол и все убранство кабинета. Эти реликвии позволили сначала открыть в Литературном музее Пушкинского Дома мемориальный кабинет Блока, а сейчас стали основой Музея Александра Блока в Ленинграде, открытого в 1980 г.

Стремясь объединить вокруг себя литературную и научную общественность, Пушкинский Дом с 1922 г. стал проводить открытые научные собрания (их в 1922 г. состоялось 16, в 1923 — 30, в 1924 — 32). Эти собрания проходили в выставочных помещениях на улице Халтурина до 1925 г., когда же эти помещения отошли от Пушкинского Дома, собрания были перенесены на последнюю квартиру Пушкина на Мойке, правда, они стали проводиться значительно реже. На заседаниях выступали с докладами сотрудники Пушкинского Дома, внештатные его работники, литературоведы, в Пушкинском Доме не состоящие, писатели, поэты, переводчики.

Научные доклады, во многом характеризующие деятельность Пушкинского Дома первой половины 20-х годов, свидетельствуют

²⁶ Чуковский К. Александр Блок как человек и поэт. Пг., 1924. С. 51.

²⁷ Казанович Е. Как было написано А. Блоком стихотворение «Пушкинскому Дому» // Звезда. 1977. № 10. С. 199—200. См. также: Блок А. А. Ранняя редакция стихотворения «Пушкинскому Дому» // Бюллетени Рукописного отдела Института литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. М.; Л., 1947. Вып. 1. С. 80—83.

о намечающемся переходе от музейно-источниковедческого направления к направлению исследовательскому, включающему историю русской литературы, ее теорию, а также поэтику, стилистику, стихосложение. Вместе с тем читаются доклады, знакомящие слушателей с материалами из собраний Пушкинского Дома, в том числе пушкинскими, доклады-воспоминания о литературном движении XIX в.; наконец, с чтением своих произведений в эти годы часто выступают советские писатели. В собраниях 1922 г. участвовали С. Ф. Ольденбург, Н. А. Котляревский, Н. К. Козмин, М. Л. Гофман, И. А. Кубасов, П. Е. Рейнбот, Б. М. Энгельгардт, Б. Л. Модзалевский, Б. В. Томашевский, Н. В. Яковлев, Б. И. Коплан, А. Ф. Кони, А. С. Долинин, Е. П. Казанович и др.²⁸ В 1923 г. круг выступающих заметно расширяется, появляются докладчики, в Пушкинском Доме не работающие. С докладом «Достоверный и люди сороковых годов» выступает В. Ф. Боцяновский, Ю. Н. Тынянов читает доклад «Ф. И. Тютчев и его место в русской поэзии», А. И. Ляшенко — сообщение «Переписка Кулиша с Плетневым 40-х годов», Б. М. Эйхенбаум — «Лермонтов как историко-литературная проблема», А. И. Малейн — «Римская поэзия и русские писатели», А. Ф. Кони выступает с воспоминаниями о Тургеневе.²⁹ В это же время на собраниях Пушкинского Дома К. Федин читает отрывки из романа «Города и годы», а Е. Замятин — из рассказа «О самом главном» (28 октября 1923), выступают Вс. Рождественский, Надежда Павлович, М. Лозинский (20 октября 1923), с докладом «Репертуар детского театра» выступает С. Я. Маршак, свои произведения читают Инн. Оксенев, Н. Тихонов, Елизавета Полонская, Н. Клюев и др.³⁰ Широко поставленная на протяжении трех лет пропаганда богатств, собранных в Пушкинском Доме, а также открытые научные диспуты и собрания принесли заметные результаты: оживилась и заметно развилась исследовательская работа внутри самого Пушкинского Дома, снова стали выходить его труды, отчасти аккумулирующие результаты публичных выступлений, вокруг Пушкинского Дома сложился коллектив ученых, из которых многие потом стали его сотрудниками. Пушкинский Дом поддерживал тесный контакт с писателями, ослабившийся, пожалуй, на более поздних этапах развития Пушкинского Дома.

Соержание научных собраний, рассчитанных не только на специалистов, но и на широкие круги научной общественности, в последующие годы несколько изменилось, тематика заседаний все больше и больше стала подчиняться программе исследований, проводимых в Пушкинском Доме, что вполне естественно для процесса формирования этого учреждения как научно-исследовательского центра. Тем не менее научные собрания, заседания, дискуссии в Пушкинском Доме уже в 20-е годы находятся в центре научной жизни, во многом определяют направления и уровень исследований,

²⁸ Пушкинский Дом при Российской Академии наук... С. 37.

²⁹ Отчет о деятельности Российской Академии наук в 1923 году. Л., 1924. С. 113—114.

³⁰ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1921), № 2.

служат делу формирования советской историко-литературной науки.

Другое направление деятельности Пушкинского Дома, почти не свойственное ему в предреволюционную эпоху, связано с пропагандой богатств, накопленных в Пушкинском Доме. Еще в 1918 г. Пушкинский Дом принял участие по приглашению Книжной палаты в Тургеневской выставке. Это был первый опыт участия в выставках, которые с получением помещения на улице Халтурина стали регулярными. Первая выставка была организована здесь в октябре 1921 г. в связи со столетием со дня рождения Достоевского, а два месяца спустя открылась вторая юбилейная выставка, посвященная столетию со дня рождения Некрасова. К открытию этих выставок были выпущены в свет специальные каталоги, которые донесли их содержание до наших дней. Две выставки были открыты в 1922 г. — опять в тех же помещениях на улице Халтурина. Первая из них была посвящена Пушкину, вторая — столетию со дня рождения Аполлона Григорьева. К этим выставкам также предварительно были изданы каталоги, путеводители. Выставочная деятельность быстро расширяется. В 1923 г. Пушкинский Дом устраивает уже пять выставок: «Книга Пушкина», «Русские писатели в изданиях для детей», «Столетие „Евгения Онегина“», «40-е годы в русской литературе», «Русская художественная литература за революционные годы. 1918—1923». Трудности с публикацией работ в это время вынудили отказаться от печатания путеводителей и каталогов. Пять выставок было организовано и в 1924 г.: «К столетию со дня рождения В. В. Стасова», «К столетию со дня окончания Грибоедовым комедии „Горе от ума“», «К 125-летию со дня рождения Пушкина», выставка «Байрон в России», выставка памяти Леонида Андреева.

Множество временных тематических выставок в начале 20-х годов не случайно. Для организации регулярного литературного музея пока нет ни помещения, ни средств, ни опыта, но обилие накопленного материала — изобразительного, книжного, рукописного — обязывает включать его, хотя бы понемногу, в общий процесс культурного развития страны, а поэтому Пушкинскому Дому и приходится избирать формы, для него в это время возможные и сильные. И среди таких форм временная тематическая выставка оказывается самой оперативной и с научной точки зрения наиболее результативной. В 1924 г. создается постоянно действующая экспозиция, т. е. литературный музей.

Музей был создан в помещениях на Тифлисской улице. Там были открыты отделы, посвященные предшественникам Пушкина, его окружению и Лермонтову. Все же остальные отделы разместились в девяти залах и кабинетах в здании на Тучковой набережной, где сейчас располагается Институт физиологии им. Павлова. В 1925 г. Пушкинский Дом получает в нынешнем его здании два зала для помещения дублетного фонда, а в 1927 г., к 10-летию Октябрьской революции, в новом помещении открывается Литературный музей, действующий и поныне. На открытии музея присутствовали президент Академии наук СССР академик А. П. Карпинский и приглашенные гости.

В конце 1925 г. в ведение Пушкинского Дома была передана квартира, где скончался Пушкин (наб. Мойки, 12). Создание в этой квартире «памятного музея историко-литературного и бытового характера», а также внесение дальнейших улучшений в группировку материалов постоянной выставки по истории новой русской литературы и стали главными задачами Пушкинского Дома в эти годы.³¹

Здесь, в квартире Пушкина, 10 февраля 1926 г. впервые была отмечена 89-я годовщина со дня гибели поэта. На собрании присутствовали «члены Академии наук во главе с президентом академиком А. П. Карпинским, представители научных, литературных и художественных учреждений и организаций и приглашенные лица — всего до 250 человек. Собрание открылось вступительным словом директора Пушкинского Дома академика С. Ф. Платонова, после которого ровно в 2 ч. 45 м., в час кончины Пушкина, хором Академической капеллы под управлением М. Г. Климова был исполнен Похоронный марш Шопена и затем отрывки из Requiem'a Моцарта».³² Традиция, заложённая в 1926 г., сохраняется и поныне.

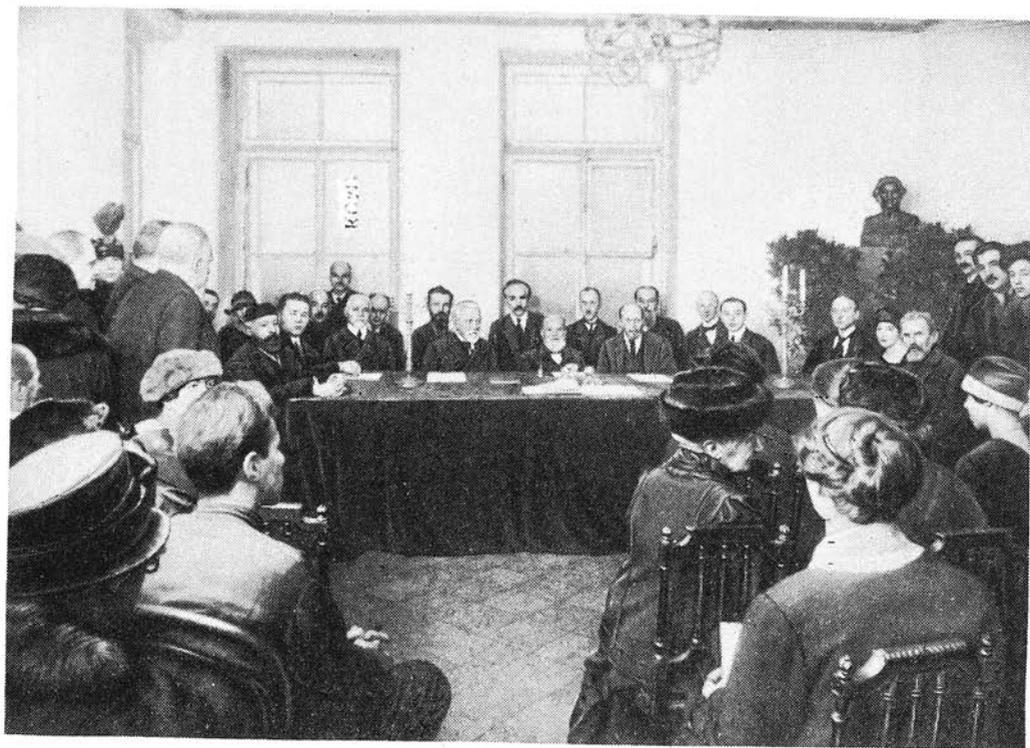
На протяжении всего периода с 1918 до 1930 г. музейно-экспозиционная работа занимала в деятельности Пушкинского Дома весьма заметное место, развиваясь от эпизодических и редких выставок, посвященных юбилеям писателей, к созданию музея с постоянной экспозицией по истории русской литературы XVIII и XIX вв.

Научные собрания и музейно-выставочная деятельность были очень важны как пропаганда научных знаний и богатств, сосредоточенных в Пушкинском Доме. Однако постепенно на главном месте в Пушкинском Доме выдвигается не просто популяризация ценностей, а глубокое их изучение, в это время выражающееся в подготовке к научному изданию материалов, здесь хранящихся. Эта работа была начата еще в предреволюционные годы. Годы войны и революции надолго приостановили ее. Если мы взглянем на список трудов Пушкинского Дома, то увидим, что после 1917 г. в его издательской деятельности наступил значительный перерыв. Первые книги, подготовленные в Пушкинском Доме, стали выходить в свет лишь в 1922 г., если не считать двух маленьких путеводителей по выставкам, вышедших в 1921 г.

Более пятидесяти книг было издано Пушкинским Домом в 1922—1930 гг. В те годы Академия наук еще не имела своего издательства, а потому труды Пушкинского Дома выпускались в свет самыми разными — частными, кооперативными и государственными — издательствами. «Ряд вновь образовавшихся частных издательств, — вспоминает М. Д. Беляев, — предлагали свои услуги и Пушкинскому Дому для работ его сотрудников. Особенно охотно взялся печатать их владелец фирмы „Атеней“ Лев Самойлович Утевский, молодой человек, сам немного занимавшийся историей литературы (по И. С. Тургеневу). Издавал он изящно, да и вообще в те дни старались оформить книгу получше, благо появилась и хорошая бумага, и хорошие

³¹ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1925 год. Л., 1926. С. 157.

³² ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1925), № 1, л. 6.

Первое заседание на квартире Пушкина в день его смерти 10 февраля 1926 г.
За столом: академик С. Ф. Платонов, президент Академии наук академик А. П. Карпинский, А. Ф. Кони и др.

работники». ³³ Отсутствие собственной полиграфической базы осложняло публикацию научных работ, и многие из них, дойдя порою до издательства, в свет не выходили. Издательская практика, отражая результаты деятельности научной, развивалась на протяжении 20-х годов хотя и неравномерно, но тем не менее достаточно успешно для того, чтобы значительная часть трудов, создаваемых немногочисленным коллективом ученых, могла дойти до читателя.

Научная деятельность Пушкинского Дома, начавшаяся до Октябрьской революции, в 20-е годы продолжала развиваться и была сосредоточена главным образом на изучении и публикации собранных материалов с немногочисленными пока выходами в сферу исследования русского литературного процесса в целом или его отдельных периодов и моментов. В центре внимания — прежде всего Пушкин и пушкинская эпоха, публикация неизданных произведений и писем поэта и его современников. Правда, этой эпохой исследования не ограничиваются. Пушкинский Дом работает над изучением творчества Некрасова, Чехова, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Тургенева, Гончарова и выпускает им посвященные сборники. Однако в программе исследований пушкинско-декабристская литература преобладает очень заметно. Это и понятно. Пушкинский Дом был устроен как центр пушкиноведения прежде всего, и это наложило отпечаток на всю его деятельность и 20-х годов, и более поздних, но особенно 20-х. Литературное источниковедение пушкинско-декабристской эпохи находилось тогда в очень неразвитом и несовершенном состоянии, а поэтому возможностью и перспектив для исследования, для введения новых материалов было предостаточно. Конечно, среди важнейших работ этого времени — подготовленное Б. Л. Модзалевским четырехтомное издание писем Пушкина, публикация писем поэта к Е. М. Хитрово, автографы которых были обнаружены при ремонте Юсуповского дворца, документы о дуэли и смерти Пушкина, сборники с материалами онегинской коллекции, фотоментрированные издания «Домика в Коломне» и «Гавриилиады», публикации неизданных материалов о декабристах, вновь найденных произведений Дельвига, А. И. Одоевского, М. С. Лунина, сборники, посвященные памяти Котляревского и Кони, а также ряд изданий, первоначально задумывавшихся в качестве серийных или повременных («Радуга», «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год», «Литературные портфели», «Атеней»), но по разным причинам прекратившихся в основной своей части сразу же после появления первого выпуска.

Характер трудов Пушкинского Дома, посвященных преимущественно исследованию и введению в научный оборот новых материалов, вполне соответствовал тогдашнему положению в той части литературной науки, которая занималась изучением русского литературного наследия XIX в., и профилю Пушкинского Дома. От учреждения музейного типа, каким Пушкинский Дом был до Октябрьской революции, он постепенно в 20-е годы эволюционирует в сторону научно-

³³ Беляев М. Д. Пушкинский Дом и его первые обитатели. Л. 244.

исследовательского института, каким вскоре и станет. Этот процесс эволюции неизбежно должен был пройти стадию, связанную с источниковедением, потому что именно для этого по первоначальному замыслу и создавался Пушкинский Дом и в этом направлении была ориентирована вся его предшествующая деятельность.

Источниковедческие, текстологические, библиографические и историко-литературные исследования, проводившиеся в Пушкинском Доме в 20-е годы, во многом предопределили возможность превращения Пушкинского Дома в научно-исследовательский институт со значительным и кардинальным изменением программы. Именно эти исследования, в общей системе литературной науки относящиеся к области вспомогательных дисциплин, обусловили возможность проведения в Пушкинском Доме больших работ по изучению истории и теории русской литературы, оказали свое воздействие на формирование и программу деятельности будущего института, его своеобразного и до сих пор неизменного профиля.

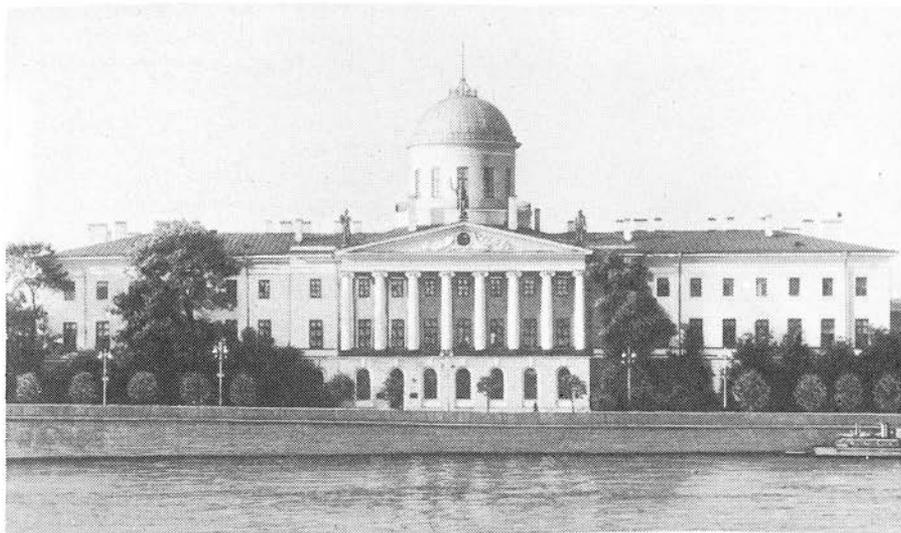
Несмотря на относительно односторонний характер своей деятельности, Пушкинский Дом уже в 20-е годы становится крупным и пользующимся широкой известностью центром по собиранию и изучению русского литературного наследия, пока еще ограниченного хронологическими рамками XIX в. В это время вокруг Пушкинского Дома складывается довольно широкий коллектив известных в то время ученых, принимающих участие в его трудах.

Пушкинский Дом по-прежнему возглавляет академик Н. А. Котляревский, его ближайшим помощником является Б. Л. Модзалевский, в 1918 г. избранный членом-корреспондентом Академии наук. Штат Пушкинского Дома с 10 человек в 1918 г. увеличивается до 30 в 1927 г. Однако во второй половине 20-х годов в Пушкинском Доме происходят некоторые изменения, во многом обусловленные смертью его основателей и постоянных руководителей Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского.

Академик Нестор Александрович Котляревский скончался 12 мая 1925 г. Эта кончина была особенно чувствительна потому, что совпала с моментом переустройства Пушкинского Дома, развертывания его постоянной выставки и подготовки к юбилею Академии наук.³⁴ В лице Н. А. Котляревского Пушкинский Дом потерял своего главу и руководителя, который «его создал, имя которого было в свое время знаменем, привлекавшим к молодому учреждению всеобщие симпатии, доверие и уважение, который — писала сотрудница Пушкинского Дома Е. П. Казанович, — и нам давал возможность и право гордиться тем, что мы к этому учреждению принадлежим, а в совместной работе с ним и под его руководством — видеть для себя образец и высокую школу идейного труда, направленного к широкому просветительным целям».³⁵

³⁴ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1925 год. С. 148.

³⁵ К а з а н о в и ч Е. Нестор Александрович Котляревский: Краткие биографические сведения // Памяти Нестора Александровича Котляревского. 1863—1925. Л., 1926. С. 53.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
В этом здании Институт помещается с 1927 г.

Книги Пушкинского Дома в Кремлевской библиотеке В. И. Ленина.

После смерти Н. А. Котляревского обязанности директора некоторое время исполнял Б. Л. Модзалевский, а с 1 августа 1925 г. Конференция Академии назначила директором Пушкинского Дома академиком С. Ф. Платонов. «Приняв пост директора Пушкинского Дома, — вспоминает Н. В. Измайлов, — С. Ф. Платонов принужден был совмещать его с постами председателя Археографической комиссии Академии наук и — кажется, с того же 1925 г. — директора Библиотеки Академии наук. Он мало вмешивался в научную жизнь и труды Пушкинского Дома, предоставляя руководство ими Б. Л. Модзалевскому. Но в 1926 г. много содействовал широкому участию Пушкинского Дома в трехтомном сборнике материалов „Памяти декабристов“, изданном Академией наук; в 1927 г. выхлопотал — в виде совершенного исключения и отступления от традиций Академии наук — гонорар, пусть и небольшой, для участников издания Пушкинского Дома „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“; сам написал небольшую, но любопытную книжку „Далекое прошлое Пушкинского уголка“ (Святогорский монастырь и городище Воронич в XV—XVII веках); наконец, едва ли бы без его деятельного участия Пушкинский Дом получил в 1927 г. свое нынешнее помещение — здание Таможни на Тучковой набережной».³⁶

В переломное для Пушкинского Дома время, когда он только что переехал в новое здание, скончался второй из его основателей — член-корреспондент АН СССР Б. Л. Модзалевский. Он умер 3 апреля 1928 г. Борис Львович Модзалевский всю свою жизнь посвятил изучению русской литературы, а последние 25 лет своей деятельности — Пушкинскому Дому. Его трудами и умением были собраны здесь крупнейшие рукописные, музейные, книжные богатства; его энергией, его творческой мыслью двигалось вперед их изучение, а Пушкинский Дом постепенно превращался в крупный научный центр страны в области литературоведения. История Пушкинского Дома, неоднократно рассказанная в печати еще при жизни Б. Л. Модзалевского, «есть документальная, если так можно выразиться, материальная история его жизни, его изо дня в день, из ночи в ночь бдительных и неустанных трудов над созданием Пантеона русских писателей. Модзалевский, по характеру своих печатных трудов, по методам работы, даже по письму, не был популяризатором знаний, но ему суждено было стать создателем могущественного и привлекательнейшего учреждения, которое неизмеримо более, чем сотни написанных и им и другими учеными книг, делает одну из труднейших областей знания — историю литературы — доступной пониманию самых широких масс и заполняет ум и сердце уважением к одному из блестящих проявлений человеческого гения, к художественному слову».³⁷ Котляревский и Модзалевский были основателями Пушкинского Дома, и потому в своей работе они осуществляли именно те

³⁶ Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. Л. 44—45.

³⁷ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1928), № 2, л. 36 (из Записки об ученых трудах Б. Л. Модзалевского).

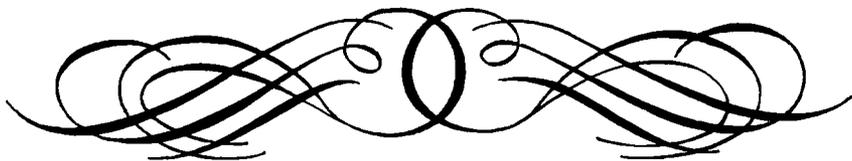
принципы, которые были заложены при его возникновении, хотя и понимали, что развитие филологической науки не позволит долго задерживаться на позициях, сформулированных в 1905 г., и Пушкинский Дом неизбежно перерастет стадию музейно-источниковедческого развития и превратится в подлинно научный центр с широкой программой исследований, значительно выходящей за пределы, как теперь говорят, вспомогательных литературоведческих дисциплин.

Период 20-х годов в истории Пушкинского Дома стал подготовительным этапом к созданию на его основе научно-исследовательского центра. Труды, изданные в эти годы, быстро вошли в научный оборот, ими заинтересовалась советская и зарубежная общественность. На них обратил внимание В. И. Ленин. Каталог Кремлевской библиотеки свидетельствует о том, что книги Пушкинского Дома попали в нее не случайно, а подбирались специально и систематически. В 1921—1923 гг. Пушкинский Дом выпустил в свет 20 книг, из которых 15 были приобретены для Кремлевской библиотеки В. И. Ленина. На ее полках — подготовленные Пушкинским Домом научные публикации произведений и писем Пушкина, А. И. Одоевского, М. С. Лунина, Некрасова, Гончарова, Тургенева, Короленко, альманах «Радуга», «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год» и др. Судя по каталогу библиотеки, Ленин был одним из самых внимательных и постоянных читателей трудов Пушкинского Дома.³⁸

В 1929 г. директором Пушкинского Дома стал академик С. Ф. Платонов. Его сменил академик П. Н. Сакулин, который хотя и недолго находился в должности директора (он умер 7 сентября 1930 г.), но тем не менее с его именем связана инициатива преобразования Пушкинского Дома в научно-исследовательский институт. Такое преобразование было подготовлено предшествующим развитием Пушкинского Дома, появлением новых аспектов в его деятельности, а также задачами, в это время вставшими перед молодым советским литературоведением и направленными на решение больших и сложных вопросов русского литературного развития. И вполне естественно, что такой научно-исследовательский центр должен был возникнуть на базе Пушкинского Дома. В то время только Пушкинский Дом в какой-то степени был готов к выполнению тех задач, какие ставились перед проектируемым научно-исследовательским институтом, задуманным как единственный в стране центр по изучению русской литературы, ее истории, теории, связей с другими литературами и другими видами искусства.

³⁸ Библиотека В. И. Ленина в Кремле: Каталог М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1961. С. 216, 481, 484, 486, 488, 500, 502.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА
В ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР.
ЕГО НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 1930—1941 гг.

Усиление исследовательского аспекта в работе Пушкинского Дома обусловило постановку вопроса о преобразовании его в научно-исследовательский институт. Об этой возможности не раз писали основатели Пушкинского Дома Н. А. Котляревский и Б. Л. Модзалевский. Например, в записке дирекции Пушкинского Дома, составленной 2 ноября 1923 г. и подписанной исполнявшим в то время обязанности директора Б. Л. Модзалевским и хранителем книжных собраний И. А. Кубасовым, мы читаем: «Пушкинский Дом в настоящее время представляет одно из богатейших специальных научных учреждений, вполне готовое к тому, чтобы развернуть свои сокровища, но пока еще стесненное на этом пути недостатком помещения и оборудования. В то же время он есть и научно-исследовательский институт со вполне определенной и широко поставленной программой, осуществить которую в желательной полноте ему мешают тот же недостаток помещения и постоянный хронический недостаток ресурсов».¹ Непосредственным же поводом для решения назревшего вопроса послужила реорганизация Академии наук, в это время развернувшаяся и предшествовавшая принятию нового Устава Академии наук в 1930 г.

Все подготовительные работы по преобразованию Пушкинского Дома были осуществлены его тогдашним директором академиком П. Н. Сакулиным. Будучи председателем Группы языкознания и литературы, П. Н. Сакулин 28 декабря 1929 г. обратился с докладной запиской в Отделение гуманитарных наук АН СССР с предложением об организации Института русского языка и словесности. В этом институте П. Н. Сакулин предполагал создать три отделения. В первом из них должны были сосредоточиться исследования по истории и теории русского языка, во втором — древнерусской литературы, в третьем — новой русской литературы. Отдел древнерусской литературы П. Н. Сакулин мыслил как объединение Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы и Комиссии по созданию

¹ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1921), № 1, л. 105.

толковой библиографии по древнерусской литературе, а Отдел новой русской литературы он предполагал создать на основе слияния Пушкинского Дома, Толстовского музея, Пушкинской комиссии и серийного издания «Пушкин и его современники».² В этом проекте Пушкинский Дом рассматривался не как основа для организации самостоятельного научного центра, а лишь как одна из его составных частей, при создании предполагаемого института теряющая свою автономию и годами слагавшийся научный профиль. Разнородность научных учреждений, предполагаемых к объединению, а также в значительной мере музейная либо текстолого-библиографическая их ориентация, вероятно, и помешали осуществлению этого проекта. В конечном счете все эти учреждения и могли объединить свои усилия в изучении древней и новой русской литературы — так впоследствии и случилось, — но для этого прежде всего был необходим объединяющий центр, каким на более поздних этапах реорганизации и стал Пушкинский Дом.

В 1929 г. специальная комиссия обследовала работу Пушкинского Дома, Толстовского музея и Комиссии по изданию сочинений Пушкина, отметив в своем заключении, что Пушкинский Дом не имеет четко сформулированных задач и определенного направления исследовательских работ: «Пушкинский Дом — учреждение без определенных задач: не то архив рукописей, не то библиографический и генеалогический институт, не то научно-исследовательский институт по новой русской литературе, как он иногда именовался в официальных отчетах. Пушкинский Дом вырос из стихийно, что явным образом отразилось на его структуре с номенклатурой должностей. Настоящая структура не является структурой научно-исследовательского учреждения».³ Видимо, в результате этого обследования было решено «организовать Пушкинский Дом как научно-исследовательский институт по новой русской литературе и истории общественной мысли, увязав его работу с другими исследовательскими учреждениями и сохранив за ним также все его функции как научно-вспомогательного учреждения».⁴ П. Н. Сакулин с этим не согласился. Он изложил свое мнение в докладной записке от 13 мая 1930 г., считая, что будущий Институт новой русской литературы будет научно-исследовательским учреждением и в качестве такового должен создаваться заново. Пушкинский Дом и Толстовский музей, писал он, «по своим задачам и по своей структуре — не более как научно-вспомогательные учреждения и лишь в этих пределах ведут научно-вспомогательную работу. Было бы нецелесообразно возлагать на них еще функции научно-исследовательского порядка. Научно-исследовательская работа в области литературоведения требует особого организационного оформления. С этой целью и создается Институт новой русской литературы».⁵ Это мнение П. Н. Сакулина еще раз свидетельствует

² Там же, оп. 1 (1930), № 1, л. 42—43.

³ Там же, оп. 1 (1929), № 3, л. 74.

⁴ Там же, л. 77.

⁵ Там же, л. 117.

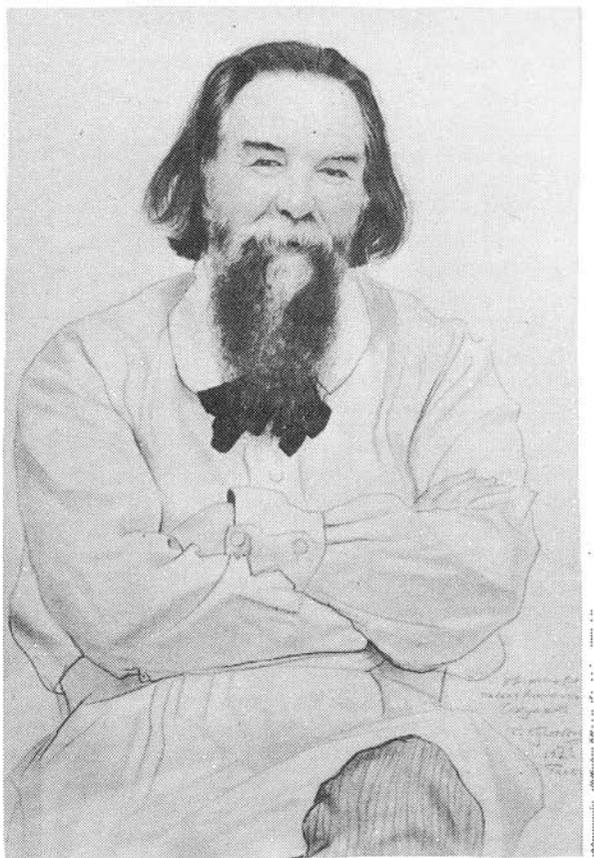
о том, что он первоначально рассматривал Пушкинский Дом лишь как составную часть будущего института, а не основу, на которой этот институт должен создаваться. Конечно, Пушкинский Дом и Толстовский музей не соответствовали задачам будущего научно-исследовательского института, которые определены П. Н. Сакулиным. Однако в 1930 г. Пушкинский Дом был единственным научным учреждением, которое можно было рассматривать как основу для создания научно-исследовательского института. Другого учреждения для этой цели в стране просто не существовало.

П. Н. Сакулин учитывал прежде всего перспективы развития литературной науки, и поэтому набросанный им проект института во многом был близок его современному положению и задачам. Структура проектируемого института должна вытекать из сущности тех научных проблем, писал он, «какие находятся в его ведении. Институт: а) разрабатывает историю новой русской литературы, начиная с середины XVII века, б) занимается изучением современной литературы и в) разрабатывает проблемы теоретико-методологического характера (проблемы поэтики и методологии). Понятие истории литературы принимается в широком значении литературной жизни (художественная литература, литературная критика и публицистика). По тем или другим мотивам выделяются для особого изучения определенные комплексы явлений. В проектируемом институте есть полное основание иметь особый сектор пушкиноведения. Необходимо также организовать исследовательскую работу по изучению устнопоэтического творчества (фольклора), которое на всем протяжении исторического развития русской литературы вплоть до наших дней составляет существенный ингредиент общего литературного процесса. Первостепенная важность теоретико-методологических вопросов едва ли нуждается в мотивировке. Эти вопросы стоят в науке на ближайшей очереди и с удобством могут изучаться на материале новой русской литературы. История и теория литературы должны быть тесно связаны между собой. Иначе в работе института не будет методологической выдержанности».⁶

Поставленные П. Н. Сакулиным задачи предполагали создание большого научного центра по изучению истории и теории русской литературы. Однако этот проект недостаточно учитывал силы и состояние тогдашнего литературоведения, которое не располагало возможностями для создания такого крупного и многопрофильного института. Тем не менее Институт новой русской литературы был утвержден Комитетом по заведованию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР в списке научных и административных учреждений и общественных организаций Академии наук СССР. Это произошло 20 июня 1930 г.⁷ Институт был создан, но до сентября его структура, научно-кадровая основа и принципы организации продолжали обсуждаться. Лишь в конце сентября, после смерти академика

⁶ Там же.

⁷ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947). М.; Л., 1950. С. 91.

Академик П. Н. Сакулин.
Директор Пушкинского Дома в 1929—1930 гг.
Рисунок Б. М. Кустодиева. 1923.

П. Н. Сакулина, были объединены Пушкинский Дом, Толстовский музей, Комиссия по изданию сочинений Пушкина, и это объединение получило статус формально уже основанного Института новой русской литературы.⁸

Таким образом, в процессе обсуждения мысль П. Н. Сакулина о создании нового научного центра была существенно откорректирована, и в основу преобразований все же легло ранее выдвигавшееся предложение о радикальном изменении профиля Пушкинского Дома, о превращении его из музейно-источниковедческого учреждения в научно-исследовательское. 1 октября 1930 г. Отделение общественных наук утвердило Положение об Институте новой рус-

⁸ Там же. С. 94.

ской литературы,⁹ 2 октября избрало его директором академика А. В. Луначарского.¹⁰

Опасения П. Н. Сакулина, касающиеся сложности преобразования Пушкинского Дома в научно-исследовательский институт, вскоре оправдались. Исполнение разработанной программы потребовало не только существенного изменения уже сложившейся структуры Пушкинского Дома, но и новых кадров, которые могли бы осуществлять исследования по новой программе и в тех областях литературной науки, в которых ранее Пушкинский Дом не работал. Кроме того, изменения эти происходили в то время, когда советская литературная наука «овладевала марксизмом в обстановке острой борьбы с традициями и концепциями буржуазных литературоведческих школ и с собственными заблуждениями — вульгаризаторским искажением и упрощением марксистской методологии в подходе к явлению искусства».¹¹ Эти явления, взятые в совокупности, заметно тормозили становление нового научного центра. Старые кадры, сложившиеся еще в предреволюционную эпоху и обладавшие опытом и широтой научного кругозора, с трудом и не всегда с должным успехом овладевали марксистско-ленинской методологией исследования, часто оставаясь в стороне от острых полемики и дискуссий, в которых вырабатывались новое научное мировоззрение, новые методологические подходы и приемы исследования. Более молодое поколение ученых, формирующееся в условиях советской действительности, наоборот, с предельной активностью включалось в идеологическую борьбу, развернувшуюся в литературоведении, но, не обладая достаточным опытом, молодые ученые порою в своем увлечении скатывались на позиции вульгарного социологизма, иногда увлекая за собой целые научные коллективы и учреждения. Нельзя сказать, чтобы Институт русской литературы был в числе таких «увлеченных» учреждений, но период страстной борьбы с вульгарным социологизмом и формализмом переживался здесь достаточно остро, и это наложило свой отпечаток на характер и темпы развития Института в 30-е годы и отразилось, как мы увидим ниже, даже на структуре создаваемого института.

Утвержденное в 1930 г. Положение об Институте юридически закрепило за ним статус научно-исследовательского учреждения, работающего «в области литературоведения на основе историко-материалистической теории». Это же Положение определяло задачи Института, программу его деятельности и организационную структуру. В Институте новой русской литературы предполагалось, во-первых, «изучение истории русской литературы, начиная с XVIII века и кончая современностью, с разработкой на основе указанного материала общих проблем поэтики, методологии литературоведения»; во-вторых, «собрание и обработка литературных материалов ру-

⁹ ЛО Архива АН СССР, ф. 1, оп. 1 (1930), № 256, л. 66.

¹⁰ Там же, № 254, л. 46.

¹¹ Бушмин А. С. Методологические вопросы литературоведческих исследований. Л.: Наука, 1969. С. 9.

кописного, книжного и музейного характера».¹² Таким образом, те задачи, которые в деятельности Пушкинского Дома имели первостепенное значение, теперь уступали место исследованию русской литературы, ее истории и теории, методологии изучения. В Положении специально подчеркивалось, что Институт в первую очередь «выдвигает разработку вопросов, имеющих актуальное значение в современной науке и советской общественности».¹³ Однако обращение к изучению литературного процесса прошлого и современности не отменяло задач собирания, сохранения и публикации русского литературного наследия, а, наоборот, создавало Институту базу для этих исследований, которые, как правило, строились здесь на широком использовании источников — рукописных, изобразительных, книжных.

Организационная структура Института представляла собою систему специализированных секторов, открывающихся по мере надобности. В первую очередь, как указывалось в Положении, признавалось необходимым открытие Историко-литературного сектора, Сектора пушкиноведения, Сектора современной литературы, Сектора устнопоэтического творчества, Сектора поэтики и методологии. Творческим подразделениям Института сопутствовали его научно-вспомогательные учреждения: Рукописный отдел, библиотека, Литературный музей. Однако далеко не все научные подразделения, названные в Положении, были открыты в период создания и становления Института. В 1930 г. здесь начали свою деятельность Историко-литературный сектор и Сектор теоретико-методологический. Впрочем, эта структура просуществовала недолго. К моменту утверждения в 1932 г. новой редакции Положения об Институте русской литературы уже не существовало Сектора теоретико-методологического, а Историко-литературный сектор, получив название Научно-исследовательского, разделился на два отдела, из которых первый должен был заниматься изучением древнерусской литературы, а второй — новой русской литературы.

Надо сказать, что в первые годы существования Института его структура не была стабильной: возникали и ликвидировались разные бюро и группы, делились и восстанавливались сектора и отделы, то возникали и проводились в жизнь системы кабинетов, то их неожиданно сменяли системы отделов, и т. д. И это вполне объяснимо. Научно-исследовательское учреждение подобного типа создавалось в стране впервые, да еще создавалось в условиях постоянной и ожесточенной борьбы различных групп и направлений в литературной науке, — как правило, различных не только по своей методологии, но и идеологии.

В обсуждениях преобразований прошел 1930 г. В этом году были утверждены структура и штаты Института новой русской литературы, еще при жизни П. Н. Сакулина был разработан план деятельности Института на 1931 г., а немного позднее был составлен

¹² ЛО Архива АН СССР, ф. 1, оп. 1 (1930), № 254, л. 121.

¹³ Там же.

и первый пятилетний план. Осуществление преобразований и выполнение первого пятилетнего плана протекали в сложных условиях. После смерти П. Н. Сакулина обязанности директора некоторое время исполнял член-корреспондент АН СССР Н. К. Козмин, старый работник Пушкинского Дома, по характеру научных интересов полностью ему соответствовавший, но не располагавший данными для руководства процессом перестройки учреждения, особенно перестройки методологической. Поэтому руководящее начало во многих мероприятиях 1930 и 1931 гг. принадлежало в основном заместителю директора Г. Е. Горбачеву, человеку молодому, энергичному и к этому времени уже зарекомендовавшему себя работами, всегда возбуждающими острую полемику и критику в связи с заметным проявлением в них вульгарно-социологических тенденций. Именно эти тенденции и наложили свой отпечаток на первоначальный этап деятельности Института, во многом предопределив программу его исследований и организационную структуру. Например, Историко-литературный сектор подразделялся на четыре отдела: эпохи позднего феодализма, литературы эпохи развивающегося промышленного капитализма, литературы эпохи диктатуры пролетариата, истории журналистики.¹⁴

Значительные события в формировании Института как научно-исследовательского учреждения, в методологической перестройке его деятельности связаны с именем А. В. Луначарского, который 28 февраля 1932 г. вновь был избран директором Института,¹⁵ после слияния в ноябре 1931 г. с Комиссией древнерусской литературы названного Института русской литературы.¹⁶ Одновременно с избранием А. В. Луначарского директором Отделение общественных наук своим решением от 27 февраля 1932 г. утвердило новое Положение об Институте и поручило директорату разработать план его дальнейшего преобразования и совершенствования существующей структуры.¹⁷

Приход А. В. Луначарского к директорству сказался прежде всего в методологических аспектах деятельности Института, все более и более овладевавшего марксистско-ленинским методом исследования литературы. Ставший заместителем А. В. Луначарского академик А. С. Орлов писал, что «вместе с усилением марксистско-ленинской стихии в литературоведческих работах А. В. принес с собою в Институт наиболее глубокое понимание литературы как искусства и расширил рабочий диапазон Института введением исследования сатирического жанра в общеевропейском масштабе».¹⁸ Это же отмечает и К. И. Ровда, в аспирантские годы встречавшийся с А. В. Луначарским и слушавший его выступления в Институте.

¹⁴ ЛО Архива АН СССР, ч. 150, оп. 1 (1931), № 3, л. 36.

¹⁵ Там же, № 36, л. 109.

¹⁶ Там же, оп. 1 (1932), № 5, л. 102. — Институт новой русской литературы переименован в Институт русской литературы постановлением Отделения общественных наук АН СССР от 24 ноября 1931 г., которое утверждено Общим собранием Академии наук 28 февраля 1932 г. (там же, л. 108).

¹⁷ Там же, л. 110.

¹⁸ Вестник АН СССР. 1934. № 2. С. 35.

Академик А. В. Луначарский.
Директор Института русской литературы в 1932—1933 гг.

Влияние Луначарского, вспоминает он, «проявилось прежде всего в направлении и теоретическом уровне исследований в возглавляемом им институте».¹⁹

Будучи директором Института, А. В. Луначарский приезжает в Ленинград, проводит заседания директората, обсуждает и утверждает планы работы Института, проводит консультации, выступает перед аспирантами, участвует в заседании Пушкинской комиссии, членом которой является. Заседание Пушкинской комиссии, посвященное подготовке к столетию со дня смерти Пушкина и прошедшее под председательством Луначарского, знаменательно тем, что именно здесь было принято решение о подготовке академического издания сочинений Пушкина.

В период директорства А. В. Луначарского издательская деятельность Института была крайне незначительна, потому что

¹⁹ Ровда К. И. Луначарский — академик и директор Пушкинского Дома. (Из документов и воспоминаний) // А. В. Луначарский. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. С. 215.

в 1929—1931 гг. осуществлялось преобразование Пушкинского Дома в научно-исследовательский институт, происходило обновление научного коллектива, что сказалось на конечных результатах исследования. Однако в эти годы готовились или обсуждались многие из тех преобразований, которые позднее привели к оформлению структуры и направления научной деятельности Института в том виде, в каком они, с некоторыми изменениями и дополнениями, сохраняются и поныне.

При Луначарском завершилось формирование Института как исследовательского центра и переход его к систематической и постоянной работе по изучению важнейших проблем русского литературного развития во всех его проявлениях и связях. Этот переход совершился уже после смерти А. В. Луначарского, когда Институт обратился к осуществлению крупнейших замыслов этого времени — академического издания сочинений Пушкина и десятитомной «Истории русской литературы».

В научно-организационной деятельности Института в 30-е годы важнейшую роль играл академик А. С. Орлов, приглашенный в Институт в 1931 г. на должность заместителя директора. Крупнейший советский медиевист, продолжатель традиций Н. С. Тихонравова и Ф. И. Буслаева, ученик М. И. Соколова и В. О. Ключевского, он удачно сочетал в себе данные ученого с великолепными способностями организатора науки. В 30-е годы, когда директора Института А. В. Луначарский, А. М. Горький, В. И. Лебедев-Полянский, исполняя многочисленные обязанности государственного, литературного или научного характера, не имели возможности осуществлять непосредственное и повседневное руководство Институту, А. С. Орлов практически возглавлял всю научную работу Института, проводя в жизнь важнейшие решения, касающиеся его направления и структуры, программы исследований, идеологической и общественной деятельности. Роль А. С. Орлова в истории Института в 30-е годы переоценить трудно. По его инициативе в Институте был открыт Отдел древнерусской литературы, руководимый им в 1932—1947 гг. Началось систематическое обследование и изучение литературного процесса русского средневековья, первые результаты которого в их историко-литературных и теоретических аспектах были изложены уже в 30-е годы в первом и втором томах «Истории русской литературы». Этим актом сфера деятельности Института была распространена на все русское средневековье, что вполне естественно, так как именно литература этой эпохи была непосредственной предшественницей и тем основанием, на котором выросла классическая русская литература нового времени. Постепенно исследование стало распространяться на весь литературный процесс в целом.

Создание Отдела древнерусской литературы во многом обусловило необходимость организации Группы по изучению русской литературы XVIII в., деятельность которой должна быть направлена на изучение эпохи, отделяющей древнюю литературу от классической литературы XIX в. Этим предопределялась последовательность изучения литературного процесса на всем протяжении его существова-

ния, от момента возникновения до современности. Во главе этой группы, начавшей свою деятельность в 1934 г., стал в первое время ее существования также академик А. С. Орлов.

Создание новых отделов, групп, направлений привело к организации ряда серийных изданий, отражающих результаты деятельности этих научных подразделений. Начал формироваться тип издания, который в развитом и усовершенствованном виде свойствен Институту и поныне. Попытки создать повременное или серийное издание неоднократно предпринимались еще в 20-е годы старым Пушкинским Домом, но все они прекращались, как правило, после выхода в свет первого или второго выпуска. Это объясняется не только издательскими трудностями того времени, когда еще не существовало академического издательства, но и публикационно-источниковедческим характером самих изданий, которые не отражали собою широкой исследовательской деятельности, а поэтому и столь быстро исчезали из научной и издательской программы Пушкинского Дома. К середине 30-х годов положение резко изменилось. Теперь серийное издание возникает как выражение результатов научной деятельности целого исследовательского коллектива, занимающегося изучением определенной эпохи в русском литературном развитии. Этим и обусловлено редкое в науке столь продолжительное существование этих изданий. «Труды Отдела древнерусской литературы» существуют уже 55 лет, «XVIII век» — 54, а «Русский фольклор» — 34 года.

Постепенно, на протяжении всех 30-х годов, проводятся в жизнь те принципы структурного построения Института и осуществляются те общие направления его деятельности, которые еще в 1929—1930 гг. были сформулированы П. Н. Сакулиным. В 1930 г. в Институте уже функционирует Отдел современной литературы. Первоначально его возглавляет Виссарион Саянов. В сентябре 1931 г. этот отдел под названием Отдела эпохи диктатуры пролетариата утверждается в качестве одного из подразделений Историко-литературного сектора. Однако несколько позднее этот отдел как структурная единица исчезает, но изучение современной литературы все же продолжается. Оно ведется в рамках задуманной еще при А. В. Луначарском и утвержденной вскоре после его смерти Горьковской комиссии. В 1938 и 1939 гг. в Институте создаются отделы, занимающиеся изучением русского народного творчества и новейшей литературы. Таким образом, начиная с середины 30-х годов Институт включает в программу своей деятельности русский литературный процесс в целом и, кроме того, с 1935 г. ведет исследование западных литератур в рамках специального сектора, открытого по ходатайству Горького, бывшего тогда директором Пушкинского Дома. Задача Института, читаем мы в Записке о деятельности Института, составленной в 1935 г., — «собрание и разработка материалов по истории русской литературы (. . .) и построение на основе этих материалов истории русской литературы. Длительный организационный период, охвативший 1931—1933 гг., подготовил материал для этого широкого развертывания работы (. . .) До 1933—1934 гг. Институт не обладал ни достаточными кадрами квалифицированных специали-

М. Горький.

Директор Института русской литературы в 1935—1936 гг.

стов, ни достаточными организационными возможностями, не мог поставить в должном объеме изучение истории русской литературы в целом, в это время работа сосредоточивалась только на узловых пунктах, выделенных как актуальные для текущей литературной жизни, — на изучении советской литературы и на изучении демократически-народнической литературы. В эти годы (1931—1932) велась работа по реорганизации историко-литературного музея (...) Институт вступил в новый период своего существования. Новая организационная структура и новое руководство обеспечили Институту возможность развертывания научной работы на более широкой основе».²⁰

В 30-е годы самое деятельное участие в работе Пушкинского Дома принимает М. Горький. Общее собрание Академии наук СССР 24 марта 1935 г. единогласно избирает его на должность директора

²⁰ ЛО Архива АН СССР, ч. 150, оп. 1 (1935), № 5, л. 10.

Института.²¹ Если в первые послереволюционные годы М. Горький живо интересуется деятельностью Пушкинского Дома, передает ему часть своего архива, участвует в пополнении его рукописных и музейных собраний, то сейчас он выступает как научный руководитель этого учреждения. Занятый множеством дел, М. Горький тем не менее внимательно следит за деятельностью Института, встречается с заместителем директора Ю. Г. Оксманом и профессором В. А. Десницким, входит в состав редколлегии Полного собрания сочинений Пушкина, которое в это время создается в Пушкинском Доме, получает и просматривает сигнальный экземпляр первого тома этого издания, составляет записку о деятельности Института, просматривает его издательские планы. Основное же внимание М. Горького в это время направлено на подготовку пушкинского юбилея. М. Горький в это время не только директор Пушкинского Дома, но и председатель Всесоюзного Пушкинского комитета, учрежденного в связи с предстоящим в 1937 г. столетием со дня смерти Пушкина. По делам этого комитета он переписывается с А. А. Ждановым, хлопочет о конкурсе на памятник великому поэту. Одновременно с этим он формирует директорат Института, в состав которого предлагает ввести, кроме директора, его заместителей И. К. Луппола, Ю. Г. Оксмана, А. С. Орлова, а руководителями фондового и научно-исследовательского отделов назначить В. А. Десницкого и Н. К. Пиксанова. Эти предложения М. Горького принимаются президиумом АН СССР в заседании 25 октября 1935 г. На этом же заседании принимается, также по представлению М. Горького, решение об открытии в Институте Отдела западноевропейских литератур. Расширение диапазона исследований и включение в их программу зарубежных литератур привело и к изменению названия Института. В 1935—1949 гг. он называется Институтом литературы.

В 30-е годы в научной жизни Института, в его методологическом становлении важнейшую роль играют ученые-марксисты, среди которых прежде всего следует назвать члена-корреспондента АН СССР Н. К. Пиксанова и профессора В. А. Десницкого. Трудно, пожалуй, назвать событие или явление пушкинодомской жизни этого периода, которое прошло бы мимо их опытного и всегда внимательного взгляда. «Сотрудник А. В. Луначарского по изданию русского классического наследия, Н. К. Пиксанов внес свой вклад в развитие почти всех отраслей литературной науки, представленных в Пушкинском Доме, особенное внимание постоянно уделяя новой и новейшей русской литературе, в том числе изучению творчества таких выдающихся ее представителей, как Пушкин, Грибоедов, Гончаров, Горький. Огромная широта познаний, трезвость мысли, колоссальный опыт педагогической и исследовательской работы, обращения к проблемам теории литературы и методологии литературоведческого анализа позволили Н. К. Пиксанову, научное мировоззрение которого

²¹ Перед М. Горьким недолгое время директором Пушкинского Дома был Л. Б. Каменев, назначенный на эту должность в мае 1934 г. (За социалистическую науку. 1934. 30 мая. № 15. С. 4; 4 июля. № 18. С. 3).

формировалось еще в условиях дореволюционной действительности, твердо встать на позиции марксиста, занять видное место в числе немногих зачинателей советской науки о литературе».²²

Замечательный след в истории Института оставил В. А. Десницкий (1878—1958). Он был одним из зачинателей горьковедения в Пушкинском Доме, создателем Сектора новейшей литературы и его руководителем. Введение советской литературы в сферу академической науки совершалось при его непосредственном участии, а в Пушкинском Доме и по его инициативе. Методологические работы В. А. Десницкого 30-х годов, посвященные роли марксистско-ленинского наследия для литературной науки, отличались полемичностью, смелостью мысли, четкостью позиции, аргументированностью выводов. Они заняли важное место в общем процессе формирования марксистского метода в литературоведении. Впрочем, многие их положения сохраняют свое значение и в наши дни.²³

Пожалуй, не будет ошибкой сказать, что академик А. С. Орлов, член-корреспондент АН СССР Н. К. Пиксанов и профессор В. А. Десницкий в 30-е годы оставили самый глубокий след в научно-общественной деятельности Института, в становлении методики и методологии его исследований. Их организационная деятельность, их труды и выступления на протяжении многих лет определяли общие направления деятельности Пушкинского Дома, проблематику его исследований и их научный уровень.

Кратковременное — немногим более года — директорство М. Горького характеризуется особым вниманием к пушкиноведению, возросшим и в Институте, и во всей стране в связи с приближающимся столетием со дня смерти поэта. Именно в это время в Институте активно ведутся исследования в области текстологии и работы по подготовке издания сочинений Пушкина — первого в истории Пушкинского Дома академического издания, заложившего богатые и плодотворные традиции, развиваемые и поныне. В это же время параллельно с изданием в Институте осуществляется подготовка «Временника Пушкинской комиссии», серьезного научного издания, посвященного исследованию неизученных и неясных проблем биографии и творчества великого поэта. Первый том этого издания был подготовлен при М. Горьком и вышел в свет в 1936 г. В довоенные годы появилось шесть томов этого издания, и только война прекратила его дальнейшее осуществление.

С середины 30-х годов в центре научной деятельности Института становится академическое издание сочинений Пушкина и десяти томная «История русской литературы», вокруг которых формируется вся остальная программа исследований. К подготовке «Истории русской литературы» Институт приступил в 1937 г., включив в эту работу все

²² Григорьян К. Н. Путь ученого // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л.: Наука, 1969. С. 8.

²³ См.: Касторский С. В. Научно-педагогическая деятельность В. А. Десницкого // Из истории русских литературных отношений XVIII—XIX веков. М.; Л., 1959. С. 8—14.

Пушкинский зал Литературного музея. 1930-е годы.

свои сектора и отделы и привлекая широкий круг ученых со стороны. «История русской литературы» имела в то время итоговый характер. Она основывалась на результатах всех исследований русского литературного процесса, ранее производившихся как в Пушкинском Доме, так и в советской литературной науке в целом. Здесь впервые сделана попытка создать единую концепцию литературного развития в тесном соотношении его с развитием историческим и общекультурным, наметить периодизацию литературного процесса и закономерности преемственности литературных эпох, представить русское литературное развитие во всей его сложности и максимальной широте. Одновременно с «Историей русской литературы» и академическим изданием сочинений Пушкина задумываются или готовятся академические издания сочинений Радищева, Глеба Успенского, Гоголя, Лермонтова. В научный процесс включается обширный комплекс текстологических исследований, взаимосвязанных между собой и приводящих к наиболее значительным и перспективным результатам не только практического, но и теоретического характера.

Тесно связано с замыслом «Истории русской литературы» все предвоенное развитие исследований по древнерусской литературе, заключающееся как в разыскании, изучении, публикации памятников, так и в историко-литературном и теоретическом осмыслении литературного процесса средневековья. С трудами по древнерусской литературе тесно смыкаются исследования Группы по изучению русской литературы XVIII в., в это время работающей очень энергично и плодотворно — также в аспекте создания соответствующих томов «Истории русской литературы».

Основные силы специалистов, изучающих русскую литературу XIX в., в эти годы заняты в «Истории русской литературы», а поэтому в общей программе исследований Института XIX век представлен комплексом пушкиноведческих работ, а также материалов и исследований, посвященных Гоголю, Глебу Успенскому, эпохе шестидесятых годов, рядом небольших монографий и источниковедческих трудов. Упор в изучении литературы XIX в. в 30-е годы был сделан на пушкинскую эпоху и на конкретные работы по подготовке «Истории русской литературы».

Развивая традиции, заложенные в 20-е годы, Институт продолжает научную публикацию литературного наследия прошлого. Печатаются неизвестные произведения и письма Ф. М. Решетникова, письма Салтыкова-Щедрина, Писемского, декабриста Н. И. Тургенева, материалы к романам Достоевского и письма к нему, переписка Горького с Чеховым, выходит из печати сборник «Рукою Пушкина» и третий том его писем, подготовленный Л. Б. Модзалевским.

Важным событием 30-х годов стало создание нескольких серийных изданий, посвященных полностью или частично публикации новых материалов, а также исследованию биографии и творчества величайших писателей XIX в. и прежде всего Пушкина. В 1936 г. появились первые два тома «Временника Пушкинской комиссии», содержащие публикации новых текстов, многообразные историко-литературные исследования, рецензии, обзоры, хронику. Вслед за «Временником Пушкинской комиссии» появился в 1938 г. первый том «Литературного архива», также посвященный Пушкину и пушкинской эпохе. Это издание публиковало материалы, сосредоточенные в Рукописном отделе Пушкинского Дома, и по сути дела на протяжении многих лет было одним из его печатных органов. В эти же годы Институту было передано крупнейшее в нашей стране издание публикационного и историко-литературного характера — «Литературное наследство», первые 32 тома которого вышли в издательстве «Журнально-газетное объединение». Пушкинский Дом готовил это издание с 33-го по 54-й том, вышедший в 1949 г. За эти годы вышли в свет тома, посвященные Толстому, Герцену, Лермонтову, Грибоедову, Некрасову, Белинскому. Тома «Литературного наследства», изданные Пушкинским Домом, ввели в научный оборот множество документов, прямо или косвенно касающихся важнейших явлений русской литературы XIX в. и ее выдающихся представителей. Кроме того, надо сказать, что именно в эти годы «Литературное наследство» сформировалось в том виде, в каком это издание известно нам сегодня, здесь выработывался тип издания, определялась его композиция, профиль, складывались принципы поиска и отбора историко-литературного материала. В 1949 г. это издание было передано Институту мировой литературы им. М. Горького в Москве, который и продолжает его до настоящего времени.

Одним из важнейших направлений в деятельности Пушкинского Дома 30-х годов следует считать научное горьковедение. В 1934 г. В. А. Десницкий и С. Д. Балухатый создали в Институте Комиссию по изучению творчества Горького и его эпохи. Основным трудом,

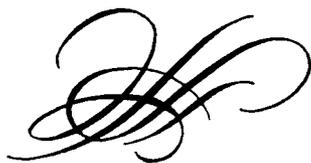

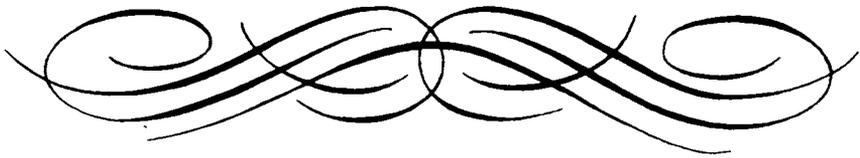
Директор Института русской литературы в 1937—1947 гг.

объединившим складывающийся коллектив, стало серийное издание «М. Горький. Материалы и исследования», четыре тома которого вышли в 1936—1951 гг. В конце 30-х годов Пушкинский Дом обратился к изучению наследия Блока и Маяковского. Однако эти работы были прерваны Великой Отечественной войной, и результаты их представлены одним лишь томом начатого в то время серийного издания «Владимир Маяковский» (1940).

Период от момента создания Института в 1930 г. до начала Великой Отечественной войны с точки зрения формирования Пушкинского Дома как научного центра нельзя считать однородным, а сам процесс становления — окончательно завершённым. Характер научной деятельности, результаты ее, выраженные в научных трудах Института, дают основание говорить о том, что первые пять-шесть лет его существования были своего рода подготовительным этапом для развертывания широких исследований, историко-литературных и теоретических. Обращение Института в 1936—1937 гг. к работе над академическим собранием сочинений Пушкина и над десятитомной «Историей

русской литературы» не только обозначило завершение подготовительного этапа, но и на многие годы предопределило общее направление деятельности Института. Формирование Института к началу Великой Отечественной войны в основных своих чертах завершилось, т. е. к этому времени, в отличие от предшествующих этапов развития, было установлено, что Институт призван заниматься изучением не отдельных этапов русского литературного процесса, не частных его моментов, а всей русской литературой на всем протяжении ее существования от момента ее возникновения до современности. Правда, крупнейшие замыслы предвоенного времени не были завершены — исполнение их оборвала война. Однако к началу войны, когда направление научной деятельности Института резко изменилось, была уже четко выработана его структура, задачи и направления исследований. Именно поэтому с окончанием войны Институт столь оперативно снова включился в общую систему деятельности советской филологической науки и, завершив задуманные до войны работы, приступил к осуществлению большой программы исследований в области истории и теории русской литературы, которое продолжается и поныне.

В ДНИ ВОЙНЫ И БЛОКАДЫ

Во время Великой Отечественной войны Пушкинский Дом продолжал свою работу в тяжелейших условиях блокады и эвакуации. Необходимо было сохранить собранные здесь величайшие культурные ценности, сберечь результаты начатых перед войной исследований. И не только сберечь, но и суметь в военное время продолжать их, готовя к публикации и зная, что эта публикация непременно состоится после окончательной победы над фашизмом.

Война пришла, когда Пушкинский Дом находился на подъеме своих творческих возможностей. Создавалась первая многотомная научная «История русской литературы», выходили тома первого академического собрания сочинений Пушкина, готовились подобные же издания Радищева, Лермонтова, Гоголя, Глеба Успенского, успешно изучалась древнерусская литература и литература XVIII в., развивалось пушкиноведение и горьковедение, начиналось изучение советской литературы. Война изменила творческие планы Института. Одни работы пришлось временно приостановить, другие исключить из планов вообще, но это не значит, что научная деятельность Института прекратилась. Совсем не так. Она продолжалась в промерзшем здании на Тучковой набережной в Ленинграде, продолжалась в Казани, Ташкенте, Саратове, куда были эвакуированы научные сотрудники Института.

Первое, что было необходимо сделать с наступлением войны, — это пересмотреть программу исследований с точки зрения требований военного времени. «С самого начала Отечественной войны Институт поставил своей задачей перестроить работу таким образом, чтобы, не теряя своей специфики, максимально приблизить свою деятельность к нуждам и запросам обороны страны».¹ В планах Института выдвинулись на первое место работы, посвященные теме патриотизма и защиты родины в русской литературе, героическому прошлому

¹ Из отчета о деятельности Пушкинского Дома в 1942 году (ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1942), № 5, л. 2).

нашего народа и отражению его в литературе. Эти работы осуществлялись в спешном порядке и в том же 1941 г. уже выходили из печати.

Силы ученых были направлены на создание книг, брошюр, листовок, которые на материале русской классической и советской литературы раскрывали лучшие национальные черты нашего народа, его патриотизм и героическое прошлое. В Институте была задумана целая серия таких трудов, небольших по объему, доступных для широких читательских масс и выпускавшихся в срочном порядке, вне всякой очередности. Это была «Оборонная серия», осуществлявшаяся Институтом в 1941 г. В этой серии Б. В. Томашевский и А. И. Грушкин издали небольшую брошюру «Пушкин и родина», В. А. Мануйлов — критико-биографический очерк о Лермонтове, А. М. Астахова и В. А. Кравчинская — работу, посвященную теме защиты Отечества в народных песнях, С. Д. Балухатый и К. Д. Муратова — брошюру «М. Горький о борьбе с фашистским варварством» и др. В это же время был выпущен в свет небольшой коллективный труд «Героическое прошлое русского народа в художественной литературе». Кроме того, Н. К. Пиксанов написал брошюру «Героический Ленинград», которая в 1942 г. была издана в Ташкенте на русском и узбекском языках. Тогда же в Пушкинском Доме был подготовлен сборник «Горький и Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма», составленный из произведений писателя, посвященных теме защиты отечества. Однако сборник этот в свет не вышел, и мы знаем о нем лишь из отчетов Института.²

Все названные книги и брошюры были созданы буквально в первые дни войны, до эвакуации научных сотрудников из Ленинграда. В конце 1941 г. издательская деятельность Пушкинского Дома прекратилась. Небольшая «Оборонная серия», оперативно подготовленная Пушкинским Домом, выполнила свою роль. Она была создана в июле—декабре 1941 г. и стала своего рода образцом и примером перестройки советской литературной науки на военные нужды.

«Оборонная серия» была лишь одной из форм участия коллектива Пушкинского Дома в борьбе с фашистской агрессией. В первые же дни войны в ряды Красной Армии, а несколько позднее и Народного ополчения вступили многие его сотрудники. Ушли на фронт В. М. Абрамкин, Б. И. Бурсов, К. Н. Григорьян, В. Г. Гуляев, А. Л. Дымшиц, В. И. Малышев, Н. А. Шиманов, М. Аникин и др. В боях за Родину отдали жизнь В. З. Голубев, Ф. Ф. Канаев, М. А. Панченко, А. А. Прокуратов, О. В. Цехновицер.

В первые дни и месяцы войны коллектив Института, за исключением тех, кто ушел на фронт, оставался в городе. Правда, штат Пушкинского Дома в эти месяцы непрерывно сокращается, и к началу 1942 г. в Институте из 120 человек остается лишь 47. Однако этот немногочисленный коллектив продолжает работу. Ведут ее сотрудники старшего поколения и женщины, готовя к эвакуации в глубокий тыл бесценные богатства, сосредоточенные в Рукописном

² См.: там же.

отделе и Литературном музее Института. В первую очередь необходимо было решить вопрос об эвакуации рукописей Пушкина, Лермонтова и других выдающихся представителей русской литературы, автографы которых являются национальным достоянием русского народа, а также наиболее ценных книг и экспонатов Литературного музея.

Эвакуация началась 6 июля, когда в Новосибирск были отправлены рукописи Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Салтыкова-Шедрина и других выдающихся писателей. Сопровождать эти сокровища и хранить их в далекой Сибири было поручено ученому хранителю Рукописного отдела Льву Михайловичу Добровольскому. Он назначается уполномоченным по эвакуации и хранению архивных фондов Пушкинского Дома. Несколько позже, вместе с собраниями Эрмитажа, в Свердловск отправляется библиотека Пушкина и часть собраний фонограммархива, а в Казань вывозится большой комплекс рукописей, музейных экспонатов, ценнейших книг. В Казани в это время находится и заведующий Рукописным отделом Л. Б. Модзалевский, который в ноябре—декабре 1943 г. совершает инспекционную поездку в Новосибирск и Свердловск для проверки состояния сосредоточенных там ценностей Пушкинского Дома. В тяжелых условиях эвакуации работники Пушкинского Дома сумели бережно сохранить и в конце 1944—начале 1945 г. вернуть в Ленинград все порученные им заботам и самоотверженному труду богатства русской национальной культуры, за сорок лет собранные Пушкинским Домом.

Эвакуация сотрудников Пушкинского Дома из осажденного города производилась в несколько этапов. Основная группа ученых была эвакуирована в Казань. Там находился заместитель директора Института Л. А. Плоткин, ученый секретарь М. О. Скрипиль, член-корреспондент АН СССР И. И. Толстой, старшие научные сотрудники А. М. Астахова, Д. С. Лихачев, заведующий Рукописным отделом Л. Б. Модзалевский и др. Вторая группа сотрудников вела свою работу в Ташкенте, где в это время находились члены-корреспонденты АН СССР В. М. Жирмунский, В. Ф. Шишмарев, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Пиксанов, доктора наук Б. С. Мейлах, И. И. Векслер и др. Наконец, третьим центром был Саратов, где работали М. П. Алексеев, С. Д. Балухатый, Г. А. Бялый, Б. М. Эйхенбаум и др. Во всех этих центрах научная работа велась по разработанным в Казани планам, которые включали исследования для десяти-томной «Истории русской литературы», ряд монографий, а также научно-популярных книг для «Оборонной серии». Кроме того, ученые Института вели большую научно-пропагандистскую деятельность, участвовали в конференциях, сессиях, вечерах, организуемых ими или местными научными учреждениями и учебными заведениями, выступали в периодической печати, занимались собиранием фольклора, много сил отдавали сбережению эвакуированных в тыл ценностей.

В годы войны не прекращалась и работа по подготовке кадров, которая велась главным образом в Казани. Продолжалась работа по подготовке научных кадров в аспирантуре, выполнялись диссертаци-

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА
В НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ
РУССКОГО НАРОДА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Книги на военно-патриотические темы, подготовленные сотрудниками Пушкинского Дома и изданные в Ленинграде в 1941 г.

ционные исследования, проводились заседания Ученого совета и защиты диссертаций. Докторские диссертации в военные годы защитили А. М. Астахова, И. И. Векслер, Б. С. Мейлах, Л. А. Плоткин, М. О. Скрипиль. В 1943 г. были избраны членами-корреспондентами АН СССР В. П. Адрианова-Перетц и С. Д. Балухатый.

Однако не все сотрудники и не все богатства Пушкинского Дома были эвакуированы в первые месяцы войны. В Ленинграде оставалась большая группа сотрудников, в том числе крупных ученых, и значительная часть архивных и музейных ценностей. Институт продолжал свою деятельность. Возглавлял работу Института в Ленинграде назначенный заместителем директора Б. П. Городецкий. Это была самая тяжелая пора. «Все, кому суждено было пережить блокаду, единодушно утверждают, что время с середины ноября 1941 г. до конца января 1942 г. было самым тяжелым периодом 900-дневной обороны Ленинграда. С каждым днем все более ощутительно давал о себе знать голод. Наступили холода. В начале января 1942 г. морозы доходили до 30—35°. Подача электрической энергии была жестко лимитирована. В начале января 1942 г. полностью замерз водопровод и вышла из строя канализация. Центральное отопление не работало. В декабре 1941 г. остановился городской транспорт».³ В этих условиях коллектив сотрудников Института в большинстве своем перешел на казарменное положение. Окна первого этажа были заколочены фанерой и досками, завалены мешками с песком, заколочены были и многие окна других этажей. Как вспоминает сотрудник Литературного музея Института Н. Н. Фонякова, Пушкинский Дом «напоминал собой осажденную крепость, и в этой крепости был свой „комендант“, были свои „защитники“. Им было что защищать и охранять».⁴ Деятельность Института сосредоточилась главным образом в комнатах на втором этаже здания: их легче было натопить, и здесь всегда было теплее, здесь же размещались и сотрудники. Эти сотрудники «пережили первую страшную блокадную зиму в стенах Института. <...> они не только берегли свои силы — транспорт не работал и нужно было ежедневно совершать многокилометровые переходы с места жительства до Васильевского острова, — они берегли Пушкинский Дом: несли караульную службу, тушили зажигательные бомбы, ликвидировали повреждения, содержали здание в порядке вместе с небольшим числом технических сотрудников».⁵ В первую блокадную зиму дежурство в Институте несли все остававшиеся в Ленинграде его сотрудники, среди которых такие известные ученые, как Н. П. Андреев, М. О. Скрипиль, Б. П. Городецкий, С. Д. Балухатый, М. К. Азадовский, И. И. Векслер, Д. С. Лихачев, А. М. Астахова и др. Противовоздушная и противопожарная служба отнимала у людей, уже исто-

³ Кольцов А. В. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941—1943). М.; Л., 1962. С. 58.

⁴ Фонякова Н. Н. Пушкинский Дом в апреле—октябре 1942 года (РО ИРЛИ, Р I, оп. 12, № 631, л. 1).

⁵ Там же, л. 2.

В. А. Мануйлов.

Уполномоченный Президиума Академии наук СССР
по Институту русской литературы.

ценных и усталых, много времени и много сил. Еще летом и осенью 1941 г. на чердаки здания были подняты тонны песка и бочки для воды. Как вспоминают очевидцы, «это была нелегкая работа. Профессора С. Д. Балухатый, Н. П. Андреев, Б. М. Эйхенбаум и Б. В. Томашевский наравне с другими сотрудниками покрывали огнеупорным раствором стропила и чердачные перекрытия. Едкий раствор обжигал кожу, раздражал глаза. <...> Во время воздушных тревог сотрудники Института поднимались на чердаки и крыши, занимали свои посты, не раз тушили и сбрасывали с крыш зажигательные бомбы. По ночам было видно, как кольцо пожаров окружает город. Горели пригороды, уже захваченные гитлеровцами».⁶ Однако дежурство было не един-

⁶ РО ИРЛИ, Р I, оп. 11, № 142 (Передовая статья для стенной газеты Института «За советское литературоведение»).

ственной обязанностью оставшихся в Институте сотрудников. Еще в августе те, кто помоложе, выехали в прифронтовую полосу на окопные работы и провели там весь месяц; по заданию Ленинградского фронта женщины Института шили мешки для баррикад. В этой работе участвовали В. П. Адрианова-Перетц, А. М. Астахова, А. Н. Лозанова, принимали они участие и в уборке города весной 1942 г., производили учет и выявление тяжело больных, особенно детей.

Страшная и героическая зима 1941—1942 гг. прошла не без потерь. Голод и изнурение быстро подтачивали силы. Вот несколько строк из воспоминаний В. П. Адриановой-Перетц: «Разве можно забыть тех товарищей, которые на глазах у нас таяли, сломленные голодом и холодом первой блокадной зимы? Из группы „старших“ первыми ушли Василий Васильевич Гиппиус и Николай Петрович Андреев. В предвоенные годы мне довелось часто встречаться с Василием Васильевичем на тех беседах, которые вели мы — организаторы первых томов десятитомной „Истории русской литературы“, общими усилиями выясняя самый профиль этого издания, пытаюсь выработать единый тип изложения во всех томах. Василий Васильевич был весьма деятельным редактором первой части пятого тома, которая была подписана к печати еще в марте 1941 г. <...> Он ушел от нас в ту страшную зиму, не будучи в силах справиться с болезнью — последние силы его были отданы работе. Совсем неожиданно было то, как быстро сломили голод и холод Николая Петровича Андреева: он казался самым физически крепким среди нас. Однако недаром говорят — „Скрипучее дерево два века живет“, а организм Николая Петровича, не привыкший сопротивляться „обычным“ болезням, сразу отказал, хотя сам он этого не сознавал и до конца продолжал работать, не придавая серьезного значения резкому упадку физических сил. Так наш коллектив уже в первый год потерял двух сильных работников и прекрасных товарищей. Упорно, но безуспешно боролся с лишениями еще один из старших по возрасту — Яков Иеронимович Ясинский <...> В моей памяти он сохранился весь в заботах и хлопотах по устройству пушкинской выставки в юбилейный 37-й год, и этот живой образ не могут вытеснить воспоминания о мучительном конце тихого, трудолюбивого, всегда готового помочь своими знаниями товарища».⁷ Однако это были только первые потери. От голода и болезней также умерли М. К. Клеман, В. Л. Комарович, М. Г. Успенская, З. В. Эвальд, А. А. Быстроумова, К. К. Косминский, Е. А. Цакни. Всего зимой 1941—1942 гг. Институт потерял около двадцати своих сотрудников. Тяжелые потери 1941 и 1942 гг. сказались на деятельности Института в первые послевоенные годы и восполнены были далеко не сразу.⁸

Не прекращалась в первую блокадную зиму и научная деятельность Института. Продолжалась авторская и редакторская работа

⁷ Адрианова-Перетц В. П. «Никто не забыт...» (РО ИРЛИ, Р I, оп. 1, № 235).

⁸ См.: ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1947), № 6а, л. 38.

Доктор филологических наук Н. П. Андреев.
Умер в осажденном Ленинграде 15 января 1942 г.

над главным коллективным трудом — над «Историей русской литературы» в десяти томах. До войны вышли в свет три тома этого труда (I, III, V). Зимой нынешнего года, сообщила «Ленинградская правда» 20 июня 1942 г., сотрудники Института литературы АН СССР «продолжали начатую работу и сейчас готовят к печати II том. Научный сотрудник Д. С. Лихачев написал ряд фундаментальных разделов, профессор В. П. Адрианова-Перетц заканчивает редактирование второй части тома, посвященного истории русской литературы начала XVIII века». Продолжает функционировать Рукописный отдел, малочисленный коллектив которого не только хранит оставшиеся рукописи, но и ведет поиски и принимает новые архивы. Вот несколько записей из дневника сотрудницы Института Т. П. Ден: «Приходит Мордовченко. Передает свой архив (статьи и переводы)» (1941, 15 декабря); «Пришел Гиппиус. Умер его старший брат, который жил с ним на Сергиевской. В архив передается его литературное наследство. Держится мужественно» (1941, 18 декабря); «Просматривала рукописи Владимира Васильевича Гиппиуса. Стихи.

Доктор филологических наук В. В. Гиппиус.
Умер в осажденном Ленинграде 1 марта 1942 г.

Под влиянием Блока, В. Иванова и других. Любопытно и очень интеллигентно» (1941, 18 декабря).⁹

Рукописным отделом в это время заведовал М. И. Стеблин-Каменский, стараниями которого «созданы условия, гарантирующие для исключительно ценных материалов (...) полную сохранность». В блокадные годы М. И. Стеблин-Каменский провел большую работу «по приему архивов от частных лиц и перевозке их в здание Института, причем неоднократно перевозка производилась на ручных тележках силами немногочисленных сотрудников Института при активном участии и под руководством того же Стеблина-Каменского». ¹⁰ Большую научную работу в Ленинграде и в эвакуации осуществляют фольклористы Института. В августе 1941 г. в Ленинграде выходит в свет брошюра А. М. Астаховой и В. А. Кравчинской

⁹ Дневник Т. П. Ден (РО ИРЛИ, Р I, оп. 6, № 364).

¹⁰ Из характеристики М. И. Стеблина-Каменского. Цитируется по фотокопии, хранящейся в РО ИРЛИ (Р I, оп. 25, № 456, л. 1).

«Защита Отечества в народных песнях»; в 1943 г. Е. В. Гиппиус издает в Ленинграде сборник «Русские народные песни»; в Казани завершают две диссертации: докторскую «Северный период в истории русской былины» написала А. М. Астахова (защищена в декабре 1944 г.), кандидатскую «Рабочий фольклор первой русской революции» — П. Г. Ширяева (защищена весной 1946 г.). В годы войны продолжается соби́рание устного народного творчества. Сотрудники Института собирают его в госпиталях, в колхозах Татарской АССР и Вологодской области (П. Г. Ширяева), в Ульяновской области (В. А. Кравчинская). Как вспоминает А. М. Астахова, научный сотрудник Института В. А. Кравчинская, «эвакуировавшись из Ленинграда в село Красная Река Ульяновской области, вела там запись местного фольклора и систематически посылала собранное в Институт, находившийся в Казани».¹¹ Записи Кравчинской составили обширное собрание разных произведений народного творчества, сейчас хранящееся в Фольклорном архиве Пушкинского Дома. В музее продолжается каталогизация толстовских материалов и составляются описи экспонатов, предполагаемых для отправки в тыл; в библиотеке комплектуются библиотеки-передвижки для воинских частей и продолжается обработка книг, идут два раза в месяц научные заседания.

Одновременно с научной работой, хотя масштабы ее и были значительно сокращены, Институт развертывает большую общественно-научную деятельность, направленную на удовлетворение нужд фронта и выражавшуюся в многочисленных лекциях, беседах, консультациях, переводах, в организации вечеров, юбилеев, общественно-культурных мероприятий. Так, например, М. И. Стеблин-Каменский не раз выполняет задания командования Балтийского флота по переводу документов с английского, шведского и эстонского языков, весь коллектив Института ведет большую лекционную работу в воинских частях и в госпиталях, особенно много выступали Б. П. Городецкий, В. А. Мануйлов, Н. И. Мордовченко, А. И. Грушкин, А. Н. Лозанова, И. И. Векслер, В. В. Гиппиус, экскурсоводы музея. Всего за восемь месяцев 1942 г. в воинских частях было прочитано более 120 лекций. Сотрудники, владеющие иностранными языками, ведут занятия с командным составом воинских частей. Т. П. Ден 15 декабря 1941 г. записывает, например, в своем дневнике: «В 7 — урок с комбригом, а в 9 — с штурманом. Немецкие утром».¹²

Институт продолжает работать по утвержденным планам. Д. С. Лихачев пишет статьи для «Истории русской литературы», В. П. Адрианова-Перетц редактирует отдельные тома этого издания, А. М. Астахова работает над докторской диссертацией о былинах, И. И. Толстой разрабатывает тему, посвященную античной сказке. По заданию Политуправления Ленинградского военного округа

¹¹ Астахова А. М. Вопросы изучения русского фольклора в годы 1917—1944 // Мельц М. Я. Русский фольклор: Библиографический указатель. 1917—1944. Л., 1966. С. 46.

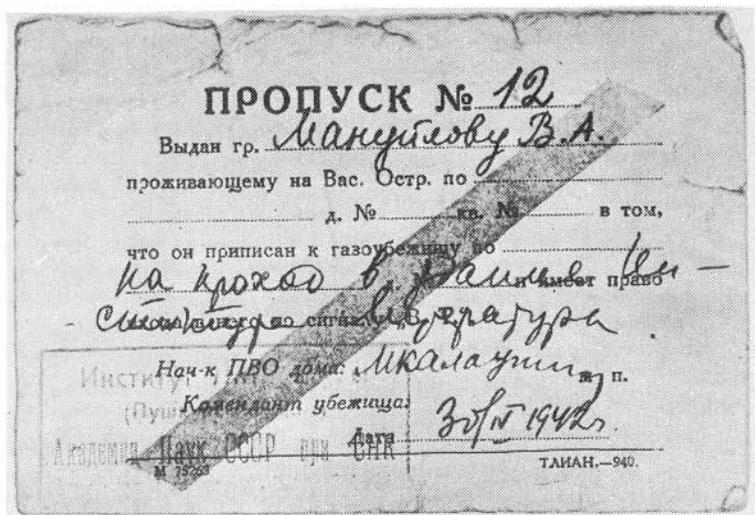
¹² Дневники Т. П. Ден (РО ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 364).

М. А. ТИХАНОВА и Д. С. ЛИХАЧЕВ

ОБОРОНА
ДРЕВНЕ-РУССКИХ
ГОРОДОВ

ОГНЗ ГОСПОЛИТИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД 1942

Книга М. А. Тихановой и Д. С. Лихачева
«Оборона древнерусских городов», изданная в 1942 г. в Ленинграде.

Пропуск В. А. Мануйлова для входа в здание Института (1942).

Д. С. Лихачев пишет статьи о культурных ценностях Новгорода и Пскова, а совместно с М. А. Тихановой готовит брошюру о героической обороне древнерусских городов, которая в 1942 г. издается в Ленинграде десятитысячным тиражом.¹³

Регулярно проводились в Институте научные заседания, программа которых также была приспособлена к задачам военного времени. Н. Н. Фоякова вспоминает об одном таком заседании, посвященном творчеству Веры Инбер: «В одном из музейных залов, выходящих на юг, а потому нагревавшемся от солнца, были поставлены в ряд несколько столов, возле них стулья и кресла, на которых разместились сотрудники. В. М. Инбер, маленькая, худенькая и бледная, но подтянутая и энергичная, села в голове стола. В. А. Мануйлов произнес несколько вступительных слов, характеризуя творческий путь нашей гостьи, а затем началось чтение стихов. Инбер читала еще не напечатанные главы своей поэмы „Пулковский меридиан“ (<...> Скоро, 7 июня 1942 г., мы увидели первую главу „Пулковского меридиана“ напечатанной в „Ленинградской правде“».¹⁴

Знаменательным событием блокадных дней 1942 г. стало научное заседание, посвященное 143-й годовщине со дня рождения Пушкина. Это заседание состоялось 6 июня в Пушкинском Доме. В Большом конференц-зале, украшенном цветами, собралось неожиданно много народа. Здесь были и сотрудники Пушкинского Дома, и артисты ленинградских театров, и моряки с судов, стоявших на Малой Неве. Доклад о поэзии Пушкина сделал заместитель директора Института Б. П. Городецкий. После доклада состоялся небольшой концерт.

¹³ Кольцов А. В. Ученые Ленинграда в годы блокады. С. 101—102.

¹⁴ Фоякова Н. Н. Пушкинский Дом в апреле—октябре 1942 г. Л. 5.

Пригласительный билет

Бюро Научной Пропаганды при Президиуме Академии Наук СССР приглашает Вас на ЛЕКЦИЮ кандидата филологических наук Д. С. ЛИХАЧЕВА на тему:

ВОЕННОЕ ДЕЛО В ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Лекция состоится 18 декабря 1942 года в 6 час. 30 мин. в аудитории № 9 Казанского Государственного Университета имени В. И. Ульянова-Ленина (ул. Чернышевского, 18).

*Бюро Научной Пропаганды при
Президиуме Академии Наук СССР*

ПФ 4853

004570

Пригласительный билет на лекцию Д. С. Лихачева «Военное дело в Древней Руси» (Казань, 1942).

Центральным моментом этого концерта стало выступление В. А. Мичуриной-Самойловой с чтением произведений Пушкина. Две недели спустя, 20 июня, здесь же было проведено другое научное заседание, посвященное шестой годовщине со дня смерти Горького.

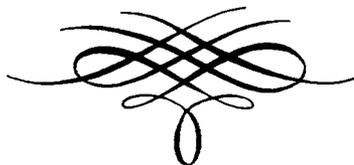
Постановлением от 16 марта 1942 г. Комиссия по делам ленинградских учреждений Академии наук СССР создала Объединенный ученый совет гуманитарных академических институтов, в состав которого вошли и представители Пушкинского Дома. Этот совет должен был заниматься организацией научной работы в учреждениях, в нем представленных, принимать защиту диссертаций, утверждать планы работы институтов. На одном из его заседаний был обсужден и план научной деятельности Пушкинского Дома. Это было 3 июня 1942 г., т. е. накануне эвакуации основной массы сотрудников. В это время из Ленинграда уезжают Б. П. Городецкий, Д. С. Лихачев, А. И. Грушкин, Т. П. Ден, А. П. Холина, Н. Н. Фоякова, А. И. Перепеч, А. М. Астахова, П. Г. Ширяева и др. В Институте остается всего лишь 13 человек. Уполномоченным по Институту литературы назначается В. А. Мануйлов. Начинается новый период в истории Пушкинского Дома времен блокады. Маленький, но сплоченный коллектив берет на себя невероятную нагрузку и ответственнейшие обязанности. Эвакуировать богатейшие рукописно-иконографические собрания полностью не удалось. Значительная часть их осталась в Ленинграде и требовала заботы, ухода и, что самое главное, хотя бы более или менее подходящих условий для хранения, создать которые было невероятно трудно, а порою и невозможно. И все же ценности были спасены. Это сделали люди, которые всю блокаду оставались в Ленинграде, перенесли обстрелы и бомбежки, голод и холод блокадных зим. Руководили этими рабо-

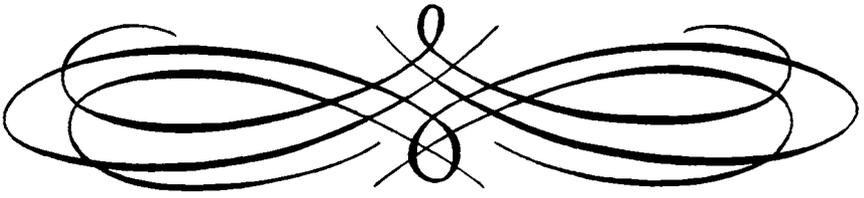
тами В. А. Мануйлов, М. И. Стеблин-Каменский и В. М. Глинка, во время войны не покидавшие город и все время находившиеся на своих постах. «Мы жили очень дружно, как одна семья, — вспоминает участница этих событий бухгалтер-кассир Института А. И. Козина, — вместе чинили крышу, пробитую осколками, заделывали окна фанерой, производили уборку помещений после повреждения от снарядов. Вспоминаю, как орудовали топором, пилой, молотком М. И. Стеблин-Каменский, В. М. Глинка, а В. А. Мануйлов всюду попевал; мне казалось, что он никогда не спит».¹⁵

Из 13 человек, оставшихся в Институте, многие находились на казарменном положении, но и те, кто жил дома, приходили в Институт и оставались на ночные и вечерние дежурства. Назовем имена этих людей: В. А. Мануйлов — уполномоченный по Институту литературы, М. И. Стеблин-Каменский — в то время ответственный за Рукописный отдел, В. М. Глинка, отвечавший за Литературный музей, Е. Э. Глокова — заведующая канцелярией, А. И. Козина — бухгалтер-кассир, Т. П. Валуева, ведавшая почтой и всеми платежами, Г. Ф. Граменицкая, А. М. Спиридонова, Е. М. Хмелевская, З. Н. Кругликова, А. С. Мудрова, Т. И. Борисова. Конечно, научная деятельность Института в это время была сокращена до минимума, но тем не менее В. А. Мануйлов в это время выступает в воинских частях, по радио, пишет статьи и брошюры, В. М. Глинка работает над своими повестями, а М. И. Стеблин-Каменский завершает свою диссертацию «К вопросу о развитии древнеанглийского поэтического стиля», которая, к слову сказать, была успешно заочно защищена в Ташкенте, куда автор ее не смог прибыть из Ленинграда. Библиотека Института поддерживала постоянную связь с воинскими частями и госпиталями, а в 1944 г. начал функционировать, пока частично, музей, где была развернута выставка, посвященная 100-летию со дня смерти И. А. Крылова. Это было уже большое событие в жизни Института, начало восстановления его деятельности после долгих блокадных лет.

В конце 1944 г. возвращаются из Новосибирска и Казани на свои прежние места рукописи и музейные ценности, начинает работать читальный зал Рукописного отдела, библиотека. Постепенно в Пушкинский Дом возвращается жизнь и воссоздается его особая творческая атмосфера. Война окончена, впереди долгожданные годы мирного труда, новые планы, поиски, открытия.

¹⁵ Козина А. И. Три контузии (РО ИРЛИ, Р I, оп. 12, № 630, л. 3).

ПУШКИНСКИЙ ДОМ
в 1950—1980 гг.

Великая Отечественная война, замедлив исследования в Пушкинском Доме, наложила свой отпечаток и на послевоенное развитие этого научного учреждения, особенно ощутимый в 40-х и в начале 50-х годов. Она изменила состав ученых, сложившийся в Пушкинском Доме в предвоенные годы и сформировавший ту программу научных исследований, над которой Институт работал в 40-е годы. После войны и блокады в Институт вернулась лишь половина старых сотрудников. Институт потерял многих своих крупных ученых, среди которых Н. П. Андреев, В. В. Гиппиус, С. Д. Балухатый, М. К. Клеман и др. Молодое и среднее поколения понесли потери на фронтах, свыше двадцати сотрудников погибло в блокадном Ленинграде. Одна из важнейших задач, вставших перед Институтом сразу же после окончания войны, заключалась в восстановлении научных кадров, в создании системы их регулярной и планомерной подготовки. Без этого невозможно было успешное развитие Института, развертывание и продолжение фундаментальных исследований, основы которых закладывались еще в предвоенные годы. На выполнение этой задачи была нацелена вся система подготовки и формирования научных кадров, в том числе институтская аспирантура, в то время довольно многочисленная и в короткое время давшая Институту новое поколение литературоведов.

Одновременно с проблемой кадров в Институте встала другая проблема, связанная с необходимостью продолжения или завершения трудов, которые были начаты в довоенные годы. Авторский коллектив этих трудов понес значительные потери, изменились методологические подходы к некоторым явлениям истории и теории литературы, а все это в совокупности осложняло и замедляло процесс их завершения. Далеко не все труды, задуманные, начатые или даже завершённые к началу Великой Отечественной войны, удалось в послевоенные годы закончить, переработать и выпустить в свет. Многие из них так и остались в архиве Института как свидетельство сложности теоретико-методологической перестройки исследовательского процесса, в это время осуществлявшейся. Была прекращена работа

над серийным изданием «Вопросы теории литературы», первый том которого был утвержден к печати накануне войны и разрабатывался проспект второго; остались в рукописях очередные тома серийных изданий «Владимир Маяковский», «Советский фольклор», «М. Горький. Материалы и исследования»; оборвалось на первом томе издание трехтомного учебника по русской литературе, хотя второй том его еще до начала войны был сдан уже в издательство. Однако крупнейшие предвоенные замыслы продолжают разрабатываться. В эти годы выходят тома академического издания собрания сочинений Пушкина, завершается десятитомная «История русской литературы», продолжается работа над академическими изданиями сочинений Радищева, Гоголя, Глеба Успенского, в значительно измененном виде осуществляется начатое перед войной коллективное исследование, посвященное итогам изучения русского народного творчества. Все эти работы в 40-е годы в основном были закончены, после чего Институт приступает к осуществлению новой программы, в это время намеченной, но еще не во всех пунктах четко сформулированной.

Переход к мирному строительству поставил перед всем народом, в том числе и перед литературной наукой, новые огромные задачи, по масштабам своим превосходящие все довоенные замыслы, а поэтому и осуществление их потребовало и новых кадров, подготовка которых в военное время была приостановлена, и изменения организационных форм, и совершенствования методологических подходов к исследуемым проблемам и явлениям. Несомненно изменяется в это время и общий профиль Института. Ликвидируется Сектор западных литератур, а исследования в этой области сосредоточиваются в Институте мировой литературы им. М. Горького в Москве. Это вновь обращает деятельность Пушкинского Дома исключительно на русский литературный процесс, в связи с чем Президиум Академии наук СССР в 1949 г. принимает решение изменить название Института: Институт литературы опять становится Институтом русской литературы, в соответствии с чем определяется и программа его исследований.

Становление научной деятельности Института в первые послевоенные годы идет несколько замедленными темпами. Это объясняется проходившим в те годы обновлением кадров, приходом в науку молодого поколения ученых, совершенствованием методологии литературоведческого исследования, происходившим в длительных и острых полемиках и дискуссиях, наконец, поисками новых методов и форм исследования, новых принципов организации. Если перелистать библиографию изданий Пушкинского Дома той поры, то легко заметить, что лишь в начале 50-х годов в его программе возникают существенные изменения, свидетельствующие об обращении Института к новым проблемам и замыслам, среди которых в первую очередь следует назвать ряд трудов, посвященных революционным демократам, советской литературе, истории жанров и т. д. Именно в первой половине 50-х годов в Институте осуществляются преобразования научно-организационного характера: создаются

Член-корреспондент Академии наук СССР
Н. Ф. Бельчиков.

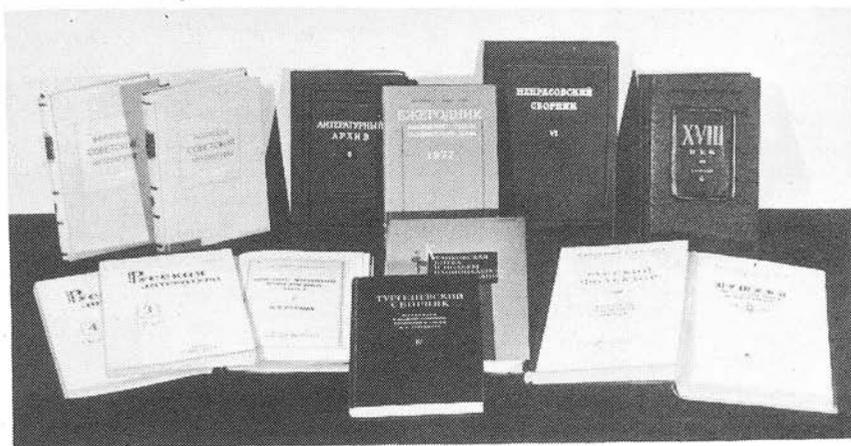
Директор Института в 1949—1955 гг.

новые серийные издания, организуются конференции, со временем ставшие традиционными для Пушкинского Дома, возникают новые исследовательские группы и коллективы, развивается экспедиционная деятельность.

В первое послевоенное десятилетие, с 1945 по 1956 г., Институт завершает начатые перед войной труды и переходит к новой программе исследований, превосходящей предвоенную широтой и значимостью решаемых проблем. Основы для этих исследований закладывались в первые послевоенные годы, закладывались исподволь и постепенно. Качественный перелом совершился не сразу, а был подготовлен большой и кропотливой работой всего коллектива ученых, стремившихся к разумному сочетанию частных и конкретных работ с исследованиями широкого историко-литературного и теоретического плана, т. е. предельному использованию всех возможностей Пушкинского Дома, слагавшихся в ходе его исторического развития.

Новая программа исследований вырабатывалась на основе выводов и заключений научных конференций, совещаний, дискуссий, из которых многие обсуждали и решали проблемы развития науки и конкретизации ее отдельных аспектов в деятельности Пушкинского Дома. Совещание по вопросам изучения древнерусской литературы, в 1955 г. проведенное Пушкинским Домом, наметило задачи исследований в этой области литературной науки, первые Пушкинские и Некрасовские конференции во многом предопределили направление будущих исследований пушкинистов и некрасоведов, а ряд фольклористических совещаний определил основные пути развития фольклористики, в том числе и в главном ее научном центре, каким к этому времени стал Пушкинский Дом.

Важнейшей формой развития исследований в это время стали серийные издания, объединяющие вокруг себя большой коллектив авторов, работающих не только в Институте, и допускающие свободу в выборе формы, жанра, темы исследования. На тогдашнем этапе развития науки подобные издания играли важнейшую роль. Со временем они стали уходить на второй план, а порою и исчезать, уступая место исследованиям более широкого плана — коллективным монографиям, а если сборникам, то со строго определенной тематикой. Тем не менее в первые послевоенные годы, — а в некоторых отраслях литературной науки и сейчас, — серийные издания исполняли и исполняют важнейшие научно-организационные роли. После войны были продолжены и стали выходить более регулярно «Труды Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома», а также серийное издание Группы по изучению русской литературы XVIII в. Сейчас установлена и поддерживается их периодичность: «Труды Отдела древнерусской литературы» выходят раз в год, а «XVIII век» — раз в два года. Эти издания начиная с 30-х годов являются выражением той исследовательской работы, которая ведется в Пушкинском Доме или организуется им по изучению древнерусской литературы и литературы XVIII в. В эти же годы создаются новые серийные издания, многие из которых продолжают и поныне. Так, в 1947 г. учреждается в качестве печатного органа Рукописного отдела его «Бюллетень», в 1951 г. выходит в свет первый том «Некрасовского сборника», обозначившего начало деятельности в Пушкинском Доме Некрасовской группы, которая в результате своего почти сорокалетнего развития подготовила первое академическое издание сочинений поэта, сейчас завершаемое. В 1951 г. зарождается серийное издание, посвященное описанию изобразительных материалов, хранящихся в Литературном музее Пушкинского Дома. В 1952 г. появляется новое пушкиноведческое издание «Пушкин. Материалы и исследования», а год спустя выходит первый том «Вопросов советской литературы». Появление этих изданий свидетельствует о расширении деятельности в тех областях, в которых исследования были начаты еще в предвоенные годы, а также о возникновении ряда новых направлений в работе Пушкинского Дома, какими, например, являются некрасоведение или музееведение, представляемые теперь своими научными повременными изданиями. Однако возникновение

Серийные издания Института.

новых направлений и усиление старых происходило не само по себе, а за счет переформирования сил внутри Института и сокращения или даже исчезновения некоторых аспектов в его деятельности. Например, большие работы, развернутые перед войной, по изучению творчества Гоголя хотя и были в послевоенные годы продолжены, но самостоятельного направления в деятельности Пушкинского Дома уже не составляли.

Примерно так же складывалась ситуация в горьковедении, основы которого создавались в Пушкинском Доме. В довоенные годы эта отрасль литературоведения здесь усиленно развивалась, и ее развитием руководили С. Д. Балухатый и В. А. Десницкий. Со смертью С. Д. Балухатого в апреле 1945 г., с перемещением в Институт мировой литературы АН СССР архива Горького постепенно стал перемещаться в Москву и научный горьковедческий центр. И хотя работы по изучению наследия Горького в Пушкинском Доме продолжались — велись они и сейчас ведутся под руководством К. Д. Муратовой, — он в послевоенные годы перестал быть центром горьковедения. Поэтому изданный после войны четвертый том серийного издания «Горький. Материалы и исследования» был последним, и издание в последующие годы не возобновлялось. Таким образом, система серийных изданий в Пушкинском Доме заметно изменилась и стала более соответствовать тем возможностям, которыми в данное время Институт располагал.

Если в довоенные годы обращение к современной литературе ограничивалось почти исключительно изучением наследия Горького, то в первые послевоенные годы в Пушкинском Доме ставится задача всестороннего и систематического изучения современного литературного процесса. В 1949 г. создается Сектор советской литературы, во главе которого становится профессор В. А. Десницкий, несколько позднее (с 1950 г.) — А. С. Бушмин, с 1952 г. — В. А. Ковалев,

Академик А. С. Бушмин.

Директор Института русской литературы
в 1955—1965 гг. и в 1977—1983 гг.

с 1984 г. по настоящее время — Н. А. Грознова. Этот сектор был в основном сформирован из молодых ученых, в большинстве своем подготовленных в аспирантуре Института, и ученых старшего поколения, среди которых следует назвать В. А. Десницкого, С. В. Касторского, К. Д. Муратову и более молодых — А. С. Бушмина, В. А. Ковалева, В. В. Тимофееву. Обращение научной мысли в Пушкинском Доме к литературной современности завершило включение в сферу изучения всего русского литературного процесса.

Изменения, происшедшие в 1945—1956 гг., коснулись не только современной литературы. В изучении русской литературы XIX в. усиливается внимание к революционно-демократическому направлению. По инициативе В. Е. Евгеньева-Максимова проводится первая Всесоюзная некрасовская конференция, создается Некрасовская группа, начинает издаваться «Некрасовский сборник». Одно-

временно с Некрасовым внимание обращается на творчество Салтыкова-Щедрина. Появляется монография С. А. Макашина, представляющая собою первый том научной биографии сатирика и в 1956 г. удостоенная Государственной премии; печатаются статьи А. С. Бушмина, Е. И. Покусаева, Н. В. Яковлева о Салтыкове-Щедрине; начинается подготовка академического издания его сочинений, которая в 1958 г. была, впрочем, прекращена, а готовые материалы использованы в Собрании сочинений, выпущенном издательством «Художественная литература» в 1965—1977 гг. совместно с Пушкинским Домом и при участии его сотрудников-текстологов. С тех пор творчество Некрасова и Салтыкова-Щедрина всегда в центре внимания ученых Института.

Важным событием этого времени стало завершение десяти томной «Истории русской литературы». Это был первый опыт советского литературоведения по созданию обобщающего труда, посвященного исследованию русского литературного процесса от его начала до Октябрьской революции. Используя накопленный опыт, Институт обращается к мысли о создании серии коллективных монографических трудов, посвященных исследованию истории и теории отдельных жанров — критика, повесть, роман, поэзия, рассказ, драматургия. Эта работа, сейчас завершаемая, объединила коллектив ученых, занимающихся изучением как русской классической, так и советской литературы.

В первые послевоенные годы руководство Институту осуществляет академик П. И. Лебедев-Полянский.¹ Активный участник революционного движения и культурного строительства в первые годы Советской власти, публицист, критик и литературовед, П. И. Лебедев-Полянский назначается директором Института в 1937 г., вскоре после смерти А. М. Горького. Таким образом, именно при его участии или под его руководством осуществляются те значительные для Пушкинского Дома труды, которыми отмечено десятилетие после 1937 г.

После смерти П. И. Лебедева-Полянского во главе Института (в 1948—1955 гг.) становится доктор филологических наук Н. Ф. Бельчиков, в 1953 г. избранный членом-корреспондентом АН СССР. При нем завершается работа над рядом исследований, задуманных до войны, и начинают складываться основные направления в деятельности Института, создаваться предпосылки и планы дальнейшего развития.

В послевоенной истории Пушкинского Дома особое значение имеет 1956 г., когда отмечалось пятидесятилетие со дня его основания. Этот год можно считать этапным в истории Института, директором которого к этому времени стал А. С. Бушмин.²

¹ П. И. Лебедев-Полянский избран членом-корреспондентом АН СССР 28 января 1939 г., действительным членом — 30 ноября 1946 г.

² А. С. Бушмин в 1960 г. избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1979 г. — действительным членом. В 1955—1965, 1978—1983 гг. он был директором Пушкинского Дома, в 1965—1975 гг. Институт возглавлял член-корреспондент АН СССР В. Г. Базанов, в 1975—1977 гг. обязанности директора исполнял доктор филологических наук

Пятьдесят лет со дня основания Пушкинского Дома исполнилось 15 декабря 1955 г., но юбилей отмечался в июне 1956 г., одновременно с проведением очередной Пушкинской конференции. Пятидесятилетний юбилей Пушкинского Дома примечателен теми научно-организационными мероприятиями, которые были с ним связаны и за ним последовали. Однако сначала несколько слов о самом юбилее, о подготовке к нему и его проведении.

Пятидесятилетие Пушкинского Дома отмечалось на основании Постановления Президиума Академии наук СССР от 20 января 1956 г., которым определялся порядок проведения юбилея, а также характер научно-организационных изменений, в связи с юбилеем вводимых в структуру Института. Юбилейные торжества начинались 4 июня в Ленинграде, где в этот день открылось Общее собрание Отделения литературы и языка АН СССР. Это собрание состоялось в Большом конференц-зале главного здания Академии наук, т. е. именно в том здании, в котором Пушкинский Дом располагался в грозные годы Октябрьской революции и гражданской войны. Именно это помещение имел в виду Александр Блок, когда в стихотворении, посвященном Пушкинскому Дому, писал:

С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

На этом заседании, проходившем под председательством академика В. В. Виноградова, Д. С. Лихачев выступил с докладом «Пушкинский Дом и изучение русской литературы», а Б. В. Томашевский — с докладом «Основные этапы пушкиноведения».³ В докладах были подведены итоги исследований, проводившихся в Пушкинском Доме на протяжении 50 лет, в том числе в пушкиноведении, т. е. именно в той отрасли литературной науки, ради развития которой Пушкинский Дом и был создан. История Пушкинского Дома, интересная и многообразная, к 1956 г. была почти не затронута исследователями, если не считать изданных в 1924 и 1925 гг. кратких исторических очерков и путеводителей да нескольких десятков популярных статей частного характера, которые дают чрезвычайно приблизительное представление об истории и совершенно не касаются современных этапов деятельности Пушкинского Дома. Поэтому прочитанные доклады, вместе с выпущенной к юбилею книгой «50 лет Пушкинского Дома», представляют собою одну из первых попыток научного осмысления деятельности Пушкинского Дома на широком фоне развития отечественной литературной науки XX в. Впрочем, о названной книге следует особо сказать несколько слов, так как на протяже-

Ф. Я. Прийма. В 1983 г., после смерти академика А. С. Бушмина директором стал доктор филологических наук А. Н. Иезуитов. С февраля 1987 г. Институт возглавляет доктор филологических наук Н. Н. Скатов.

³ Общее собрание Отделения литературы и языка 4—5 июня 1956 г., посвященное 50-летию Пушкинского Дома (Института русской литературы): Рефераты докладов. Л., 1956.

Научная конференция «Русско-болгарские литературные связи», посвященная 100-летию со дня освобождения Болгарии.
В президиуме академик Д. С. Лихачев и академик П. Динекв (Болгария).

нии четверти века она была основным источником знаний о Пушкинском Доме и сыграла значительную роль, знакомя читателя с характером научного процесса, осуществляемого в Институте. В ней содержатся достаточно полные сведения о развитии отдельных отраслей литературной науки в Пушкинском Доме (древнерусская литература, русская литература XVIII и XIX вв.; пушкиноведение, народное творчество, советская литература), а также о содержании и богатствах Литературного музея, Рукописного отдела и библиотеки Института. Книга завершается библиографией изданий Пушкинского Дома за 1913—1956 гг. Это первый, хотя и не исчерпывающе полный опыт подведения итогов деятельности Пушкинского Дома в библиографической форме. К сожалению, историческая часть книги предельно кратка и не содержит порою даже главнейших сведений, необходимых для воссоздания исторического облика этого научного учреждения и выяснения его роли и значения в современной ему русской науке.

Одновременно с юбилейными торжествами была проведена восьмая Всесоюзная Пушкинская конференция, которая носила также юбилейный характер и была посвящена итогам и перспективам развития пушкиноведения, в том числе и в Пушкинском Доме. Такая проблематика конференции была особенно актуальна в то время, потому что ряд научно-организационных преобразований, связанных с юбилеем и намеченных к проведению в Пуш-

кинском Доме, касался и пушкиноведения. Дело в том, что в период подготовки к юбилею Президиум Академии наук СССР в своем постановлении от 20 января 1956 г. отметил, что «структура Института не обеспечивает его организующей роли в советском пушкиноведении», и предложил создать в Институте специальный сектор, который занимался бы исключительно изучением творчества и биографии Пушкина и литературы пушкинской эпохи.

Отмеченное Президиумом АН СССР неблагополучие с изучением наследия Пушкина отражало действительное положение дел. Институт не имел в послевоенные годы ни сектора, ни группы пушкиноведения и за десять лет выпустил лишь один том исследований о Пушкине, все же остальные издания, посвященные великому поэту и выпущенные Пушкинским Домом, принадлежали к области библиографии или представляли собою путеводители по памятным пушкинским местам. С учетом этих обстоятельств и создается в 1956 г. Сектор пушкиноведения, сначала возглавляемый Б. В. Томашевским, а после его смерти в 1958 г. — Б. П. Городецким. Несколько лет спустя Сектор был преобразован в творческую группу, и поныне работающую в составе Сектора новой русской литературы. Такое преобразование не означало ослабления пушкиноведения в Институте. Наоборот, после 1956 г. работа в этой области заметно оживилась. В ближайшее десятилетие появляются монографии Б. В. Томашевского, Б. П. Городецкого, Б. С. Мейлаха; печатается описание рукописей Пушкина, продолжается библиографическая работа; регулярнее выходит серьезное издание «Пушкин. Материалы и исследования»; наконец, создается и в 1966 г. выходит в свет большой коллективный труд «Пушкин. Итоги и проблемы изучения».

Изменения в структуре Института, произведенные в 1956 г., пушкиноведением не ограничились. В том же постановлении Президиума АН СССР было сказано о необходимости изучения в Пушкинском Доме русского литературного процесса в его связях и контактах с литературами других стран и народов, о преодолении здесь отставания в библиографических исследованиях. Обращение к этим отраслям литературной науки привело к созданию в том же 1956 г. в Институте Сектора взаимосвязей русской литературы с зарубежными и Сектора библиографии и источниковедения. Первый возглавил М. П. Алексеев, второй — К. Д. Муратова. Возникновение этих секторов заметно расширило сферу научной деятельности Института, обогащая его труды справочно-источниковедческим материалом и позволяя изучать русскую литературу в контексте мирового литературного развития. Правда, Сектор библиографии и источниковедения, выполнивший важнейшее задание по составлению первой в нашей науке библиографии по истории русской литературы, прекратил свое существование и библиографические исследования вновь разошлись по разным секторам и отделам, но в Институте оста-

лась та библиографическая школа, которая в этом секторе была создана, и сохранились библиографические навыки, знания и традиции, которые до сих пор являются отличительной чертой всех трудов Пушкинского Дома. Второй же из созданных в 1956 г. секторов — Сектор взаимосвязей русской литературы с зарубежными — работает и поныне. Усилиями этого сектора взаимосвязи русской литературы с зарубежными стали сейчас предметом изучения самостоятельной отрасли литературной науки, одним из центров которой является Пушкинский Дом. Таким образом, в 1956 г. в Пушкинском Доме произошло значительное расширение диапазона исследовательской деятельности за счет включения в программу работ его тех направлений литературной науки, которые раньше были здесь на втором плане.

Если говорить о структуре Института, то надо отметить, что после 1956 г. она претерпела и некоторые другие изменения. Во-первых, в том же 1956 г. начинается подготовка академического издания Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева. Инициатором этого издания был академик М. П. Алексеев, он и возглавил его редколлегия. Это издание явилось новым, более высоким этапом в развитии текстологии по сравнению с изданиями сочинений Глеба Успенского, Гоголя, Белинского, осуществленными (или завершенными) в послевоенные годы. Подготовка этого издания потребовала создания специальной группы внутри Сектора новой русской литературы. Такая группа была создана и просуществовала до 1968 г., когда издание было полностью завершено. Занималась она в основном подготовкой издания, его организацией, а также готовила и выпускала сопровождавшие издание «Тургеневские сборники» (их вышло пять), в этой же группе была подготовлена библиография советских работ о Тургеневе и начата работа над летописью его жизни и творчества, которая сейчас завершается.

Тургеневская группа была первой мобильной, организационно оформленной группой, которая создавалась для выполнения очередного научного задания. Этот опыт оказался удачным и перспективным для выполнения сложных и трудоемких работ, особенно текстологических, требующих для своего осуществления значительного времени, особого руководства и многих сотрудников.

Вслед за Тургеневской группой, после выполнения ею своих задач, в составе того же сектора создается сначала Группа по изданию сочинений Ф. М. Достоевского, а позднее и Н. А. Некрасова. Эти группы составляли и сейчас составляют основу текстологического коллектива, постоянно работающего в Институте. Как правило, часть текстологов одной группы переходит в другую и тем самым способствует передаче текстологического опыта и становлению нового издания, обеспечивая преемственность в работе названных групп. Правда, повторные издания, в последние годы также осуществляемые Институтом, готовятся без организации специальной группы или при назна-

чений на эту работу двух-трех сотрудников. Так сейчас переиздаются сочинения Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевского.

Кроме текстологических групп за последние два десятилетия в Институте были созданы два сектора. Первый из них — Сектор поэтики и стилистики — был открыт в 1965 г. в связи с переходом на работу в Пушкинский Дом академика В. В. Виноградова, в то время крупнейшего специалиста в области поэтики и стилистики. К сожалению, этот сектор недолго просуществовал, успев выпустить только несколько сборников. Он был ликвидирован в 1969 г., вскоре после смерти академика В. В. Виноградова. Близка по характеру своих интересов к этому сектору работающая в Институте на общественных началах стиховедческая группа. Руководит ею В. Е. Холшевников. Значение этой группы в том, что она привлекает внимание исследователей к той области литературной науки, которая сейчас несколько отстала в своем развитии, возрождает интерес к стиху, некогда свойственный Пушкинскому Дому, особенно в эпоху 30-х годов, когда ускоренно развивалось советское пушкиноведение. Эта группа продолжает свою деятельность и сегодня.

В тот год, когда прекратил свое существование Сектор поэтики и стилистики, возник в Институте новый — Сектор теоретических исследований, просуществовавший более 15 лет и прекративший свою деятельность вскоре после смерти академика А. С. Бушмина.

Возглавил его академик А. С. Бушмин. Возникновение этого сектора в Институте было подготовлено целым рядом работ теоретического и методологического характера, которые свидетельствовали о серьезном интересе к этим проблемам. Среди них следует назвать коллективные труды и сборники, посвященные проблемам методологии в литературной науке, значению ленинских работ для развития литературоведения, идеям социализма в русской литературе, а также монографические исследования А. С. Бушмина, А. Н. Иезуитова, Н. И. Пруцкова, Г. М. Фридендера и др.

Говоря о структуре Института после 1956 г., нельзя не упомянуть о создании в 1958 г. журнала «Русская литература».

Таковы основные изменения, происшедшие в структуре Института в послевоенные годы. Изменения значительные и направленные исключительно на более широкий и полный охват исследованиями русского литературного процесса, на повышение теоретического и методологического уровня этих трудов. Сегодня в Институте работают Отдел древнерусской литературы, Отдел новой русской литературы с двумя секторами (Сектор русской литературы XVIII в. и Сектор взаимосвязей русской литературы с зарубежными) и текстологическими группами, занимающимися подготовкой академических изданий сочинений Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, А. А. Блока, Отдел советской литературы, Отел народнопоэтического творчества, Рукописный отдел с Древлехранилищем и Фольклорным архивом, Литературный музей и Библиотека.

Изменения в научно-организационной системе свидетельствуют о совершенствовании научного процесса, о возможностях дальнейшего преобразований, как правило, вызываемых развитием литературной науки и ее задачами на каждом конкретном этапе ее пути.

Если возможно выделить основные научные направления, по которым после 1956 г. идет развитие Института и которые определяют его профиль, то следует назвать циклы работ, коллективных и монографических, по древнерусской литературе и литературе XVIII в., пушкиноведению, серию исследований жанров русской и советской литературы, библиографические труды, академические издания сочинений Тургенева, Достоевского, Некрасова, цикл работ по советской литературе, по теории литературы, взаимосвязям русской литературы с зарубежными и, наконец, исследование взаимоотношения литературы и народного творчества.

В целом последние три десятилетия деятельности Пушкинского Дома характерны обращением к большим фундаментальным трудам, подчеркивающим возможности Института на современном уровне его научного развития. Действительно, именно в эти годы осуществлены крупнейшие исследования по истории и теории жанров, продолжающие законченную несколько ранее «Историю русской литературы» (в 10 томах), с новых сторон освещающие многие явления русской литературы и основное внимание уделяющие поэтике жанра романа, поэзии, повести, критике, рассказа, драматургии. Продолжая старую «Историю русской литературы», эти исследования в то же время решали многие ранее не освещенные вопросы художественного творчества, являясь как бы своеобразной подготовкой нового большого замысла — четырехтомной «Истории русской литературы», ныне законченной и изданной. Пожалуй, исследования по истории жанров можно назвать для этого времени ведущими, объединившими усилия специалистов по истории классической и современной русской литературы.

Другой характерной особенностью этого периода является усиление внимания к теоретическим проблемам вообще. Если дореволюционный период истории Пушкинского Дома можно назвать источниковедческим, период от Октябрьской революции до образования научно-исследовательского института — переходным от источниковедения к истории литературы, предвоенный — преимущественно историко-литературным, то послевоенный — это историко-литературный период с очень заметным усилением теоретического аспекта.

Соединение истории литературы с теорией и изучение ее на широком фоне мирового литературного развития заметно отличают сегодняшние труды Пушкинского Дома от его предвоенных и первых послевоенных работ. Это позволяет Институту обращаться к созданию трудов, стоящих на грани истории и теории литературы, а также к фундаментальным исследованиям, обобщающим наши знания в целой отрасли литературной науки.

К таким трудам следует отнести «Историю русской литературы», «Литературу и фольклор», «Идеи социализма в русской литературе» и др. Таким образом, послевоенная эпоха в истории Пушкинского Дома характерна укрупнением научных исследований, серьезным обращением к теории, расширением сферы текстологических работ, а также развитием тех направлений, которые ранее в Пушкинском Доме не присутствовали (взаимосвязи литератур, поэтика, археография и др.).

Последние десятилетия в работе Пушкинского Дома отличаются не только расширением исследований и повышением их научного и методологического уровня, но и заметной активизацией научно-организационной и общественной деятельности Института. Эта деятельность развивается в разных направлениях, среди которых важнейшее значение имеет сотрудничество Пушкинского Дома с другими научно-исследовательскими учреждениями и высшими учебными заведениями в области подготовки кадров или решения важнейших научных вопросов, сотрудничество с зарубежными научными учреждениями, подготовка учебников и учебных пособий для средней и высшей школы, а также разные формы участия в подготовке кадров для научных учреждений, советских и зарубежных, в культурной, просветительской, общественно-политической и литературной жизни страны. Некоторые из перечисленных направлений в научной, научно-организационной и общественной деятельности Института выделяются в главах настоящей книги, посвященных развитию отдельных отраслей литературной науки в Пушкинском Доме, но не все и не всегда полностью, что обязывает остановиться здесь в общих формах на проблемах сотрудничества Института с советской и зарубежной наукой, на подготовке кадров и их творческом росте, наконец, на участии Института в культурной и общественной жизни города и страны.

В литературной науке всегда было и сейчас есть немало проблем, решение которых не под силу одному научному коллективу. В этом случае к созданию задуманного труда привлекаются учреждения, располагающие кадрами специалистов, работающих в данной области или отрасли науки. Достаточно широко возможности сотрудничества используются и Пушкинским Домом. Здесь имеется в виду сотрудничество с научными учреждениями, а не с отдельными учеными, труды которых постоянно присутствуют на страницах изданий Пушкинского Дома. Сотрудничество осуществляется, как правило, по тем проблемам, которые Институт не имеет возможности решить вне деловых контактов с другими творческими коллективами или другие творческие коллективы не могут решить без участия Пушкинского Дома. И такие контакты осуществляются прежде всего с академическими институтами. В содружестве, например, с Институтом мировой литературы им. М. Горького создана трехтомная «История русской литературы», труды о польско-русских литературных связях, о творчестве Салтыкова-Щедрина; с Институтом

славяноведения и балканистики — о теоретических аспектах изучения межславянских литературных связей; с Институтом русского языка — «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“».

Однако такие контакты в последние годы устанавливаются не только с академическими учреждениями, но и с рядом высших учебных заведений страны. Так, с Ленинградским университетом подготовлен совместный труд «Шолохов в современном мире», с Армянским государственным педагогическим институтом им. Х. Абовяна — коллективный труд о наследии Пушкина и литературах народов СССР. Такое сотрудничество повышает научный уровень трудов, позволяет расширить их рамки, способствует объединению усилий ученых в решении сложных научных проблем. Конечно, удельный вес совместных трудов в планах Института невелик, но это не значит, что отсутствуют перспективы развития такого содружества. Наоборот, с развитием литературной науки такие возможности становятся все более реальными и даже необходимыми: Например, невозможны успешная подготовка Свода русского фольклора, сейчас предпринятая Пушкинским Домом, без широкого кооперирования сил фольклористов страны или любое обращение к литературе народов СССР в связи с восприятием ею наследия русской культуры — без участия литературоведческих учреждений соответствующих национальных республик.

В последние годы Институт впервые обратился к сотрудничеству с зарубежными научными учреждениями. Раньше связи с зарубежной наукой ограничивались приемом стажеров, участием в конференциях, обменом информацией и литературой, теперь же все чаще и чаще Институт обращается к созданию научных трудов совместно с институтами и университетами Болгарии, Польши, Германской Демократической Республики. Приход к такой форме коллективного труда обусловлен все укрепляющимися связями нашей науки, в том числе и Пушкинского Дома, с наукой стран социализма, общностью интересов и единством методологических подходов к исследуемым явлениям и процессам. В результате такого сотрудничества с Институтом литературы Болгарской Академии наук создан двухтомный труд «Русско-болгарские литературные связи», посвященный столетию освобождения Болгарии; ведется работа над трудами «Пушкин в славянских странах» и «Русско-болгарское литературное наследство». Такое сотрудничество позволяет разрабатывать темы из области взаимосвязей литератур, которые силами одного только Пушкинского Дома исследовать невозможно, и, кроме того, объединяя ученых разных стран, способствует укреплению дружбы между народами.

Пушкинский Дом в послевоенные годы является одним из основных литературоведческих институтов, который на протяжении уже 50 лет занимается подготовкой научных кадров как для себя, так и для других научных и учебных учреждений. Подготовка кадров — одна из важнейших задач в деятельности

Член-корреспондент АН СССР В. Г. Базанов.

Директор Института в 1965—1975 гг.

Пушкинского Дома. Осуществляется она несколькими путями, из которых основной — это аспирантура, существующая в Пушкинском Доме с 1930 г. За пятидесятилетие здесь подготовлены сотни кандидатов и докторов наук, многие из которых работали и сейчас работают в Пушкинском Доме. Однако аспирантура (а в прошлые годы и докторантура) удовлетворяет не только нужды Пушкинского Дома. В стране сейчас немало университетов и педагогических институтов, где кафедрами литературы руководят ученые, проходившие подготовку или защищавшие диссертации в Пушкинском Доме. Правда, масштабы деятельности аспирантуры в последние годы заметно сократились по сравнению с 40-ми и 50-ми годами. Это, впрочем, и понятно. В первые послевоенные годы подготовка кадров осуществлялась в более значительных размерах, во-первых, для восстановления военных потерь в науке, а во-вторых, в связи со значительным расширением масштабов исследовательской работы в области литературоведения. Теперь же, когда масштабы научной дея-

тельности стабилизировались, а военные потери восстановлены, воспроизводство кадров осуществляется не только и не столько за счет аспирантуры, сколько за счет внутреннего роста, за счет повышения квалификации уже работающих в науке кадров, что осуществляется как посредством заочной аспирантуры, соискательства, так и вне аспирантуры, в процессе текущей научной деятельности. Это второй — и в настоящее время основной — способ подготовки научной смены в Институте.

Успехи Пушкинского Дома в 60—70 годах во многом были обусловлены тем, что во главе его в это время стояли крупнейшие ученые-литературоведы В. Г. Базанов и А. С. Бушмин. Они были не просто учеными, но и талантливыми руководителями, организаторами науки. Счастливо сочетая в своей деятельности искусство исследования литературного процесса и умение работать с людьми, готовить и воспитывать научные кадры, они вели за собой коллектив Пушкинского Дома, выдвигали новые идеи, воплощали в жизнь сложнейшие замыслы, среди которых и крупнейшие текстологические опыты, посвященные Белинскому, Тургеневу, Достоевскому, и обобщающие труды по истории русской литературы всех этапов ее развития, и источниковедческо-библиографические работы, именно в это время снискавшие Пушкинскому Дому репутацию одного из ведущих учреждений страны, плодотворно работающих в этих областях литературной науки, наконец, исследования средневековой русской литературы, творчества Пушкина, поэтики и стилистики, работы по сравнительному литературоведению, теории литературы, фольклористике.

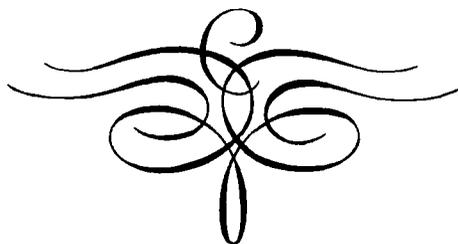
Научное творчество В. Г. Базанова и А. С. Бушмина органично вписывалось в общую систему исследований Пушкинского Дома, находило своих сторонников, учеников, продолжателей. Много сделал В. Г. Базанов, в частности, для изучения декабризма, литературной деятельности декабристов, народной книги, творчества Есенина и Клюева, но самое главное, чем он оставил по себе память, — это создание журнала «Русская литература», первого в стране периодического издания, посвященного истории русской литературы. С именем А. С. Бушмина в Пушкинском Доме связано широко поставленное здесь в 1960-е годы исследование творчества Салтыкова-Щедрина, а несколько позднее теории литературы и методологии ее изучения.

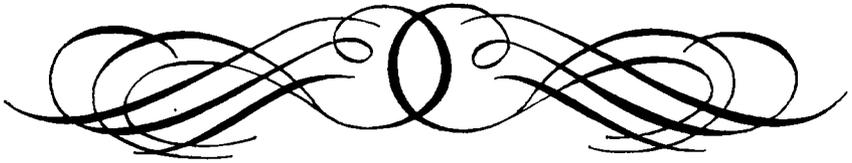
Пушкинский Дом — не только научное учреждение, но и крупный культурный центр, который входит в общую систему культурной жизни Ленинграда и страны. Значительные художественные ценности, здесь сосредоточенные, привлекают сюда не только специалистов, но и всех, кто интересуется историей русской литературы, ее прошлым и настоящим. Через Музей Пушкинского Дома ежегодно проходит около 25 тысяч экскурсантов; здесь снимаются кинофильмы, материалы Музея и Рукописного отдела используются в телепередачах, на радио, демонстрируются на выставках в нашей стране и за рубежом; достаточно широко поставлена здесь лекторская работа.

Сегодня, подводя итоги пройденного пути, Пушкинский Дом намечает и планы будущих исследований и будущих поисков. И среди них первые места займут, конечно, фундаментальные исследования по истории и теории русской литературы прошлого и современности, крупнейшие текстологические работы, работы по теории литературы, взаимосвязям, археографии. Пройден большой, сложный и плодотворный путь, впереди новые исследования, новые открытия.

РАЗВИТИЕ
ОТДЕЛЬНЫХ
ОТРАСЛЕЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
НАУКИ
В ПУШКИНСКОМ
ДОМЕ

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Трудно представить сейчас Пушкинский Дом без Отдела древнерусской литературы, без его трудов и серийных изданий, без его научных сессий и конференций, всегда привлекающих пристальное внимание научной общественности, без знаменитого сегодня Древлехранилища. Между тем интерес к литературе русского средневековья зародился в Пушкинском Доме довольно поздно, уже после преобразования его в научно-исследовательский институт. И это не удивительно. Не удивительно по ряду причин, из которых первая заключается в том, что в 20-е годы под воздействием вульгарно-социологических воззрений изучение русской средневековой литературы было приостановлено или, лучше сказать, почти прекращено и новое обращение к этой области филологической науки, в Академии наук имевшей богатейшие традиции, стало возможным лишь с преодолением или в процессе преодоления антимарксистских методологических подходов к изучению литературы в целом, в том числе подходов вульгарно-социологических или формалистических. Другой причиной позднего вхождения медиевистики в Пушкинский Дом являются особенности исторического развития этого научного учреждения, до преобразования в научно-исследовательский институт работавшего исключительно в хронологических рамках XIX в. и лишь после 1930 г. начавшего постепенное расширение границ исследуемых периодов литературного процесса.

Изучение древнерусской литературы в 20-е годы, в целом не отличавшееся размахом и крупными достижениями, в системе Академии наук осуществлялось в основном деятельностью двух комиссий, с начала XX в. в этой области функционировавших. Первая из них — Комиссия по подготовке к изданию памятников древнерусской литературы, руководимая академиком Н. К. Никольским, — до 1928 г. работала, как бы мы выразились сейчас, на общественных началах, а получив несколько штатных сотрудников и тем самым на некоторое время сохранив самостоятельность, она приняла непосредственное участие в формировании в Пушкинском Доме отдела, которому

впоследствии суждено было стать крупнейшим в стране центром по изучению русского литературного средневековья. Второй была Комиссия по составлению толковой библиографии древнерусской литературы под руководством академика В. Н. Перетца, вообще не имевшая постоянных сотрудников и в своей деятельности опиравшаяся на коллектив энтузиастов, вокруг нее сложившийся. Работы этих комиссий, накопленный ими опыт, их картотеки сыграли серьезную роль в формировании источниковедческой основы советской литературной медиэвистики, в том числе и складывающейся в Пушкинском Доме.

В 1931 г. в Пушкинский Дом на должность заместителя директора был приглашен крупнейший медиэвист того времени академик А. С. Орлов, ранее преподававший в Московском университете. Им, при активном участии В. П. Адриановой-Перетц, были созданы предпосылки для широкого включения древнерусской литературы в программу исследований Пушкинского Дома. В 1931—1932 гг. в Институте организуются доклады, проводятся обсуждения, планируется и направляется работа комиссий, осуществляются первые исследования русской средневековой литературы. Весь комплекс этих работ проводился созданной в это время Комиссией по древнерусской литературе.¹ Еще не являясь научным подразделением Пушкинского Дома, Комиссия выпустила в 1932 г. том своих трудов, в котором были напечатаны работы Н. Г. Богдановой, И. П. Еремина, А. С. Орлова, А. Д. Седельникова, М. Н. Сперанского, С. А. Щеглова.²

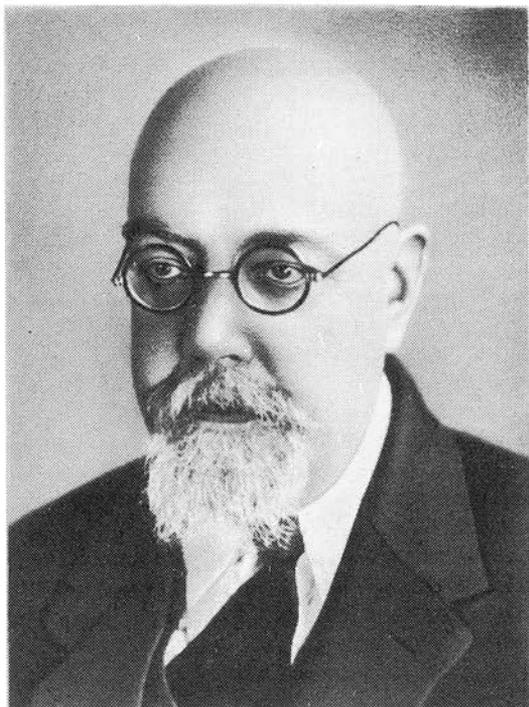
Структура вновь созданного на основе Пушкинского Дома Института складывается постепенно и совершенствуется в процессе практической деятельности учреждения. Первым шагом на этом пути стало слияние Института новой русской литературы (таково было первоначальное название института) с Комиссией древнерусской литературы. Это было сделано на основе решения Отделения общественных наук от 24 ноября 1931 г. После этого институт стал называться Институтом русской литературы, а в Комиссию были дополнительно введены заместитель директора Г. Е. Горбачев и академик-секретарь отделения академик А. Н. Самойлович.³ Решение это было утверждено Общим собранием 28 февраля 1932 г.⁴ а несколько позднее Комиссия была преобразована в Отдел древнерусской литературы, заведующим которого 4 мая 1932 г. назначается академик А. С. Орлов. Из двух ранее самостоятельно существовавших комиссий одна — Комиссия по составлению толковой библиографии древнерусской литературы — сразу же сливается с вновь созданным отделом, а Комиссия по подготовке памятников некоторое время еще про-

¹ Комиссия по древнерусской литературе // Вестник АН СССР. 1931. № 2. Стб. 53—55.

² Труды Комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. (АН СССР).

³ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1932), № 5, л. 102.

⁴ Там же, л. 108.

Академик А. С. Орлов.

должает работать самостоятельно и лишь в 1936 г., после смерти ее руководителя академика Н. К. Никольского, передает свои функции Отделу древнерусской литературы, а ее картотеки переходят в Рукописный отдел Библиотеки Академии наук, где и по сей день они остаются надежными источниками сведений, касающихся публикации литературных памятников русского средневековья.

Программа исследований, разработанная кратковременно существовавшей Комиссией по древнерусской литературе, на первое время стала программой для вновь созданного отдела. Отдел древнерусской литературы должен был заниматься изучением памятников эпохи феодализма, вести их учет и описание. Однако намечаемые планом работы в это время осуществлялись далеко не полностью: в 1932—1933 гг. штат Отдела ограничивался двумя-тремя сотрудниками.

В изучении древнерусской литературы в Пушкинском Доме необходимо выделить несколько направлений, которые достаточно полно и глубоко характеризуют научный процесс в этой области. И среди них прежде всего следует сказать об изучении отдельных памятников, которое с течением времени позволило создать достаточно выразительную общую картину развития рус-

ской средневековой литературы, об издании этих памятников, о разработанных здесь текстологических принципах, о создаваемой на протяжении пяти десятилетий общей концепции исторического развития древнерусской литературы, об источниковедческих трудах, об экспедиционной деятельности и о выросшем здесь знаменитом Древлехранилище.

Самой первой задачей, вставшей перед коллективом Отела, было восстановление литературного процесса средневековья. Дело в том, что к началу 30-х годов общее представление о литературном развитии той эпохи отсутствовало. Его заменяли представления об отдельных памятниках, представления не всегда полные и не включавшиеся в общий процесс развития литературы, да и памятники были известны лишь важнейшие и очень немногие. Чтобы восстановить хотя бы приблизительную картину литературного развития средневековья, необходимо было отыскать, собрать, изучить сотни памятников, представляющих этот этап русского литературного процесса в его полноте и многообразии проявлений.

Такая работа ведется в Пушкинском Доме на протяжении 50 лет. Разыскиваются новые литературные памятники средневековья, особенно светские, пересматривается интерпретация уже известных памятников, для которых религиозная форма стала лишь прикрытием их светского содержания, вводятся в исследование летописи, хронографы, исторические повести. С каждым годом представление о литературном развитии Древней Руси делается все более и более полным. В научный оборот входят новые памятники, произведения, документы, постепенно воссоздающие процесс литературного развития в целом. От представления о необыкновенной бедности литературной жизни Древней Руси совершается переход к представлениям о богатстве и разнообразии ее литературы, о постоянном и непрерывном литературном развитии в ту эпоху. Не отдельные памятники оставила нам Древняя Русь, а целую большую литературу, которая в начале 30-х годов в своей значительной части была мало изучена, а порою и не собрана. К выполнению этой задачи и приступил Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома, позднее переименованный в Сектор (в 1986 г. Сектор древнерусской литературы вновь преобразован в Отдел).

Без общего представления о литературном развитии эпохи невозможно было приступить к созданию «Истории русской литературы», работу над которой Институт начал в 1937 г. В первые годы существования Отдела в программе его исследований — русская сатирическая литература XVII в. (В. П. Адрианова-Перетц), русская публицистика (В. Ф. Ржига), повесть XVII в. (М. Н. Сперанский), «Повесть о Фроле Скобееве» (В. Покровская), «Повесть о Савве Грудцыне» (М. О. Скрипиль), древнерусская переводная повесть (И. П. Еремин), «Повесть о начале Москвы» (С. К. Шамбинаго) и др. В это же время разрабатывается поставленная еще Комиссией по древнерусской литературе «проблема заимствования», на

Член-корреспондент АН СССР В. П. Адрианова-Перетц.

практике постепенно перерастающая в систематическое изучение международных связей русской средневековой литературы, которое в полноте своей развернулось в послевоенные годы. В 30-е годы-эту тему разрабатывали А. Е. Рыдзевская, М. П. Алексеев, П. Н. Берков, В. В. Данилов, И. П. Еремин, В. Г. Чернобаев, В. Ф. Покровская, работы которых по проблемам взаимосвязей стали предпосылкой для широкой постановки этой проблемы в более поздние годы.

Уже в самом начале работы по изучению древнерусской литературы в Пушкинском Доме стал вопрос о формах публикации ее результатов. Выход был найден в создании серийного издания «Труды Отдела древнерусской литературы» (первый том под редакцией академика А. С. Орлова появился в 1934 г.⁵), продолжающегося до сих пор. Трудно переоценить его роль и значение для науки:

⁵ Творогов О. В. «Труды Отдела древнерусской литературы» — пятьдесят лет // Труды Отдела русской литературы Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1985. Т. 40. С. 3—30.

именно на его страницах ставятся и обсуждаются главнейшие вопросы литературной медиевистики, которые волнуют ученых и разрабатываются ими; с самого начала это издание выполняло и сейчас выполняет не только научные, но и организационные функции. Последний момент очень важен, и характерен он не только для «Трудов», а для всего Отдела в целом. Еще В. П. Адрианова-Перетц отмечала, что Отдел «с первых шагов принял меры к объединению вокруг своего научного коллектива не только литературоведов-медиевистов, но и представителей смежных специальностей (историков, археологов, искусствоведов, языковедов)».⁶ Это позволило, во-первых, заметно расширить программу исследований Отдела, в то время весьма немногочисленного, во-вторых, вести эти исследования с учетом развития смежных наук и в связи с ними, с использованием их результатов и достижений. Только в таком содружестве стало возможным более или менее подробное и точное воссоздание общей картины литературного развития древней Руси.

Как было отмечено, даже на первых порах своего существования Отдел не ограничивался изучением только отдельных памятников, а вел более широкие исследования истории средневековой русской литературы. Однако традиция историко-литературного и текстологического изучения памятников в Отделе самая давняя, восходящая еще к деятельности Комиссии по подготовке к изданию памятников древнерусской литературы и до сих пор не прерываемая, а поэтому и обзорные творческой биографии Отдела следует начать с нее.

Открытие, изучение и публикация памятников расширяли представление о литературном движении эпохи, создавали необходимые предпосылки для разработки научной истории древнерусской литературы. Такое направление в изучении русского литературного средневековья было особенно важно в связи с тем, что именно в это время Институт приступил к работам по созданию десятитомной истории русской литературы, призванной представить читателю весь русский литературный процесс в его развитии и полноте, не исключая и ранних этапов, изучение которых в ту эпоху только развertyвалось. Эта работа началась еще до создания в Пушкинском Доме Отдела древнерусской литературы: была основана и выходила серия «Памятники древнерусской литературы». В ее составе, например, в 1932 г. было издано подготовленное Н. Н. Зарубиным «Моление Даниила Заточника». Позднее, на протяжении 30-х и 40-х годов, разыскания, изучение и публикации памятников велись постоянно и планирование этих работ всегда осуществлялось в полном соответствии с главнейшими задачами исследования русского литературного средневековья. Публикация этих исследований первоначально производится на страницах «Трудов Отдела древнерусской литературы», и лишь в 1952 г. появляется здесь специальный тип издания — издание памятников древнерусской литературы, — сложившийся в результате долголетнего историко-литературного и текстологического изучения

⁶ 50 лет Пушкинского Дома. М.; Л., 1956. С. 82.

памятников древнерусской литературы.⁷ Его появление обусловлено совершенствованием представлений о литературном развитии русского средневековья, изменением методологических подходов к изучению этой эпохи, повышением уровня текстологических исследований, в этой области осуществившихся. Тип издания выработывался с учетом принципа историзма и необходимости исследовать памятник во всех его редакциях, историко-литературных связях и художественных отражениях.

Каждый том этой серии содержит публикацию текста памятника во всех его редакциях и вариантах. Эта публикация сопровождается всесторонним исследованием истории памятника, анализом и сопоставлением всех редакций, результатами историко-литературного изучения публикуемого произведения, его поэтики, стилистики, структуры, проблемы авторства и т. д. Первым памятником, изданным в этой серии, стала «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», подготовленная В. И. Малышевым и вышедшая в свет в 1952 г. За ней последовали «Казанская история» (1954), «Сказание о князьях владимирских» (1955), «Сказание Авраамия Палицына» (1955), Сочинения И. Пересветова (1956), «Повесть о Сухане» (1956), «Артаксерксово действо» (1957), «История Иудейской войны» Иосифа Флавия (1958), «Повести о житии Михаила Клопского» (1958), «Валаамская беседа» (1958), Послания Иосифа Волоцкого (1959), «Новая повесть о преславном Российском государстве» (1960), Сочинения Вассиана Патрикеева (1960), Сочинения Феофана Прокоповича (1961), «Повести о начале Москвы» (1964), «Повесть о Дракуле» (1964), «Повесть о споре жизни со смертью» (1964), «Слово о гибели Русской земли» (1965), «Повесть о Дмитрие Басарге» (1969), литературное наследие Максима Грека (1969), «Повесть о Петре и Февронии» (1979), «Повесть о боярыне Морозовой» (1979), переводы и послания Максима Грека (1984) и др. В настоящее время серия эта, насчитывающая уже более двух десятков книг, продолжается. Однако публикация памятников этой серией не ограничивается. Подготовленные в Отделе древнерусской литературы памятники издаются в Болгарии (сочинения Козмы Пресвитера, Хроника Константина Манассии), выходят в серии «Литературные памятники» («Воинские повести Древней Руси», «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Послания Ивана Грозного», «Троянские сказания», «Русская демократическая сатира XVII века», «Сказания и повести о Куликовской битве», «Хожение за три моря» Афанасия Никитина, «Повесть о победах Московского государства», Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, Жизнеописания Софрония Врачанского и Артемия Араратского), печатаются на страницах нового серийного ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия», издаваемого Ака-

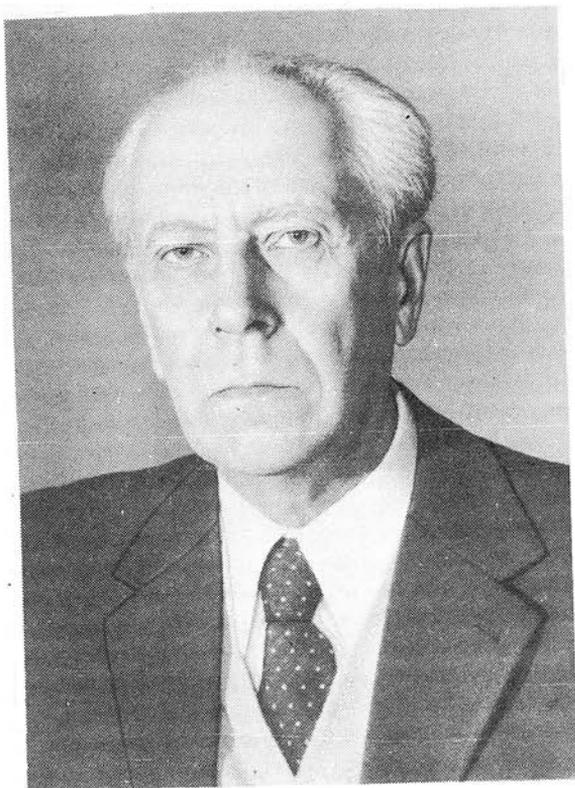
⁷ Дмитриева Р. П. Монографические исследования — издания памятников древнерусской литературы // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1971. С. 29—35.

дегией наук под редакцией академика Д. С. Лихачева, а также продолжают печататься в «Трудах Отдела древнерусской литературы», многие тома которых посвящены изучению и публикации памятников. Таковы в серии «Трудов» сборники «Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы» (т. XXI, 1965), «Памятники древнерусской литературы X—XVII вв.» (т. XXV, 1970), «Древнерусские литературные памятники» (т. XXXIII, 1979).

Широко поставленная работа по изучению памятников древнерусской литературы привела к существенному изменению представлений о литературном процессе этой поры. Средневековая Русь сейчас характеризуется не изредка появлявшимися и не связанными друг с другом произведениями, а богатой литературой, глубоко и живо отразившей сознание и быт эпохи, ее общественные, исторические, литературные движения. Сегодня древнерусская литература переживает свое второе рождение, становясь предметом пристального внимания не только историков литературы, но и широких читательских масс. Это обстоятельство и побудило издательство «Художественная литература» обратиться к изданию массовым тиражом серии «Памятники литературы Древней Руси» (из двенадцати томов), в составе которой предполагается представить читателю наиболее значительные произведения средневековой Руси, сопровождаемые вступительными статьями и обстоятельным комментарием. Издание это — его девять томов уже вышли в свет — создается коллективом Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома и основывается на богатейшем опыте издания памятников, здесь сложившемся за последние пять десятилетий. Встреча сегодняшнего массового читателя с древнерусской литературой — это одно из важнейших достижений современной литературной медиевистики, в становлении и развитии которой коллектив древников Пушкинского Дома, возглавлявшийся А. С. Орловым, В. П. Адриановой-Перетц, а теперь руководимый (с 1952 г.) Героем Социалистического Труда академиком Д. С. Лихачевым, всегда исполнял и сейчас исполняет одну из важнейших ролей.

Практическая работа по изданию памятников в Пушкинском Доме всегда опиралась на теоретические положения и принципы современной текстологии, здесь давно и широко разрабатываемые, однако не только на них, но и на все, что в этой области сделано дореволюционной русской наукой, в текстологии представляемой школой А. А. Шахматова и школой В. Н. Перетца. Большим достижением обеих этих школ, пишет академик Д. С. Лихачев, было «внесение в текстологию исторических принципов, рассмотрение взаимоотношения текстов с точки зрения истории текстов, комплексный подход к рассмотрению особенностей текста, объяснявший их главным образом в свете изучения личности авторов, редакторов, переписчиков».⁸ Дальнейшее

⁸ Лихачев Д. С. Об изучении древней русской литературы в Академии наук за 250 лет ее существования (несколько общих наблюдений) // Русская литература. 1974. № 2. С. 11.

Академик Д. С. Лихачев.

развитие ранее разработанных принципов и положений привело не только к решению отдельных технических проблем издательской практики в отношении памятников древнерусской литературы, но и к постановке и последующему разрешению целого ряда принципиальных вопросов текстологии, составляющих ее теоретический аспект. И решение этих вопросов намечалось и в своей значительной части готовилось в процессе изучения, подготовки и публикации памятников, в том числе в серии публикаций-исследований, осуществляемой Отделом древнерусской литературы Пушкинского Дома. Именно она создала предпосылки для широких обобщений в этой области, для уточнения и усовершенствования теоретико-методологических подходов к текстологическому исследованию.

Общие принципы текстологии в отношении литературы русского средневековья были разработаны и сформулированы в монографии Д. С. Лихачева, изданной в 1962 г., подводящей итоги в той части текстологической науки, которая касается древнерусской литературы и намечает перспективы ее дальнейшего раз-

вития.⁹ Эта работа в настоящее время стала той теоретико-методологической основой, опираясь на которую совершаются дальнейшие исследования в области текстологии, касающиеся как ее теоретических, так и практических сторон.

Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома в настоящее время является главным центром изучения этой эпохи в развитии русской литературы. На протяжении нескольких десятилетий Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома не только ведет большую исследовательскую работу, но и осуществляет координацию в области изучения древнерусской литературы в масштабе всей страны и даже с выходами за ее пределы.

Объединение сил советских медиевистов вокруг Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома наметилось еще в начале 30-х годов, с момента его создания. Малочисленность вновь созданного отдела обусловила необходимость привлечения дополнительных сил, без которых в то время была бы невозможной реализация крупных научных замыслов. Кроме того, такое объединение было необходимо для комплексного изучения литературного процесса русского средневековья в его связях с другими видами искусств, с идеологическими, политическими, экономическими движениями эпохи. Именно этим объясняется широкое привлечение к сотрудничеству в трудах Отдела искусствоведов, лингвистов, историков, археологов. Такое сотрудничество характерно и для сегодняшнего дня, когда Отдел ставит и решает проблемы, например, взаимодействия литературы и общественной мысли Древней Руси или соотношения литературы с изобразительным искусством эпохи. Такая организация исследовательского процесса, в который постоянно включается помимо штатных сотрудников большой коллектив ученых разных профессий, объединяющийся вокруг Отдела, позволила значительно расширить границы исследований, включив в сферу изучения сложнейшие проблемы истории и теории литературы, поэтики и стилистики, источниковедения и археографии, компаративистики и текстологии.

Все исследования русской литературы XI—XVII вв., проводимые в Пушкинском Доме, входят в общую систему разработки истории литературного развития этого периода. Все направлено на предельно полное и глубокое изучение литературы Древней Руси, обобщенные результаты которого излагаются сначала в первых трех томах десяти томной «Истории русской литературы» (1941, 1945, 1948), затем в первом томе трех томной «Истории русской литературы» под редакцией Д. Д. Благого (1958) и, наконец, в первом томе четырех томной «Истории русской литературы» (1980), подготовленной Пушкинским Домом, а также в созданном коллективом Отдела учебнике по истории древнерусской литературы

⁹ Л и х а ч е в Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962 (второе изд.: Л., 1983). — В сжатом виде основные положения этого исследования изложены Д. С. Лихачевым в книге «Текстология. Краткий очерк» (М.; Л., 1964).

для высших учебных заведений (1980, 1985). Все эти опыты обобщения итогов деятельности советской литературной медиевистики отражают прежде всего разные этапы развития этой науки в Пушкинском Доме и этим отличаются друг от друга. В первом из этих изданий, работа над которым началась в 1937 г., представлен читателю первый научный очерк истории древнерусской литературы, построенный на основе имевшихся в ту пору данных о литературном развитии средневековья. В него включены многие ранее неизвестные или недостаточно изученные памятники этой эпохи, сделана попытка наметить основные тенденции и направления в процессе формирования русской литературы, рассмотрев их на достаточно широком фоне исторического, идеологического и культурного развития эпохи. Однако это еще была скорее история памятников, чем история литературы в целом, общая система которой в то время еще лишь создавалась. В середине 50-х годов был написан древнерусский раздел и трехтомной «Истории русской литературы», где в общих чертах уже была набросана целостная картина русского литературного средневековья, но картина еще приблизительная и не для всех этапов развития достаточно широкая и полная. Наиболее полное выражение достижения советской литературной медиевистики нашли в недавно изданной четырехтомной «Истории русской литературы», где учтены результаты дискуссий о периодизации древнерусской литературы, исследования стилей, направлений, жанров, ее международных связей и отражений в последующем литературном развитии. Предварительные теоретические разработки этой истории сделаны в «Трудах Отдела древнерусской литературы» и в журнале «Русская литература», в монографии Д. С. Лихачева «Развитие русской литературы X—XVIII веков» (1973).

Основной работой Отдела в последние годы была подготовка «Словаря книжников и книжности Древней Руси» (ответственный редактор академик Д. С. Лихачев), первый выпуск которого, посвященный литературе XI—XIV вв., уже вышел в свет (1987). Предварительно материалы к этому словарю печатались в 39 и 40-м томах «Трудов Отдела древнерусской литературы» Пушкинского Дома (1985).

Конечно, создание истории древнерусской литературы — важнейшая задача, стоящая перед учеными в этой области литературоведения, но это не значит, что более частные исследования в это время уходят на второй план. Наоборот, в центре внимания, например, всегда находится «Слово о полку Игореве» — выдающийся памятник русского средневековья. Интерес к нему всегда был и остается характерной чертой медиевистики Пушкинского Дома. Первые работы, посвященные «Слову о полку Игореве», в Пушкинском Доме появились в 1934 г. в сборнике, изданном в честь академика А. С. Орлова, и во втором томе «Трудов Отдела древнерусской литературы» в 1935 г. Принадлежали они Д. В. Айналову, Н. Н. Зарубину, П. Н. Беркову, В. В. Арндту и представляли собой в значительной части замечания коммента-

торского характера к тексту памятника. Если к названным работам добавить библиографию изданий, переводов и исследований «Слова о полку Игореве» да раздел об этом памятнике в «Истории русской литературы», то свод довоенных работ о нем будет почти полным. По-настоящему изучение «Слова о полку Игореве» началось в Пушкинском Доме после войны. Первый крупный труд, посвященный этому памятнику, появился в 1950 г. Это был сборник исследований и статей под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. В нем затронут широкий круг вопросов, касающихся исторических, политических, художественных аспектов памятника, истории его текста, особенностей переводов «Слова». Этот сборник стал своего рода подступом к широкому исследованию памятника, нашедшему свое отражение в ряде последовавших за ним коллективных трудов и монографий.

Названный труд положил начало комплексному изучению «Слова о полку Игореве»: составляется библиография текстов и исследований, посвященных памятнику (1955), изучается история первого издания «Слова», его художественные и идеологические аспекты, выясняется роль и значение произведения в русской литературной жизни позднейших времен, решается проблема мирового значения «Слова» и восприятия его за рубежами нашей страны, издается Словарь-справочник, шесть томов которого вышли в свет в 1965—1984 гг. Результаты этих исследований оформляются в виде монографий, сборников или отдельных статей в «Трудах Отдела древнерусской литературы» Пушкинского Дома и в журнале «Русская литература». В это время изучается жанровая природа «Слова», его лексика и фразеология, история открытия; особенно большое внимание уделяется анализу темных мест в тексте произведения и восприятию его за рубежом, появляется монография Д. С. Лихачева «„Слово о полку Игореве“». Историко-литературный очерк (1950) и подготовленное им же в серии «Литературные памятники» издание «Слова о полку Игореве» (1950). Все эти исследования, решающие важнейшие вопросы художественной и идеологической природы памятника, наметили перспективы дальнейшего изучения «Слова» и его роли в литературном развитии Русского средневековья.

Обращаясь к 60-м годам, прежде всего следует назвать вышедший под редакцией Д. С. Лихачева сборник «„Слово о полку Игореве“ — памятник XII века» (1962). Значение его заключается в том, что здесь памятник включается в общий процесс национального, литературного, языкового, культурного, наконец, религиозного развития Руси XII в., что лишний раз подтверждает его принадлежность этой эпохе и опровергает высказываемые скептиками взгляды о более позднем происхождении памятника. Одна из причин, обусловивших появление этого сборника, как отмечает Д. С. Лихачев, состоит в том, что «скептическое отношение к подлинности „Слова“ как памятника XII века, появившееся за рубежом несколько десятилетий назад среди ученых, специально не занимающихся литературой Древней Руси, до сих пор имеет

своих сторонников на Западе. „Слово“ не нуждается в защите перед лицом специалистов, но в широких кругах читателей, особенно за границей, могут создаваться неправильные представления о том, будто бы противники подлинности „Слова“ обладают какими-то сильными аргументами. Ведь „Слово“ интересует не только специалистов. Опровергнуть аргументацию скептиков необходимо в первую очередь для тех, кто не имеет возможности следить за огромной специальной литературой по „Слову“ и захотел бы серьезно ознакомиться с вопросом о его подлинности».¹⁰ Именно этим задачам подчинено все содержание труда, открывающегося статьями Д. С. Лихачева и Н. К. Гудзия о подлинности «Слова» и попытках ее ревизии. Впрочем, надо сказать, что результативность борьбы советской науки со скептиками почти полностью определяется выступлениями Пушкинского Дома, давшими научное опровержение версий о позднейшем происхождении памятника и к сегодняшнему дню исключившими эту лженаучную постановку вопроса из программы научных исследований.

Следующим этапом в изучении «Слова» стал вышедший в 1966 г. под редакцией Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева труд, «„Слово о полку Игореве“ и памятники Куликовского цикла». Он посвящен главным образом отношениям двух памятников нашей древней литературы — «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». В труде рассматривается лексика и грамматика «Слова», но в сопоставлении их с аналогичными категориями «Задонщины». Подобное сопоставление, а также привлечение новых материалов, не учитывавшихся скептиками, позволили авторам дать серьезную научную аргументацию первичности «Слова» по сравнению с «Задонщиной», тем самым эта книга вошла в общую систему исследований, развенчивающих лженаучную теорию о позднем происхождении «Слова». Вскоре после выхода в свет этого коллективного труда, в 1968 г., появилась монография В. П. Адриановой-Перетц, посвященная «Слову», где этот памятник рассматривается на широком фоне литературного развития Древней Руси (XI—XVII вв.).

Таким образом, «Слово» всегда было и сейчас остается предметом внимания Отдела. Среди работ о «Слове» следует назвать сборник «„Слово о полку Игореве“ и памятники древнерусской литературы» (ТОДРЛ, т. XXXI), вышедший в 1976 г. В нем затрагиваются проблемы авторства, первого издания «Слова», языка и стиля памятника; привлекает внимание работа Д. М. Шарыпкина, посвященная отношению «Слова» к скандинавским сагам и к поэзии скальдов — вопросу неисследованному, хотя в науке и поставленному. Завершающим в этом цикле стал изданный в 1986 г. сборник «Исследования „Слова о полку Игореве“», в котором рассматривается диалогическое строение памятника, мотивы движения и темные места в нем, зачин «Слова» и финал плача Ярославны, восприятие и изу-

¹⁰ «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 3—4.

чение «Слова» в XVIII—XX вв. Мы не назвали многочисленные работы, посвященные «Слову» и разбросанные по разным коллективным трудам и сборникам, но и то, что названо, свидетельствует о значении и широте исследований в этой области и о их роли в общем развитии советской литературной науки. Однако все названные издания, разнообразные и интересные по своему содержанию, представляют собой сборники и дают освещение лишь отдельных проблем. Результаты же работ, проводившихся в Отделе на протяжении пятидесяти лет, создали реальные основания для обобщающего исследования, представляющего читателю «Слово» как выдающийся памятник эпохи во всех его проявлениях, связях и отношениях. Таким итоговым исследованием стала книга Д. С. Лихачева «„Слово о полку Игореве“ и культура его времени» (1978).

«Слово о полку Игореве» занимает, конечно, важнейшее место в программе исследований, но это не значит, что другие памятники и явления русской средневековой литературы страдают от отсутствия внимания к ним. Уже в 30-е годы в программу исследований Отдела входят русские повести XVII в., отдельным изданием появляется работа В. П. Адриановой-Перетц «Праздник кабацких ярыжек. Пародия-сатира второй половины XVII века» (1936), переиздается исследование А. А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» (1938), изучается русская публицистика XI в. (И. П. Еремин), «Повесть о Мамаевом побоище» (А. С. Орлов), публицистическое наследие Максима Грека (В. Ф. Ржига). В послевоенные годы внимательно изучаются русские летописи. В серии «Литературные памятники» издается «Повесть временных лет», печатается исследование Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1947), изучаются Киевские летописи (И. П. Еремин), новгородским летописям XVII в. посвящается работа С. Н. Азбелева (1961), в 1976 г. издается работа Я. С. Лурье «Общерусские летописи», появляется составленная Р. П. Дмитриевой «Библиография русского летописания» (1962). Обращение к летописанию не только расширило репертуар изучаемых памятников, но и укрепило контакты литературоведов и историков в исследовании средневековой русской литературы. Эти контакты укрепляются и продолжают развиваться и сегодня, позволяя углублять «исследования целых групп памятников, особенно исторических и публицистических, с точки зрения отражения в них противоречий классовой и внутриклассовой борьбы» и вовлекая историков «в текстологические разыскания, которые значительно уточняют многие выводы по истории общественной мысли русского средневековья».¹¹

Параллельно с летописями в сферу изучения включаются древнерусские хронографы, во многом основанные на материалах летописей и позволяющие дополнить общую картину культурной и духовной жизни эпохи. Итогом исследований в этой области на

¹¹ 50 лет Пушкинского Дома. С. 85.

сегодняшний день является монография О. В. Творогова «Древнерусские хронографы», вышедшая в 1975 г. Работа О. В. Творогова, существенно пересмотревшая историю русской хронографии, конечно, не завершила исследование хронографов — сохранилось более 500 списков, — но заметно продвинула вперед исследования в этой области, почти не возобновлявшиеся со времен А. А. Шахматова, и наметила перспективы дальнейшего изучения жанра хронографа. Одновременно с летописями и хронографами в Отделе изучается литература житийного жанра, историко-литературные, идеологические и теоретические аспекты которой рассмотрены в итоговой монографии Л. А. Дмитриева, вышедшей в 1973 г. В исследовательский процесс включается историческое повествование, древнерусская публицистика, очень много внимания уделяется литературе XVII в., т. е. эпохе, непосредственно предшествовавшей коренному перелому в русском литературном развитии. В последнее время XVII век занял очень заметное место в литературной медиэвистике, в том числе и пушкинодомской. С момента возникновения Отдела возник и поддерживается сейчас интерес к этой эпохе в истории русской литературы, обусловленный как малой изученностью литературы XVII в., так и ролью ее в становлении новой русской литературы. Изучаются неизвестные памятники, система жанров, художественная сторона отдельных произведений и общий уровень художественной культуры эпохи, взаимосвязи литературы с общественной мыслью, идеологией, изобразительным искусством, с зарубежной культурой и т. д. Из значительных работ, посвященных этой эпохе, следует назвать печатавшиеся в изданиях Пушкинского Дома исследования М. О. Скрипиля, И. П. Еремина, Л. А. Дмитриева, труды В. П. Адриановой-Перетц о демократической сатире XVII в., о соотношении литературы и народного творчества в эту пору литературного развития, монографии А. М. Панченко о русско-чешских связях (1969), о стихотворной культуре XVII в. (1973), о русской культуре в канун петровских реформ (1984).

Характерной чертой изучения древнерусской литературы в Пушкинском Доме стала постепенно нарастающая всесторонность этого процесса, сейчас охватывающего проявления литературной мысли древней Руси во всем их многообразии и глубине. Частные исследования в своей совокупности составляют прочную научную основу для изучения важнейших закономерностей развития русской средневековой литературы, для определения источников, путей и направлений ее развития, совершенствования ее художественно-эстетических ценностей. Такие работы, как правило, возникают в результате широкого предшествующего опыта в изучении этого этапа русского литературного развития и во многом определяют дальнейшие пути и задачи исследования. В Пушкинском Доме первой такой работой, которая подвела итоги предшествующего изучения, определила достоинства и недостатки, наметила перспективы дальнейшего движения в этой области, является десяти-томная «История русской литературы» в ее древнерусских главах.

Ее, пожалуй, можно рассматривать как исходный пункт в переходе медиевистов Пушкинского Дома к изучению общих закономерностей литературного процесса, к теоретическим разработкам в области древнерусской литературы и обобщениям ранее накопленного историко-литературного материала. Развитием и конкретизацией отдельных положений «Истории русской литературы» стала появившаяся в 1952 г. монография Д. С. Лихачева «Возникновение русской литературы»; складыванию и возникновению в древнерусской литературе жанров художественной прозы посвящена коллективная монография «Истоки русской беллетристики» (1970); проблемы поэтики, изображения человека в русской средневековой литературе, основных закономерностей ее развития в некоторых обобщениях, необходимых «для построения будущей теоретической истории русской литературы X—XVII вв.»,¹² решаются в известных трудах Д. С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси» (1958), «Поэтика древнерусской литературы» (1967), «Развитие русской литературы X—XVII веков» (1973), «Исследования по древнерусской литературе» (1986). Названные работы, вместе с древнерусскими главами четырехтомной «Истории русской литературы», недавно изданной, являются не только итогом историко-литературных разысканий и выводов, но и их теоретическим обобщением, теоретической платформой для дальнейших исследований русского литературного средневековья.

Пушкинский Дом сейчас можно рассматривать как крупный центр советской литературной медиевистики, деятельность которого объединяет усилия советских профессиональных и непрофессиональных исследователей, координирует работы в этой области в пределах Советского Союза и оказывает серьезное воздействие, главным образом воздействие идеологическое и методологическое, на зарубежную русистику, часто обращающуюся к русской средневековой литературе. И это воздействие на иностранную русистику, порою осуществляющееся в острополюемических формах, содействует утверждению взглядов и концепций, создаваемых нашей литературной наукой, в науке зарубежной, что ведет к объединению сил ученых разных стран в решении кардинальных вопросов, ныне разрабатываемых филологической наукой. Пожалуй, на этом и можно было бы закончить разговор об изучении древнерусской литературы в Пушкинском Доме, если бы в деятельности медиевистов, здесь работающих, не было еще одного аспекта, связанного с собиранием рукописного наследия Древней Руси, ныне сосредоточиваемого в так называемом Древнелексанище Института. Собираение рукописей, экспедиционная деятельность, изучение, хранение, публикация обнаруживаемых памятников составляют естественную часть общей работы Отдела древнерусской литературы, результаты которой отражаются как в ее исто-

¹² Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л.: Наука, 1973. С. 3.

рико-литературной части, так и в исследованиях текстологического, палеографического или источниковедческого свойства.

В 30-е годы изучение древнерусской литературы в Пушкинском Доме ограничивалось кругом памятников, либо уже известных и прежде привлекавших внимание ученых, либо хранящихся в наших архивохранилищах, там зарегистрированных, но еще не включавшихся в научный оборот. Мысль о необходимости широкого поиска и приобретения рукописей в разных районах страны была высказана лишь в конце 30-х годов, и практическая полезность ее подтверждена поездками В. И. Малышева в районы Европейского Севера нашей страны, главным образом на Печору: таящиеся здесь богатства могли существенно расширить представления об истории и литературе, культуре и быте Древней Руси.

В 1949 г. были предприняты первые поиски, организованы первые экспедиции и открыто Хранилище древнерусских рукописей, которое было создано по инициативе и под научным руководством Владимира Ивановича Малышева (1910—1976), позднее доктора филологических наук и заслуженного деятеля науки РСФСР. Начатые им разыскания, сложные, увлекательные, многолетние, продолжаются и поныне. Экспедиция за экспедицией отправляется из Пушкинского Дома, часто в них принимают участие преподаватели и студенты Ленинградского университета, успешно помогающие в поисковой работе. Сейчас поиск ведут и возглавляют экспедиции ученики В. И. Малышева (А. М. Панченко, В. П. Бударагин, Г. В. Маркелов, Д. М. Буланин и др.). Они собирают рукописи на Северной Двине, Пинеге и Печоре, в Приуралье и Псковской области, в Карелии, в республиках Прибалтики. За тридцать лет проведено свыше восьмидесяти таких экспедиций, результаты которых сразу же включаются в орбиту научных исследований, проводимых в Институте. И в этом, пожалуй, одна из примечательных особенностей Древлехранилища, отличающая его от многих других собраний подобного рода. Древлехранилище, формально являясь частью Рукописного отдела, ведет свою работу в тесном контакте с Отделом древнерусской литературы. Непосредственное руководство работой Древлехранилища в настоящее время осуществляет доктор филологических наук А. М. Панченко.

Поступающая в Древлехранилище рукопись не только регистрируется, но сразу же становится объектом научного описания и исследования, а наиболее интересные и ценные памятники становятся достоянием широкой общественности. На материалах Древлехранилища основана значительная часть исследований и публикаций в серийном издании «Трудов Отдела древнерусской литературы» Пушкинского Дома. Разысканные и открытые произведения составили содержание большого коллективного труда «Рукописное наследие Древней Руси», изданного Пушкинским Домом в 1972 г., а одна из ценнейших рукописей Древлехранилища, содержащая автографы протопопа Аввакума и его сподвижника инока Епифания, издана фототипическим способом в виде отдельной книги с наборным текстом, статьями и комментарием. Это издание стало сейчас одним

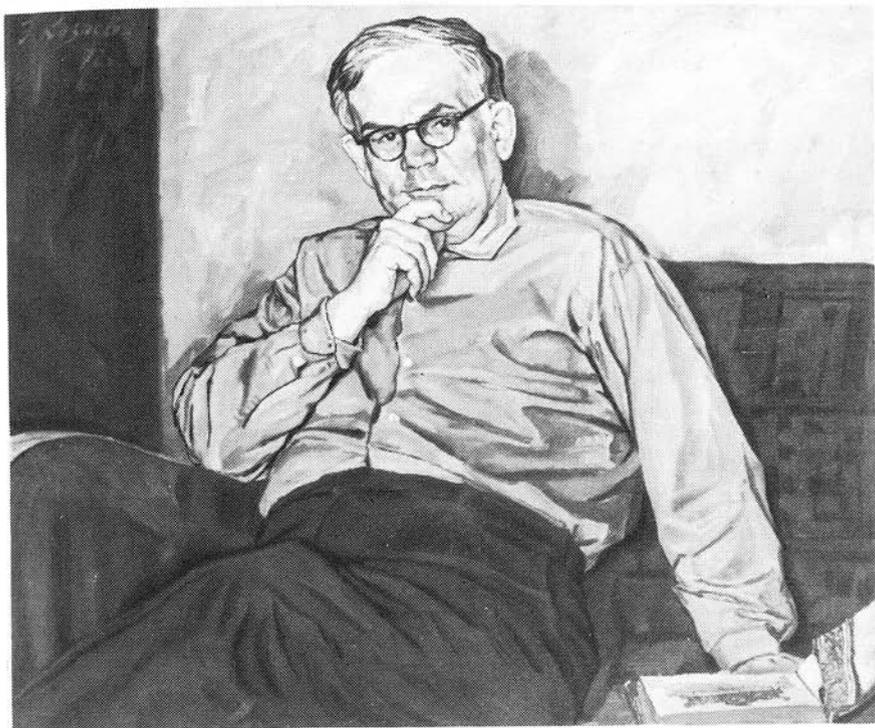
из основных источников для изучения жизни и литературного наследия Аввакума, которое ведется в нашей стране и за ее рубежами. В 1985 г. вышел в свет труд «Древнерусская книжность», также построенный на материалах Древлехранилища. Кроме ряда интересных публикаций внимание в нем привлекают воспоминания Д. С. Лихачева и А. М. Панченко о В. И. Малышеве, а также опубликованные с соответствующими комментариями «Материалы к „Летописи жизни протопопа Аввакума“», собранные В. И. Малышевым.

За сорок лет своего существования Древлехранилище Пушкинского Дома превратилось в одно из крупнейших в нашей стране собраний древнерусских рукописей. Сейчас в нем свыше 8 тысяч рукописей XI—XX вв., представляющих собою источники первостепенной важности для изучения русской истории, быта, культуры. Если окинуть взглядом это богатство, то прежде всего бросается в глаза четко обозначившийся севернорусский колорит собрания. И это понятно. Один из важнейших принципов в поисково-разыскательных работах археографов Пушкинского Дома заключается в постоянном и систематическом обследовании районов Европейского Севера нашей страны. Почему же Севера?

Прежде всего потому, что именно здесь, в глухих местах, где до сих пор помнят старинные обычаи и традиции, древнерусская книга сохраняется с тщательностью и любовью. Эти обычаи выработывались столетиями, передаваясь от поколения к поколению, и сегодня остаются такими же действительными, какими они были несколько веков назад. Именно здесь книжная традиция проявилась в столь редкостном явлении, каким на протяжении веков были родовые крестьянские библиотеки, не свойственные другим районам страны. Значительность книжно-рукописного богатства и его научная ценность предопределили широкий интерес к археографическим поискам на севере страны, где в течение сорока лет успешно ведут исследования и поиски археографы Пушкинского Дома.

Результаты поисков превзошли самые смелые ожидания. Одно за другим в Древлехранилище возникали новые территориальные собрания: Карельское, Мезенское, Красноборское, Пинежское, Северодвинское, Керженское, Вологодское, Латгальское. . . Сейчас их шестнадцать, а рядом с ними тридцать личных коллекций, четыре описи отдельных поступлений и обширный фонд старопечатных книг XVI—XVIII вв. В этих собраниях интереснейшие образцы демократической литературы русского Севера, всесторонне отражающие бытовое и историко-культурное развитие народа. И среди них выделяются литературные произведения, по своему происхождению связанные с крестьянской или ремесленной средой, со старообрядчеством или с беднейшими слоями городского населения. Рукописи или книги из монастырских библиотек, из княжеских или боярских собраний здесь случайны и находятся на втором плане, отнесенные туда литературными памятниками, представляющими демократические течения в русской культуре той далекой поры.

Содержание фондов Древлехранилища богато и разнообразно. Здесь и выдающиеся произведения древней русской литературы

Заслуженный деятель науки РСФСР,
доктор филологических наук В. И. Малышев.

Портрет работы Э. В. Козлова (1972).

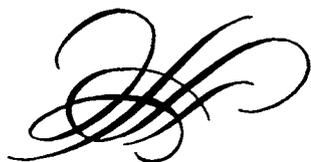
(«Повесть о Сухане», «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о Михаиле Клопском», «Архангелогородский летописец» и др.), и образцы древнерусского стихотворства, и описания путешествий, и певческие рукописи, и сочинения по медицине, географии, математике. . . В Древлехранилище встречаются порою уникальные и бесценные рукописи, дошедшие до нас из глубины веков и сейчас разысканные и вводимые в науку. Среди них Евангелие XVII в., переписанное царевной Софьей и украшенное миниатюрами, сделанными мастерами Оружейной палаты, а рядом с ним «Пинежский летописец» XVII в. с уникальными сведениями о русских землепроходцах — покорителях Сибири, рукописные сборники пословиц и поговорок в записях XVII в., автографы протопопы Аввакума, патриарха Никона, сочинения Даниила Заточника, инока Епифания, старца Авраамия, Андрея и Семена Денисовых, Ивана Грозного, Андрея Курбского, Максима Грека, Нестора-летописца, Ивана Пересветова, А. Л. Толбузина, Нила Сорского, Иосифа Волоцкого, Симеона Полоцкого и многих других писателей, поэтов, государственных деятелей русского средневековья.

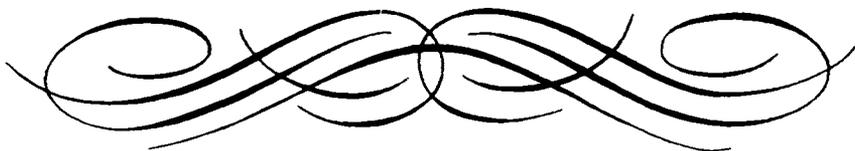
Хранилище пополняется не только за счет найденных в экспедициях рукописей. Коллекционеры и частные владельцы также передают в дар Древлехранилищу редкие, а порой и уникальные рукописи и даже целые коллекции. Например, изданный сборник с автографами протопопа Аввакума и инок Епифания подарен Древлехранилищу рижским пенсионером И. Н. Заволоко, а коллекция книг и рукописей XVI—XVIII в., собиравшихся главным образом на территории Архангельской области, — научными работниками К. П. и А. Г. Гемп (Архангельск).

Сосредоточенные в Древлехранилище рукописи сейчас широко используются советскими учеными — историками, филологами, этнографами, фольклористами, искусствоведами. Заметно усилился в последние годы интерес к древнерусским рукописям Пушкинского Дома со стороны зарубежных исследователей, работающих над изучением русского средневековья. Пропаганде собираемых книжно-рукописных богатств во многом способствуют регулярно проводимые в Древлехранилище выставки, привлекающие широкое внимание нашей научной общественности (выставки ежегодных поступлений, тематические — о героическом прошлом русского народа, о культуре Петровской эпохи, о древнерусской музыке и др.).

Научная и собирательская деятельность, осуществляемая небольшим коллективом Древлехранилища, расширяет круг историко-культурных материалов и литературных памятников, позволяющих полнее судить о важнейших процессах становления русской нации, ее государственности и культуры. Собираемые в Пушкинском Доме рукописи и книги — это вклад в русскую национальную культуру, в сокровищницу нашей литературы, в представления о далеком прошлом нашей Родины.

Такова в основных чертах исследовательская и собирательская деятельность Пушкинского Дома в области древнерусской литературы. Ее итоги значительны, а перспективы обещают немало открытий и находок, которые еще более обогатят наши представления о литературе этой далекой эпохи, благодаря исследованиям последнего времени становящейся для нас все более и более близкой.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII в.

В программу исследований Пушкинского Дома русская литература XVIII в. вошла довольно поздно. Раньше она находила свое отражение в его рукописных, иконографических, книжных собраниях, т. е. в собирательской и музейно-экспозиционной работе.

Формирование рукописного собрания Пушкинского Дома с самого начала сопровождалось и сейчас сопровождается притоком рукописей XVIII в. Значительная часть рукописей этой эпохи поступила за первые 20—25 лет существования Пушкинского Дома в составе получаемых или приобретаемых им крупных рукописных собраний и коллекций. Писательские архивы XVIII в. — явление довольно редкое, и в собрании Пушкинского Дома их немного. Правда, здесь хранятся бумаги Г. Р. Державина¹ и И. А. Крылова,² здесь же находится небольшой архив В. В. Капниста, а по многочисленным собраниям и коллекциям в изобилии рассыпаны автографы почти всех представителей литературно-общественного движения XVIII в., в том числе Ломоносова, Сумарокова, Радищева, Карамзина и многих других. В начале 20-х годов рукописное наследие XVIII в., представленное в Пушкинском Доме, было уже столь значительно, что Б. И. Коплану поручили составление его описания. Подготовленный им «Каталог рукописей, датированных до 1800 года» не публиковался. Он был предназначен для внутренней работы Рукописного отдела и до сих пор является надежным, хотя сейчас уже и неполным путеводителем, знакомящим с комплексом собранных здесь писательских рукописей XVIII в.

С первых лет существования Пушкинского Дома в его коллекциях стали сосредоточиваться изобразительные материалы и книги XVIII в. Здесь сложилась обширная коллекция портретов

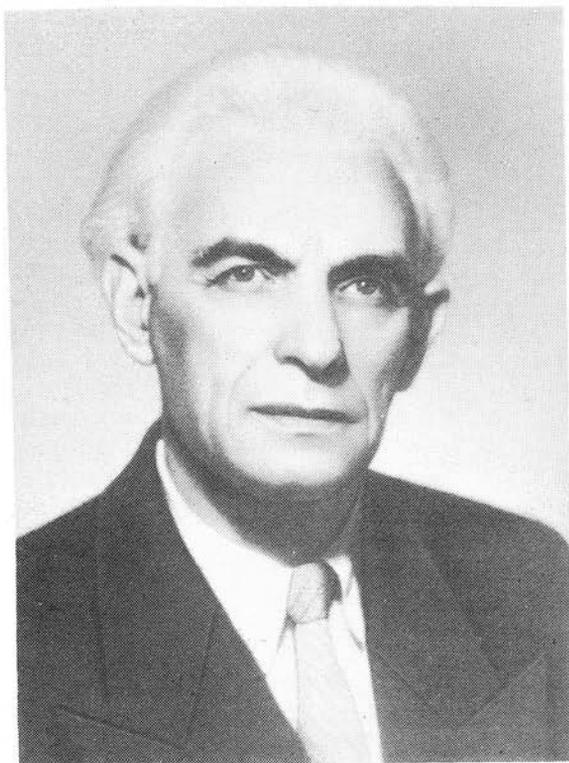
¹ Бабкин Д. С. Архив Г. Р. Державина в Институте русской литературы // Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1952. Вып. 3. С. 71—84.

² Ильинский Л. К. Автографы басен Крылова в Пушкинском Доме // Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 97—112.

писателей, ученых, государственных и общественных деятелей XVIII в., исполненных художниками-современниками и художниками последующих поколений. Наибольшую ценность представляют живописные портреты Ломоносова, Феофана Прокоповича, Тредиаковского, Кантемира, Фонвизина, Хемницера, Хераскова, И. И. Дмитриева, В. В. Капниста, Карамзина, И. Б. Княжнина, В. И. Майкова, М. Н. Муравьева, Н. И. Новикова, В. П. Петрова, Радищева, В. Г. Рубана и др. Некоторые из этих портретов исполнены художниками с натуры. Кроме портретов в музее Пушкинского Дома хранятся подлинные гравюры XVIII в. с изображением Москвы, Петербурга и его окрестностей, офорты Лепренса, запечатлевшие русский быт XVIII в., а также многочисленные гравюры, отображающие события русской истории XVIII в.

Не менее богаты и книжные собрания XVIII в., в которых представлены многие прижизненные издания произведений русских писателей той эпохи, а также переводы, учебная и научная литература, лубок, провинциальные издания. В коллекциях Пушкинского Дома содержатся порою редчайшие издания XVIII в., среди которых три экземпляра «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, в том числе один из личной библиотеки Пушкина с пометами Екатерины II. Литература XVIII в. поступала в Пушкинский Дом чаще всего и больше всего в составе книжных собраний писателей и ученых, из которых первым является библиотека Пушкина, поступившая в 1906 г., последним — библиотека академика В. В. Виноградова с большой коллекцией изданий XVIII в., принятая в 1970 г. Эти материалы — рукописные, иконографические, книжные — стали основой постоянной музейной экспозиции, посвященной литературе второй половины XVIII в. и в 1925 г. открытой в здании на Тифлисской улице. В этой выставке помимо рукописей и книг было представлено свыше ста портретов, и именно ее, пожалуй, следует считать первым свидетельством активного интереса Пушкинского Дома к литературе XVIII в., впоследствии разившегося и десятилетие спустя приведшего к созданию здесь настоящего центра по изучению этого этапа русского литературного развития. Выставка, открытая в Пушкинском Доме, не только свидетельствовала об интересе этого учреждения к русской культуре XVIII в., но и сигнализировала о наметившемся в середине 20-х годов в нашей науке переломе в изучении литературы этой эпохи.

Историю русской литературы XVIII в. стали изучать еще в 30-х годах XIX в., но на всем протяжении прошлого века и первой четверти нынешнего обращались к этому этапу русского литературного развития редко и эпизодически. В самостоятельную научную дисциплину «история русской литературы XVIII в.» — отмечает П. Н. Берков, — оформилась лишь в советское время: только к концу 20—началу 30-х годов текущего века сложились первые советские кадры специалистов по литературе XVIII в., возникли первые научные ячейки для ее изучения, появились первые неперIODические сборники, посвященные

Член-корреспондент АН СССР П. Н. Берков.

непосредственным исследованиям литературы и общественной мысли этого столетия, начали выходить в свет научные и научно-популярные издания произведений писателей, преимущественно поэтов, а также стали печататься монографии и сборники статей об отдельных авторах и проблемах литературного процесса XVIII в.»³ Перелом в этой области литературной науки стал намечаться с середины 20-х годов, когда усилился интерес к литературе XVIII в., стали появляться посвященные ей издания и формироваться научные силы, со временем доказавшие, что изучение этого этапа русского литературного процесса — одна из важнейших задач советской литературной науки.

В первые годы после Октябрьской революции (до середины 20-х годов) научная мысль к истории русской литературы XVIII в. почти не обращается, а если и обращается, то настолько эпизодично, что эти обращения остаются почти не замеченными. Конечно,

³ Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Ч. 1. Очерк литературной историографии XVIII века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. С. 5.

труды и выступления П. Н. Сакулина, Н. К. Пиксанова, В. А. Десницкого создают некоторые условия для оживления деятельности по изучению русской литературы XVIII в., но это оживление приходит далеко не сразу, и к середине 20-х годов намечаются лишь слегка различимые его предпосылки. Одной из этих предпосылок была деятельность Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при факультете общественных наук Ленинградского университета, где в программу исследований включалась и русская литература XVIII в., существовала аспирантура со специализацией в этой области. Кстати сказать, в 1928 г. здесь защитил кандидатскую диссертацию «Русская поэзия XVIII века» Г. А. Гуковский, а в 1929 г. тоже кандидатскую диссертацию — «Ранний период русской литературной историографии. XVIII век и первая четверть XIX» — П. Н. Берков. Таким образом, к концу 20-х годов стали появляться первые специалисты по истории русской литературы XVIII в., к этой эпохе обратились ученые, ранее работавшие в других отраслях нашего литературоведения. Среди последних — В. А. Десницкий, Б. И. Коплан, В. Н. Орлов, Л. Б. Модзалевский и др. Первые диссертации и монографии, участвовавшие устные и печатные выступления по вопросам литературы XVIII в., появление «Библиотеки поэта» (1931), с усиленным в то время вниманием к поэзии XVIII в., — все это создавало атмосферу, в которой зарождалась и вызревала мысль о необходимости специального центра, занимающегося русской литературой XVIII в. и координирующего работу в этой области. Усиление интереса к русской литературе XVIII в., формирование кадров, специфика программ исследований обусловили в начале 30-х годов возможность постановки вопроса о создании такого центра в Ленинграде.

Учреждением, которое могло бы развернуть широкие и успешные работы по изучению русской литературы XVIII в., в Ленинграде в начале 30-х годов стал Институт русской литературы. И это вполне понятно, потому что Институт именно в это время выработывал свою структуру и программу деятельности, ориентируя их на изучение русского литературного процесса в целом, не исключая из него отдельные эпохи и явления. Однако в процессе создания Института и в его предварительной программе деятельности, в начале 1930 г. составленной П. Н. Сакулиным, вопрос о создании отдела, сектора или группы по изучению русской литературы XVIII в. не ставился и не обсуждался. Он возник несколько позднее, в 1932 г., когда проводилось упорядочение структуры с ориентированием Института на широкую постановку историко-литературных исследований. Дирекция Института в 1932 г. обратилась в Президиум Академии наук СССР с просьбой о создании в Институте специальной Группы по изучению литературы XVIII в. В этом документе отмечалось, что в Институте «обширный отдел XVIII в. не представлен ни одним сотрудником (<...> С присоединением к ИРЛИ отдела древней литера-

туры в институте устанавливается непрерывная линия изучения русской литературы с возникновения письменности до наших дней. В этой непрерывной линии необходимо представить XVIII век как литературу эпохи феодализма».⁴

Ходатайство Института рассматривалось более года. Решение о создании Группы по изучению русской литературы XVIII в. было принято лишь к началу 1934 г., и 20 февраля в Пушкинском Доме состоялось ее первое — организационное — заседание. Председателем Группы стал академик А. С. Орлов, в то время заместитель директора Института, а секретарем — Г. А. Гуковский, приглашенный для участия в этой Группе и зачисленный в Институт в момент ее организации, 15 января 1934 г.

В работу Группы, сложившейся в Пушкинском Доме, быстро включились все ленинградские ученые, специально или эпизодически занимавшиеся русской литературой XVIII в. Среди них — Д. С. Бабкин, Я. Л. Барсков, П. Н. Берков, В. А. Десницкий, К. К. Истомина, Б. И. Коплан, А. Я. Кучеров, П. Г. Любомиров, Л. Б. Модзалевский, В. Н. Орлов, Н. К. Пиксанов, Л. В. Пумпянский, П. И. Рулин, В. П. Семенников, Р. М. Тонкова, И. М. Тронский, В. В. Фурсенко, С. Н. Чернов, Д. Д. Шамрай и пр. Открывая первый выпуск сборника «XVIII век», вышедший в свет в 1935 г., его редактор академик А. С. Орлов писал: «Первой задачей группы было объединить всех литературоведов, работающих в области изучения XVIII в., организовать и координировать их индивидуальные исследования, направить их по руслу плановой коллективной работы».⁵

Важным событием, во многом определившим программу и направление деятельности Группы на ближайшие годы, стала дискуссия об основных проблемах изучения русской литературы XVIII в. Она была организована Пушкинским Домом и проведена 6 апреля 1934 г. в связи с созданием Группы и определением ее профиля и задач. Эта дискуссия, целью которой было, как отмечалось в приглашении, «решение проблемы классовой борьбы в литературе XVIII в.», явилась результатом полемики, к тому времени уже возникшей в литературоведении и обусловленной появлением статей В. А. Десницкого, Д. П. Мирского, И. В. Сергиевского, Г. А. Гуковского, посвященных задачам изучения литературы XVIII в. с точки зрения ее классового характера. Дискуссия выявила расхождения взглядов по многим вопросам изучения русской литературы XVIII в., вскрыла вульгарно-социологические и формалистические тенденции в исследовании проблемы, т. е. прояснила положение, к тому времени сложившееся в этой отрасли науки. И в этом ее роль и значение. Конечно, поставленную ей задачу она не решила, да и не могла решить, но практическую пользу она принесла. Параллельно с дискуссией в Пушкинском Доме была организована выставка массовой

⁴ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1, № 59, л. 7.

⁵ XVIII век: Сборник статей и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 1.

литературы XVIII в., созданная в основном на материалах, принадлежащих Библиотеке АН СССР, и представившая целый пласт рукописной и печатной продукции той эпохи, почти не затронутый наукой. Тем большим интерес представлял собою подготовленный академиком В. Н. Перетцем путеводитель по выставке, в 1934 г. изданный Пушкинским Домом, и тем большее значение имела сама выставка для создаваемой в то время Группы по изучению русской литературы XVIII в.

В первые годы существования Группы в центре ее внимания, по словам академика А. С. Орлова, стояла «проблема осмысления историко-литературного процесса в России в XVIII в. в целом, проблема построения марксистской схемы этого процесса».⁶ Решению этих проблем была подчинена вся деятельность этого единственного в стране центра, занимающегося изучением литературы XVIII в., все его научные доклады, сообщения, архивно-источниковедческие разыскания и первые историко-литературные и теоретические обобщения.

В круг исследований, проводимых Группой, объединяющей ученых Ленинграда, Москвы и периферии, с момента ее возникновения входил весь литературный процесс эпохи. В довоенные годы преимущественное внимание в изучении истории литературы XVIII в. привлекал Радищев. И такой акцент был поставлен вполне закономерно с точки зрения задач науки и перспективности ее развития.

Изучение Радищева в эти годы в Пушкинском Доме предпринимается в достаточно широких масштабах. Ведется оно многосторонне, т. е. в сферу изучения включается биография писателя, его мировоззрение, философско-публицистическое и литературное наследие, ведутся работы по источниковедению и текстологии, имеющие целью в перспективе академическое издание собрания его сочинений. Результаты этих исследований и разысканий изложены в 1936 г. в сборнике, посвященном Радищеву. На страницах этой книги Радищев рассматривается как писатель на широком фоне эпохи (Г. А. Гуковский), в его сложных и многочисленных связях с литературным движением (В. П. Семенников), исследуются его философские сочинения (Б. Коплан), выясняются биографические подробности и история рода (П. Г. Любомиров), наконец, изучаются законодательные проекты Радищева (И. М. Тронский). Этот сборник (хотя не свободный от вульгарно-социологических толкований), с одной стороны, стал шагом в работе над академическим изданием сочинений Радищева, с другой — дал читателю немало нового о разных аспектах деятельности Радищева и стал начальным этапом изучения его наследия в Пушкинском Доме.

Группа по изучению русской литературы XVIII в. начала свою деятельность достаточно энергично. В 1935—1936 гг. были подготовлены и выпущены в свет два сборника (первый выпуск сборника

⁶ Там же.

«XVIII век» и сборник, посвященный А. Н. Радищеву) и две монографии (П. Н. Беркова и Г. А. Гуковского). Первым появился сборник «XVIII век», задуманный как серийное издание, хотя первый его выпуск вышел без обозначения номера. В нем были напечатаны статьи, представляющие собою варианты докладов, читавшихся на заседаниях Группы. Если учесть, что изучение литературы XVIII в. в это время только начиналось, то работы, собранные в первом выпуске издания, представляются достаточно широкими по своему содержанию и касающимися важнейших проблем литературного развития эпохи. Они разнообразны по жанру — это проблемные статьи, публикации, сообщения по частным вопросам, принадлежащие известным исследователям, среди которых А. С. Орлов, А. И. Малеин, Л. В. Пумпянский, П. Н. Берков, И. Н. Розанов, А. Я. Кучеров, Л. Б. Модзалевский, Д. Д. Шамрай, Г. А. Гуковский. Несмотря на некоторые отзвуки вульгарно-социологических воззрений в статьях сборника, по значению поставленных и решаемых вопросов, по новизне вводимого в научный оборот материала, по широте проблематики он, вместе с радищевским сборником, сыграл важнейшую роль в становлении только что созданной Группы, а тем самым в развитии исследований по литературе XVIII в. в целом, в формировании типа серийного издания, с 30-х годов характерного для Пушкинского Дома, в объединении специалистов, работающих в этой области.

В первые годы своего существования Группа по изучению литературы XVIII в. работает очень продуктивно. Вслед за первым сборником уже в 1937 г. формируется второй сборник «XVIII век», редактируемый Г. А. Гуковским. В него включаются статьи, посвященные литературно-общественной борьбе эпохи, проблемам стиля, разным аспектам творчества Ломоносова, Радищева, Державина. Хотя и с некоторым опозданием — это надо было сделать в первом томе издания, — появляется статья о проблемах изучения русской литературы XVIII в., написанная Г. А. Гуковским. Конечно, в 1940 г., когда с большим опозданием этот сборник появился в печати, важнейшей задачей Группы по изучению русской литературы XVIII в. стало создание томов «Истории русской литературы», посвященных этой эпохе. Главы о XVIII в. в «Истории русской литературы» являются по сути дела первой научно разработанной историей литературного процесса эпохи, — разработанной пока еще на недостаточно изученном материале и в то время, когда концепции отдельных литературных течений и направлений в нашей литературной науке сложились далеко не окончательно. Это обстоятельство сказалось и на посвященных XVIII в. томах, которые напоминают скорее собрание отдельных глав, чем исследование литературного процесса во всем его многообразии и сложности. В тот момент создание такого исследования было делом будущего. Оно частично претворено в жизнь в рамках четырехтомной «Истории русской литературы», изданной в 1980—1983 гг.

Предвоенное семилетие существования Группы по изучению русской литературы XVIII в., сначала возглавлявшейся академи-

ком А. С. Орловым, а затем Г. А. Гуковским, ознаменовано первыми томами сейчас широко известного издания «XVIII век», рядом исследований, посвященных Радищеву, в том числе академическим изданием его сочинений, и, наконец, тремя томами «Истории русской литературы», посвященными XVIII в. Это были итоги периода, и итоги значительные, но все же следует сказать, что в довоенные годы в Пушкинском Доме, да и в нашей науке о литературе в целом, этот этап характеризуется решением отдельных вопросов литературного развития при весьма неравномерной изученности всего литературного процесса эпохи. В предвоенные годы Группа в Пушкинском Доме была превращена в Комиссию по изучению русской литературы XVIII в. Это было обусловлено значительным расширением ее деятельности и предполагаемым превращением в самостоятельное научное подразделение института. Однако с началом войны это осуществлено не было.

С наступлением военного времени деятельность Группы по изучению русской литературы XVIII в. практически прекратилась. Правда, П. Н. Берков, касаясь этого времени, пишет, что «итоги литературоведческих работ, сделанных в военные годы, немало важны для нашей науки. Проблема национально-воспитательного значения литературы XVIII в., тесно связанная с проблемой особенностей русского классицизма и своеобразия русской литературы вообще и XVIII в. в частности, если была не полностью решена, то, во всяком случае, заняла в общей проблематике исследовательской работы в послевоенное время подобающее значительное место».⁷ Изучение литературы XVIII в. велось с акцентом на патриотические мотивы и темы, но регулярная деятельность Комиссии по изучению русской литературы XVIII в. в связи с блокадой и эвакуацией кадров и фондов Пушкинского Дома была фактически прекращена.

После войны, с 1946 г., работа Комиссии понемногу возобновляется. Она идет главным образом по линии пересмотра и редактирования томов «Истории русской литературы», посвященных литературе XVIII в., написанных до войны и, разумеется, по истечении почти десятилетия с момента создания их требующих значительной доработки. Наконец, в 1947 г. IV и V тома, посвященные второй половине XVIII в. и началу XIX в., вышли в свет. Была закончена большая работа, в значительной мере подводящая итоги изучения литературы XVIII в. в довоенное время.

Приостановленные войной исследования в полную меру развернулись далеко не сразу. Война внесла свои коррективы в их развитие: старшее поколение ученых, работавших в этой области, почти сошло со сцены, уступив место новому поколению. Труды, начатые до войны, как правило, кроме «Истории русской литературы», так и не были завершены, в значительной степени оборвалась и нить разыскательских работ. Состав Комиссии в первые

⁷ Берков П. Н. Итоги, проблемы и перспективы изучения русской литературы XVIII века // XVIII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1958. Сб. 3. С. 18.

послевоенные годы заметно сузился, программа деятельности не имела четко намеченных перспектив, а поэтому в 1949 г. исследование по истории русской литературы XVIII в. решено было сосредоточить в Секторе новой русской литературы Пушкинского Дома, ликвидировав Комиссию, которая на этом этапе развития уже не обеспечивала необходимого уровня и размаха исследований.

В составе Сектора новой русской литературы изучение XVIII в. продолжалось, подготавливая условия для широкой постановки исследований в этой области, для возрождения и дальнейшего развития традиций, заложенных и успешно развивавшихся в предвоенные годы. Это был своего рода переходный период, обусловленный временным прекращением исследовательской деятельности в военное время.

В эти годы в Пушкинском Доме защищает докторскую диссертацию Л. Б. Модзалевский. Ее тема: «Ломоносов и его отношения в Академии наук». В 1949 и 1952 гг. проводятся сразу две научные сессии, посвященные радищевским юбилеям, выходит последний том собрания его сочинений. В эти же годы под редакцией П. Н. Беркова издаются журналы Новикова (1951), выходит монография П. Н. Беркова о журналистике XVIII в. (1952), появляется книга Д. С. Бабкина «Процесс А. Н. Радищева» (1952). Эти исследования дают основание поставить вопрос о воссоздании самостоятельного научного подразделения Института, занимающегося изучением литературы XVIII в. И в марте 1955 г. в рамках Сектора новой русской литературы создается специальная Группа, во главе которой становится профессор П. Н. Берков. С этих пор начинается постоянная и целенаправленная работа по изучению литературы XVIII в., результаты которой публикуются на страницах возобновленного серийного издания «XVIII век», издаются в качестве монографий, печатаются во многих трудах и изданиях Пушкинского Дома.

Ежемесячные заседания Группы с обсуждением докладов объединили вокруг нее большой коллектив ученых не только из учебных и научных учреждений Ленинграда, но и из других городов страны. Именно на этих заседаниях, в обсуждениях и дискуссиях, вырабатывались задачи Группы, направления ее исследований. В своей работе Группа исходила из того положения, что литература XVIII в. «представляет органическое звено в целостном процессе истории русской литературы» и, таким образом, рассматривается в непосредственной связи и единстве как с литературой предшествующей, так и последующей эпохи.⁸ Наряду с этим литература XVIII в. подчиняется не только общим закономерностям литературного процесса в целом, но и имеет свои специфические особенности и параметры внутреннего развития, которые и привлекают в первую очередь внимание обращающихся к этой литературе ученых. Эти обстоятельства, по мнению П. Н. Беркова, обусловили некоторую пестроту в тематике

⁸ Там же. С. 13.

работ Группы и ее изданий. Впрочем, это суждение верно только отчасти и касается первого этапа деятельности Группы, падающего на вторую половину 50-х годов. В какой-то степени это нашло свое отражение в третьем и четвертом выпусках возобновленного серийного издания «XVIII век». В них отсутствует общность проблематики, а отдельные статьи историко-литературного и теоретического плана, сопутствуемые многочисленными материалами, сообщениями, библиографией, не составляют внутреннего единства и не производят впечатления подчиненности их общей концепции литературного развития эпохи. Однако таково свойство всех трудов, появившихся в период становления научного подразделения, их создающего. В них немало работ, наложивших свой отпечаток на дальнейшее развитие исследований в этой области. Среди них прежде всего следует назвать программную статью П. Н. Беркова «Итоги, проблемы и перспективы изучения русской литературы XVIII века», работу А. В. Позднеева «Проблемы изучения поэзии Петровского времени», Е. Н. Купреяновой «К вопросу о классицизме», П. Н. Беркова «Некоторые спорные вопросы современного изучения жизни и творчества А. Н. Радищева», цикл статей о В. В. Капнисте и о международных связях русской литературы XVIII в.

Впрочем, уже в конце 50-х годов Группа предпринимает ряд крупных исследований. Среди них прежде всего следует назвать цикл работ, посвященных Ломоносову и приуроченных к 250-летию со дня его рождения. Это был, пожалуй, самый высокий взлет интереса к Ломоносову за многие десятилетия, когда у нас в стране и за ее рубежами возникла целая литература о нем, о его ученых трудах и поэтическом наследии. Пушкинский Дом в этом отношении не остался в стороне. Литературное и литературно-теоретическое наследие Ломоносова в это время занимает одно из центральных мест в системе его исследований, посвященных XVIII в. В 1962 г. здесь выходит сборник «Литературное творчество Ломоносова», а вслед за ним — пятый выпуск серийного издания «XVIII век», посвященный Ломоносову и литературе его времени; еще год спустя появляется сборник «Русская литература XVIII века и славянские литературы» с целым рядом статей о Ломоносове, в 1971 г. издается монография Г. Н. Моисеевой «Ломоносов и древнерусская литература». Таким образом, комплекс работ, посвященных Ломоносову, обширен и достаточно многосторонне касается его литературной деятельности, биографии, литературно-теоретических воззрений. И надо сказать, что работы, созданные в Группе по изучению русской литературы XVIII в. и посвященные Ломоносову, следует рассматривать как существенный вклад в дело изучения поэтического наследия Ломоносова и его роли в русском литературном развитии, в создании русского литературного языка. Первые десятилетия XVIII в. в русском литературном развитии составляют эпоху в какой-то степени переходную от литературы русского средневековья к новой литературе, а поэтому изучение их вносит

новое в наши знания о закономерностях развития как старой, так и новой русской литературы. Однако литературоведение к этой эпохе, «оказавшей огромное влияние на все последующее развитие общественного сознания»,⁹ обращается не часто. Комплекс работ о Ломоносове и его времени, монография А. М. Панченко «Русская литература в канун петровских реформ» (1984), а также труд «Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века» (1974), в основной своей части трактующий «проблему жанров, в эту эпоху созданных или получивших заметное развитие», в значительной степени заполняют этот пробел в нашей литературной науке.¹⁰

В первой половине 60-х годов много усилий Группа посвятила выяснению места, роли и значения литературы XVIII в. в русском литературном развитии в целом. Эта тема разрабатывается в сборнике «Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры» (1966), посвященном 70-летию со дня рождения руководителя Группы члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. В это же время в центре внимания становится проблема литературных направлений в литературе XVIII в., изучение которой привело к убеждению, что «традиционные представления о литературных направлениях XVIII в. явно устарели и нуждаются в решительном пересмотре».¹¹ Убедительное обоснование этого положения содержится в книге «Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма» (1964), которая дала основания для дальнейших исследований в этой области, продемонстрировавших более сложную систему литературных течений и направлений в литературе XVIII в. по сравнению с той, которая раньше представлялась литературной наукой и ограничивалась классицизмом и сентиментализмом. Исследование общей системы литературных направлений эпохи продолжается в труде «Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века» (1969), показавшем, что в литературе последних десятилетий XVIII и первых XIX в. «традиционные эстетические принципы причудливо перемешивались с новыми, в практике многих тогдашних писателей спокойно уживались иногда прямо противоположные литературные воззрения и приемы, так что выделить какое-либо одно „течение“ как основное, например сентиментализм, преромантизм, реализм, „поздний“ классицизм или „неоклассицизм“, было бы исторически неверно».¹² Однако и эта книга не подвела итогов пересмотру устоявшихся взглядов на систему литературных направлений XVIII в. Исследование этой проблемы продолжено в первом томе четырехтомной «Истории русской литературы».

⁹ Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века // Л.: Наука, 1974. С. 4. (XVIII век; Сб. 9).

¹⁰ Там же.

¹¹ Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.; Л.: Наука, 1964. С. 3.

¹² Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. Л.: Наука, 1969. С. 1. (XVIII век; Сб. 8).

Особым направлением в работе Группы является изучение взаимосвязей русской литературы XVIII в. с иностранными литературами. К этой проблеме сотрудники Группы обращаются постоянно, но специально этому вопросу посвящены две книги — «Русская литература XVIII века и славянские литературы» (1963) и «Русская литература XVIII века и ее международные связи» (1975), среди авторов которых немало зарубежных исследователей. Это направление возникло и сформировалось в деятельности Группы под непосредственным воздействием ее руководителя П. Н. Беркова, который на протяжении многих лет занимался изучением взаимосвязей русской литературы с зарубежными и был одним из крупнейших специалистов в этой области нашего литературоведения. Если сейчас продолжить эти исследования, то со временем можно приблизиться к созданию истории международных связей русской литературы XVIII в., т. е. к решению одного из крупнейших историко-литературных и теоретических вопросов в этой отрасли литературной науки.

В последнее десятилетие Группа подготовила и выпустила в свет монографии П. Н. Беркова «История русской комедии XVIII века» (1977 г.), Г. Н. Моисеевой «Спасо-Ярославский хронограф» и «Слово о полку Игореве» (1976), коллективные труды «Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества» (1975), «Новиков и общественно-литературное движение его времени» (1976), «А. Н. Радищев и литература его времени» (1977), «Письма русских писателей XVIII века» (1980), «Проблемы историзма в русской литературе конца XVIII — начала XIX в.» (1980), «Русская литература XVIII — начала XIX в. в общественно-культурном контексте» (1983), «Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой» (1986). Последние две книги представляют собой выпуски серийного издания «XVIII век», издаваемого с 1935 г. Надо сказать, что за время своего существования это издание претерпело заметные изменения. Сначала (1 и 2 выпуски) это был обычный сборник, содержащий статьи и материалы (или сообщения); с третьего выпуска этот сборник по типу своему был несколько приближен к журналу — появились разделы «Сообщения и публикации», «Хроника и библиография», т. е. в издание вводятся информация о текущей научной жизни, библиография, критика, в том числе собственные научные журнальные обзоры. С некоторыми вариациями такой тип издания сохранялся на протяжении трех выпусков (3, 4, 5), а после был заменен тематическим сборником, лишь иногда с выделением внутри его раздела, посвященного материалам и сообщениям.

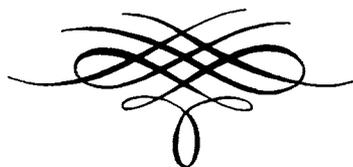
Во главе этого издания, как и во главе Группы по изучению русской литературы XVIII в., с 1955 по 1969 г. стоял П. Н. Берков, в 1960 г. избранный членом-корреспондентом Академии наук СССР. Благодаря его трудам и энергии изучение русской литературы XVIII в. в Пушкинском Доме было поставлено столь обстоятельно и широко. Группа, руководимая П. Н. Берковым, стала единственным в стране центром по изучению литературы этого периода, а тем самым и должна была исполнять функции координатора всех работ по исследованию русского XVIII в., производившихся в нашей стране

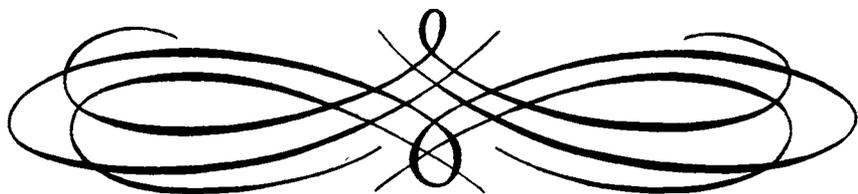
и даже за ее рубежами. Такую роль Группа выполняет и сейчас. С 1969 по 1978 г. ее возглавлял профессор Г. П. Макагоненко, а с 1978 г. во главе ее встал доктор филологических наук А. М. Панченко. В 1986 г. Группа была преобразована в сектор, сейчас работающий в составе Отдела новой русской литературы. Основные направления деятельности Группы отражены в серийном издании «XVIII век». Особенностью деятельности Группы является то, что все публикуемые на страницах ее изданий статьи, сообщения проходят через обсуждение на заседаниях, как правило многолюдных и представительных. Некоторые книги представляют собой результаты проведенных в Пушкинском Доме совещаний и конференций, например посвященных Новикову, Державину, Карамзину. Часть трудов по литературе XVIII в. относится к области текстологии, источниковедения, библиографии. Здесь крупнейшей работой является библиография по истории русской литературы XVIII в., составленная В. П. Степановым и Ю. В. Стенником под редакцией П. Н. Беркова. Она стала единственным такого рода пособием для исследователя литературы этой эпохи. Сейчас одной из задач Группы является дополнение этой библиографии или подготовка нового библиографического труда на уровне современного состояния библиографической науки. Такая работа, как представляется, может быть исполнена после завершения «Словаря русских писателей XVIII века», который сейчас издается.

В состав словаря войдет около тысячи справок о писателях эпохи, и тем самым для исследователя, да и для простого читателя, в значительной степени изменится представление о характере и содержании литературного развития XVIII в. После появления этого Словаря можно будет считать, что с точки зрения источниковедческо-библиографической XVIII век обеспечен лучше, полнее и основательнее, чем многие другие этапы истории нашей литературы.

В области текстологии XVIII век в Пушкинском Доме представлен очень скудно. В послевоенные годы завершено издание Полного собрания сочинений Радищева да осуществлено издание сочинений и писем В. В. Капниста, подготовленное и прокомментированное Д. С. Бабкиным. К сожалению, крупнейшие представители литературы XVIII в. до сих пор не привлекли внимания издателей и текстологов. А между тем академические издания наследия писателей и поэтов XVIII в. крайне необходимы, появление их значительно продвинуло бы вперед работы в этой области. Простор для текстологических исследований здесь безграничен. Однако в первую очередь необходимо решить вопрос об издании наследия Фонвизина, Сумарокова, Карамзина. Наибольший интерес представляет, безусловно, Сумароков, произведения которого никогда не собирались вместе и не издавались в качестве полного их собрания, а между тем роль и значение Сумарокова в литературном развитии XVIII в., в становлении русской драматургии столь велика, что обходиться сейчас без свода его сочинений уже становится невозможно.

За 55 лет в Пушкинском Доме проделана огромная работа по изучению литературы XVIII в., и результаты ее сказались на всем ходе развития нашей историко-литературной мысли. Сделано много, но еще далеко не все, и впереди еще многие и многие годы кропотливого и нелегкого труда, посвященного дальнейшему исследованию литературного процесса XVIII в. с точки зрения истории литературы и ее теории, текстологии, библиографии, наконец, взаимосвязей литературы этой эпохи с ее предшествующим и последующим развитием, с зарубежными литературами, с другими видами искусства.

ПУШКИНОВЕДЕНИЕ

Не случайно в современном официальном названии Института сохранено его историческое наименование — Пушкинский Дом. Интерес к Пушкину, к его среде и эпохе начал складываться здесь с момента основания этого академического учреждения. Пушкинский Дом создавался ради будущего развития отечественного пушкиноведения, и пушкиноведение всегда занимало и сейчас занимает в его деятельности важнейшее место.

Интерес к Пушкину и его изучение в Пушкинском Доме никогда не прекращались, и современная программа исследований в этом отношении не является исключением. Наоборот, с каждым годом роль пушкиноведения в научном процессе, осуществляемом в Пушкинском Доме, становится все более и более значительной: укрупняется проблематика исследований, начинается подготовка нового академического издания сочинений Пушкина, решаются историко-литературные, теоретические, источниковедческие вопросы. Такое положение свидетельствует о широких возможностях пушкиноведения, о благоприятных перспективах его дальнейшего развития в Пушкинском Доме.

Основные этапы развития пушкиноведения совпадают с главнейшими вехами в истории Пушкинского Дома. С момента его возникновения здесь начинает сосредоточиваться рукописное наследие поэта. Однако долгие годы это сосредоточение осуществляется стихийно. Лишь в конце 30-х годов Пушкинский Дом, на основании Постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 4 марта 1938 г. за № 256, становится единственным в стране хранилищем рукописей великого поэта. И после этого где бы ни находился автограф Пушкина, он в обязательном порядке передавался, передается или будет передан в Рукописный отдел Пушкинского Дома, сосредоточивший все рукописи поэта, от ранних лицейских стихов до последней записки, написанной за несколько часов до роковой дуэли. Именно это рукописное собрание стало основой для сложнейших текстологических работ в области пушкиноведения, развернувшихся в Пушкинском Доме еще в 30-е годы.

Дореволюционный этап деятельности Пушкинского Дома по изучению Пушкина характеризуется прежде всего собиранием материалов.¹ Однако собирание было лишь одной стороной зарождавшегося в Пушкинском Доме пушкиноведения. Первые его шаги были сделаны в рамках Комиссии по изданию сочинений Пушкина, деятельность которой впоследствии всегда была теснейшим образом связана с Пушкинским Домом. Она фактически представляла собою ту Пушкинскую комиссию, которая была учреждена 30 сентября 1900 г. и на многие годы приняла на себя обязанности продолжения (так и оставшегося незавершенным) академического издания сочинений Пушкина, предпринятого академиком Л. Н. Майковым, скончавшимся 7 апреля 1900 г., вскоре после выхода в свет первого тома этого издания.²

Результаты исследовательской работы, сопровождавшей издание, в своей значительной части излагались на страницах серийного издания «Пушкин и его современники», основанного в 1900 г. и прекратившегося в 1930 г. на 39-м выпуске. Это издание принадлежало Комиссии по изданию сочинений Пушкина, но фактически после 1905 г. оно представляло собою орган Пушкинского Дома и если продолжало «по-прежнему именоваться органом Комиссии, то главным образом потому, что секретарем Комиссии и редактором этого издания был Б. Л. Модзалевский, одновременно руководитель Пушкинского Дома».³ Таким образом, серийное издание «Пушкин и его современники» и заключенные в нем исследования и надо считать начальным этапом развития пушкиноведения в Пушкинском Доме.

В издании «Пушкин и его современники», которое в предисловии к первом выпуску именовалось журналом, хотя таковым никогда не было, сосредоточены многообразные исследования, характеризующие общее состояние пушкиноведения той эпохи, его искания, методологические принципы, проблематику исследований. Коллектив ученых-пушкинистов, участвовавших в этом издании, был по тем временам очень широк. На первых этапах его существования в нем печатали свои работы Б. Л. Модзалевский, Н. О. Лернер, П. Е. Щеголев, Е. А. Бобров, В. В. Каллаш, Ф. Е. Корш, П. О. Морозов, Н. К. Пиксанов, В. В. Сиповский, М. А. Цявловский, В. И. Чернышев, М. Л. Гофман; позднее, в 20-е годы, в нем приняли участие М. П. Алексеев, М. Д. Беляев, В. В. Гиппиус, Н. В. Измайлов, В. Л. Комарович, Б. И. Коплан, Л. Б. Модзалевский, Б. В. Томашевский, Н. В. Яковлев, Д. П. Якубович и др. Этот коллектив представлял собою в то время ведущие силы нашего пушкиноведения, и можно сказать, что издание «Пушкин и его современники» в значительной мере олицетворяло собою отечественное пушкиноведение первых трех

¹ Описание пушкинских материалов, собранных Пушкинским Домом в 1905—1910 гг., составленное Б. Л. Модзалевским, см. в кн.: *Временник Пушкинского Дома*. 1914. Пг. [1915]. С. 2—22.

² *Временник Пушкинской комиссии*. 1962. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 3—4.

³ *50 лет Пушкинского Дома*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 59.

Издания сочинений Пушкина, подготовленные в Пушкинском Доме.

десятилетий XX в. В этом издании напечатаны известные работы П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» и «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина», Н. К. Пиксанова о неосуществленной газете Пушкина «Дневник», библиографическое описание библиотеки Пушкина, составленное Б. Л. Модзалевским, дневник А. Н. Вульфа, пушкинские материалы из архивов Вревских, Погодина, работы о стихе Пушкина, принадлежащие С. П. Боброву, Г. О. Винокуру, Б. В. Томашевскому.

Содержание издания «Пушкин и его современники», выходящего на протяжении трех десятилетий, многообразно и касается самых разных сторон биографии и творчества поэта, разных аспектов развития пушкиноведения. Прежде всего здесь публикуются новые документы и рукописи поэта, т. е. на одно из первых мест выдвигается та функция издания, которая самым непосредственным образом связывает его с Пушкинским Домом, занимающимся собиранием и изучением этих документов. Естественно, что обращение к источникам, а также характер научных интересов Б. Л. Модзалевского предопределили склонность этого издания к проблемам биографии Пушкина, пушкинского источниковедения, взаимоотношений творчества Пушкина и западных литератур. В то же время издание «Пушкин и его современники» было неоднородным. Наряду с крупнейшими исследованиями, сохранившими свое значение до сегодняшнего дня, в нем публиковалось немало работ, незначительных по своей тематике или малоперспективных в плане развития пушкиноведения в целом, а порою основанных на ошибочных положениях историко-литературного, теоретического или методологического характера. Тем не менее именно это издание с наибольшей полнотой отражало процесс формирования пушкиноведения в Пушкин-

Доктор филологических наук Б. В. Томашевский.

ском Доме, с этим изданием связаны многие замыслы, позднее воплощенные в других трудах Пушкинского Дома.

Пушкиноведческие исследования, конечно, не ограничивались изданием «Пушкин и его современники». В 20-е годы параллельно с ним Пушкинский Дом осуществляет научные публикации отдельных произведений поэта, выпускает сборники неизданных пушкинских материалов, наконец, издает первые монографические исследования, посвященные Пушкину. Среди них нужно назвать научные издания «Домика в Коломне» и «Гаврилиады», изданную отдельной брошюрой речь Н. А. Котляревского, сказанную им в Доме литераторов на торжественном заседании 29 января 1922 г., публикацию материалов из собрания А. Ф. Онегина, книгу А. С. Полякова «О смерти Пушкина», построенную на новых материалах, статьи Б. Л. Модзалевского, Н. К. Козмина, Н. В. Измайлова в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год», очерк Н. В. Измайлова и Б. Л. Модзалевского о Пушкине, сборник «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина», сделанное Б. Л. Модзалевским описание рукописей Пушкина из Государственной публичной библиотеки в Ленинграде, составленную А. Г. Фоминым библиографию пушкинианы за 1900—1910 гг., два

тома подготовленных Б. Л. Модзалевским писем Пушкина, публикацию писем Пушкина к Е. М. Хитрову, а также посвященные памятным пушкинским местам книги М. Д. Беляева и А. А. Платонова «Последняя квартира Пушкина в ее прошлом и настоящем» и С. Ф. Платонова «Далекое прошлое Пушкинского уголка».

Книг о Пушкине за первые 25 лет существования Пушкинского Дома было выпущено много. Свидетельствуя о серьезных успехах пушкиноведения, все они представляли результат большой и сложной собирательской работы и первоначальных изысканий, которые в своей совокупности стали основой фундаментальных пушкиноведческих исследований, начавшихся в 30-е годы и связанных со столетием со дня смерти поэта. Подготовка к этой дате началась еще при директорстве А. В. Луначарского. В декабре 1932 г. по этому поводу А. В. Луначарский собирает Пушкинскую комиссию, которая принимает решение об издании академического Собрания сочинений Пушкина и о проведении совещания, посвященного обсуждению состава и принципов этого издания. Такое совещание состоялось в 1933 г., но без участия А. В. Луначарского, который в это время был болен. На совещании выступил Н. К. Пиксанов с докладом о плане и организации издания и М. А. Цявловский — о принципах этого издания, изложенных в уже составленной инструкции.

Новый этап связан прежде всего с академическим Собранием сочинений и кругом исследований, сосредоточенных вокруг него или выросших из него. Не останавливаясь подробно на академическом Собрании сочинений Пушкина — о нем сказано в главе «Издание классического наследия» — отметим только, что это издание в значительной мере обусловило некоторые особенности в дальнейшем развитии Пушкинского Дома, в частности связанные с пушкиноведением и текстологией: в пушкиноведении оно обозначило переход от частных исследований к большим работам, обобщающим результаты прошлого научного опыта, предопределило вступление пушкиноведения в эпоху зрелости и самостоятельного развития, а в текстологии стало первым осуществленным силами Пушкинского Дома академическим изданием классического наследия, открывшим целое направление в деятельности этого учреждения, успешно развивающееся и поныне.

Академическое издание сочинений Пушкина вызвало к жизни целую серию исследовательских работ не только текстологического, но и историко-литературного характера. Для публикации результатов этих исследований в Пушкинском Доме в 1936 г. был создан «Временник Пушкинской комиссии». Это издание стало органом реорганизованной и причисленной к Институту Пушкинской комиссии.⁴ В 1936—1941 гг. появилось шесть его томов. Издание было оборвано войной и позднее не возобновля-

⁴ Пушкинская комиссия была реорганизована постановлением Президиума Академии наук СССР от 7 ноября 1933 г. (см.: Временник Пушкинской комиссии. 1962. С. 4).

лось.⁵ «Временник Пушкинской комиссии» имел свои характерные черты, отличающие его от прекратившегося в 1930 г. издания «Пушкин и его современники». Прежде всего, исследования, в нем печатавшиеся, как правило, носили широкий историко-литературный характер; многие из них отличались серьезными общими выводами и выводами общепублицистического свойства. Значительно укрупнилась и проблематика биографических работ, — впрочем, довольно редких в этом издании. Во «Временнике» появились значительные исследования, донные сохраняющие свою ценность, — такие как статьи М. А. Цявловского о стихах Пушкина к В. Ф. Раевскому, И. Н. Медведевой о «Демоне» и пушкинской элегии 1820-х годов, Ю. Н. Тынянова о «Путешествии в Арзрум», В. В. Виноградова о стиле «Пиковой дамы» и неизвестных заметках Пушкина в «Литературной газете», А. А. Ахматовой об «Адольфе» Б. Константа в творчестве Пушкина. В этом издании были напечатаны и статьи, посвященные обширным связям Пушкина с античностью (Д. П. Якубович, М. М. Покровский), фольклором (М. К. Азадовский), западными литературами (М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский). Сочетая исследования обобщающего характера с публикацией новых текстов, материалов, рецензий, полемических выступлений и хроникальных заметок, это издание по своей конструкции и содержанию достаточно точно соответствовало характеру тогдашнего пушкиноведения в целом, находившегося на подъеме и разрабатывавшего широкий комплекс проблем, касавшихся самых разных аспектов биографии, мировоззрения, творчества поэта. В нем объединили усилия ученые разных поколений, пушкинисты и исследователи из других областей филологии, поэты, писатели, публицисты. Среди них М. Горький, А. А. Ахматова, Ю. Н. Тынянов, С. М. Бонди, Б. В. Томашевский, М. К. Азадовский, Л. Б. Модзалевский, Б. П. Городецкий, Д. П. Якубович, А. Л. Слонимский, В. В. Виноградов, И. Н. Розанов, П. Е. Щеголев, Л. П. Гроссман, А. С. Орлов, В. А. Десницкий, М. П. Алексеев, Н. В. Измайлов, Ю. Г. Оксман, Б. М. Эйхенбаум, Н. К. Козмин, А. Н. Соколов, Л. В. Пумпянский, В. А. Мануйлов, Г. А. Гуковский, М. А. Цявловский, В. И. Чернышев и многие другие. Научная и организационная роль «Временника Пушкинской комиссии» во второй половине 30-х годов была очень значительна. Впрочем, довоенное пушкиноведение в Пушкинском Доме академическим изданием и «Временником Пушкинской комиссии» не ограничивалось. В 30-е годы продолжается публикация текстов, выходит третий том писем поэта, подготовленный Л. Б. Модзалевским (1935), появляется сборник несобранных и неопубликованных текстов «Рукою Пушкина» (1935), издается монография Б. С. Мейлаха «Пушкин и русский

⁵ Существующий ныне «Временник Пушкинской комиссии», являясь органом Пушкинской комиссии, возобновленной в 1958 г. и переданной в ведение Отделения литературы и языка, представляет собой новое издание, созданное в начале 60-х годов и с первого ее номера (1963) редактируемое академиком М. П. Алексеевым (до 1981 г.), а после его смерти выходящее под руководством редколлегии в составе Д. С. Лихачева (председатель Пушкинской комиссии), С. А. Фомичева, В. Э. Вацура.

романтизм» (1937), продолжается библиографическая работа, выходит книга М. Горького «О Пушкине» (1937), появляется описание рукописей поэта, хранящихся в Пушкинском Доме (1937).

В послевоенные годы цикл пушкиноведческих исследований восстановился в Пушкинском Доме далеко не сразу. На это потребовалось несколько лет. В первые послевоенные годы программа научных исследований пушкинистов во многом определялась незавершенностью ряда замыслов, прерванных войной и требовавших окончания; продолжается составление библиографических указателей, выходят книги о Лицее и Музее-квартире Пушкина, ведутся работы над последними томами академического издания. Параллельно с завершением довоенных замыслов зарождались новые, и силы пушкинистов уже в середине 50-х годов в своей основной части переключились на их осуществление.⁶ В 1953 г. выходит в свет шестой том «Истории русской литературы», посвященный пушкинской эпохе, с большой главой о Пушкине. Эта глава, в основном написанная еще до войны В. В. Гиппиусом, Б. С. Мейлахом, А. Л. Слонимским, Д. П. Якубовичем, должна была подвести итоги изучения биографии и творчества Пушкина. Правда, эта задача исполнена была лишь частично, но тем не менее эта глава стала первым исследованием, созданным в Пушкинском Доме, которое представило Пушкина-художника в его развитии и на широком фоне литературного и общественно-политического движения эпохи.

В 1949 г. отмечалось 150-летие со дня рождения поэта и состоялась первая Всесоюзная пушкинская конференция. С тех пор проведение этих конференций стало для Пушкинского Дома традицией. Пушкинские конференции, организатором и руководителем которых выступил академик М. П. Алексеев, объединили вокруг себя поредевшие за время войны силы пушкинистов, определили перспективы и цели дальнейшей работы в этой области литературоведения, способствовали подготовке кадров пушкинистов и, наконец, самоопределению пушкиноведческого центра в Пушкинском Доме, который призван координировать деятельность советского пушкиноведения в целом.

Всесоюзные пушкинские конференции сначала проводились каждый год, сейчас они проходят один раз в два года. В 1978 г. отмечен своеобразный юбилей этого пушкиноведческого форума — состоялась 25-я конференция, знаменательная еще и тем, что посвящена она была подготовке нового академического издания сочинений Пушкина, призванного заменить первое, оставшееся незаконченным (непрокомментированным). В процессе подготовки этого издания значение Всесоюзных пушкинских конференций возрастает еще более, особенно с точки зрения координации работы и объединения сил вокруг нового академического издания и работ, его сопровождающих.

⁶ См.: Основные проблемы пушкиноведения на современном этапе // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и языка. 1962. № 1. С. 14—33.

В результате деятельности первых Пушкинских конференций сформировалось и основное пушкиноведческое издание, осуществляемое Пушкинским Домом. Сначала, в 1952 и 1953 гг., вышли в свет сборники докладов, прочитанных с трибуны первых трех пушкинских конференций. Позднее доклады в том виде, в каком они читались, уже не печатались, а на опыте первых двух сборников в 1956 г. было создано новое пушкиноведческое серийное издание «Пушкин. Материалы и исследования», девять томов которого вышли в свет. Это издание стало необходимым, во-первых, в связи с созданием в Институте в 1956 г. Сектора пушкиноведения (его возглавил Б. В. Томашевский),⁷ органом которого оно тотчас и сделалось; во-вторых, оно отражает, хотя и частично, результаты работы Всесоюзных пушкинских конференций; в-третьих, оно исполняло и сейчас исполняет координационные функции в пушкиноведении, давая представление о наиболее важных его проблемах, подлежащих разрешению в данный момент. По характеру своему и содержанию это издание отличается от своих предшественников прежде всего стремлением к проблемности статей, к сочетанию историко-литературного и теоретического аспектов в исследовании. В этом издании увидели свет работы М. П. Алексеева («Пушкин и наука его времени»), Б. В. Томашевского («Вопросы языка в творчестве Пушкина», «Строфика Пушкина»), Н. В. Измайлова («Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов»), Л. П. Гроссмана («У истоков „Бахчисарайского фонтана“»), Б. П. Городецкого («„Путешествие из Москвы в Петербург“ А. С. Пушкина»), Б. С. Мейлаха («Реалистическая система Пушкина в восприятии его современников», «Пушкинская концепция мировой литературы»), Т. Г. Цявловский («„Влюбленный бес“ (Неосуществленный замысел Пушкина)», «Дневник А. А. Олениной»), исследование О. С. Соловьевой по истории текста «Медного всадника» и целый ряд других статей и материалов, в том числе связанных с новыми находками пушкинских текстов.

Деятельность Сектора пушкиноведения никогда не ограничивалась только подготовкой серийного издания. Чтобы вести систематические и целенаправленные исследования, необходимо было прежде всего подвести итог тому, что уже сделано в пушкиноведении, и наметить перспективы его дальнейшего развития. Эту задачу решил вышедший в 1966 г. под редакцией Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха коллективный труд «Пушкин. Итоги и проблемы изучения», который, по замыслу авторов, должен был «подвести итоги в каждой значительной области пуш-

⁷ Сектор пушкиноведения в 1956—1957 гг. возглавлял Б. В. Томашевский, а после его смерти — Б. П. Городецкий. В 1962 г. Сектор был преобразован в Группу, работающую в составе Сектора новой русской литературы, которую долгое время (до 1974 г.) возглавлял Б. С. Мейлах, затем С. А. Фомичев (1975—1980), Я. Л. Левкович (1980—1987). В 1986 г. Группа пушкиноведения была снова преобразована в Сектор (а в 1987 г. — в Отдел) пушкиноведения, который возглавляет доктор филологических наук С. А. Фомичев.

Доктор филологических наук Н. В. Измайлов.

киноведения, наметить задачи дальнейшего изучения, показать, какие существуют нерешенные, неясные, непоставленные и дискуссионные проблемы, и наметить, хотя бы в самых общих очертах, пути к их дальнейшей разработке».⁸ Осуществляя намеченные перспективы, Пушкинский Дом в 60—70-е годы предпринял ряд исследований как частного, так и общего характера, результаты которых оформлены в виде монографий, коллективных трудов или их отдельных глав и разделов. Здесь прежде всего следует назвать коллективные труды по истории жанров — «История русской критики», «История русского романа», «История русской поэзии», «Русская повесть», «История русской драматургии», — содержащие специальные главы о Пушкине. Эти труды определяют роль и значение Пушкина в эволюции исследуемых жанров, в становлении их поэтики и стилистики, в формировании

⁸ Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. С. 6.

их идейно-общественного содержания. Завершает этот список четырехтомная «История русской литературы», во втором томе которой помещена глава о Пушкине, написанная Е. Н. Купреяновой и представляющая собою общий очерк о поэте, учитывающий последние достижения советского пушкиноведения.

В Пушкинском Доме на всех этапах его существования сосредоточивались лучшие силы отечественного пушкиноведения. И в этом отношении послевоенная эпоха не является исключением. Достаточно сказать, что именно в это время здесь ведут исследования Б. В. Томашевский, М. П. Алексеев, Б. П. Городецкий, Н. В. Измайлов, Б. С. Мейлах, научно-организационная деятельность и труды которых во многом определяли, да и сейчас определяют лицо и характер современного отечественного пушкиноведения. Еще в 1956 г. вышел в свет первый том исследования Б. В. Томашевского о Пушкине, охватывающий 1813—1824 гг. В этой монографии автор поставил своей задачей раскрыть характерное для творчества Пушкина «соединение оригинальности, свежести и новизны с постоянным изучением опыта предшественников и усвоением (а иногда и поглощением) результатов общего развития мировой и русской литературы».⁹ Успешное выполнение этой задачи было оборвано преждевременной смертью Б. В. Томашевского 24 августа 1957 г. Книга Б. В. Томашевского получила высокую оценку. Вторая ее часть не была закончена, завершенные ее фрагменты и материалы к ней в 1961 г. были изданы в качестве второй книги монографии.

Широка и многообразна пушкиноведческая деятельность академика М. П. Алексеева — организатора и руководителя Всесоюзных пушкинских конференций, председателя Пушкинской комиссии Академии наук (1959—1981) и редактора «Временника Пушкинской комиссии», автора многих выдающихся работ о Пушкине. В их ряду следует назвать прежде всего монографию «Стихотворение Пушкина „Я памятник себе воздвиг. . .“» (1967) и книгу «Пушкин. Сравнительно-исторические исследования» (1972), представляющую собою собрание его наиболее значительных работ, посвященных Пушкину и опубликованных здесь в большинстве своем в новых редакциях или со значительными дополнениями. Эта книга блестяще подтверждает высказанное ее автором мнение, что творчество Пушкина «следует изучать на фоне и в тесной связи с историей мировой культуры, потому что и сам он представляет собою явление широкого исторического значения, переросшее национальные и исторические границы».¹⁰ В 1973 г. эта книга была удостоена премии имени В. Г. Белинского.

Одним из зачинателей пушкиноведения в Пушкинском Доме был Н. В. Измайлов (умер 2 мая 1981). С исследованиями, посвященными Пушкину, он начал выступать еще в 1922 г. Итогом полувекового творческого пути ученого в пушкиноведении стала его книга

⁹ Томашевский Б. Пушкин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Кн. 1. С. 3.

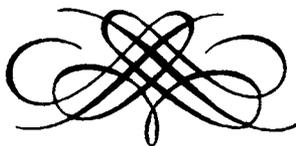
¹⁰ Алексеев М. П. Пушкин. Л.: Наука, 1972. С. 3.

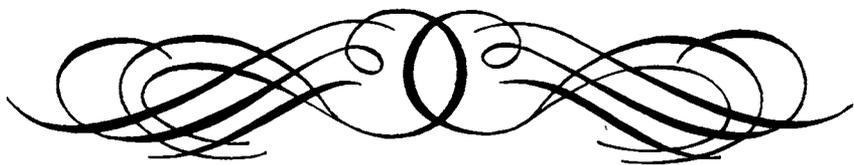
«Очерки творчества Пушкина» (1975). В послевоенные годы Н. В. Измайлов был организатором и редактором целого ряда больших исследований, посвященных Пушкину. Кроме названной выше книги «Пушкин. Итоги и проблемы изучения» он руководил подготовкой и публикацией писем Карамзиных и писем Пушкина 1834—1837 гг., созданием коллективного труда «Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов» (1974), представляющего собой исследование творческой истории и идейно-художественной проблематики шедевров зрелой пушкинской лирики. Н. В. Измайлов осуществил ряд исследований, посвященных «Медному всаднику», истории его создания, публикации и изучения, а также принципам текстологической подготовки нового академического издания сочинений А. С. Пушкина.¹¹

Видную роль в организации пушкиноведческих исследований в 50—60-е годы сыграл Б. П. Городецкий, автор двух монографий, посвященных драматургии и лирике Пушкина, заведующий Сектором пушкиноведения, а позднее — Сектором новой русской литературы, в составе которого с 1962 г. работала Группа пушкиноведения.

Пушкиноведческие исследования в Пушкинском Доме сейчас ведут опытные ученые-пушкинисты, среди которых следует назвать С. А. Фомичева, В. Э. Вацуру, Р. В. Иезуитову, Н. Н. Петрунину, Я. Л. Левкович, О. С. Муравьеву и др. Участвуя в подготовке академического издания сочинений Пушкина, они в последние годы написали ряд серьезных монографических исследований, посвященных Пушкину и писателям его времени: С. А. Фомичев выступил с монографией «Поэзия Пушкина. Творческая эволюция» (Л.: Наука, 1986), Я. Л. Левкович написала монографию об автобиографической и эпистолярной прозе Пушкина, Р. В. Иезуитова — о Жуковском, Н. Н. Петрунина — о прозе Пушкина. Они выполняют также историко-литературные, источниковедческие, текстологические работы, которые ориентируют пушкиноведение в Институте на осуществление крупнейших задач, стоящих перед этой отраслью науки. Такой задачей первостепенной важности и значения является новое академическое издание сочинений Пушкина и осуществление ряда исследований, его сопровождающих. Этой работой и занят сейчас Отдел пушкиноведения Института.

¹¹ См.: Измайлов Н. В. «Медный всадник» А. С. Пушкина. История замысла и создания, публикации и изучения // Пушкин А. С. Медный всадник / Изд. подгот. Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. С. 147—265; Измайлов Н. В. О принципах нового академического издания сочинений Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1979. Т. 9. С. 5—16.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX—НАЧАЛА XX в.

В программе исследовательских работ Пушкинского Дома русская классическая литература занимает центральное место, ее исследованию посвящено наибольшее количество издаваемых Институтом трудов. Такое положение является результатом как исторического развития Пушкинского Дома, так и той выдающейся роли, которую играла и сейчас играет эпоха XIX—начала XX в. в общем процессе русского литературного развития.

Пушкинский Дом при своем создании был нацелен на изучение русской литературы XIX в. с преимущественным вниманием к Пушкину и пушкинской эпохе в развитии литературы. Еще в 1913 г. директор Пушкинского Дома академик Н. А. Котляревский писал: «Музей может и должен стать памятником, посвященным не одному лишь Пушкину, а всей русской литературе XIX века, которая Пушкину столь многим обязана».¹ Уже в дореволюционную пору сфера деятельности Пушкинского Дома начинает расширяться. Вслед за пушкинской эпохой в программу собирательской и научной работы входит весь XIX век, а в первые послереволюционные годы и литература начала XX в., творчество Чехова, Толстого, Горького, Бунина, Блока, Андреева и др.

Изучение русской литературы XIX—начала XX в. в первые послереволюционные годы (до 1930) велось в основном с точки зрения источниковедческо-текстологической. В это время Пушкинский Дом создает десятки трудов по научной публикации материалов, сосредоточенных в его собраниях. Конечно, преимущественное внимание здесь уделяется Пушкину. Преимущественное, но не исключительное. Рядом с публикацией неизвестных ранее произведений и писем великого поэта появляются издания, посвященные Дельвигу, Некрасову, Короленко, Чехову, Гончарову, Тургеневу, Островскому, Салтыкову-Шедрину, Тютчеву, Л. Толстому и др. Новые материалы по литературе XIX в. в 20-е годы печатаются не только в виде отдельных сборников, но и в серийных или повременных изданиях, которые, как правило, в то время обрывались после появления первого

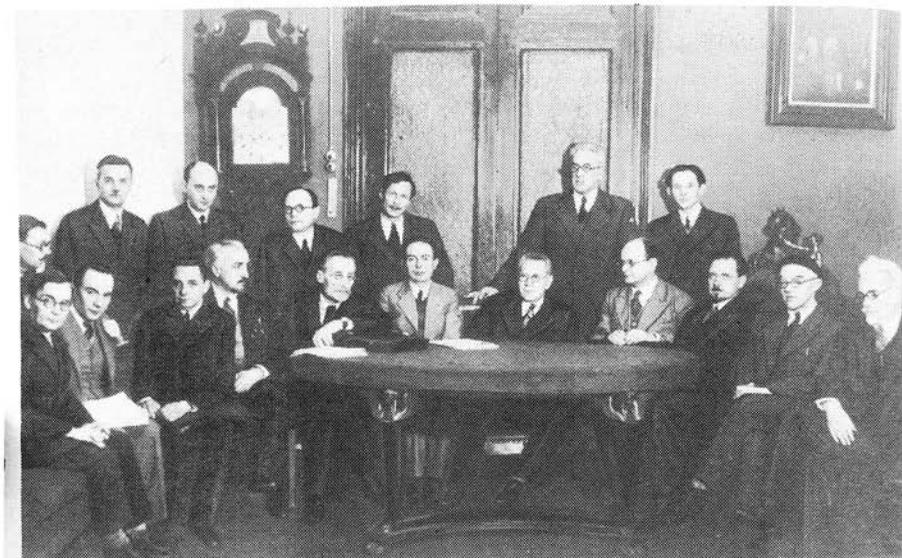
¹ Временник Пушкинского Дома. 1913. СПб. [1914]. С. VI.

выпуска. Таковы «Радуга», Альманах Пушкинского Дома, «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год», «Литературные портфели», «Атенеи» и др. За исключением нескольких публикаций по XVIII в. эти издания были посвящены вопросам источниковедения, библиографии, текстологии русской литературы в целом или наследия отдельных писателей XIX в.; таким образом, изучение литературы еще не вышло на уровень широких историко-литературных и теоретических обобщений. Этот этап в изучении XIX в. в Пушкинском Доме предшествовал тому перелому, который осуществится в середине 30-х годов уже на основе марксистско-ленинских методологических принципов, восторжествовавших в борьбе с формалистическими и вульгарно-социологическими тенденциями, которые особенно болезненно сказались именно в отношении литературы XIX в., оказавшейся в центре методологических споров и разногласий. Эти тенденции, тормозившие развитие исследований, отразились и на структуре ведущего в то время Историко-литературного сектора, в составе которого в 1931 г. были утверждены: Отдел литературы эпохи позднего феодализма, Отдел литературы эпохи развития промышленного капитализма с подотделом литературы до начала массового рабочего движения и подотделом литературы после начала массового рабочего движения, Отдел литературы эпохи диктатуры пролетариата и Отдел истории журналистики. Правда, вся эта вульгарно-социологическая структура просуществовала недолго. Уже в 1933 г. Сектор был реорганизован и на его основе созданы два отдела — Отдел древнерусской литературы и Отдел новой русской литературы, т. е. именно те научные подразделения, которые на протяжении почти шестидесяти лет осуществляют в Пушкинском Доме исследования русского литературного процесса XI—XX вв.

Сейчас Отдел новой русской литературы представляет собою самое крупное и самое сложное по структуре подразделение Института. В его составе — Сектор по изучению русской литературы XVIII в., Сектор взаимосвязей русской литературы с зарубежными, группы по подготовке академических изданий сочинений Достоевского, Некрасова, Тургенева, Блока. В послевоенные годы Отдел возглавляли член-корреспондент АН СССР Н. К. Пиксанов, проф. Б. П. Городецкий, проф. Б. И. Бурсов, доктора филологических наук Н. И. Пруцков и Ф. Я. Прийма.

Отдел новой русской литературы ведет исследования по истории русской литературы XVIII, XIX и начала XX в., осуществляет работы теоретического, источниковедческого, текстологического, библиографического характера. Многие из них рассматриваются в предшествующих и последующих главах настоящей книги, посвященных изучению русской литературы XVIII в., творчества Пушкина, изданию классического наследия, библиографии. В этой же главе мы остановимся преимущественно на историко-литературных и теоретических исследованиях литературы XIX в. и наследия ее выдающихся представителей.

Начать обозрение деятельности Пушкинского Дома по изучению «золотого» века русской литературы следует с фундаментальных

Группа пушкинистов (1930-е годы).

Слева направо сидят: Д. П. Якубович, С. М. Бонди, А. Л. Слонимский, С. Д. Балухатый, В. А. Десницкий, Л. А. Плоткин, Н. К. Пиксанов, В. М. Жирмунский, В. В. Гиппиус, Д. Д. Благой, М. А. Цявловский. *Стоят:* Б. В. Томашевский, Н. В. Измайлов, Г. С. Бердяев-Глебов, И. И. Векслер, Б. П. Городецкий, Л. П. Гроссман, Б. С. Мейлах.

трудов, какими прежде всего являются десятитомная, трехтомная и четырехтомная «Истории русской литературы», в которых преимущественное внимание уделено XIX в. Десятитомная «История русской литературы» (1940—1956) представляет собою первый в нашей литературной науке труд, дающий с марксистско-ленинских методологических позиций широкое представление о русском литературном процессе, об отдельных его явлениях и эпохах, о творчестве выдающихся представителей русской словесности. Тома, посвященные эпохе XIX и начала XX в., созданы на основе глубоких предварительных исследований как частного, так и общего характера, с привлечением комплекса литературных фактов, процессов, явлений, рассматриваемых в их единстве и взаимосвязи. Этот труд, объединивший большой коллектив ученых, сыграл важнейшую роль в развитии историко-литературных исследований в Пушкинском Доме, в методологическом становлении Института, в деле изучения, популяризации и пропаганды классического наследия русской литературы.

Второй опыт создания «Истории русской литературы» (в трех томах) в 1958—1964 гг. осуществлен совместными усилиями Института мировой литературы им. М. Горького и Пушкинского Дома. В нем предпринята попытка выяснить общие закономерности русского литературного движения как процесса, воссоздать целостную картину литературного развития. Завершает этот цикл фундаментальных исследований четырехтомная «История русской литера-

туры», рассчитанная как на специалистов, так и на широкие круги читателей. Второй, третий и четвертый ее тома посвящены литературе XIX—начала XX в. Издание этой работы осуществлено в 1980—1983 гг.

Завершение десяти томной Истории русской литературы навело на мысль о дальнейшем углублении исследований, касающихся важнейших процессов, происходивших в русской литературе. И среди таких процессов наиболее значительным для тогдашнего литературоведения был признан процесс жанрообразования. Такое решение привело к включению в программу исследований Пушкинского Дома целого ряда трудов, посвященных истории отдельных жанров русской классической и советской литературы. С 1956 г. начинается разработка вопросов истории создания, формирования, развития жанров в русской литературе. Появляются «История русской критики» (1958), «История русского романа» (1962—1964), «История русской поэзии» (1968—1969), «Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра» (1973), «История русской драматургии» (1982, 1987). Эти исследования позволяют более четко наметить жанровые границы в литературе, сформулировать принципы их определения, наметить закономерности общего развития жанров и их место и роль в литературном процессе.

В программе исследований Пушкинского Дома большое место занимали и сейчас занимают проблемы романтизма и реализма, которые рассматриваются в историко-литературном и теоретическом плане. Заметным явлением в изучении романтизма стал вышедший в 1978 г. под редакцией К. Н. Григорьяна сборник «Русский романтизм». Особенности, принципы и характер формирования и развития реализма рассматриваются в сборнике «Проблемы реализма в русской литературе XIX века» (1961), в монографии Л. М. Лотман «Русский реализм 60-х годов XIX века» (1974), в книгах Г. М. Фридендера «Поэтика русского реализма» (1971) и «Реализм Достоевского» (1974); восприятию социалистических воззрений русской литературы критического реализма посвящена коллективная монография «Идеи социализма в русской литературе», в 1969 г. вышедшая под редакцией Н. И. Пруцкова. Своеобразную серию, посвященную важнейшим вопросам теории литературы, методологии и методики ее изучения, представляют собою монографические исследования Н. И. Пруцкова «Вопросы литературно-критического анализа» (1960), «Русская классическая литература и наша современность» (1965), «Русская литература XIX века и революционная Россия» (1971), «Историко-сравнительный анализ произведений художественной литературы» (1974). Все названные исследования подготовили условия для создания новой «Истории русской литературы» (в четырех томах), которая осуществлена на более высоком теоретическом, историко-литературном и методологическом уровне, для создания в будущем давно задуманных коллективных трудов «История русской сатиры», «Русский символизм» и др.

Обозрение исследований, посвященных началу XIX в. и творчеству Пушкина, сделанное в предшествующих главах, дает право

начать разговор об изучении отдельных периодов, процессов, явлений русского литературного развития XIX в. с творчества писателей-декабристов. Первые попытки изучения литературного наследия декабристов были сделаны в Пушкинском Доме в 20-е годы. В 1922 г. Пушкинский Дом печатает исследование И. А. Кубасова о декабристе А. И. Одоевском, с публикацией ранее неизвестных его стихотворений, год спустя под редакцией С. Я. Штрайха выходят сочинения и письма декабриста М. С. Лунина, а в 1925 г. появляется целый сборник неизданных материалов и статей, посвященных декабристам. Правда, этот сборник более принадлежит исторической науке, тем не менее здесь напечатано несколько интересных материалов, касающихся деятельности В. К. Кюхельбекера, К. Ф. Рылева, Д. И. Завалишина, а также статьи С. А. Переселенкова «Н. П. Огарев и декабристы» и Е. Б. Покровской «Достоевский о декабристах». Наконец, в 1926 г. выходит книга С. Я. Гессена и М. С. Когана «Декабрист Лунин и его время», с публикацией неизвестных статей и писем декабриста, и монография Б. Л. Модзалевского «Роман декабриста Каховского». Широкая постановка темы декабризма, даже с выходом за пределы литературной науки, была обусловлена, конечно, усилившимся после Октябрьской революции интересом к истории революционно-освободительного движения в целом, к движению декабристов в частности, а также стремлением пересмотреть устоявшиеся буржуазно-либеральные воззрения на этот этап революционно-освободительного движения в России, в том числе и в историко-литературном аспекте.

В 30-е годы декабристская тема в Пушкинском Доме уходит на второй план. Из работ о декабристах, подготовленных в это время, следует назвать, пожалуй, только обширную публикацию «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу» (1936). Исследование декабристской темы в послевоенные годы открывается книгой В. Г. Базанова о В. Ф. Раевском (1949) и в 50-е годы продолжается сборником «Декабристы и их время» (1951), вышедшим под редакцией М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха. Сборник содержит большой комплекс материалов по истории декабристского движения, а также ряд конкретных исследований, посвященных литературному творчеству декабристов, их связям с Пушкиным, описанию декабристских материалов в собраниях Пушкинского Дома. Названные труды заметно пополнили источниковедческую основу той части литературной науки, которая занимается изучением писателей-декабристов, и расширили возможности историко-литературного и теоретического осмысления их творчества.

Первым в нашем литературоведении исследованием, достаточно полно раскрывающим деятельность «Вольного общества российской словесности» и его связи с декабристским движением, является книга В. Г. Базанова «Ученая республика» — крупное документированное исследование преддекабристских и декабристских течений в русской литературе той эпохи. Эта книга вышла в 1964 г. С тех пор обращения к декабристской литературе в основном ограничиваются отдельными статьями в общеинститутских сбор-

Член-корреспондент АН СССР Н. К. Пиксанов.

никах и коллективных трудах, исследующих идеологическую и художественную стороны декабристского наследия, или дают общую характеристику этой литературы. Важной работой, посвященной декабризму, стал появившийся в 1975 г. под редакцией В. Г. Базанова и В. Э. Вацура сборник «Литературное творчество декабристов». В нем решаются общетеоретические и историко-литературные проблемы, касающиеся декабристской литературы и того литературно-исторического основания, на котором она возникла и сформировалась, а также публикуются сообщения и материалы, касающиеся литературного творчества и биографии писателей-декабристов.

Если обратиться к исследованиям Отдела новой русской литературы, посвященным отдельным писателям, то надо сказать, что самые крупные комплексы работ здесь связаны с именами тех писателей-классиков, академические издания которых Отдел на разных этапах своей деятельности готовил. Начнем хотя бы с Лермонтова. Публикация материалов о творчестве поэта началась еще в 20-е годы, а за четыре года до начала войны в Пушкинском Доме создается Лермонтовская группа с широкой программой исследований, в число

которых входит и подготовка академического собрания сочинений поэта. Именно в это время появляется первая библиография текстов Лермонтова, составленная под редакцией В. А. Мануйлова, идет работа над первыми томами академического собрания сочинений поэта, ведется подготовка к столетию со дня его гибели. Однако и этот юбилей, как и юбилей 1914 г., был сорван наступившей войной. Правда, некоторые издания, подготовленные к юбилею, все же вышли в свет. Появилось и несколько изданий Пушкинского Дома. Среди них прежде всего следует назвать лермонтовский том «Литературного наследия» (43—44). В этом томе намечены главные задачи изучения творчества и биографии Лермонтова, а в его историко-литературных и теоретических статьях исследуются проблемы фольклоризма лермонтовского творчества, восприятие его произведений русской критикой, изучаются особенности лермонтовского стиха и отношение поэта к западным литературам и западноевропейским литературным традициям. В это же время появился составленный В. Л. Бубновой, М. М. Калаушиным и П. Е. Корниловым каталог лермонтовской выставки в Ленинграде, а несколько месяцев спустя, уже после начала войны, выходит написанная В. А. Мануйловым брошюра «Великий поэт-патриот».

Следующий этап изучения наследия Лермонтова в Пушкинском Доме начинается, пожалуй, с 1948 г., когда выходит в свет второй лермонтовский том «Литературного наследия», который в отличие от первого, содержащего статьи и исследования с историко-литературным и теоретическим уклоном, заполнен публикациями и сообщениями, построенными на неизвестных ранее материалах. Этот том впервые за многие годы ввел в научный оборот большой комплекс сведений и фактов, касающихся биографии и творчества Лермонтова, открывавших перспективы для дальнейших лермонтовских исследований. Параллельно с разысканием новых материалов о Лермонтове ведется описание его рукописного наследия, в 1950 г. опубликованное во втором выпуске «Бюллетеня Рукописного отдела Пушкинского Дома». В 1953 г. появляется описание художественного наследия Лермонтова, сосредоточенного в Литературном музее Пушкинского Дома, а также изобразительных материалов, посвященных поэту; год спустя выходит первый том академического издания сочинений Лермонтова в шести томах. В дальнейшем интерес к Лермонтову не ослабевает, изучается его биография, художественная система, лермонтовские традиции в русской и советской литературе. Выходят «Статьи о Лермонтове» Б. М. Эйхенбаума (1961), сборник статей Д. Е. Тамарченко «Из истории русского классического романа (Пушкин, Лермонтов, Гоголь)» (1961), монографии К. Н. Григорьяна «Лермонтов и романтизм» и «Лермонтов и его роман „Герой нашего времени“» (1975), «Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова», составленная В. А. Мануйловым (1965), монография Т. П. Головановой «Наследие Лермонтова в советской поэзии» (1978).

Широта лермонтоведческих исследований позволила именно

Пушкинскому Дому обратиться к созданию первой в советском литературоведении персональной энциклопедии. Ею стала «Лермонтовская энциклопедия», в 1981 г. вышедшая в издательстве «Советская энциклопедия». Это первый свод знаний о Лермонтове, подводящий итоги деятельности нашей науки в этой области. Работа создавалась в Пушкинском Доме почти на протяжении двух десятилетий и впитала в себя результаты всех проводившихся здесь ранее лермонтоведческих исследований. Руководил этой работой известный знаток и исследователь Лермонтова доктор филологических наук В. А. Мануйлов. Значение «Лермонтовской энциклопедии» не ограничивается рамками лермонтоведения. Оно значительно шире, так как эта книга может и должна стать опытом и образцом для создания подобных работ, посвященных другим писателям и в первую очередь Пушкину.

Одновременно с «Лермонтовской энциклопедией» в Пушкинском Доме осуществлены еще два интересных лермонтоведческих замысла. Первый из них является плодом сотрудничества советских и американских лермонтоведов. В сборнике «М. Ю. Лермонтов. Материалы и исследования» (1979) впервые с достаточной полнотой изучены и представлены в широком контексте эпохи лермонтовские материалы (так называемые верещагинские альбомы), ныне хранящиеся в Колумбийском университете Нью-Йорка. Кроме названных материалов в сборнике публикуются многочисленные текстологические, источниковедческие и историко-литературные исследования, касающиеся разных этапов и явлений творческой биографии Лермонтова. По значению вводимых в научный оборот материалов о Лермонтове этот сборник является первым в послевоенные годы и наиболее значительным. Работы, в нем сосредоточенные, ликвидируют целый ряд белых пятен в изучении биографии и творчества поэта, заметно обогащая наши знания о Лермонтове. В 1985 г. вышел в свет «Лермонтовский сборник», продолжающий названное выше издание и подготовленный также при участии ученых из Соединенных Штатов Америки, которые опубликовали на его страницах материалы из Штутгартского архива (депешы выртембергского посланника), посвященные жизни и быту светского общества российской столицы во время пребывания в ней Лермонтова (А. Глассе), а также высказали соображения относительно источников «Русской песни» Лермонтова (Дж. Уилкинсон). В издании представлены проблемно-теоретические работы, в том числе посвященные вопросам метода и стиля, а также интерпретации отдельных произведений Лермонтова, раскрывающие его связи с литературной жизнью эпохи, вводящие в научный оборот неизвестные ранее архивные материалы.

Другой работой о Лермонтове, вышедшей несколько позже названного сборника, является составленная О. В. Миллер библиография литературы о поэте за 1917—1977 гг. Эта библиография восполняет большой пробел в лермонтоведческой литературе и будет способствовать ее дальнейшему изучению. Таким образом, лермонтоведение Пушкинского Дома и в прошлом и в настоящем живет

полнокровной творческой жизнью, то и дело передавая в руки читателю новые труды, которые порою составляют в нашей литературной науке событие или этап в ее развитии.

Более или менее систематическое изучение отдельных этапов или явлений русского литературного процесса XIX в. относится к 1934—1935 гг. и связано главным образом с началом работ по подготовке академических изданий сочинений Пушкина и Гоголя. В это время пристальное внимание в Пушкинском Доме привлечено к жизни и творчеству Гоголя. С одной стороны, готовилось первое академическое издание сочинений писателя, с другой — Гоголь был в числе наименее изученных писателей, и задачи Пушкинского Дома, включавшие в то время создание научной истории русской литературы, заставляли обратиться к серьезному изучению и публикации гоголевского наследия. И в этом отношении важнейшим явлением стали два тома издания «Гоголь. Материалы и исследования», вышедшие в 1936 г. под редакцией В. В. Гиппиуса. Видимо, предполагалось продолжение издания и превращение его в серийное, но этого не случилось, хотя работы по изучению наследия Гоголя продолжались. Значение гоголевского двухтомника в том, что он ввел в научный оборот довольно широкий круг рукописей и биографических материалов, наметил задачи изучения творчества Гоголя, осветил некоторые связи и отношения писателя с современниками и современным литературным движением, впервые детально представил отношение Ленина к наследию писателя и дал ряд источниковедческо-библиографических сводок, необходимых для дальнейшего исследования.

Однако в последующие годы интерес к творчеству Гоголя в Пушкинском Доме несколько снизился. К нему обращались неоднократно, но почти исключительно в рамках коллективных трудов («История русской литературы», «История русского романа» и др.), не предпринимая специальных исследований творчества писателя, если не считать описаний его рукописей и посвященных ему образительных материалов.

Одно из центральных мест в деятельности Пушкинского Дома по исследованию русской литературы XIX в. занимало и сейчас занимает творчество революционных демократов. Достаточно напомнить, что первая научная работа, созданная в Пушкинском Доме и опубликованная в 1914 г., была посвящена описанию рукописей Добролюбова. С тех пор наследие революционных демократов является предметом многочисленных исследований историко-литературного, источниковедческого или текстологического характера. В 1922 г. Пушкинский Дом издает по своим рукописным собраниям сборник ранее не издававшихся произведений и писем Некрасова; в 1924 г. появляется подготовленный Н. В. Яковлевым том писем Салтыкова-Шедрина, в 1927 г. — монография В. В. Буша о Г. Успенском; в 1932 г. публикуется ранее неизвестная часть литературного наследия Ф. Решетникова; наконец, в 1940 г. выходит в свет сборник «Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению», значительная часть которого посвящена Добро-

любому, Чернышевскому, Писареву. Им посвящены статьи, построенные на новых биографических материалах, творческих рукописях, эпистолярии. В предвоенные годы в Пушкинском Доме развертываются работы по подготовке академического издания сочинений Г. Успенского, в связи с чем и творчество этого писателя в общей системе исследований, в то время проводившихся Институтом, выдвигается на первый план, и работы о нем становятся рядом с работами о Пушкине и Лермонтове. Среди них прежде всего следует назвать сборник «Глеб Успенский. Материалы и исследования», вышедший в 1938 г. и обозначенный как первый том серии, посвященной писателю и сопровождающей издание его сочинений. Правда, серия не состоялась, а выпущенный том так и остался единственным, но тем не менее и он сыграл заметную роль как в изучении наследия Глеба Успенского, так и в подготовке его издания. Уже в послевоенные годы, после завершения издания сочинений Успенского, творчество его в разных аспектах исследуется в коллективных трудах Института, ему посвящаются статьи Н. И. Пруцкова и его монографии «Глеб Успенский семидесятых—начала восьмидесятых годов» (1956), «Творческий путь Глеба Успенского» (1958), во многом подводящие итоги изучения биографии и литературного наследия писателя.

Среди революционных демократов постоянное место в исследованиях Института занимает Некрасов. Публикация текстов Некрасова, собрание посвященных ему образительных материалов велось в Пушкинском Доме в 20-е и 30-е годы, но углубленное изучение его биографии и творчества началось лишь в конце 40-х годов. Именно в это время в Институте складывается Некрасовская группа, работающая здесь и поныне. Инициатором ее создания был известный советский литературовед — исследователь биографии и творчества Некрасова В. Е. Евгеньев-Максимов. Итоги работы его над изучением наследия поэта подведены им в монографии «Творческий путь Н. А. Некрасова», в 1953 г. изданной Пушкинским Домом. В. Е. Евгеньев-Максимов был инициатором и организатором Некрасовских конференций, проводимых с 1950 г. (сначала совместно с Некрасовским музеем). Эти конференции имели и сейчас сохраняют свое большое научно-общественное значение, выполняя задачи как пропаганды и популяризации наследия Некрасова, так и его изучения. С 1950 г. проведено 20 некрасовских конференций, ставших регулярными и сейчас проводимых один раз в два года. По материалам этих конференций были выпущены первые «Некрасовские сборники». Это издание стало серийным (вышло в свет девять томов). Таким образом, некрасоведение Пушкинского Дома, сосредоточенное в его Некрасовской группе, в послевоенные годы выполняет не только научные, но и организационные задачи, объединяя вокруг себя некрасоведов страны и координируя их деятельность. Работа Некрасовской группы (руководитель Ф. Я. Прийма), направленная на организацию исследований творчества и биографии Некрасова, позволила в середине 70-х годов обратиться к созданию академического собрания сочинений поэта.

Одновременно с Некрасовым в сферу исследований входит творчество Салтыкова-Щедрина. Первые публикации щедринских документов появляются в Пушкинском Доме в 20-е годы. Сразу же после войны творчество Салтыкова-Щедрина быстро становится предметом пристального внимания. С. А. Макашин создает первую часть научной биографии сатирика, в 1950 г. удостоенной Государственной премии. Одновременно выходят в свет описание рукописей Салтыкова-Щедрина, библиографии его произведений и литературы о нем, дореволюционной и советской. В 1959 г. появляется монография А. С. Бушмина «Сатира Салтыкова-Щедрина», рассматривающая сатирическое наследие Салтыкова-Щедрина в его эволюции и определяющая художественные принципы реализма великого сатирика.² Исследования творчества Салтыкова-Щедрина в Пушкинском Доме создали предпосылки и основания для начала работ по подготовке академического издания его произведений. Такое издание и было осуществлено, но без полного свода вариантов, издательством «Художественная литература» в 1965—1977 гг. Эта работа стала первым опытом сотрудничества Института по подготовке научного издания классического наследия с внеакадемическим издательством. Из работ 60—70-х годов, специально посвященных Салтыкову-Щедрину, следует назвать монографию К. Н. Григорьяна о романе «Господа Головлевы» (1962), посвященный писателю сборник, выпущенный к 150-летию со дня его рождения, монографию В. А. Мыслякова «Салтыков-Щедрин и народническая демократия» (1984).

Несколько реже, чем к творчеству Некрасова или Салтыкова-Щедрина, обращается Институт к наследию Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Это объясняется тем, что их наследие находится в сфере критики, философии, социологии и касается многих проблем, выходящих за пределы художественного творчества. Тем не менее в Пушкинском Доме создается описание их рукописей и посвященных им изобразительных материалов, публикуются их письма и не печатавшиеся ранее произведения; общие характеристики их литературной и литературно-критической деятельности появляются в разных вариантах «Истории русской литературы», в «Истории русской критики», издается академическое Собрание сочинений Белинского, выходит первый том посвященного Белинскому трехтомника «Литературного наследия» (последующие два тома вышли уже после передачи издания Отделению литературы и языка АН СССР), издается монография Л. А. Плотника о Писареве (1955), Б. И. Бурсова — о Чернышевском-критике (1951), большой коллективный труд о Чернышевском, подготовленный к 150-летию со дня его рождения и вышедший в свет в 1979 г.

Весь комплекс исследований, посвященных революционной демократии, свидетельствует о широких возможностях Института

² После смерти А. С. Бушмина первая часть монографии о Щедрине («Эволюция сатиры Салтыкова-Щедрина») была издана отдельной книгой (Л., 1984), а вторая перепечатана в его книге «Художественный мир Салтыкова-Щедрина» (Л., 1987).

Всесоюзная научная конференция,
посвященная 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского.

В президиуме писатель Г. И. Коновалов, академик А. С. Бушмин, академик М. П. Алексеев.

в этой области и о значительных результатах, достигнутых в прошлом. Их значение подтверждается хотя бы тем фактом, что именно Пушкинский Дом вышел на тот уровень в изучении революционных демократов, когда стало возможно осуществление академических изданий сочинений Глеба Успенского, Белинского, Некрасова, Салтыкова-Шедрина. Теперь все их литературное, литературно-критическое эпистолярное наследие введено в научный и читательский оборот, и сделано это в Пушкинском Доме.

Пушкинский Дом внес крупный вклад в изучение творчества Тургенева и Достоевского. Первые публикации тургеневских материалов в Пушкинском Доме появились в 1922 г., а год спустя вышла в свет книга «И. А. Гончаров и И. С. Тургенев», содержащая публикацию 12 писем Гончарова к Тургеневу из архива П. В. Анненкова. В дальнейшем в довоенные годы обращения к творчеству Тургенева были не часты, хотя в 30-е годы в Институте существовала Тургеневская группа, которая готовила к печати письма писателя и посвященный ему сборник, но эти труды не были завершены, а группа постепенно прекратила свое существование. В послевоенные годы обращения к творчеству Тургенева в основном связаны с работами по подготовке академического издания Полного собрания сочинений и писем Тургенева, начатого в 1956 г. Это издание стимулировало уровень и размах тургеневедческих исследований не только в Пушкинском Доме, но и во всем советском литературоведении. Это объясняется прежде всего тем обстоятельством, что издание ввело в оборот множество неизданных

материалов, объединило вокруг себя широкий круг тургеноведов и тем самым открыло перспективы для дальнейшего развития тургеноведения, советского и зарубежного. В Пушкинском Доме в это время, помимо пяти томов «Тургеневских сборников», подготовлена и издана библиография советской тургеноведческой литературы (1970), завершены первые два тома летописи жизни и творчества писателя, вышли монографии А. И. Батюто «Тургенев-романист» (1972), Л. Н. Назаровой «Тургенев и русская литература конца XIX—начала XX века» (1979), Н. Ф. Будановой «Роман И. С. Тургенева „Новь“ и революционное народничество 1870-х годов» (1983), сборники «Тургенев и его современники» (1977), «Тургенев. Вопросы биографии и творчества» (1982); наконец, в 1979 г. появляются первые тома второго издания Полного собрания сочинений и писем Тургенева, значительно дополненного и исправленного.

Обращение к творчеству Достоевского в Пушкинском Доме датируется 1921 г., когда была проведена здесь выставка, посвященная столетию со дня рождения писателя. Однако первым серьезным обращением к творчеству Достоевского в Пушкинском Доме следует считать главу о писателе в VIII томе «Истории русской литературы» (1955). Крупные исследовательские силы в этой области литературоведения сосредоточились к концу 60-х годов, когда состоялось решение о подготовке академического издания Полного собрания сочинений Достоевского в 30 томах. В 1970—80-х гг. написаны монографические исследования Г. М. Фридлендера, В. Е. Ветловской, Е. И. Семеновй, В. А. Туниманова, появились сопровождающие академическое издание сборники «Достоевский. Материалы и исследования» (тт. I—VIII. 1974—1988), в первую очередь ставящие своей целью изучение поэтики Достоевского, его идеологии, роли и значения в русской литературе, сборники «Достоевский и его время» (1971) и «Достоевский в зарубежных литературах» (1978). Издание сочинений Достоевского явилось стимулом к оживлению исследования наследия писателя. Это и понятно: подготовка академического издания всегда акцентирует внимание на творчестве издаваемого писателя, в то же время объединяя крупные силы специалистов в этой области, которые продолжают функционировать и после завершения издания.

В Пушкинском Доме много внимания уделяется изучению наследия Льва Толстого. Первые посвященные Толстому публикации — письма писателя — появились в трудах Пушкинского Дома в 1922 г., в 1929 г. выходит отдельным изданием переписка Л. Толстого и В. В. Стасова, в 1954 г. издается описание толстовских изобразительных материалов из Литературного музея Пушкинского Дома. Первые обращения к творчеству Толстого ограничиваются областью источниковедения, лишь в 60—70-е годы появляются в Пушкинском Доме серьезные историко-литературные и теоретические исследования наследия великого писателя: в 1962 г. выходит монография Н. Н. Арденса (Н. Апостолова) о Толстом, в 1963 г. — книга Б. И. Бурсова «Лев Толстой и русский роман», в 1966 г. — исследование Е. Н. Купреяновой «Эстетика Л. Н. Толстого», в 1981 г. — книга Г. Я. Галаган

«Л. Н. Толстой. Художественно-этические искания»; наконец, ряд обобщающих работ помещается в коллективных трудах по истории жанров и по истории русской литературы в целом. Завершает толстовский цикл исследований вышедший в 1979 г. сборник «Л. Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль», изданный Пушкинским Домом к 150-летию со дня рождения Толстого.

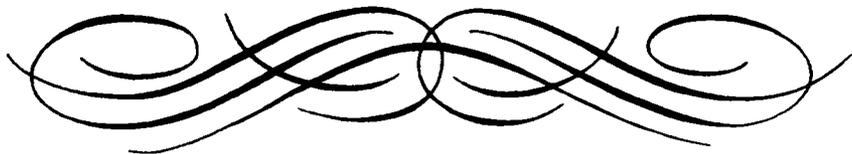
Деятельность Пушкинского Дома по изучению наследия русской литературы XIX в. творчеством названных писателей никогда не ограничивалась. Ряд исследований посвящен здесь Гончарову и Островскому. Среди них монография Н. И. Пруцкова «Мастерство Гончарова-романиста» (1962), монография Л. М. Лотман «А. Н. Островский и русская драматургия его времени» (1961), биографии К. Д. Муратовой и А. Д. Алексеева, «Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова», составленная А. Д. Алексеевым, сборник «А. Н. Островский и литературно-театральное движение XIX—XX веков», цикл работ о русских писателях-маринистах, в том числе монография о К. М. Станюковиче, написанная В. П. Вильчинским. Проблеме взаимоотношений русской литературы с литературами народов СССР посвящены монографии Ф. Я. Приймы «Шевченко и русская литература XIX века», удостоенная Ленинской премии, и К. Н. Григорьяна «В. Я. Брюсов и армянская поэзия» (1962).

Русская литература конца XIX—начала XX в. изучается в Пушкинском Доме главным образом в связи с творчеством писателей-реалистов, работавших в эту эпоху. В коллективных трудах и сборниках немало работ о Толстом, Горьком, Блоке, Брюсове, Бунине, Андрееве, в изданиях источниковедческого характера публикуются материалы, в том числе биографические и эпистолярные, дополняющие существующие представления о литературном движении этого сложного и противоречивого времени, о творчестве его выдающихся деятелей. Еще в 1956 г. под редакцией В. А. Десницкого и К. Д. Муратовой выходит в свет сборник «Революция 1905 года и русская литература», а в 1972 г. появляется труд «Судьбы русского реализма начала XX века», а в 1987 г. — первый том серийного издания «Александр Блок. Материалы и исследования», возникшего в процессе подготовки академического собрания сочинений А. Блока. В этих книгах рассматриваются идеологические и художественные аспекты русской литературы XX в., выясняется ее роль в общественном и революционном движении в стране, исследуются предпосылки, условия и закономерности зарождения нового художественного метода — метода социального реализма.

На всех этапах развития Пушкинского Дома как научного учреждения литература XIX в. занимала в его деятельности ведущее положение. На литературу этой эпохи Пушкинский Дом был ориентирован при его создании, ей посвящаются его основные усилия на всем протяжении 75-летнего существования этого культурного и научного центра. Академические издания сочинений русских классиков. фундаментальные труды по истории рус-

ской литературы, по истории ее отдельных жанров, источниковедческие и библиографические издания, сборники и монографии, посвященные выдающимся русским писателям XIX в., — таковы итоги работы Пушкинского Дома по изучению золотого века русской литературы, вобравшего в себя все достижения литературной и эстетической мысли предшествующих эпох и создавшего предпосылки для развития современной литературы, литературы социалистического реализма.

ИЗДАНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Научной текстологией, в ее теоретическом и практическом вариантах, в Пушкинском Доме стали заниматься значительно раньше, чем во всех других научных учреждениях страны. И это не удивительно, потому что Пушкинский Дом уже в первые десятилетия своего существования накопил обширный опыт изучения источников и их научной публикации, необходимый для перехода к регулярным и сложным текстологическим работам, какими являются сейчас широко известные в стране академические издания сочинений классиков русской литературы.

Научные принципы изучения рукописного текста, система его комментирования и публикации формировались в Пушкинском Доме на протяжении десятилетий в процессе повседневной деятельности по разбору, описанию и хранению рукописей, а также в ходе подготовки многочисленных сборников, альманахов, отдельных и серийных изданий, посвященных публикации неизвестных или забытых памятников русской литературы и общественной мысли, особенно характерных для Пушкинского Дома в 20-е годы.

Первые опыты изучения и публикации текста в Пушкинском Доме были сделаны еще до Октябрьской революции и помещены в его «Временниках» (1914, 1915) и в труде, посвященном А. А. Григорьеву. Позднее, в 20-е годы, источниковедческо-текстологические исследования и издания во многом определяют профиль Пушкинского Дома и общее направление его деятельности. Эти работы, широко поставленные в Пушкинском Доме, отличались многообразием форм и содержания, уровнем и особенностями научной подготовки и своим назначением. Среди них научные издания ранее уже публиковавшихся произведений А. С. Пушкина («Гавриилиада», «Домик в Коломне») и В. Л. Пушкина («Опасный сосед»), несколько выделяющиеся среди других публикаций Пушкинского Дома и ближе стоящие к тем требованиям, которые сегодня предъявляются к академическим изданиям. Помимо произведений А. С. и В. Л. Пушкиных в это время

осуществляется целый ряд изданий, посвященных другим представителям русского литературного движения и заключающих их неизданные произведения, взятые преимущественно (или исключительно) из собраний Пушкинского Дома. Первоначально внимание акцентируется на пушкинской эпохе — это характерно для Пушкинского Дома 20-х годов в целом, — но постепенно и настойчиво в сферу исследований и публикаций входят явления русской литературы, относящиеся к более позднему времени.

Усиленное внимание к Пушкину и его окружению обусловлено задачами Пушкинского Дома, сформулированными Положением о нем. Исследования в этой области во многом подготовили совершившийся десятилетием позже переход от практики отдельных публикаций или собраний публикаций к созданию первого в советской науке академического собрания сочинений Пушкина. А пока в осуществлявшейся тогда серии «Трудов Пушкинского Дома» выходят неизданные стихотворения Дельвига (1922), дважды печатаются пушкинские материалы из собрания А. Ф. Онегина (1922, 1923), появляются сочинения и письма декабриста М. С. Лунина (1923), издаются сборники публикаций, посвященные декабристам (1925), а также причинам и обстоятельствам последней дуэли Пушкина (1924). Публикации эти сопровождаются, как правило, всесторонним изучением текста, а иногда превращаются в самостоятельное исследование, где обнаруженное произведение становится лишь одним из компонентов труда в целом. С пушкинской эпохой в своей значительной части связаны и сборники публикаций, альманахи и серийные издания, в это время создаваемые в Пушкинском Доме. Одни из них полностью посвящены Пушкину и его современникам («Литературные портфели», вып. I. 1923), в других, несмотря на преимущество пушкинских материалов, исследование распространяется на более поздние эпохи, завершаясь обращением к творчеству Тургенева («Атеней», кн. III. 1926), Л. Толстого («Сборник Пушкинского Дома на 1923 год». 1922), Чехова («Радуга», Альманах Пушкинского Дома. 1922) и как бы подчеркивая широту интересов Пушкинского Дома, выходящих за пределы пушкинской эпохи и позволяющих обращаться к позднейшим этапам русского литературного развития. В этих трудах, посвященных Тютчеву, Островскому, Некрасову, Салтыкову-Щедрину, Тургеневу, Гончарову, Короленко, в значительной степени содержащих комментированную публикацию эпистолярного наследия писателей, порою намечается переход от обычной публикации к сборнику, который, заключая — помимо публикаций — проблемные исследования, не обязательно построенные на вновь найденных материалах, будет характерен для более поздних этапов деятельности Пушкинского Дома. Именно такие сборники, посвященные Радищеву (1936), Гоголю (1936), Глебу Успенскому (1938), предшествовали академическим изданиям сочинений этих писателей. Более поздние и сейчас продолжающиеся серийные издания, посвященные Пушкину и Некрасову, пред-

варяют и сопровождают подготовку академического издания их сочинений, другие возникают в процессе создания академического издания и заключают сопутствующие или не вошедшие в издание материалы («Тургеневский сборник», «Достоевский. Материалы и исследования»).

Особое место в общей системе источниковедческо-текстологических исследований имеет серийное издание «Литературный архив», шесть томов которого, вышедшие в 1938—1961 гг., ввели в оборот огромное количество материалов по истории русской литературы и русского освободительного движения. Это издание, публиковавшее исключительно материалы Рукописного отдела Пушкинского Дома, осуществлялось параллельно с подготовкой академических изданий сочинений Радищева, Пушкина, Гоголя, Белинского, Лермонтова, учитывало их текстологические достижения; в то же время названные академические издания использовали опыт «Литературного архива», особенно в области изучения, комментирования и публикации эпистолярного наследия русских классиков.

Важное значение в развитии текстологии в Пушкинском Доме сыграли издания эпистолярного наследия русских писателей, особенно писем Пушкина. Это фундаментальное издание было задумано и частично (два тома) осуществлено Б. Л. Модзалевским (1926, 1927), продолжено его сыном Л. Б. Модзалевским (1935). Завершена эта работа была лишь в 1969 г., когда вышла в свет «Письма последних лет» Пушкина под редакцией Н. В. Измайлова. Изучение писем Пушкина с точки зрения биографии поэта и его связи с литературным и общественным движением эпохи «достигло вершины в комментированном издании писем под редакцией Б. Л. Модзалевского. Составленный им подробный комментарий дает множество сведений, касающихся жизненного пути Пушкина и лиц его окружения, и вводит читателя в круг понимания личных, литературных, исторических и иных отношений Пушкина и его корреспондентов».¹ Это издание по обилию содержащихся в нем сведений и историко-литературных материалов представляет собою своеобразную энциклопедию пушкиноведения, что, впрочем, с некоторыми оговорками может относиться и к двум томам, вышедшим позднее под редакцией Л. Б. Модзалевского и Н. В. Измайлова. Конечно, система комментирования за последние 50 лет сильно эволюционировала, но тем не менее работа Б. Л. и Л. Б. Модзалевских сохраняет свою роль как свод конкретных разысканий по истории литературно-общественной жизни России пушкинской эпохи. И в этой своей роли они важны и значительны для любого сегодняшнего или будущего исследователя Пушкина, особенно занимающегося проблемами его биографии и комментирующего его сочинения.

Почти три десятилетия работы Пушкинского Дома, направленной главным образом на развитие источниковедческо-текстологи-

¹ Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. С. 530.

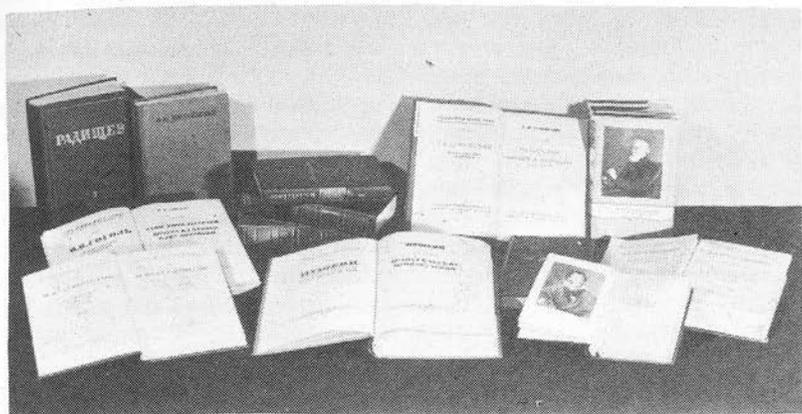
ческих аспектов тогдашнего литературоведения, особенно пушкиноведения, позволили в середине 30-х годов, после долгих обсуждений и предварительной подготовки, приступить к работе над первым советским академическим изданием — изданием сочинений Пушкина. Решение об этом издании было принято еще в 1932 г., а работа над ним началась в 1933 г., когда была проведена в Пушкинском Доме конференция пушкинистов, которая обсудила текстологические и организационные вопросы, основные принципы издания.

Издание Полного собрания сочинений Пушкина в 16 томах, осуществленное в 1937—1949 гг. (с дополнительным 17-м томом, вышедшим в 1959 г.), является важнейшим текстологическим опытом в нашей науке. Основные принципы, выработанные в процессе подготовки этого издания, сохраняют свое значение в текстологической практике и сегодня. Правда, издание это осталось незаконченным, в результате чего оно далеко не всегда дает полные и точные ответы на вопросы, касающиеся источниковедческой и текстологической сторон пушкинского наследия. В него не вошли сделанные «рукою Пушкина» записи фольклора, расчеты и планы изданий, выписки из книг, пометы, конспекты, но все эти материалы в 1935 г. были изданы Пушкинским Домом.² Существеннейшим же недостатком издания является отсутствие комментария, текстологического, историко-литературного и реального, а поэтому для читателя остаются труднодоступными все его текстологические достижения: изменения текста, по сравнению с предшествующими изданиями, передатировки произведений, данные без соответствующих обоснований. Для выяснения некоторых новаций, введенных в текст, необходимо проделывать большую работу. Между тем эта работа уже проведена готовившим произведение текстологом, но результаты ее, которые и должны составлять комментарий, не были опубликованы.

Несмотря на свою незавершенность, это издание стало этапным событием в советском пушкиноведении. «Выработка критически установленного основного текста, в особенности текста, извлеченного из рукописей, анализ черновигов, исследование истории текста и создания отдельных произведений — все эти вопросы эдиционной практики и истории новой литературы получили в академическом издании Пушкина прочное обоснование, новые, более совершенные методы разрешения, стали глубже связаны с современной литературной методологией».³ Именно здесь разработана система изучения рукописи, в настоящее время применяемая в академических изданиях. В чем заключается эта система? Чтобы ответить на этот вопрос, надо иметь в виду, что предшествующая пушкинскому изданию текстология воспринимала черно-

² Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л.: Academia, 1935.

³ Пушкин: Итоги и проблемы изучения. С. 588.

Академические издания сочинений классиков русской литературы, подготовленные в Пушкинском Доме.

вую рукопись как нечто неподвижное, не отражающее процесса творческого мышления писателя. По справедливому замечанию Н. В. Измайлова, она смотрела на черновик как на «бесформенную сеть отдельных, бессвязных отрывков слов или фраз, не составляющих ничего цельного и почти не поддающихся осмысленному прочтению».⁴ Система же изучения черновой рукописи, разработанная в пушкинском издании, исходит прежде всего из того, что рукопись отражает процесс творческого мышления поэта. Только вскрыв его общее направление, можно вести дальнейшее изучение роли и значения вариантных текстов, восстанавливать их отношения с определенной редакцией и между собой. Предложенная текстологами пушкинского издания система, отличаясь строгой научностью и простотой, позволяла анализировать и раскладывать текст, выяснять принадлежность и связь вариантов и, наконец, устанавливать так называемую сводку чернового текста, которая «отражает заключительный момент творческой работы над данной рукописью».⁵ Эта система позволила ввести в научный оборот все известные в то время рукописи поэта во всех их редакциях и с полным воспроизведением всех вариантов к ним, т. е. здесь удалось раскрыть для читателя полное содержание рукописного фонда на всех этапах творческой работы Пушкина и дать максимальное количество материалов для истории текста. Рукописей Пушкина насчитывается свыше 1700, и все они в научно обработанном виде вошли в издание. В их прочтение до нашего времени практически не внесено существенных изменений. Это придает пушкинскому изданию значительную ценность, и сейчас никакая научная или издательская работа в области пуш-

⁴ Там же. С. 581.

⁵ Там же. С. 582.

киноведения немыслима без обращения к нему. В этом главное достоинство издания, внесшего много нового в понимание текста как отражение творческого процесса.

Другое достоинство пушкинского издания заключается в том, что здесь теоретически и практически решен вопрос об установлении текста произведений, при жизни поэта не публиковавшихся и не сохранившихся в рукописях, т. е. произведений, дошедших до нас в списках или поздних записях. Это главным образом эпиграммы и стихотворения общественно-политического характера (послание в Сибирь, послание к П. Чаадаеву и др.), т. е. те произведения, тексты которых, печатаясь по разным спискам, отличались наибольшим количеством разночтений, в этом издании сведенном до минимума.

Пушкинское издание, несмотря на отсутствие комментария, имеет важное значение для дальнейшего изучения наследия великого поэта, для развития нашей эдиционно-текстологической практики и ее теоретической основы. Тем не менее создание комментированного академического издания сочинений Пушкина по-прежнему остается одной из главнейших задач советской литературной науки, к решению которой в настоящее время приступает Пушкинский Дом.

В 1930-е годы в Пушкинском Доме усиленно развиваются текстологические исследования. Параллельно с пушкинским изданием идет подготовка очередных томов сочинений Радищева и Гоголя. В 1937 г. вместе с первым томом пушкинского издания появляется и том Полного собрания сочинений Гоголя, а год спустя, в 1938 г., выходит в свет первый том сочинений Радищева. Развитие текстологии, как и всех других исследовательских работ в Пушкинском Доме, было оборвано войной и возобновилось лишь в послевоенные годы. Темп и научный уровень развития текстологии, заданные исследованиями, посвященными Пушкину, Гоголю, Радищеву, позволили быстро наладить продолжение этих работ после войны, а по их завершении перейти к новым и на протяжении нескольких десятилетий создать серию академических изданий сочинений русских классиков XIX в.

Наряду с пушкинским изданием важнейшей работой, которую пришлось завершать в послевоенные годы, стало Полное собрание сочинений Гоголя. Задуманное в 30-х годах в 15 томах, это издание было завершено к столетию со дня смерти писателя, в 1952 г. Оказалось, однако, что с точки зрения полноты и комментирования издание не вполне отвечает академическим требованиям. Во-первых, в издание не вошли некоторые уже известные к тому времени гоголевские материалы, в том числе записи сделанных им народных песен, его религиозные сочинения; кроме того, в этом издании редакционным коллективом порою слишком переоценено значение рукописных редакций. В ряде случаев первоначальные рукописные редакции здесь неосновательно предпочтены печатным, что привело к спорности решения некоторых текстологических проблем и к необходимости возвращения к ним в так назы-

ваемом академическом издании художественных сочинений Гоголя в пяти томах, осуществленном Пушкинским Домом в 1951—1952 гг. Впрочем, надо сказать, что многие проблемы гоголевской текстологии не решены и до сих пор, а поэтому задача обновления академического издания Гоголя или выпуска нового издания академического типа остается одной из важных задач современной текстологии.

Параллельно с работой над изданием Гоголя завершается создание 14-томного Полного собрания сочинений Глеба Успенского. Работа над ним началась еще в середине 30-х годов (первый том вышел в 1940 г.). Это первое обращение Института к изданию сочинений писателей второй половины XIX в. Конечно, как и все остальные издания академического типа, это издание наиболее полное из всех предшествующих, но вместе с тем — в отличие от изданий Пушкина и Гоголя — варианты, а также печатные и рукописные редакции даются здесь только в том случае, если они имеют самостоятельное историко-литературное и художественное значение. Немало в нем и спорных текстологических решений. Это объясняется текстологической неупорядоченностью наследия писателя, который сам многократно редактировал свои произведения, переносил их из цикла в цикл, из сборника в сборник. Все это требует дальнейшего научного рассмотрения. Вместе с тем это первое научное издание, по возможности очищенное от цензурных купюр и искажений. Оно сыграло важную роль в изучении не только творчества Глеба Успенского, но и всей революционно-демократической литературы эпохи.

Завершение начатых перед войной изданий и дальнейшее развитие текстологических исследований в Пушкинском Доме во многом предопределили особенности формирования этой отрасли литературной науки, которая в послевоенные годы заняла одно из важнейших мест в деятельности Института. В это время Пушкинский Дом обращается к новым крупным текстологическим работам, среди которых прежде всего следует назвать Полное собрание сочинений Белинского в 13 томах, осуществленное в 1953—1959 гг., и Полное собрание сочинений Лермонтова в 6 томах, изданное в 1954—1957 гг. Работа над академическим собранием сочинений Лермонтова началась еще до войны, когда в Пушкинском Доме была создана Лермонтовская группа под руководством Б. М. Эйхенбаума, которая и подготовила к печати один из томов — прозу Лермонтова. Том этот в связи с началом войны в свет не вышел, и работу над изданием после окончания войны пришлось начинать заново. Она была возобновлена в 1952 г. и закончена в конце 1955 г. Издание Лермонтова имеет важное значение с точки зрения исследования текстов. Здесь впервые вскрыт процесс творческой работы Лермонтова, точно определены ее конечный результат и все это зафиксировано в полном своде вариантов и редакций, представленных читателю в наиболее ясных и усовершенствованных формах подачи материала. Анализ

источников позволил внести исправления в основной текст ряда произведений («Сашка», «Смерть поэта», «Герой нашего времени»), уточнить некоторые датировки. На основе шеститомного издания в 1954—1958 гг. осуществлено издание сочинений Лермонтова в 4-х томах, отличающееся более кратким комментарием и не включающее всех рукописных вариантов и редакций. В 1979—1981 гг. это четырехтомное собрание сочинений переиздано с новым, пересмотренным и более пространным комментарием.

Издание сочинений Белинского создавалось под руководством редколлекции во главе с членом-корреспондентом АН СССР Н. Ф. Бельчиковым. Надо сказать, что работа над этим изданием началась почти одновременно с выходом в свет последнего тома Полного собрания сочинений Белинского, которое было начато в 1900 г. С. А. Венгеровым и завершено в 1948 г. В. С. Спиридоновым. Совпадение, на первый взгляд, странное, но надо иметь в виду, что венгеровское издание не имело последовательных и четких принципов. Его научная часть за 50 лет заметно устарела и не соответствовала уровню исследований середины XX в. Кроме того, в издании отсутствовали письма, не был с достаточной точностью установлен корпус произведений Белинского. Все это требовало повторного обращения к наследию великого критика. 10 декабря 1947 г., накануне 100-летия со дня смерти Белинского, Совет Министров СССР принял решение о новом издании его сочинений, которое и было поручено Пушкинскому Дому.

Если издание Пушкина или начатое в 1954 г. издание Лермонтова отличаются тем, что, представляя все источники текста, раскрывают процесс творческой работы поэтов, то издание Белинского, рукописи которого сохранились в своей незначительной части, ценно прежде всего уточнением круга произведений, принадлежащих Белинскому: в состав Полного собрания сочинений введено свыше десяти статей и рецензий, ранее в изданиях Белинского не включавшихся, здесь впервые в полном объеме представлено эпистолярное наследие великого критика, редакторские заметки и примечания, создан раздел *dubia* — в нем помещены материалы, принадлежность которых Белинскому не доказана окончательно. Большая исследовательская работа, проведенная при подготовке издания, позволила исключить из корпуса ряд статей и рецензий, не принадлежащих Белинскому. Результаты этой работы изложены в опубликованных здесь списках статей, ошибочно приписывавшихся Белинскому, а также в перечне утраченных его писем. Таким образом, концентрация всего художественного, литературно-критического и эпистолярного наследия Белинского и по возможности полное определение его состава — такова важнейшая задача этого издания, сохраняющего свое научное значение и сегодня. Однако и это издание вряд ли можно назвать идеальным. И в него вошли статьи, вызывающие сомнения в принадлежности Белинскому, а, кроме того, краткость комментария, слитность его не отвечает тем требованиям, которые предъявляются к примечаниям в академических изданиях. Ряд ошибок и неточностей

этого издания исправлен в осуществленном недавно девятом издании, выпущенном издательством «Художественная литература».

Крупнейшей вехой в процессе становления академического типа изданий является осуществленное в 1960—1968 гг. Полное собрание сочинений и писем Тургенева в 28 томах. Издание было задумано в середине 50-х годов. Организатором и его главным редактором выступил академик М. П. Алексеев, автор многочисленных и блестящих работ, посвященных творчеству И. С. Тургенева, а текстологическую комиссию возглавлял Н. В. Измайлов. Это первое в нашей практике академическое издание, подразделенное на две серии: первая включает произведения художественные и критико-публицистические, вторая — эпистолярные. Такое подразделение, принятое позднее в изданиях М. Горького, Ф. Достоевского, А. Чехова, обусловлено обширностью читательской аудитории (тираж первой серии многократно превышает тираж второй) и необходимостью ориентировать издание на разные круги читателей.

Каждое издание имеет, как правило, свои характерные черты, в общем следуя тем главным принципам, которые отличают академический тип издания от всех остальных. В издании сочинений Тургенева впервые проведено текстологическое изучение произведений писателя с привлечением рукописей, ранее в научный оборот почти не включавшихся, в том числе из фондов Национальной библиотеки в Париже; здесь впервые опубликован ряд редакций, планов, набросков, вариантов, ранее неизвестных, среди которых шесть стихотворных отрывков 1838 г., план романа «Два поколения», перечень действующих лиц неосуществленного рассказа «Учителя и гувернеры», фрагменты незавершенной повести, начинающейся словами «Был осенний тусклый день», и многое другое. Важнейшее значение для познания эпохи и изучения биографии и творчества писателя имеют письма, сосредоточенные в 13 томах второй серии. В издании напечатано 6264 письма за 1831—1883 гг., в которых 1638 писем в этом издании впервые увидели свет. Это самое полное собрание писем Тургенева, хотя и не предельно полное: в него не вошли многие письма, ранее не публиковавшиеся, автографы которых для редакции оказались по разным причинам в то время недоступными.

Издание сочинений Тургенева характеризуется, как и другие академические издания, точностью установления и воспроизведения текста, введением в оборот неизвестных ранее произведений, их редакций и вариантов. В нем все же сделаны некоторые отступления от основных принципов академического издания, эти отступления касаются полноты в публикации наследия писателя. Издание не включает произведения Тургенева на иностранных языках и многочисленные переводы на французский и немецкий языки, сделанные писателем. Не попали в него разные редакции комических опер, либретто, сценариев, исполнявшихся на сцене домашнего театра или никогда не ставившихся, переводы на

французский язык материалов для музыкально-исполнительской деятельности П. Виардо, переводы из Пушкина, Лермонтова, Голя, выполнявшиеся Тургеневым, иногда в содружестве с Луи Виардо. По разным причинам не вошли эти произведения в состав издания, но главная из них заключается в полной неизученности и неподготовленности их для включения в подобное издание. Не вошли в него и некоторые черновые редакции произведений писателя: Учитывая характер тургеневского наследия и не имея возможности ввести в собрание сочинений многочисленные материалы, дополняющие и углубляющие наше представление о творчестве Тургенева, редакция пришла к выводу о необходимости параллельного с собранием сочинений издания «Тургеневских сборников». Таких сборников в 1964—1969 гг. вышло пять. Как отмечал в предисловии к первому из них главный редактор издания академик М. П. Алексеев, сборники такого рода призваны публиковать все то, что «не могло войти в 28-томное издание, а также все то, что не получило надлежащего освещения в его комментариях или может служить существенным подспорьем для дальнейшего истолкования обнародованных в нем текстов».⁶ На первом месте, таким образом, в сборниках оказались публикации черновых рукописей Тургенева («Стено», «Нахлебник», «Месяц в деревне», «Постоялый двор», «Яков Пасынков», «Довольно», «Ася», «Призраки» и др.), а также планы-конспекты и перечни действующих лиц, материалы и комментарии к произведениям Тургенева, включающие публикации и исследования, касающиеся творческой истории отдельных произведений, участия Тургенева в литературной борьбе эпохи, откликов международной критической мысли на его выступления, процесса восприятия наследия Тургенева в разных странах и пр. Это значительно углубляло комментарии собрания сочинений и давало возможности и источниковедческий материал для дальнейших исследовательских обобщений. Интересна часть «Тургеневских сборников», связанная со второй, эпистолярной серией издания. В ней сосредоточены публикации писем к Тургеневу и посвященных писателю фрагментов из переписки современников, не только дополняющих тургеневский эпистолярный, но и дающих возможность глубже проникнуть в его содержание. Биографические, библиографические, источниковедческие исследования «Тургеневских сборников», продолжая разыскания «Литературного наследия» (т. 73, 76), помимо дополнения к сочинениям Тургенева имеют и самостоятельное научное значение. Сопровождение академического издания серией сборников, сейчас примененное при издании сочинений Достоевского, является при столь больших тиражах академического издания одним из способов публикации материалов, представляющих определенный интерес лишь для литературоведов.

⁶ Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. М.; Л.: Наука. Вып. 1. 1964. С. 5.

За время работы над изданием сочинений Тургенева Пушкинский Дом стал своего рода центром по изучению наследия этого писателя. Сюда стали стекаться письма, рукописи произведений, новые биографические сведения о Тургеневе, многое из этого ранее было неизвестно. В 1978 г. принимается решение о втором (в 30 томах) издании тургеневских сочинений (12 томов) и писем (18 томов). Сочинения Тургенева в этом издании в 1978—1986 гг. вышли в свет. По сравнению с первым изданием эта серия несколько дополнена: в нее вошли написанные Тургеневым либретто к опереттам на музыку П. Виардо, а также произведения не подписанные, но по своим идейно-художественным особенностям и манере изложения дающие основания считать их тургеневскими. Очень серьезно пополнена в новом издании его эпистолярная часть. За последнее время в советских архивах, а также за рубежом (Франция, ФРГ, Англия, Новая Зеландия) опубликованы сотни писем, в первое издание не попавших.⁷ Таким образом, новое издание не только имеет интерес для широкой читательской аудитории, но и полностью сохраняет свое научное значение.

Цель текстологических исследований, результатами которых становятся академические издания классического наследия, в Пушкинском Доме в послевоенные годы стала непрерывной. Сразу же после завершения издания Тургенева текстологические группы были обращены к подготовке академического издания сочинений Достоевского, которое осуществляется в 30 томах и издается с 1972 г. Возглавлял издание член-корреспондент АН СССР В. Г. Базанов. Как и тургеневское издание, издание Достоевского состоит из двух серий, из которых первая (17 томов) содержит художественные произведения, вторая (13 томов) — критико-публицистическое и эпистолярное наследие писателя. Дополнительные материалы, помогающие глубже понять творчество Достоевского, печатаются параллельно — в серийном издании «Достоевский. Материалы и исследования», восемь выпусков которого вышли в свет.

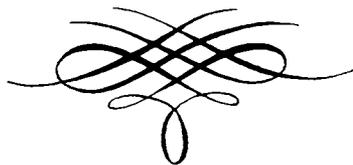
В академическом издании сочинений Достоевского впервые расшифровываются полностью и публикуются все подготовительные материалы к произведениям, иногда занимающие в издании несколько томов (два — к «Бесам», два — к «Подростку»). Значение издания заключается прежде всего в том, что оно дает научно выверенный текст произведения со всеми относящимися к нему подготовительными материалами и с воспроизведением в вариантах или полностью всех его переходных редакций. Кроме того, здесь впервые на обширном документальном материале разработана история создания каждого произведения, раскрывающая творческую лабораторию писателя.

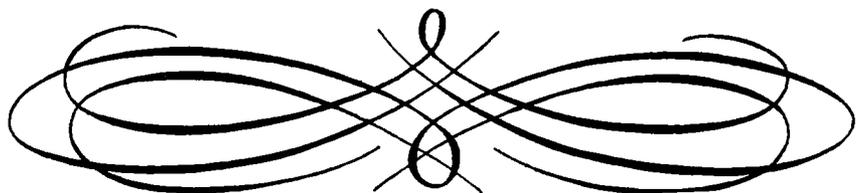
Главное место в текстологических работах Пушкинского Дома в настоящее время наряду с новым академическим изданием сочинений Пушкина занимают исследования, посвященные А. Блоку

⁷ Неизвестные страницы // Правда. 1978. 15 нояб.

и сосредоточенные на подготовке первого академического собрания сочинений поэта, которое предполагается осуществить в 22 томах. Создание его в 1980 г. было поручено двум академическим учреждениям — Институту русской литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде и Институту мировой литературы им. М. Горького в Москве.

Более сорока лет Пушкинский Дом ведет постоянную работу по подготовке академических изданий русского классического наследия. Опыт и сложившиеся здесь традиции позволяют Пушкинскому Дому не только быть ведущим учреждением страны в этой отрасли литературной науки, но и успешно вести самые сложные работы в области текстологии, к которым несомненно относятся и осуществляемые здесь сегодня академические издания сочинений Пушкина, Некрасова, Блока.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

К изучению новейшей русской литературы Пушкинский Дом обратился далеко не сразу. В дореволюционную эпоху его научные и собирательские интересы были связаны исключительно с началом и серединой XIX в. В 20-е годы в поле зрения вошла литература конца XIX и начала XX в. Первая встреча Пушкинского Дома с молодой советской литературой произошла в 1923 г., когда была проведена Выставка русской художественной литературы за революционные годы.¹ Она была открыта с 16 сентября по 1 ноября в выставочных залах на улице Халтурина. При организации выставки «перед Пушкинским Домом» стояла задача показать, во-первых, работы художников слова и историков литературы за революционные годы, затем — представить издательскую деятельность Республики в области художественной литературы, в частности, дать понятие о всем, что сделано в этой области частными издательствами и Госиздатом, наконец, сосредоточить все выдающееся из разбросанной по Республике и за границей книжной художественной литературы за революционные годы (<...> Таким образом, на выставке все многообразие литературных направлений и исканий предстало воочию и в достаточно полном виде...»² Для посетителей выставки были прочитаны доклады «Русская художественная литература за революционные годы» (И. А. Кубасов), «Блок и литература о нем» (П. Н. Медведев) и др. На литературных вечерах, сопутствовавших выставке, выступали поэты К. Вагинов, Ю. Верховский, Н. Клюев, М. Лозинский, И. Оксенов,

¹ Ряд сведений по истории изучения советской литературы в Пушкинском Доме в 30—50-х годах содержится в статье В. А. Ковалева, опубликованной в 1956 г. в книге «50 лет Пушкинского Дома» (с. 150—160); более позднему этапу развития этих исследований в основных своих частях посвящены статьи Н. А. Грозновой «Изучение советской литературы в Пушкинском Доме» (Русская литература. 1974. № 2. С. 14—20) и В. А. Ковалева «Пушкинский Дом сегодня» (Дон. 1974. № 10. С. 173—177).

² ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1921), № 1, л. 83—84.

Е. Полонская, Л. Попова, Вс. Рождественский, Н. Тихонов, Д. Цензор.

В конце 20-х годов разворачивается собирательская работа в области советской литературы. Пушкинский Дом приобретает архивы журналов «Звезда», «Новый мир», «Резец», «Земля Советская», издательства «Недра», Всероссийского Союза писателей, ЛАППа и рукописи ряда современных писателей. Так, только за 1930 г. «принято 314 новых поступлений, заключающих до 3800 инвентарных номеров».³ Эти материалы положили начало формированию советской части Рукописного отдела, ныне сосредоточивающей ценнейшие документы, связанные с литературным движением советской эпохи.

В 1930 г. в процессе преобразования Пушкинского Дома в научно-исследовательский институт предполагалось создание Сектора современной литературы. В записке, посвященной структуре и задачам нового института, П. Н. Сакулин отмечал, что «работа этого сектора будет находиться в самой тесной связи с ходом современной литературной жизни, особенно с творчеством рабочих-крестьянских писателей».⁴

Однако Сектор современной литературы в том виде, в каком предполагал П. Н. Сакулин, создан не был. На некоторое время его заменил Кабинет современной литературы, созданный в общей системе исследовательских кабинетов, в 1930 г. введившейся в Пушкинском Доме и отмеченной влиянием вульгарно-социологических воззрений. Этот кабинет должен был вести разработку «конкретного материала русской литературы на основе марксистской методологии»,⁵ осуществлять подготовительные работы к созданию коллективного труда по истории и предыстории пролетарской литературы в России и т. д.⁶ Впрочем, вскоре вся система кабинетов была реорганизована. В 1931 г. в Институте создается Историко-литературный сектор, а в нем начинает функционировать Отдел современной литературы. Одно время, в 1931 г., этим отделом руководит молодой поэт и критик В. М. Саянов. Однако и этот отдел просуществовал недолго.⁷ В отчете за 1933 г. представлена уже новая структура Института с Научно-исследовательским сектором, распадающимся на два отдела, первый из которых занимается изучением древнерусской литературы, а второй — новой русской литературы. Непосредственно исследовательская работа в области современной литературы временно почти прекращается. Однако интерес к ней, четко обозначившийся в эпоху преобразования Пушкинского Дома в научно-исследовательский институт, сохраняется: проводятся заседания и дискуссии, обсуждаются доклады, устраива-

³ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1930 год. Л., 1931. С. 246.

⁴ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1930), № 1, л. 56.

⁵ Там же, оп. 1 (1929), № 3, л. 1.

⁶ Там же, л. 27.

⁷ Там же, оп. 7 (1931) № 11, л. 10.

Член-корреспондент АН СССР С. Д. Балухатый.

ются выставки, посвященные советской литературе, творчеству ее выдающихся представителей. Так, 4 мая 1930 г. устраивается заседание памяти В. В. Маяковского с выступлениями П. Н. Сакулина, Г. Е. Горбачева и др.; 6 июня 1931 г. проводится посвященное В. В. Маяковскому собрание, на котором выступили и поделились воспоминаниями о поэте революции Б. А. Лавренев, Г. Е. Горбачев, В. М. Саянов, Н. С. Тихонов и др.⁸ В первые годы существования Института выставки и дискуссии по советской литературе следуют одна за другой. Они посвящены Горькому, Серафимовичу, Фурманову, Безыменскому, I Всесоюзному съезду писателей, отображению Красной Армии в художественной литературе, 15-летию Октябрьской революции.

В 30-е годы в Пушкинском Доме проводились заседания с обсуждениями работ по советской литературе, но они не могли заменить собою регулярно работающее научное подразделение. Введение в академическую науку современной литературы, ко-

⁸ Там же, л. 25, 57.

нечно, требовало определенной подготовки и опыта, которые Институт мог приобрести в процессе изучения явлений советской литературы, еще не ставших достоянием научного исследования, но уже оцененных с точки зрения исторической перспективы и их роли в литературном процессе эпохи. Поэтому мысль исследователей обратилась к крупнейшему явлению современной литературы, каким в то время было творчество Горького.

В 1932 г., когда отмечалось 40-летие литературной деятельности великого пролетарского писателя, в Пушкинском Доме предпринимаются первые попытки организованного и систематического изучения его творчества. Обращение Пушкинского Дома к творчеству Горького в то время было вполне естественным, потому что именно Пушкинский Дом был единственным в стране институтом, работающим в области литературоведения, и, кроме того, здесь были частично сосредоточены переданные самим Горьким его рукописи. Эти обстоятельства и обусловили принятое в 1932 г. решение о создании посвященного М. Горькому сборника, который включал бы его неопубликованные произведения и письма, переписку с Л. Андреевым, Ф. Сологубом, Г. Гауптманом, Б. Шоу, с молодыми писателями, а также исследования по истории текста горьковских произведений. В рамках этого сборника предпринимались первые попытки текстологических исследований, широко развернувшихся в последующие годы и десятилетия. Инициатором издания и его редактором выступил известный советский ученый, друг М. Горького — В. А. Десницкий.⁹

В 1934 г. В. А. Десницкий вместе с С. Д. Балухатым создали в Институте Комиссию по изучению творчества Горького и его эпохи. В ее работе участвовали С. В. Касторский, Н. К. Пиксанов, В. З. Голубев, К. Д. Муратова, В. В. Гиппиус и др. Горьковская комиссия объединила ленинградских литературоведов, занимавшихся изучением русской литературы конца XIX—начала XX в. и творчества Горького, которое рассматривалось здесь на широком фоне общественного, революционного, литературного движения эпохи.

Основным трудом, объединявшим складывающийся коллектив, стало серийное издание «М. Горький. Материалы и исследования». Первый том его появился в 1934 г., второй вышел в год смерти писателя — в 1936 г., третий — накануне Великой Отечественной войны, в 1941 г., и последний, четвертый, был издан в 1951 г. На протяжении пятнадцати лет существования тип этого издания менялся. Довоенные тома содержат публикации произведений и писем Горького с добавлением нескольких исследовательских статей, преимущественно по истории текста, а последний включает только исследования горьковского творчества, связей писателя с современным ему литературным движе-

⁹ Касторский С. В. Научно-педагогическая деятельность В. А. Десницкого // Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.; Л., 1959. С. 13.

Доктор филологических наук В. А. Десницкий.

Рисунок Г. Г. Сайбаталова (1953).

нием, а также дополнительный (второй) библиографический список произведений Горького. Выпуски этого серийного издания ввели в научный оборот многочисленные тексты Горького, обозначив собою начало научного советского горьковедения, а в Пушкинском Доме они стали своеобразной предысторией к изучению здесь современного литературного процесса в целом.

Важнейшую роль в научном освоении наследия Горького в 30—40-е годы сыграли труды В. А. Десницкого, Н. К. Пиксанова, С. Д. Балухатого, С. В. Касторского, К. Д. Муратовой, замыслы которых возникали и осуществлялись в рамках Комиссии по изучению творчества Горького. Эти работы выпускались в свет разными издательствами нашей страны, в том числе и Издательством Академии наук СССР. Среди горьковедческих работ Пушкинского Дома, осуществленных в предвоенные годы, следует назвать первое описание рукописей Горького, хранящихся в разных архивах страны (1936), комментированное из-

дание переписки Горького и Чехова (1937), сборник статей и высказываний Горького о Пушкине (1937). Все эти работы осуществлялись под редакцией С. Д. Балухатого, который сыграл крупнейшую роль в становлении горьковедения.

В процессе формирования горьковедения в Пушкинском Доме более широкое обращение к советской литературе стало закономерным, потому что Горьковская комиссия вышла за пределы источниковедческо-текстологических проблем, решая вопросы о связях Горького с советской литературой, о значении великого пролетарского писателя в ее развитии. Однако такие обращения при отсутствии специального научного подразделения по изучению советской литературы имели эпизодический характер. Правда, в Институте были начаты серьезные библиографические разыскания в области советской литературы. В 1930—1931 гг. здесь сложился замысел научной библиографии, посвященной современному литературоведению. Предполагалось в серии «Литературная библиография» готовить отдельные выпуски, фиксирующие и аннотирующие труды по советскому литературоведению за год или за полгода. Руководство этим изданием было возложено на С. Д. Балухатого. Появился лишь первый выпуск, содержащий сведения о научной литературе за первое полугодие 1931 г. В 1933 г. вышла фундаментальная библиография К. Д. Муратовой «Периодика по литературе и искусству за годы революции, 1917—1932» (редактор С. Д. Балухатый), и поныне сохраняющая свое научное значение. Это были первые изданные Пушкинским Домом работы по советской литературе, с которых начинается в Институте история изучения современного литературного движения.

В 1938 г. в Институте создается Отдел новейшей русской литературы, которым заведовал О. В. Цехновицер, а после его гибели в 1941 г. — В. А. Десницкий. В состав отдела вошла и Горьковская комиссия. В предвоенные годы в отделе работают В. А. Десницкий, С. Д. Балухатый, К. Д. Муратова, Б. А. Бялик, В. Н. Орлов, Н. Л. Степанов и др. Главная задача, которая была поставлена перед отделом, заключалась в создании десятого тома «Истории русской литературы», посвященного литературе начала XX в., а также в организации изучения истории литературы XX в., в особенности творчества Горького, Маяковского, Блока.

Создание заключительного тома «Истории русской литературы» стало для отдела важнейшей задачей не только научного, но и идеологического характера. Необходимо было исследовать литературное движение начала XX в., в недрах которого зарождались и вызревали те процессы и явления, которые обусловили возникновение социалистического реализма — творческого метода новой литературы, литературы социалистического общества. Завершенный в начале 50-х годов том стал первой научной историей этой сложнейшей литературной эпохи, построенной на широчайшем историко-литературном материале, впервые рассмотрен-

ном и обобщенном с марксистско-ленинских методологических позиций. Он вышел в свет в 1954 г. под редакцией А. С. Бушмина (ответственный редактор), А. Г. Дементьева, В. А. Десницкого, С. В. Касторского, К. Д. Муратовой.

Параллельно с работой над заключительным томом «Истории русской литературы» Отдел вел исследования творчества Горького, Маяковского, Блока. Посвященные этим писателям комиссии функционировали в составе Отдела, но деятельность их была оборвана войной. Блоковская комиссия успела закончить том своих трудов, который так и остался в рукописи. Комиссия по изучению творчества Маяковского, созданная в 1938 г., выпустила в 1940 г. первый том серийного издания «Владимир Маяковский», который сыграл немалую роль в изучении творчества поэта, поставив ряд проблем впервые и введя в научный оборот неизвестные материалы.

В послевоенные годы работы по изучению советской литературы удалось развернуть далеко не сразу. Для этого необходимо было изменить профиль Отдела и акцентировать внимание его коллектива на литературном движении советской эпохи в целом, поручив исследование литературной истории предреволюционной эпохи другим научным подразделениям. Изменение программы исследований, необходимость введения советской литературы в сферу академической науки обусловили преобразование в 1949 г. Отдела новейшей русской литературы в Сектор советской литературы.

С изменением профиля изменился состав Сектора и его руководство. В 1950 г. Сектор возглавил А. С. Бушмин, а в 1952—1985 гг. руководит им В. А. Ковалев (в 1986 г. Сектор преобразован в Отдел советской литературы, который возглавляет доктор филологических наук Н. А. Грознова). В программу исследований Сектора входят работы по литературе советской эпохи, посвященные историко-литературным и теоретическим проблемам, источниковедению, библиографии. Среди литературоведческих учреждений Академии наук СССР Пушкинский Дом первым обратился к изучению советской литературы, творчества Фадеева, Леонова, Шолохова, Твардовского, Тихонова и других писателей. Конечно, некоторый опыт в изучении творчества Горького и Маяковского Институт уже имел, но этого еще было недостаточно для освоения никогда ранее здесь не изучавшейся литературы трех последних десятилетий в единстве и цельности ее развития. С учетом этого обстоятельства создавалось серийное издание «Вопросы советской литературы», на многие годы ставшее печатным органом Сектора и в значительной мере концентрирующее результаты проводимых там исследований. Это издание объединяло исследования разного характера и жанра — от библиографических разысканий до историко-литературных и теоретических статей — и стало своего рода подготовительным звеном в переходе к большему фундаментальным исследованиям, в том числе и коллективным. Проблемно-тематический принцип формирования томов издания позволил

концентрировать внимание на важнейших вопросах современного литературного развития, среди которых классические традиции в советской литературе, отношение ее к народному творчеству, жанровая система литературы, ее поэтика, язык и стиль, творческая история произведений, проблема сатиры, индивидуальность образа положительного героя, многообразие художественных форм социалистического реализма, творчество выдающихся представителей литературы советской эпохи.

В 1953—1961 гг. вышло в свет девять томов «Вопросов советской литературы».¹⁰ Издание привлекло широкое внимание научной и литературной общественности. Первые два его тома стали предметом обсуждения на проходившем в 1954 г. в Ленинграде Всесоюзном совещании критиков, где получили высокую оценку.

«Вопросы советской литературы» создавались на опыте изучения в Пушкинском Доме наследия Горького и Маяковского. И это обстоятельство наложило заметный отпечаток на состав издания и его характер. Горьковская тема широко представлена в первых томах издания, несколько меньше в последних. О Горьком писали К. Д. Муратова, В. В. Тимофеева, В. А. Ковалев, С. В. Касторский, Н. В. Яковлев и др.

На страницах «Вопросов советской литературы» зарождались и проходили первоначальную апробацию многие замыслы будущих диссертационных работ, монографических исследований и коллективных трудов. Здесь печатались фрагменты монографий А. С. Бушмина о Фадееве, В. А. Ковалева о Леонове и об утверждающем характере советской литературы, К. Д. Муратовой о Горьком, В. В. Тимофеевой о Маяковском, Л. Ф. Ершова о советской сатире, В. В. Бузник о советской лирике, Ю. А. Андреева об историческом романе, В. А. Шошина о Тихонове, А. Ф. Бритикова о Шолохове, А. И. Хайлова о Пришвине, Л. К. Долгополова о Блоке. В этом издании, в его IV томе, впервые коллектив исследователей обратился к проблеме соотношения русской советской литературы и народного творчества. Позднее Институт будет не раз возвращаться к этой теме и в форме статей, и в форме монографий. Этот опыт создал необходимые предпосылки для широких обобщений, которые сейчас производятся в готовящемся труде «Советская литература и народное творчество» (в трех томах). Такая же роль предназначалась и для IX тома «Вопросов советской литературы», посвященного советскому роману, который был, как сообщается в предисловии, «разведкой» в направлении создания «Истории русского советского романа».

¹⁰ В качестве редакторов отдельных томов выступали заведующие и сотрудники Сектора советской литературы В. А. Десницкий, С. В. Касторский, К. Д. Муратова, А. С. Бушмин, В. А. Ковалев, В. В. Тимофеева, А. И. Павловский, В. В. Бузник, П. С. Выходцев, а к редактированию томов, посвященных классическим традициям в советской литературе и фольклорным источникам и мотивам в ней, привлекались П. Н. Берков, А. М. Астахова, Б. Н. Путилов, М. О. Скрипиль.

Последний том «Вопросов советской литературы» вышел в 1961 г. Однако прекращение издания носило формальный характер. В 60—80-х годах Пушкинский Дом выпускает ряд тематических сборников, на новом уровне продолжающих серийное издание «Вопросы советской литературы». Эти сборники посвящены исследованию историко-литературных и теоретических проблем, решаемых на материале советской литературы, критики, публицистики. Они углубляют представления об отдельных моментах, этапах или явлениях литературы, намечают пути ее дальнейшего научного освоения, дают представление о развитии научной мысли в той части советского литературоведения, которая занимается изучением литературы социалистического реализма. Первым появился сборник «Проблема характера в современной советской литературе» (1962), затем последовали сборники «Время. Пафос. Стиль» (1965), «Советская литература и новый человек» (1967), «Есенин и русская поэзия» (1967), «Проблемы психологизма в советской литературе» (1970), «М. Горький и его современники» (1968), «Русская советская поэзия. Традиции и новаторство» (два тома, 1972, 1978), «Литературный Ленинград в дни блокады» (1973), «Современная литературно-художественная критика. Актуальные проблемы» (1975), «Есенин и современность» (1975), «Проблемы русской советской литературы 50—70-х годов» (1976), «Современный советский роман. Философские аспекты» (1979), «Творческие взгляды советских писателей» (1981), «Структура литературного произведения» (1984). Результаты исследований, заключенных в тематических сборниках, порою становятся или могут стать отправной точкой для более углубленной или более широкой разработки поставленной проблемы. Два сборника, посвященные традициям и новаторству в советской поэзии, создали условия для решения названной проблемы в более широком и фундаментальном труде, каким является «История русской советской поэзии» в двух томах (1983—1984).

Более высокой формой коллективного труда по сравнению с тематическим сборником с начала 60-х годов становится коллективная монография, решающая крупнейшие проблемы литературного развития. Первая коллективная монография по советской литературе была издана Пушкинским Домом в 1965 г. Это была двухтомная «История русского советского романа», первая работа в Секторе советской литературы, посвященная истории и теории жанров. Это исследование впервые воссоздает общую систему зарождения, формирования и расцвета жанра романа в советской литературе, воссоздает ее на огромном, порою впервые подвергаемом исследованию материале. В результате выявляются внутренние закономерности развития жанра, его соотношения с другими жанрами и литературным развитием в целом, становятся ясными и обоснованными художественные, философские, идеологические характеристики той эволюции, которую претерпел и сейчас претерпевает в советской литературе жанр романа. Вслед за «Историей русского советского романа» Сектор подго-

товил коллективные труды «Русский советский рассказ. Очерки истории жанра» (1970), «Современная русская советская повесть» (1975), «Русская советская повесть. 20—30-е годы» (1976), «История русской советской поэзии» (1983—1984).

Исследование истории жанров в Пушкинском Доме не ограничивается фундаментальными коллективными трудами. Многие проблемы, к этой области относящиеся, успешно решаются в индивидуальных монографиях, в библиографических справочниках.¹¹ Эти работы дополняют коллективные исследования, конкретизируют и углубляют их отдельные положения, вводят в научный оборот новые или забытые факты и материалы. Среди такого рода работ следует назвать монографии Л. Ф. Ершова «Советская сатирическая проза 20-х годов» (1960), «Русский советский роман. Национальные традиции и новаторство» (1967), А. Ф. Бритикова «Русский советский научно-фантастический роман» (1978), Ю. А. Андреева «Советский исторический роман» (1962), В. В. Бузник «Русская советская проза двадцатых годов» (1975), «Социалистический гуманизм и художественные проблемы» (1985), Н. А. Грозной «Ранняя советская проза» (1978), «Творчество Л. Леонова и классические традиции» (1981), Э. А. Шубина «Современный советский рассказ» (1974), В. А. Ковалева «Теоретические проблемы истории русской советской литературы» (1984), А. И. Павловского «Советская философская поэзия» (1984).

Работа по изучению жанрового аспекта советской литературы, проводимая в Пушкинском Доме, вошла в общую систему исследований истории и теории этой литературы, раздвинула границы существующих представлений об отдельных прозаических и поэтических жанрах, их роли в общем процессе литературного развития эпохи. Значение этих трудов заключается также и в том, что они создают условия, намечают перспективы дальнейших исследований в этой области, ведут к созданию столь необходимого в нашем литературоведении труда, посвященного теории жанров, изучению общей системы жанров классической и советской литературы в теоретическом плане: соотношение жанров, взаимодействие, их эволюция, условия и причины для расцвета и умирания жанра, связь жанра с общими закономерностями литературного процесса эпохи и т. д.

В коллективных трудах, в монографических исследованиях продолжает разрабатываться горьковская тема, хотя в 50-е годы центр академического горьковедения переместился в Москву, в Институт мировой литературы им. М. Горького АН СССР, где сейчас сосредоточен архив Горького, сложился сектор, изучающий его наследие, образовались специальные научные издания, ему посвященные. В Пушкинском Доме горьковская проблематика ныне возглавляется К. Д. Муратовой. Ей принадлежат мо-

¹¹ См.: Грозная Н. Русский советский роман. Его история и теория. Л., 1966; Грозная Н., Шубин Э. Русский советский рассказ. Теория и история жанра. Л., 1975.

Исследования, посвященные советской литературе.

нографические исследования «М. Горький в борьбе за развитие советской литературы» (1958), удостоенное премии им. В. Г. Белинского, и «Горький на Капри» (1971), под ее редакцией вышел сборник «М. Горький и его современники» (1968) и посвященные великому пролетарскому писателю библиографические указатели за 1955—1975 гг. (1965, 1970, 1985, 1987). В эти же годы появляются монографии С. В. Касторского «Драматургия Горького», В. Я. Гречнева «Жанр литературного портрета в творчестве Горького», Н. И. Желтовой «Горький в изобразительном искусстве». Разумеется, горьковская тема проходит в «Истории русской литературы», «Истории русского романа», «Истории русской драматургии», а также в коллективных трудах, посвященных советскому роману, повести, рассказу.

Комиссия по изучению творчества Маяковского, существовавшая в 30-е годы, после войны не возобновляла своей деятельности. Это, однако, не значит, что обращения ученых Пушкинского Дома к наследию Маяковского в послевоенные годы прекратились. Наоборот, исследование творчества величайшего поэта советской эпохи продолжается, продолжается достаточно интенсивно и успешно. Об этом свидетельствуют монографические исследования В. В. Тимофеевой о языке Маяковского, А. А. Смородина об отражении поэзии Маяковского в публицистике 20-х годов, Г. С. Черемина о раннем Маяковском, статьи о творчестве поэта в «Вопросах советской литературы», в коллективных трудах и сборниках Сектора.

Круг монографических исследований творчества отдельных писателей с каждым годом расширяется. Это соответствует программе исследований Института, который, как отмечал В. А. Ковалев, «придает принципиальное значение монографическому изучению

творчества крупных писателей, считая, что в дальнейшем следует приступить к планомерной подготовке библиотеки академических монографий о русских писателях нашего времени, основанных на новых материалах, проникнутых историзмом анализа, осмысливающих место писателя в литературном процессе, своеобразии преломления в его творчестве принципов социалистического реализма».¹² В Секторе советской литературы в 40—50-е годы созданы монографические исследования А. С. Бушмина о творчестве Фадеева, П. С. Выходцева о Твардовском, В. А. Ковалева о Леониде Леонове, позднее появляются монографии В. А. Шошина о Тихонове, А. И. Хайлова о Пришвине, А. Ф. Бритикова о Шолохове и др. Однако монографические исследования посвящаются не только творчеству выдающихся советских писателей, но и затрагивают важнейшие вопросы общего развития литературы социалистического реализма. Например, в монографиях В. А. Шошина исследуется проблема интернационализма в советской литературе и творческая индивидуальность в современной поэзии; возникновение социалистического реализма прослеживает в своей книге К. Д. Муратова; закономерности взаимных связей советской поэзии и народного творчества выясняет П. С. Выходцев; поэзию Великой Отечественной войны изучает в своей монографии А. И. Павловский; лирической поэзии посвящает свое исследование В. В. Бузник; об утверждающем характере советской литературы пишет монографию В. А. Ковалев. Таким образом, фундаментальные труды по советской литературе создаются в Пушкинском Доме на широком фоне индивидуальных исследований, которые, включаясь в общую систему исследований, дополняют ее и решают сложные проблемы литературного развития, порою предваряющие коллективные исследования или сопровождающие их. Проблематика монографических исследований в ряде случаев сближена или непосредственным образом связана с проблематикой коллективных работ и естественным образом входит в общую систему изучения русской советской литературы в Пушкинском Доме.

В процессе исследования творчества выдающихся советских писателей и литературного движения эпохи в Секторе советской литературы был создан новый для Пушкинского Дома тип издания, предназначенный не только для литературоведов, но и для широких кругов читателей. В общих чертах этот тип издания представляет собою сборник, приурочиваемый к юбилею писателя, но он разнообразнее и по жанрам, и по содержанию, включает теоретические и историко-литературные исследования, научные сообщения, публикации, библиографию, воспоминания. Многообразие и новизна материалов сборника, с одной стороны, привлекают к нему внимание читателей, с другой — дают в руки исследователей немало новых и свежих выводов, а также неиз-

¹² Ковалев В. А. Пушкинский Дом сегодня. С. 175.

вестных ранее материалов. Такие сборники Пушкинский Дом выпустил к юбилеям Шолохова, Леонова, Тихонова, Федина, Соколова-Микитова.

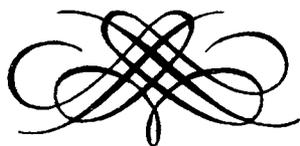
В Пушкинском Доме систематически изучается литературный процесс последних десятилетий, т. е. предпринимается попытка ввести в сферу академической науки современную литературу и тем самым подчеркнуть, что выяснение общих закономерностей литературного развития возможно не только на материале литературы отдаленных от нас эпох, но и на явлениях текущего литературного процесса. В 1973 г. появляется сборник «Литературный Ленинград в дни блокады»; в 1976 г. выходит первая крупная работа Сектора, посвященная послевоенной, т. е. новейшей советской литературе, — это сборник статей «Проблемы русской советской литературы 50—70-х гг.»; в следующем году читатель получил другой сборник, исследования которого затрагивают животрепещущие вопросы развития послевоенной поэзии, — «Русская советская поэзия. Традиции и новаторство». Эти работы ввели в академическую науку явления современной литературной жизни и сделали их предметом ее постоянного внимания.

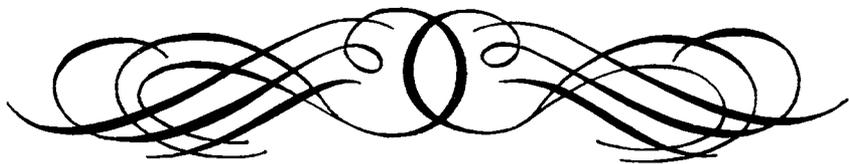
Созданием трудов по истории и теории советской литературы обязанности Сектора советской литературы не ограничиваются. В общую систему его деятельности входят функции популяризации и пропаганды советской литературы. Этим целям отчасти служат научные конференции, посвящаемые советской литературе в целом или отдельным ее писателям. Однако конференции, проводимые Пушкинским Домом, — не только средство популяризации и пропаганды научных знаний, они имеют серьезное значение научного характера. Результаты их деятельности часто становятся основой для создания сборников и коллективных трудов. Таковы сборники «Творчество Леонида Леонова» (1969), «Творчество Николая Тихонова» (1973), «Творчество Михаила Шолохова» (1975), «Творчество Мариэтты Шагинян» (1980), «Творчество Александра Твардовского» (в печати). Впрочем, и в других изданиях Института немало статей, впервые апробированных в виде докладов на конференциях, посвящавшихся Горькому, Л. Леонову, М. Шолохову, К. Федину, А. Фадееву, Вс. Иванову, Н. Тихонову, М. Пришвину, О. Форш, Маяковскому и др. Наряду с конференциями научно-пропагандистский аспект деятельности Сектора советской литературы выражается в создании научно-популярных работ по истории русской советской литературы и учебных пособий.

Пушкинский Дом неоднократно обращался к созданию учебников и учебных пособий. Еще в довоенные годы музей выпустил ряд фотовыставок, посвященных писателям, для демонстрации на уроках литературы, а буквально накануне войны вышел в свет первый том учебника (в двух частях) для вузов, охватывающий древнерусскую литературу и литературу XVIII в. Главным редактором этого издания был В. А. Десницкий. С той поры до 70-х годов Институт к работе над учебниками не обращался.

В начале 70-х годов коллектив Сектора советской литературы по предложению Министерства просвещения РСФСР написал учебное пособие по советской литературе для 10 класса средней школы (редактор В. А. Ковалев), после неоднократного издания утвержденное в качестве стабильного учебника. Одновременно с учебником Сектор подготовил «Краткий очерк истории русской советской литературы» (1984).

Говоря об итогах деятельности Пушкинского Дома по изучению советской литературы, необходимо отметить, что именно в Пушкинском Доме были заложены основы научного горьковедения; здесь сделаны первые шаги по введению советской литературы в сферу академической науки о литературе; в последние годы в эту сферу включается русская советская литература последних двух десятилетий; наконец, здесь создан ряд монографических исследований и коллективных трудов, вскрывающих важнейшие закономерности литературного развития в современную эпоху, подготовлены научно-популярные труды и учебники, ведется широкая научно-пропагандистская деятельность. Труды Пушкинского Дома по советской литературе в настоящее время во многом определяют уровень и размах исследований в этой области и создают благоприятные перспективы для их дальнейшего развития.

РУССКОЕ НАРОДНОПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Собиранием и изучением русского устного народнопоэтического творчества в нашей стране сегодня занимаются многие высшие учебные заведения, научные учреждения, творческие организации. В их ряду одно из первых мест принадлежит Пушкинскому Дому, где работает специальный Отдел народнопоэтического творчества, осуществляющий широкую программу работ по изучению и собиранию традиционного и современного фольклора.

Чтобы создать хотя бы относительно полное представление о деятельности этого академического центра по изучению русской народной поэзии, его задачах и перспективах, следует в общих чертах восстановить исторический путь его развития, обратиться к фактам и событиям полувековой давности.

В начале XX в. при создании Пушкинского Дома и на первых этапах его существования (до конца 20-х годов) вопрос о включении в программу его собирательской, а позднее и исследовательской деятельности в сфере русского устного народнопоэтического творчества даже не обсуждался. Лишь в 1930 г., когда начались подготовительные работы по созданию на основе Пушкинского Дома научно-исследовательского института новой русской литературы, была высказана мысль о необходимости введения фольклора в перспективные планы создаваемого Института. Мысль эта, как можно судить по сохранившимся проектам и планам, принадлежала директору Пушкинского Дома академику П. Н. Сакулину. В записке о планах на 1931 г. и о структуре Института, составленной еще при жизни П. Н. Сакулина, говорится: «Устная (народная) поэзия живет с древнейших времен и составляет существенный ингредиент общей литературной жизни всех периодов. В этом качестве она и должна входить в программу занятий института».¹ Касаясь организационных форм изучения фольклора, П. Н. Сакулин выдвигает предложение, в дальнейшем фигурирующее во всех проектах Института, о специальном секторе, который

¹ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1930), № 1, л. 54.

«должен быть создан заново, так как до сих пор в Пушкинском Доме не велось никакой работы по собиранию и изучению устнопоэтического творчества».² Однако П. Н. Сакулин не ограничился лишь простым пожеланием об организации сектора, который он назвал Сектором устной поэзии. Он и его сотрудники разработали программу деятельности этого сектора, определили его задачи и даже составили штатное расписание, на первое время ограничив состав сектора тремя научными сотрудниками.³

С точки зрения сегодняшнего дня и сегодняшнего состояния нашей науки о фольклоре небезынтересно привести ту программу, которая была разработана под руководством П. Н. Сакулина. Занятия Сектора устной поэзии, сообщалось в названной выше записке, «имеют своей целью:

а) собирание материалов, необходимых для изучения устной поэзии, начиная с середины XVII в. до наших дней,

б) организацию научных экспедиций для самостоятельного собирания произведений устной поэзии в разных местностях Союза, в разной социальной среде и в разной социально-экономической обстановке (на фабриках и заводах, в совхозах, колхозах, на лесозаготовках и т. д.),

в) изучение устной поэзии в историко-социологическом плане,

г) изучение устной поэзии в ее общелитературных связях».⁴

Приведенная программа свидетельствует о том, что руководство Пушкинского Дома в период преобразования его в научно-исследовательский институт предполагало поставить изучение фольклора довольно широко, почти с тем размахом, с которым подобные исследования стали осуществляться в Пушкинском Доме 20—30 лет спустя. И конечно, скудные штатные возможности того времени не соответствовали программе, которая была изложена в том же документе. Они предназначались, видимо, только для начала работ, для организационной их стадии.

Дальнейшие события, развернувшиеся осенью 1930 г., к сожалению, резко изменили те планы, которые еще в середине года выдвигались руководством Пушкинского Дома во главе с П. Н. Сакулиным. При утверждении структуры Института новой русской литературы вопрос об изучении в этом Институте фольклора был снят, так же как не было принято и предложение П. Н. Сакулина о создании в Институте теоретико-методологического сектора. И конечно, немалую роль в этом сыграла неожиданная смерть П. Н. Сакулина (7 сентября 1930 г.) в самый разгар дискуссий о программе, планах, структуре Инсти-

² Там же.

³ Авторство П. Н. Сакулина в отношении проекта структуры Института, сопровождающей его записки, основных проблем на пятилетку и штатного расписания подтверждается письмом старшего ученого хранителя И. А. Кубасова от 13 сентября 1930 г., адресованным неперемennomу секретарю Академии наук СССР. В составлении цитируемой записки принимал участие И. А. Кубасов (см.: ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1930), № 1, л. 138).

⁴ Там же, л. 55.

туда, которые утверждались при отсутствии директора, когда его обязанности долгое время, до назначения директором А. В. Луначарского, исполнял сменивший Б. Л. Модзалевского на посту старшего ученого хранителя Пушкинского Дома И. А. Кубасов либо член-корреспондент АН СССР Н. К. Козмин.

Таким образом, в 1930 г., несмотря на предложения П. Н. Сакулина, сектор фольклора создан не был и вся работа по исследованию и собиранию русского народнопоэтического творчества сосредоточилась на ближайшие годы в так называемой Фольклорной комиссии, работающей в системе Академии наук с 1931 г.⁵

Эта Комиссия стала научным центром, объединившим вокруг себя большой коллектив фольклористов, изучающих русский и иноязычный фольклор. История создания и последующей исследовательской деятельности сектора, занимающегося в Пушкинском Доме изучением фольклора, тесно связана и во многом predetermined программой, организационными формами и результатами исследований, проводившихся этой комиссией. Дело в том, что в 1939 г. Фольклорная комиссия со всеми своими штатами, планами и уже начатыми исследованиями была передана из Института этнографии АН СССР в Пушкинский Дом, где и получила права отдела. Таким образом, целый научный коллектив, в настоящее время являющийся одним из ведущих отделов института, не создавался заново, а был перемещен из одного академического института в другой без существенного изменения состава, организации, планов. Поэтому, если говорить об изучении фольклора в Пушкинском Доме, то необходимо начать разговор не с 1939 г., а с более ранней поры, когда была основана Фольклорная комиссия, разработавшая предварительные принципы и программы исследования народного творчества, впоследствии осуществлявшиеся и осуществляемые ныне в Пушкинском Доме.

Фольклорная секция Института по изучению народов СССР, позднее переименованная в Фольклорную комиссию, была учреждена постановлением Президиума Академии наук СССР от 6 апреля 1931 г. Возникла она не на пустом месте. Основой ее стали материалы и оборудование Фольклорного кабинета Ленинградского отделения Академии искусств. Именно сосредоточенные здесь фольклорные материалы, книжное собрание и необходимое звукозаписывающее оборудование predetermined создание внутри Комиссии трех вспомогательных отделов — Фонограммархив, Рукописное собрание, Библиотека, — что в свою очередь обусловило возможность изучения как словесного, так и музыкального фольклора. Фонограммархив и Рукописное собрание, вошедшие в состав Фольклорной комиссии, а позднее вместе с нею переданные в Пушкинский Дом, уже в то время занимали видное

⁵ Фольклорная комиссия была создана 6 апреля 1931 г. в Институте по изучению народов СССР, а с образованием в 1933 г. Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР перешла в его ведение, где и работала до 1939 г.

место в ряду подобных советских и зарубежных собраний и были основой для развертывания исследовательской работы по изучению и собиранию народного творчества.

Фольклорную комиссию возглавлял М. К. Азадовский. Деятельность ее не ограничивалась только русским народным творчеством, а включала в программу исследования историю, поэтику, теорию устного поэтического творчества народов мира, при особом внимании к фольклорному прошлому и современности народов СССР. Фольклорная комиссия вела собирательскую и исследовательскую работу, имела свои издания, в том числе серийное издание «Советский фольклор», вела регулярные заседания и объединяла вокруг себя фольклористов, координируя и направляя их усилия.⁶ Деятельность Фольклорной комиссии была очень активной и многообразной, что позволило после перехода в систему Пушкинского Дома развивать и продолжать многие ее стороны, направления, отдельные труды.

В Пушкинском Доме до 1939 г. обращения к народному творчеству были редкими и случайными. Проблемы фольклора и фольклористики лишь изредка затрагивались в работах, посвященных соотношению и взаимодействию литературы и фольклора. Впрочем, и эти работы в большинстве своем принадлежали сотрудникам той самой Фольклорной комиссии, которая в марте 1939 г. решением Президиума АН СССР была передана в Пушкинский Дом. Среди них, конечно, надо отметить исследования В. П. Адриановой-Перетц «К истории русской пословицы», А. М. Астаховой «Былинная традиция на современном Севере», С. А. Бугославского «Песенные традиции в России XVIII—XIX веков», Н. П. Колпаковой «Промысловые мотивы в фольклоре Терского берега», А. И. Никифорова «Мотив, функции, стиль и классовый рефлекс в сказке», в 1934 г. напечатанные в сборнике статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова, статьи М. К. Азадовского «Пушкин и фольклор», «Источники сказок Пушкина», «Сказка, рассказанная Пушкиным Далю», в 1936—1939 гг. опубликованные во «Временниках Пушкинской комиссии». Проблемам фольклора и фольклористики уделяли внимание и другие издания Пушкинского Дома, но внимание редкое и нерегулярное. Статьи о фольклоре появлялись в сборнике «XVIII век», в серийном издании «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», вопросы фольклора затрагивались в монографии В. Л. Комаровича «Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд» (1936) и в книге В. П. Адриановой-Перетц «Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века». Таким образом, нельзя сказать, что проблемы фольклора совершенно отсутствовали на страницах трудов Пушкинского Дома, но они не составляли направления в его работе. Обращение к ним

⁶ Астахова А. М. Фольклорная комиссия при Институте этнографии Академии наук СССР в 1937—1938 гг. // Советский фольклор: Сборник статей и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. № 7. С. 267—271.

Отдел народного творчества (1939—1940).

Слева направо: М. К. Азадовский, А. М. Астахова, А. Н. Лозанова, П. Г. Ширяева,
Г. Г. Шаповалова.

являлось лишь частным эпизодом той деятельности, которая развивалась вне Пушкинского Дома.

Состав и структура Фольклорной комиссии, профиль и задачи ее работы на первых порах определяли особенности нового отдела, который был назван Отделом фольклора народов СССР, т. е. на первое время Фольклорная комиссия, превратившись в отдел Пушкинского Дома, не меняла даже своего сложившегося профиля. Одна из групп в Отделе занималась словесным фольклором, другая изучала музыкальный. Отдел сохранил и структуру бывшей Фольклорной комиссии, которая, помимо научно-исследовательской части, включала в качестве вспомогательных подразделений Фольклорный архив, Фонограммархив, Фольклорно-справочный кабинет со специализированной библиотекой. В сферу деятельности Отдела, помимо русского народного творчества, входил фольклор всех народов СССР, и это отражалось в повседневной исследовательской работе и в серийных изданиях, в собирательской и публикационной деятельности Отдела. И надо сказать, что основания для изучения фольклора народов СССР тогда были. Фольклорная комиссия, а вслед за ней и Отдел фольклора народов СССР работали в тесном контакте с научными фольклорными коллективами в национальных республиках. Фольклорные экспедиции проводились совместно с учреждениями Белорусской Академии наук, с Карельским научно-исследова-

тельским институтом, с Государственным институтом культуры Бурятской АССР и др. Таким образом, в Пушкинском Доме, в его Фонограммархиве, был собран богатейший материал для изучения устнопоэтического творчества народов СССР. Однако в Пушкинском Доме исследования в этом направлении в полную меру не развернулись. Было проведено несколько экспедиций, опубликован ряд статей в седьмом выпуске «Советского фольклора» да в 1941 г. изданы «Белорусские народные песни» под редакцией Е. В. Гиппиуса и первый том «Марийских сказок» под редакцией М. К. Азадовского. Работа в этом направлении была приостановлена наступившей войной и после нее не возобновлялась, так как профиль деятельности Отдела был изменен и он стал заниматься изучением исключительно русского народного творчества. В настоящее время обращения к иноязычному фольклору редки. Они выражаются главным образом в консультациях по проблемам собирания, хранения и публикации памятников народного творчества, в том числе и тех, которые сосредоточены в Фонограммархиве и, пользуясь широкой известностью, привлекают внимание фольклористов, занимающихся проблемами устнопоэтического творчества народов СССР, и довольно активно вводятся в научный и читательский оборот.

Изучение русского фольклора в Пушкинском Доме началось с первых же дней существования Отдела. С тех пор, на протяжении пяти десятилетий, эта работа ведется систематически, и развитие ее идет по нескольким направлениям. Если обратиться к истокам этого процесса, то надо сказать, что некоторые из них восходят к далекой довоенной поре и даже к годам деятельности Фольклорной комиссии. Это те направления, которые были восприняты Пушкинским Домом как плодотворные и получили свое развитие и отражение в его фольклористических трудах. Среди них прежде всего следует сказать о цикле трудов обобщающего характера, трактующих теоретико-методологические проблемы современного и традиционного фольклора, а также фольклористики в ее прошлом и настоящем. Первым шагом в этом направлении стал сложившийся еще в середине 30-х годов замысел трехтомного коллективного труда «Русский фольклор». Он должен был подвести итоги изучения русского народного творчества в дореволюционной и советской фольклористике. Потребность «в подведении такого итога, в критическом пересмотре и обобщении предшествующего опыта, в установлении некоторых новых точек зрения на основе марксистско-ленинской методологии, — отмечала принимавшая участие в создании труда А. М. Астахова, — живо ощущалась в советской науке о народном творчестве».⁷ И это понятно. Усвоение накопленного опыта всегда открывает широкие возможности для дальнейшего движения. На достижение этих возможностей и был направлен замысел «Русского фольклора»; первый том его должен был содержать теоретические положения, которые помогали бы

⁷ 50 лет Пушкинского Дома. М.; Л., 1956. С. 134.

глубже понять излагаемую здесь же историю фольклора и историю фольклористики, а также общие процессы развития традиционного и советского фольклора, которым посвящались заключительные тома этого неосуществленного труда. Проспект, разработанный М. К. Азадовским, Н. П. Андреевым и Ю. М. Соколовым, прошел неоднократные обсуждения, а в 1939 г. даже начал воплощаться в жизнь, но наступившая война прекратила эти работы; после же ее окончания новые концепции, сложившиеся в это время в науке, обусловили решительное его изменение.

Если первоначально процесс исторического развития фольклора предполагалось рассматривать по отдельным жанрам, что вело к выявлению относительно локальных закономерностей движения, то в послевоенные годы был предпринят эксперимент создания общей истории фольклора, отмеченной своей периодизацией, закономерностями, своими внутренними и внешними связями. Эту задачу должны были выполнять созданные в 1952—1956 гг. коллективные труды «Русское народнопоэтическое творчество» в двух томах и «Очерки русского народнопоэтического творчества советской эпохи». Конечно, эти труды историей русского фольклора не стали, хотя первый их том, посвященный народному творчеству X—XVIII вв. и выполненный в содружестве с Отделом древнерусской литературы, близок к намечавшемуся типу фронтального исследования исторических процессов развития фольклора и заметно отличается от следующего за ним тома, трактующего историю русского фольклора XIX в. в жанровом или тематическом аспектах. Что же касается той части работы, в которой рассматривается народное творчество советской эпохи, то наряду с успешным решением некоторых проблем конкретного свойства в ней заметно ощущалась теоретическая неуверенность, отсутствие глубины и четкости в определении самой природы народнопоэтического творчества исследуемой эпохи, в выявлении его закономерностей и связей. Пожалуй, названные труды можно считать исходным пунктом полемики о проблемах и закономерностях развития современного народнопоэтического творчества, которая не закончена и сегодня, несмотря на целый ряд дискуссий и коллективных трудов, совещаний и конференций, в организации и создании которых Отделу народного творчества Пушкинского Дома принадлежит ведущая роль. Дискуссионность проблемы статуса современного фольклора обусловила особое внимание к ней и привела к решению многих частных вопросов, с этой проблемой связанных. Аспекты ее исследования многообразны: специфика жанров современного народного творчества, их истоки и традиции, периодизация, контакты с другими видами искусств и т. д. Притом основой для фундаментальных разработок проблем являются систематически расширяющиеся полевые наблюдения и анализ собранных материалов. Некоторые итоги изучения современного народного творчества, наблюдения и выводы, касающиеся закономерностей развития народнопоэти-

Доктор филологических наук М. О. Скрипиль.

ческой и народномузыкальной культуры наших дней, изложены в девятом выпуске серийного издания «Русский фольклор» (1964), а также в ряде статей, в разное время опубликованных в других выпусках названного издания и в журнале «Русская литература».

Обращение к живой фольклорной действительности заметно расширило рамки собирательской и исследовательской деятельности Отдела, которая вобрала в себя ряд явлений современного народнопоэтического творчества, таких, например, как рабочий фольклор или фольклор Великой Отечественной войны. Собираение рабочего фольклора еще на базе Фольклорной секции Института по изучению народов СССР велось начиная с 1931 г. Особенно отщательно в этом отношении были обследованы промышленные предприятия и рабочие районы Ленинграда и Ленинградской области. В Фонограммархиве и Рукописном собрании Отдела отложились богатые материалы для исследования этого вида народного творчества, которое продолжалось в послевоенные

годы. Работы о рабочем фольклоре ввели его в круг академических исследований, положив начало перспективному направлению в современной фольклористике.

В 40—60-е годы в работе фольклористов Пушкинского Дома появились новые темы, в том числе и непосредственно связанные с современностью. Среди них важнейшее идеологическое и научное значение имело обращение к фольклору Великой Отечественной войны. Собираание его, как уже говорилось выше, началось еще в годы войны, после окончания которой народному творчеству этой героической эпохи в жизни народа посвящаются заседания и конференции, ведутся его записи и изучение, т. е. материал готовится к серьезному исследованию и публикации. Одной из самых значительных работ в этом направлении стала изданная в 1964 г. коллективная монография «Русский фольклор Великой Отечественной войны», отразившая проблемы собирания и изучения военного фольклора, бытования его традиционных форм в военное время, а также раскрывшая идейно-эстетические особенности народнопоэтического творчества Великой Отечественной войны и отдельных его жанров (отв. ред. В. Е. Гусев).

Особое направление в работе фольклористов Пушкинского Дома составляет текстологическое изучение и издание памятников традиционного фольклора и записей современного. Эта работа велась еще в довоенные годы, а первым ее результатом можно считать выход из печати тома «Былин Севера», подготовленного А. М. Астаховой (1938). С тех пор издание памятников, временно приостановленное войной, постоянно занимает в деятельности Отдела очень значительное место и выдвигает Пушкинский Дом в число крупнейших советских центров по изданию фольклорного наследия. Здесь подготовлены и изданы «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом» в трех томах (1949—1951), «Былины Севера», подготовленные А. М. Астаховой (II т. — 1951), «Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях» (1956), «Русские народные песни Поволжья» (1959), «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв.» (1960), «Исторические песни в четырех томах» (1960—1973), «Былины Печоры и Зимнего берега» (1961), «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова» (1961), «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века» (1961), «Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера» в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой (1962), «Песни Печоры» (1963), «Великорусские сказки в записях И. А. Худякова» (1964), «Частушки в записях советского времени» (1965), «Загадки» (1968). В настоящее время серия «Памятники народного творчества» продолжается и представляет своего рода подготовительный этап к созданию в будущем Свода русского фольклора.

Серия «Памятники фольклора» — это научное издание текста, снабженное исследованием, комментарием и — при публика-

ции словесно-музыкальных произведений — нотным приложением. Однако даже обширное собрание таких изданий не дает более или менее полного представления не только о русском народном творчестве в целом, но и об отдельных его жанрах. Учитывая это обстоятельство, Пушкинский Дом еще в предвоенные годы выдвинул идею создания Свода русского фольклора, который мог бы представить читателю общую картину устнопоэтического творчества русского народа в его историческом развитии и современном состоянии. Первое обращение к мысли о Своде русского фольклора относится к 1938 г., когда была создана инициативная группа под председательством писателя-академика А. Н. Толстого. В группу вошли московские и ленинградские фольклористы (М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, Е. В. Гиппиус, Ю. М. Соколов, М. А. Рыбникова, В. И. Чичеров и др.), представители Союза советских писателей К. И. Чуковский и А. Н. Нечаев. В первых числах декабря 1938 г. в Москве состоялось заседание комиссии, на котором был выработан проект издания Свода русского фольклора в тридцати восьми томах. Однако предложенный в 1938 г. вариант Свода не представлял собою полного собрания произведений народного творчества. Предполагалось подготовить издание избранных образцов народного творчества. Для того времени создание полного Свода фольклора было немыслимо ввиду отсутствия достаточной текстолого-эдиционной практики в этой области. Издание же избранных произведений фольклора было необходимо и для перспективного продолжения его изучения, и для получения опыта, необходимого при осуществлении в будущем максимально представительного Свода фольклора. Однако это издание осталось лишь в проектах, не осуществленных в связи с наступившей войной, после же ее окончания замысел трансформировался и в дальнейшем, в измененном виде, был воплощен в серии «Памятники фольклора», представляющей собою как бы отдельные части и фрагменты Свода.

К идее Свода фольклора Отдел вторично вернулся в 1954 г., когда его заведующим стал профессор М. О. Скрипиль. Это не означало возвращения к той форме Свода, которая обсуждалась до войны и по типу была близка антологии. Сейчас разрабатывался более обширный замысел, по своим принципам и задачам более отвечающий требованиям времени и науки. Свод мыслился как обширное издание из шести серий, посвященных былине, исторической песне, сказке, лирической песне, причитаниям и рабочему фольклору. Однако жанровый принцип в Своде совмещался с принципом антологическим, в его составе предполагалось переиздать ранее существовавшие классические сборники русского фольклора. В разработке принципов издания в этот раз Отделу удалось пойти значительно дальше, чем в предвоенные годы, — был разработан и издан проспект Свода, проведено его обсуждение, — но работу пришлось приостановить. Это было вызвано как смертью инициатора Свода профессора М. О. Скрипиля, так

и недостатком в то время высококвалифицированных кадров фольклористов-текстологов, способных осуществлять столь сложное издание.⁸

Издание начато не было, но сама идея Свода не забылась. Двадцать лет спустя она возрождается и вновь начинает разрабатываться, но уже на научном уровне, соответствующем современному состоянию фольклористики. Принципы издания, отличные от двух предшествующих замыслов, разработаны в многочисленных обсуждениях на заседаниях и конференциях, а также в специальном труде «Проблемы Свода фольклора».⁹ В предполагаемом издании выдержан принцип жанровости, и сейчас идет работа над первой серией — «Былины». Создание Свода фольклора займет десятилетия, но осуществление этого издания должно иметь непреходящую культурную и историческую ценность и, кроме того, станет основой для широкого развития фольклористических исследований, которые ныне нередко тормозятся из-за отсутствия необходимых источников, рассеянных по многочисленным изданиям и архивам.

Свод русского фольклора — главнейшая работа, которую исполняет Отдел, но не единственная. Второй труд, к которому он готовился годами, касается проблемы исторических взаимосвязей литературы и фольклора. Это одна из центральных тем исследования на протяжении 70-х и 80-х годов. Начало изучению проблемы было положено еще в 50-х годах, когда под редакцией М. О. Скрипиля был выпущен четвертый том «Вопросов советской литературы», посвященный отражению фольклора в советской литературе. С тех пор тема разрабатывалась в рамках серийного издания «Русский фольклор» и других изданий Института. Позднее она стала изучаться самостоятельно, объединив исследователей, занимающихся как фольклором, так и разными эпохами в развитии литературы, от древней до советской включительно. Это исследование, — в части, относящейся к нашему времени, еще не заверщенное, — подвело итоги в своей области, сблизило фольклористов и литературоведов в общей работе, создав предпосылки для их дальнейшего сотрудничества, особенно необходимого и полезного в таком научном учреждении, каким является Пушкинский Дом. В 1970—1982 гг. вышли из печати три тома (в четырех книгах) труда «Русская литература и фольклор», охватывающие процесс взаимоотношений литературы и народного творчества с XI в. до начала XX столетия.

⁸ Свод русского фольклора: Проспект / Сост.: А. М. Астахова, Н. П. Колпакова, А. Н. Лозанова, Н. В. Новикова, Б. Н. Путилов, К. В. Чистов, П. Г. Ширяева. Отв. ред. М. О. Скрипиль. Л., 1956. — Об обсуждении проспекта см.: Новиков Н. В. Свод русского фольклора // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 317—324.

⁹ Русский фольклор. Т. 16. Проблемы «Свода русского фольклора». Л.: Наука, 1977. — В названном издании опубликован проспект Свода в целом, а также проспект его первой части, посвященной былинам, на обсуждении вынесены проблемы классификации, систематизации, группировки других фольклорных жанров, составляющих последующие части издания Свода.

В развитии фольклористических исследований в Пушкинском Доме большую роль сыграло серийное издание «Русский фольклор», выходящее с 1956 г. В послевоенные годы оно заменило «Советский фольклор», прекратившийся на седьмом томе в 1941 г. При отсутствии в нашей стране серийных или периодических изданий по русскому народному творчеству вообще «Русский фольклор» исполнял и исполняет до сего времени в значительной степени как собственно научные, так и организационные функции. Выпущено в свет 19 томов этого издания, ставшего в последнее время ежегодным. «Русский фольклор» публикует статьи по теории и истории фольклора, печатает новые материалы, библиографии, доклады, читавшиеся на сессиях и конференциях, хроникально-информационные материалы. Привлекая широкий круг фольклористов, работающих в разных городах страны, «Русский фольклор» тем самым способствует всеобщему единению собирательской и научной деятельности в области русского фольклора. В последнее время тома «Русского фольклора» стали преимущественно тематическими, что позволяет одновременно публиковать комплекс материалов, посвященных тому вопросу, который в данное время Отдел разрабатывает. Тематические тома издания посвящены (начиная с VIII) народной поэзии славян, проблемам современного народного творчества, специфике фольклорных жанров, историческим связям в славянском фольклоре, поэтике русской народной песенности и прозы, отражению социального протеста, принципам издания Свода русского фольклора, вопросам фольклористической теории и полевой работы.

Создание Свода русского фольклора, исследование взаимосвязей народного творчества и литературы, издание «Русского фольклора» — таковы главные практические результаты деятельности Отдела на нынешнем этапе его существования, базирующиеся на интенсификации экспедиционной работы и систематическом анализе источников, сосредоточенных в Фонограммархиве и в Фольклорном архиве.

Традиции фольклорных экспедиций Пушкинского Дома восходят еще к концу 20-х—началу 30-х годов, т. е. к эпохе, предшествовавшей созданию в системе Академии наук Фольклорной комиссии. Собрание народного творчества, советского и традиционного, стало одной из задач Фольклорной комиссии, которая в 30-е годы организует экспедиции на Северный Кавказ и в Закавказье, в Восточную Сибирь и Белоруссию, в Карелию, Удмуртию, Башкирию, Марийскую АССР, в Ленинградскую, Вологодскую, Московскую, Архангельскую области. Стационарные записи певцов и сказителей, приезжавших в Ленинград, ведутся непосредственно на их выступлениях или прямо в Пушкинском Доме. Специально собирается рабочий фольклор на промышленных предприятиях Ленинграда или в экспедициях, выезжавших в Тулу, Сормово, Петрозаводск и др. В 1939 г. проводится экспедиция в Сталинградскую область для записи фольклора об обороне Царицына. Таким образом, сначала Фольклорная комиссия, а с 1939 г. Отдел фольклора народов СССР вели

широкую экспедиционную работу, записывая русский традиционный фольклор, фольклор народов СССР, а также ведя интенсивное исследование современного русского народного творчества, особое внимание уделяя рабочему фольклору и фольклору гражданской войны и революции.

Собирание фольклора не прекращалось даже в военные годы, когда особую ценность представляли собою записи фронтового, партизанского или блокадного фольклора. Однако по-настоящему широко собирание фольклора было налажено в послевоенные годы, когда Институт стал вести планомерную и систематическую собирательскую работу, не ограничивая ее традиционным фольклором, а активно вторгаясь в современность и записывая образцы народного творчества наших дней.

За последние 40 лет проведено свыше 70 экспедиций, работавших в самых разных областях нашей страны. Сотрудники Института записывали фольклор в Ленинградской, Псковской, Великолукской, Новгородской, Архангельской, Белгородской, Вологодской, Горьковской, Мурманской, Астраханской, Пермской, Калининской, Костромской областях, в Карельской, Якутской и Коми АССР. Экспедиции эти проводятся, как правило, самостоятельно, силами фольклористов Пушкинского Дома, а иногда при участии местных собирателей и домов народного творчества. Однако собрание фольклорных материалов, звуковых и письменных, значительно шире и не ограничивается результатами фольклорных экспедиций.

Фольклорный архив и Фонограммархив начали формироваться задолго до образования Отдела устного народнопоэтического творчества в Пушкинском Доме. Фольклорный архив, представляющий собою источниковедческую основу для многих фольклористических работ, является одним из крупнейших в нашей стране. В основу его положены материалы экспедиций Государственного института истории искусств на Север, Волынь, в Среднюю Азию и экспедиций Ленинградской государственной консерватории в Закавказье и Восточную Сибирь (1926—1930), которые в составе общего комплекса Фольклорной комиссии в 1939 г. поступили в Пушкинский Дом, дополненные результатами экспедиций, в 1930—1938 гг. проведенных сначала Институтом по изучению народов СССР, а позднее Институтом антропологии и этнографии. Таким образом, в довоенные годы Фольклорный архив концентрировал не только записи русского народного творчества, но и иноязычного, преимущественно фольклора народов СССР. Здесь хранятся записи гурийских и осетинских песен, татарского фольклора, карельских и вепских песен и частушек и многое другое. После же преобразования Отдела фольклора народов СССР в Отдел русского народнопоэтического творчества (до 1986 г. он назывался Сектором) Фольклорный архив стал пополняться только русскими записями. С 1939 г. сюда поступают материалы всех экспедиций, проведенных Пушкинским Домом, а также значительная часть материалов, собранных экспедициями Ленинградского государствен-

ного университета, Московского государственного университета, Института языка, литературы и истории Якутского филиала Академии наук СССР, Новгородского педагогического института, Горьковского государственного университета и других научно-исследовательских учреждений и учебных заведений страны. Кроме того, значительную часть фондов Фольклорного архива составляют личные коллекции собирателей и ученых-фольклористов, среди которых следует назвать материалы Е. Э. Линевой, занимавшейся собиранием фольклора в конце XIX—начале XX в., записи былин, песен и причитаний от сказительницы М. Д. Кривополеновой, сделанные в Архангельской области О. Э. Озаровской, собрание детского фольклора О. И. Капицы и др. В целом Фольклорный архив представляет русское народное творчество XX в., особенно 30—80-х годов, в его важнейших проявлениях и становится основой для многих исследовательских работ Отдела, в том числе для серии «Памятники русского фольклора», в составе которой только в последнее время появился ряд книг с публикациями материалов Фольклорного архива либо полностью на них опирающихся («Песни и сказки Пушкинских мест» и др.).

Если Фольклорный архив отражает общее состояние народного творчества XX в. в записях, то функционирующий рядом с ним Фонограммархив осуществляет то же самое, но уже в звуковом варианте. Возник Фонограммархив в 1931 г. Уже в самом начале своего существования он был одним из крупнейших хранилищ фольклорных материалов. Его фонды по количеству записей не уступали старейшему в Европе фонограммархиву при Венской Академии наук.¹⁰ Заключая богатейшее собрание записей, выполненных преимущественно на восковых валиках, Фонограммархив при своем основании уже стал обладателем ценнейших коллекций звуковых записей, старейшая из которых относится к 1899 г. Основной состав Фонограммархива сложился еще до 1939 г., до передачи его Пушкинскому Дому. Поэтому состав его и характер определяются не только профилем занятий Пушкинского Дома или Отдела устного народнопоэтического творчества, но и историческими условиями формирования, обусловившими сосредоточение в нем огромного количества записей фольклора народов СССР и народов мира, исследованием которого Пушкинский Дом не занимается.

К моменту передачи Фонограммархива в Пушкинский Дом он представлял собою огромное собрание звукозаписей, в основном фольклора народов СССР, в том числе свыше 30 коллекций записей русского фольклора. Самую скромную часть Фонограммархива составляли копии записей зарубежного фольклора, главным образом восточного. В послевоенные годы эта часть заметно пополнилась, и теперь в ней представлены многие народы мира, хотя записи их фольклора порою и случайны.

¹⁰ Гиппиус Е. В. Фонограммархив Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии наук СССР // Советский фольклор: Сборник статей и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 4—5. С. 406.

Сейчас пополнение Фонограммархива идет главным образом за счет записей, сделанных экспедициями или отдельными собирателями, а поэтому поступающие сюда материалы представляют в своей подавляющей части русское народное творчество. В последние годы оборудованный новейшей техникой Фонограммархив обслуживает все экспедиции Пушкинского Дома. Каждую из них в обязательном порядке сопровождает инженер по звукозаписи, а поэтому техника и качество современных записей значительно выше тех, что производились здесь десять или двадцать лет тому назад. Эта же техника позволяет сейчас производить высококачественную реставрацию записей, сделанных на восковых валиках, переводить на металлическую основу и тем самым навечно сохранять записи, изначально не рассчитанные на длительное хранение.

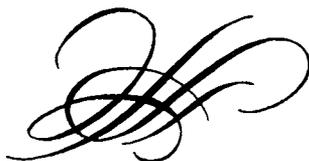
С довоенных пор Фонограммархив ведет не только собирательскую, но и исследовательскую работу. Его материалы используются при подготовке фольклорных публикаций, в том числе и сводов фольклора разных народов нашей страны, к ним обращаются иностранные ученые, русская их часть прежде всего находит отражение в трудах Пушкинского Дома, особенно в серии «Памятники русского фольклора», во многих томах которой приводятся обширные нотные приложения — воспроизведение музыкального сопровождения публикуемого текста.

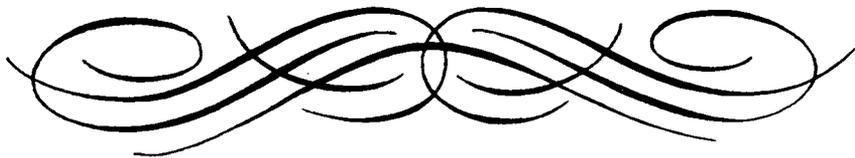
Фольклорный архив и Фонограммархив, концентрируя богатейшие материалы по русскому фольклору, в настоящее время включаются в общую систему работ по подготовке Свода русского фольклора, с которым деятельность их будет связана на протяжении многих лет. Впрочем, деятельность Отдела в целом с каждым годом все более и более будет определяться Сводом русского фольклора, на создание которого будут нацелены все существующие в Отделе подразделения и научные направления — текстология, музыковедение, теория фольклора, экспедиции и пр.

Значительное место в деятельности Отдела занимает его справочно-библиографическая служба, основывающаяся на фондах специализированной фольклористической библиотеки, работающей при Отделе. Именно здесь начата и сейчас продолжается библиография советской фольклористической литературы (1917—1980), четыре тома которой, подготовленные М. Я. Мельц, в 1961, 1966, 1967, 1984—1985 гг. вышли в свет. В 1981 г. издан ею же составленный указатель фольклористической литературы за 1901—1916 гг., а в 1987 г. появился указатель литературы за 1976—1980 гг. (сост. Т. Г. Иванова). Задача дальнейших исследований в этой области состоит в продолжении библиографии до наших дней, составлении библиографического свода за дореволюционный период и в библиографическом обслуживании работ по подготовке Свода русского фольклора.

Более сорока лет работает в Пушкинском Доме Отдел, занимающийся изучением народнопоэтического творчества. За это время он претерпел серьезную эволюцию: изменился его профиль, изменились цели и задачи, в программе его деятельности появились фунда-

ментальные исследования, которые невозможно было проводить без длительной и многосторонней подготовки. В этом Отделе на всем протяжении его деятельности в Пушкинском Доме работали крупнейшие ученые-фольклористы, среди которых прежде всего следует назвать председателя Фольклорной комиссии, а с 1939 г. заведующего Отделом фольклора народов СССР М. К. Азадовского, А. М. Астахову, А. И. Никифорова, М. О. Скрипиля, В. Я. Проппа, Н. П. Андреева, В. Г. Базанова, Б. Н. Путилова и др. Отдел народно-поэтического творчества (заведует А. А. Горелов), ведя широкие исследования теоретического, историко-литературного, текстологического и библиографического плана, реально стимулирует изучение русского фольклора и энергично способствует координации этих исследований в масштабе страны.

ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИТЕРАТУР

Мысль об изучении взаимосвязей литератур появилась в Пушкинском Доме после преобразования его в научно-исследовательский институт. До этого отдельные — очень редкие — статьи из области взаимосвязей появлялись в трудах Пушкинского Дома, но специального внимания эта проблема не привлекала. Пожалуй, первыми или одними из первых выступлений по вопросам взаимосвязей следует считать напечатанные в посвященном А. Н. Островскому сборнике (1924) статьи С. Ф. Ольденбурга «Перевод южно-индийской народной драмы „Дэвадасси-Баядерка“» и Н. В. Яковлева «Островский — переводчик „Антония и Клеопатры“». Затем последовало кропотливое исследование отражений французской литературы и французских дел 1830—1831 гг. и польского восстания в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово, изданных в 1927 г. Еще год спустя появилась составленная В. И. Масловым библиография «Оссиан в России». Названные работы почти полностью исчерпывали тему взаимосвязей в деятельности Пушкинского Дома в 20-е годы. Немногочисленность работ в этой области обусловлена как характером деятельности Пушкинского Дома в целом, так и специализацией его сотрудников, занятых в это время преимущественно исследованиями источниковедческо-публикационного типа.

После преобразования Пушкинского Дома в научно-исследовательский институт первые работы по взаимосвязям печатаются в сборнике, выпущенном в 1934 г. к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Это статьи М. П. Алексеева, В. М. Жирмунского, М. К. Клемана, П. Н. Беркова, Н. С. Державина, Н. К. Козмина, И. Ю. Крачковского, А. И. Малеина, М. Н. Розанова, Д. П. Якубовича и др. В истории Пушкинского Дома этот сборник занимает особое место: здесь впервые широко представлены исследования взаимосвязей русской литературы с литературами славянскими, западными и восточными. И это не случайно: именно в 1934 г. в Институте создается Группа по изучению литературных влияний (руководитель В. М. Жирмунский). Если

судить по названию, то Группа должна была ограничить свою деятельность проблемой влияний, хотя на деле она занималась изучением более широкого круга вопросов из области взаимосвязей литератур, а также обращалась к исследованию западных литератур.

Группа по изучению литературных влияний просуществовала недолго. В результате встреч В. А. Десницкого и Ю. Г. Оксмана с М. Горьким, в 1935 г. ставшим директором Института, было признано целесообразным создать в Институте Западный отдел. С такой просьбой М. Горький обратился в Президиум Академии наук СССР, который своим решением от 25 октября 1935 г. эту просьбу удовлетворил. В деятельности Западного отдела принимали участие как штатные сотрудники Института, так и ученые, организационно в него не входившие. Было задумано серийное издание отдела «Западный сборник», первый и единственный том которого вышел в 1937 г. Первая часть этого труда была посвящена истории западных литератур, а вторая — взаимоотношениям литератур России и Запада в XVIII—XIX вв. Здесь были опубликованы статьи Л. В. Пумпянского, Н. П. Верховского, Д. П. Якубовича, М. Л. Тронской, Б. М. Эйхенбаума, А. А. Морозова. Эта публикация осталась единственным коллективным выступлением Западного отдела по проблемам взаимосвязей. Кроме названного сборника, здесь были изданы монографические исследования В. М. Жирмунского «Гете в русской литературе» (1937) и С. Мокульского «Расин. К 300-летию со дня рождения» (1940). В предвоенные годы Западный отдел разработал проспект труда «История западных литератур». Осуществление этого замысла приостановила война. Лишь в 1946 г. удалось издать первый том «Истории французской литературы». Все остальные части этого замысла после ликвидации в Пушкинском Доме Западного отдела (1949) были переданы для завершения в Институт мировой литературы им. М. Горького в Москве, который впоследствии подготовил и издал «Историю немецкой литературы», «Историю английской литературы» и завершил, выпустив второй и третий тома, «Историю французской литературы».

Исследования взаимосвязей русской литературы с зарубежными продолжались и после закрытия Западного отдела, но в первое послевоенное десятилетие они велись от случая к случаю, без определенного плана и необходимой целенаправленности.

В 1956 г., в связи с 50-летием Пушкинского Дома, Президиум Академии наук СССР обратил внимание на неудовлетворительность изучения взаимосвязей литератур и предложил организовать в Институте специальный сектор, который исключительно занимался бы этими исследованиями. Сектор взаимосвязей русской и зарубежных литератур был создан по решению Президиума Академии наук СССР от 11 января 1957 г. Его возглавил крупнейший специалист в области русской и западноевропейских литератур и их взаимосвязей академик М. П. Алексеев. С этого времени в Институте начинается планомерное и систематическое

исследование взаимосвязей русской литературы с зарубежными. Конечно, в центре внимания в первое время оказываются связи русской литературы с литературами Западной Европы, главным образом с французской, немецкой и английской. Это объясняется и научными традициями, и специализацией научных сотрудников Сектора, и ролью названных литератур в развитии русской литературы. Однако вскоре круг интересов Сектора стал заметно расширяться. В программу его исследований вошла итальянская литература, выполнены большие работы, посвященные освоению русской литературой античного наследия, стали изучаться связи русской литературы со всеми скандинавскими литературами, с испанской литературой. Можно сказать, что на разных этапах своего развития Сектор обращался к исследованию связей русской литературы почти со всеми западноевропейскими литературами. В сферу исследований Сектора вошли и славянские литературы, изучение которых стимулируется дополнительно деятельностью Советского комитета славистов и регулярно проводящимися съездами славистов.¹

Изучение взаимосвязей в созданном в 1957 г. Секторе, ограничиваясь преимущественно XVIII и XIX вв., идет по нескольким направлениям. Первое из них связано с источниковедением, т. е. разысканиями новых материалов, введением их в научный оборот, с информационно-справочными и комментаторскими опытами. Результаты этих исследований излагались в свое время в сборнике «Русские источники для истории зарубежных литератур» (1980), в комментариях к письмам Тургенева в академическом издании его сочинений, в реферативном бюллетене, в течение ряда лет осуществлявшемся Сектором (бюллетень не издавался), в справочнике «Библиотека Вольтера» (1961), вышедшем при редакторском участии М. П. Алексева, и, наконец, в сборнике публикаций «Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков» (1960), в котором напечатаны и прокомментированы письма зарубежных писателей из ленинградских архивных собраний, обнаруженные в послевоенные годы. В этом сборнике представлено эпистолярное наследие Жан-Жака Руссо, Бомарше, Парни, Гете, Шиллера, Гофмана, Мериме, Гюго, Вальтера Скотта, Купера, Гейне, Андерсена, Франса, Доде, Сенкевича и др.

Другое направление в деятельности Сектора посвящено изучению процесса взаимосвязей, отдельных периодов этого процесса и крупнейших его явлений. Результаты этих исследований, которые ведутся с момента основания Сектора, излагаются в сборниках, посвященных определенным эпохам в мировом литературном развитии и к настоящему времени составивших целую серию, хронологически доведенную до конца XIX в.: «Эпоха Просвещения» (1967), «От классицизма к романтизму» (1970), «Ранние романтиче-

¹ Библиографию работ Сектора взаимосвязей русской и зарубежных литератур Пушкинского Дома за 1958—1975 гг., составленную А. В. Лавровым, см. в кн.: Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1975. С. 249—264.

ские веяния» (1972), «Эпоха романтизма» (1975), «От романтизма к реализму» (1978), «Эпоха реализма» (1982). Сейчас идет работа над заключительной книгой, посвященной рубежу XIX и XX вв. В этой серии процесс русско-европейских связей рассматривается с точки зрения восприятия наследия выдающихся западноевропейских писателей XVIII—XIX вв. в России, т. е. изучается роль и значение зарубежного литературного наследия для развития русской литературы. Здесь мы найдем работы о восприятии в России английской просветительской журналистики XVIII в., швейцарской повести, скандинавской литературы, творчества Вольтера, Руссо, Лессинга, Гольдони, Шиллера, Жермены де Сталь, Чарлза Метьюрина и др. Таким образом, в сферу исследования вводятся не второстепенные, а важнейшие явления из области взаимосвязей, представляющие собой узловые моменты в общем процессе взаимосвязей западноевропейских литератур с литературой русской. Шесть томов, подготовленных Сектором, можно рассматривать как очерки по истории русско-западноевропейских литературных отношений, представляющие собою шаг на пути к их систематической истории, создание которой становится задачей не столь отдаленного будущего в развитии этой отрасли литературной науки.

Серия работ о восприятии западноевропейских литератур в России создается в Секторе не изолированно, а в тесной связи с его другими работами, представляющими собою коллективные труды, посвященные решению важнейших проблем взаимосвязей, монографические исследования, сборники с конкретными разысканиями, публикациями, справочными материалами, — т. е. основной труд в Секторе создается в тесном окружении других исследований, которые, с одной стороны, дополняют и конкретизируют некоторые его положения, проблемы, выводы, с другой — развивают ранее намечившиеся темы или темы, по своей значительности требующие самостоятельной разработки.

В сборниках, иногда издаваемых параллельно с основным трудом, содержание разнообразнее, и статьи, в них заключаемые, имеют, как правило, более частный характер. В них ставятся вопросы теории перевода, роли «литературы-посредника» в истории литературных связей, но самое главное, что отличает эти сборники от серийного издания, — это постоянное и целенаправленное обращение в них ко второй стороне процесса взаимосвязей: к отражению и восприятию русской литературы на Западе. Эта тема разрабатывается в статьях иностранных ученых в сборнике «Международные связи русской литературы» (1963), ей посвящен весь первый раздел сборника «Россия и Запад» (1973). Наконец, с этой точки зрения нельзя не назвать сборники «Русско-европейские литературные связи» (1966), «Сравнительное изучение литератур» (1976) и «Восприятие русской культуры на Западе» (1975), посвященные 70-летию и 80-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева, для которого изучение истории распространения и восприятия русской литературы на Западе, иссле-

Академик М. П. Алексеев.

дование международного авторитета русской литературы и ее величайших представителей является одним из центральных направлений его научного творчества. В этой области литературной науки им разработаны методические и методологические принципы исследования, особенно связанные с именами Пушкина, Гоголя, Белинского, Тургенева, Чернышевского и др. Все это объясняет появление в Пушкинском Доме первых трудов, посвященных зарубежным восприятиям русской литературы. Соединение двух направлений — изучение восприятия западных литератур в России и русской литературы на Западе — несомненно приближает нас к тому времени, когда наука перейдет к созданию истории взаимосвязей двух литератур и, наконец, истории международных связей русской литературы в целом.

Говоря об изучении взаимосвязей литератур в Пушкинском Доме, о деятельности специально в этой области работающего сектора, нельзя не остановиться на фундаментальном исследовании, которое можно считать крупнейшим достижением названного Сектора и одновременно серьезным шагом на пути изучения

русско-английских литературных отношений, — на изданной в 1965 г. под редакцией академика М. П. Алексеева коллективной монографии «Шекспир и русская культура». Это коллективное исследование, хотя оно и не охватывает всех встреч русской культуры с наследием Шекспира, является итоговым: в нем критически суммируются накопленные ранее знания о восприятии Шекспира на русской почве и процесс этого восприятия воссоздается с возможной полнотой и привлечением всей необходимой для этого исторической и литературной документации. Шекспир — центральная или одна из центральных фигур в процессе проникновения и восприятия английской литературы в России XVII—XIX вв. Процесс его восприятия многоаспектен и касается самых разных сфер и отраслей нашей культуры, а поэтому сделанные выводы имеют значение, далеко выходящее за рамки литературных взаимосвязей, и касаются развития русской литературы и культуры в целом.

В настоящее время в Секторе взаимосвязей русской и зарубежных литератур (его сейчас возглавляет доктор филологических наук П. Р. Заборов) создается «История русской переводной художественной литературы» в четырех томах, охватывающая период от начала XVIII в. до Великой Октябрьской революции. В этом труде коллектив авторов исследует взаимодействие отечественной и переводной словесности, изучает процесс освоения в России мировой литературы, значение ее переводов для русской культурной и общественной жизни.

Кроме исследования переводной литературы сотрудники Сектора то и дело обращаются к различным проблемам сравнительного литературоведения, реализуя результаты их изучения в сборниках и коллективных трудах: «Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы» (1980), «Многоязычие и литературное творчество» (1981), «Взаимосвязи русской и зарубежных литератур» (1983), «Русская литература и зарубежное искусство» (1986).

Одновременно с коллективными трудами в секторе создается ряд монографических исследований. Среди них книги академика М. П. Алексеева «Пушкин. Сравнительно-исторические исследования» (1972), где творчество великого русского поэта рассматривается на фоне и в тесной связи с историей русской и мировой культуры (в 1975 г. книга удостоена академической премии им. В. Г. Белинского), «Словари иностранных слов в русском Азбуковнике XVII века» (1968), А. Н. Егунова «Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков» (1964), Ю. Д. Левина «Оссиан в русской литературе. Конец XVIII — первая треть XIX века» (1980), «Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода» (1985), П. Р. Заборова «Русская литература и Вольтер» (1978), Д. М. Шарыпкина «Скандинавские литературы в России» (1975), Р. Ю. Данилевского «Молодая Германия и русская литература» (1969), «Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII—XIX вв.» (1984), В. Е. Багно «Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании» (1982) и др.

Комплекс трудов Сектора, включающий коллективные монографии, серийные издания, отдельные сборники и индивидуальные монографии, ориентирован в сторону западных литератур, но это не значит, что интересы Сектора сосредоточены на них исключительно. В центре внимания Сектора, особенно в последнее время, находятся и славянские литературы, дающие широкий простор и возможности для исследования русско-славянских литературных отношений. Монографии и коллективные труды Сектора касаются всех славянских литератур и дают богатый материал для воссоздания истории русско-славянских литературных связей. В Секторе стало традицией выпускать посвященный русско-славянским отношениям сборник к каждому Международному съезду славистов, начиная с пятого. Эти сборники представляют читателю статьи общего характера о взаимосвязях литератур, их формировании, развитии, национальных особенностях, исследования конкретных явлений из области международных контактов русской литературы, материалы, сообщения, библиографии. Некоторые из работ, в этих сборниках помещенные, представляют собой варианты докладов, предназначенных для Международных съездов славистов. Руководящая роль в этом принадлежала академику М. П. Алексееву, который был председателем Советского комитета славистов и председателем Международного комитета славистов. После его смерти Институт подготовил к девятому и десятому съездам славистов труды «Духовная культура славянских народов» (1983) и «Литературные связи славянских народов» (1988).

Труды, приурочиваемые к Международным съездам славистов, являются основными работами Института в области славистики. Иногда параллельно с ними разрабатываются темы более широкие, которые не могут быть реализованы в составе сборников. К таким работам, например, относятся монографии К. И. Ровды «Чехи и русские в их литературных взаимосвязях» (1986) и «Россия и Чехия. Взаимосвязи литератур» (1978), Л. И. Ровняковой «Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать» (1986). Все эти работы, коллективные и индивидуальные, расширяют наши представления о контактах и отношениях русской литературы с литературами Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии и готовят почву для осуществления более широких исследований в этой области, в том числе исследований, проводимых совместно с учеными славянских стран.

В последнее время Институт осуществил цикл исследований, посвященных русско-болгарским литературным связям. Эти работы производились Пушкинским Домом совместно с Институтом литературы Болгарской Академии наук, и результаты их в 1976 и 1977 гг. опубликованы в двухтомнике «Русско-болгарские литературные связи», изданном к столетию освобождения Болгарии от иноземного ига. В содружестве с этим же институтом подготовлены и изданы в Болгарии сочинения Козьмы Пресвитера и славянский перевод хроники Константина Манассии. Сейчас в изучении русско-болгарских литературных связей сделано очень много, и необходимы еще неболь-

шие разыскания, чтобы приступить к созданию истории взаимосвязей русского и болгарского народов в области литературы. Параллельно Институт ведет сотрудничество с учеными других социалистических стран, разрабатывая проблемы теории и методологии, социалистического реализма, пушкиноведения и пр.

Главная цель изучения взаимосвязей русской литературы с зарубежными, в конечном итоге, — создание истории международных связей и отношений русской литературы на всем протяжении их существования, от древности до наших дней. Однако такую историю нельзя написать сразу и силами одного специального подразделения. Подготовка к такому труду должна быть длительной, трудоемкой и очень широкой по размаху исследований, она требует усилий авторских коллективов всех секторов Института. И в Пушкинском Доме начало этому уже положено. Ведется эта работа не только в Секторе взаимосвязей русской литературы с зарубежными, который занят изучением главным образом международных контактов русской литературы в XIX в. Исследование зарубежных связей древнерусской литературы успешно осуществляется в Отделе древнерусской литературы, XVIII века — в Секторе по изучению литературы этого периода. Значительно скромнее обстоит дело с изучением литературных контактов русской литературы XX в. и советской литературы, где поле деятельности для исследователей обширно и открывающиеся перед ним перспективы весьма заманчивы.

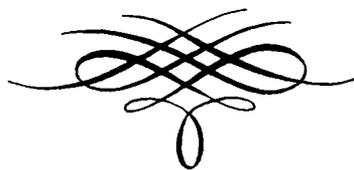
Изучение международных связей древнерусской литературы началось с возникновением в начале 30-х годов Отдела древнерусской литературы. Уже во втором томе Трудов Отдела, вышедшем в 1935 г., печатается целый ряд статей по взаимосвязям. Среди них работы М. П. Алексеева, В. В. Данилова, П. Н. Беркова, А. Е. Рыздзевской и др. Исследование взаимосвязей продолжается и в других томах этого издания, вышедших до войны. В послевоенные годы эта тема разрабатывается как в частных исследованиях, статьях и публикациях, так и в монографиях и коллективных трудах, какими являются, например, монография А. М. Панченко о чешско-русских литературных связях XVII в. или коллективные труды «Русская литература XI—XVII веков среди славянских литератур» (1963), «Литературные связи древних славян» (1968), вышедшие в свет в серии «Трудов Отдела древнерусской литературы». В этих работах древнерусская литература рассматривается в широком международном контексте, и в настоящее время здесь уже намечаются реальные возможности для перехода от частных разысканий к обобщающим исследованиям.

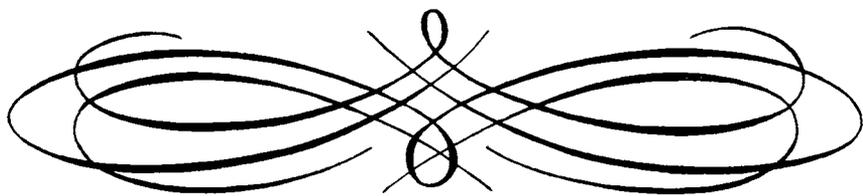
Тема международных связей русской литературы XVIII в. разрабатывалась в ряде выпусков серийного издания «XVIII век». В этой области много сделал П. Н. Берков. Его труды и работы Группы по изучению русской литературы XVIII в. открывают перспективы для серьезного развития исследований литературных взаимосвязей этой эпохи. В недалеком будущем здесь могут быть созданы условия для осуществления обобщающего труда, посвя-

щенного международным отношениям и контактам русской литературы XVIII в.

Взаимосвязи русской литературы с зарубежными в XIX в. изучаются не только в специальном секторе, но и в других научных подразделениях Института. Проблемой восприятия наследия Пушкина за рубежом занимается Сектор пушкиноведения. Здесь создан труд «Пушкин и мировая литература» (1974), сейчас при участии научных учреждений Болгарии ведется работа по составлению библиографии «Пушкин в Болгарии». В Отделе новой русской литературы были подготовлены книги Ф. Я. Приимы «Русская литература на Западе» (1970) и посвященная изучению русской литературы за рубежом монография А. Л. Григорьева (1977).

Деятельность Пушкинского Дома по изучению взаимосвязей литератур в послевоенные годы развивается ускоренными темпами, о чем свидетельствуют десятки исследований, за это время здесь осуществленных. Такое внимание к области взаимосвязей вполне естественно, потому что изучение истории русской литературы при сегодняшнем уровне науки можно вести лишь на широком фоне международного литературного развития и в тесной связи с ним. Это обстоятельство предопределяет и перспективы исследований взаимосвязей, сейчас находящихся в стадии перехода от конкретных разысканий к широким обобщениям историко-литературного и теоретического характера, к созданию трудов по истории взаимосвязей русской литературы с литературами отдельных народов и, наконец, к обобщающей весь опыт предшествующего изучения истории международных отношений русской литературы, которая является главной целью всех исследований Пушкинского Дома в области взаимосвязей.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Первые труды Пушкинского Дома, появившиеся в 1914—1917 гг., носили справочно-информационный и текстологический характер. Они были выполнены на высоком профессиональном уровне, но не касались проблем теории литературы. Это же следует сказать и о научном наследии Пушкинского Дома в 20-е годы: активная собирательская деятельность продолжается, на результатах ее возникает ряд изданий публикационного, текстологического, справочного характера. Теоретические проблемы литературы в этих трудах, как правило, не обсуждаются и даже не ставятся.

С преобразованием Пушкинского Дома в научно-исследовательский институт, т. е. с 1930 г., положение меняется. Это изменение обусловлено в первую очередь переходом от собирательско-публикационной деятельности к деятельности исследовательской, требующей как обращения к важнейшим историко-литературным и теоретическим проблемам, так и четких методологических позиций при их решении. В процессе преобразования Пушкинского Дома это обстоятельство учитывалось, и в 1930 г. в Институте даже был создан Сектор теории и методологии. Существование его было кратковременным: он был расформирован, видимо, в первой половине 1931 г. В дальнейшем, на протяжении всех 30-х годов, теоретические проблемы решались усилиями отдельных научных подразделений Института, в которых в эти годы велись и острые полемические методологического свойства, в общих чертах сводившиеся к борьбе с вульгарно-социологическими воззрениями в науке и с формализмом.

В списке трудов Пушкинского Дома 30-х годов нет специальных работ по проблемам теории литературы, однако эти проблемы находят свое отражение в целом ряде историко-литературных исследований, посвященных творчеству отдельных писателей и вопросам русской и зарубежной литературы. В трудах Пушкинского Дома в это время исследуются, например, закономерности возникновения и развития русской литературы в средние века, изучаются проблемы

русского и западного реализма, рассматриваются значение и роль Пушкина в создании новой русской литературы и русского литературного языка. И конечно же, серьезным теоретическим оснащением отличается первая научная «История русской литературы» (в десяти томах), в которой рассматривались закономерности развития литературного процесса, его периодизация, значение традиций, связи литературы с общественным движением, наукой, искусством и многое другое. Можно сказать, что «История русской литературы» не только завершила цикл историко-литературных исследований Пушкинского Дома 30—40-х годов, но и подвела некоторые итоги развития здесь теоретической мысли.

В последние предвоенные годы интерес к теоретическим проблемам в Пушкинском Доме заметно усиливается. Выступая 10 января 1940 г. на заседании Ученого совета при обсуждении проекта создававшегося в Институте серийного издания «Вопросы теории литературы», директор Института академик П. И. Лебедев-Полянский отмечал: «Мы занимались теоретической работой, когда писали Историю литературы, но специфически теоретических томов или сборников мы не выпускали. Институт в данном случае впервые поднимается на еще более высокую ступень в этом отношении».¹ Однако война помешала изданию труда, который так и остался в рукописи.² Серия «Вопросы теории литературы» после войны не возобновлялась, и теоретические исследования в Пушкинском Доме стали развиваться по иным направлениям.

В послевоенные годы теоретическим положениям в трудах Пушкинского Дома уделяется больше внимания, но долгое время они разрабатываются в рамках историко-литературных исследований, не составляя самостоятельного направления в деятельности Института. Многие труды Института первых двух послевоенных десятилетий характеризуются интересом и вниманием к теории литературы, к методологии ее изучения. Среди них в первую очередь следует назвать, конечно, продолжающуюся «Историю русской литературы» в десяти томах, а также трехтомное исследование «Русское народнопоэтическое творчество», серийные издания «Труды Отдела древнерусской литературы», «Вопросы советской литературы», монографии и статьи Д. С. Лихачева, А. С. Бушмина, Б. И. Бурсова, В. А. Ковалева и др.

Исследования, посвященные теории литературы и методологии ее изучения, начали создаваться в Пушкинском Доме в начале 60-х годов. Одной из первых книг, специально разрабатывающих проблемы теории и методологии, стал сборник статей «В. И. Ленин и вопросы литературоведения» (1961). Этот сборник в Пушкинском Доме положил начало коллективному изучению важнейших проблем литературной науки и эстетики в свете работ В. И. Ленина. Следующей значительной работой

¹ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1940), № 16, л. 52.

² Там же, оп. 6, № 12.

в этом направлении стал вышедший в 1969 г. под редакцией А. С. Бушмина сборник «Наследие Ленина и наука о литературе», который был приурочен к столетию со дня рождения В. И. Ленина. В этой книге по сравнению с первой значительно расширен круг явлений, входящих в сферу исследования, русский литературный процесс более глубоко и полно соотнесен с общей системой эстетических воззрений Ленина и его исторической методологии, с ленинскими принципами научного анализа, в книге сделана попытка «определить значение для литературоведения тех положений обширного ленинского наследия, которые в этом аспекте еще мало затронуты».³ Названные книги — не единственные в программе исследований Пушкинского Дома труды, посвященные уяснению роли и значения ленинского наследия для развития нашей литературной науки. В 1970 г. вышли в свет сборник «Ленинское наследие и изучение фольклора», совместно с библиотекой Академии наук подготовленный библиографический справочник «Ленин и наука о литературе» (составитель Н. И. Желтова), в 1979 г. монография А. Н. Иезуитова «Ленин и проблемы реализма».

Таким образом, ленинская проблематика прочно вошла в программу исследований Института и стала важнейшей составной частью ее теоретико-методологического раздела.

Наряду с трудами, посвященными наследию В. И. Ленина, в начале 60-х годов появляются монографии Н. И. Пруцкова «Вопросы литературно-критического анализа» и В. Е. Гусева «Марксизм и русская фольклористика конца XIX—начала XX вв.», сборник «Проблемы реализма в русской литературе XIX века» (1961). Эти книги явились отражением нарастающего в Пушкинском Доме интереса к теоретическим, философским, методологическим проблемам литературной науки. Если до 60-х годов вопросы теории и методологии решались только в процессе историко-литературного исследования, то сейчас они, по-прежнему сохраняя свое место и роль в историко-литературных трудах, порою представляют собою предмет специального изучения. В 60-х годах к таким работам следует отнести монографии Б. С. Мейлаха «Художественное мышление Пушкина как творческий процесс» (1962), В. Е. Гусева «Проблемы фольклора в истории эстетики» (1963), К. Д. Муратовой «Возникновение социалистического реализма в русской литературе» (1966). К области теории литературы относятся и труды стиховедческой группы, работающей при Институте и возглавляемой В. Е. Холшевниковым. В послевоенные годы стиховедению уделялось очень мало внимания, поэтому два сборника, созданные этой группой, возбудили интерес к вопросам стиховедения в нашей науке и в какой-то степени ликвидировали существовавшие в ней пробелы.

Названные выше работы, а также коллективный труд «Вопросы методологии литературоведения» (1966) и монография А. С. Буш-

³ Наследие Ленина и наука о литературе. Л.: Наука, 1969. С. 11.

мина «Методологические вопросы литературоведческих исследований» (1969)⁴ заложили основу для более систематического и планомерного изучения теоретико-методологических проблем в Пушкинском Доме.⁵ Программа исследований в этой области определялась общими задачами нашей литературной науки и профилем Пушкинского Дома, разрабатывающего теоретические и методологические проблемы на прочном историко-литературном фундаменте. В коллективном труде «Историко-литературный процесс. Проблемы и методы изучения» (1974) теоретические положения ставятся и решаются на конкретных фактах литературного развития XIX и XX вв., т. е. этот труд еще раз подчеркнул особенность теоретических работ Пушкинского Дома, ведущихся в неразрывном единстве с историко-литературным исследованием и на основе конкретно-исторического материала.

В последующих работах продолжается теоретическое осмысление литературного развития, начатое в труде «Историко-литературный процесс. Проблемы и методы изучения». Выходят из печати сборники «Анализ литературного произведения» (1976), «О прогрессе в литературе» (1977). Вслед за ними завершаются коллективные труды «Взаимодействие наук при изучении литературы» (1981), «Литература и живопись» (1981), «Методологические вопросы науки о литературе» (1984).

Таким образом, разрабатываются важнейшие вопросы в этой области, встающие перед наукой сегодняшнего дня и определяющие пути дальнейшего ее развития. Однако исследование теоретических и методологических проблем ведется не только в форме сборников и коллективных трудов, но и производится также в монографических исследованиях и в сборниках, посвященных выдающимся деятелям литературного движения (Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Луначарский).

Монографические труды в большинстве своем продолжают и развивают те темы, которые разрабатываются в сборниках и коллективных трудах. Таковы монография А. С. Бушмина «Преемственность в развитии литературы» (1975), Е. Н. Купреяновой и Г. П. Макогоненко «Национальное своеобразие русской литературы», А. Н. Иезуитова «Социалистический реализм в теоретическом освещении» (1975), «Ленин и вопросы реализма» (1979), Л. И. Емельянова «Методологические вопросы фольклористики» (1977), Ю. А. Андреева «Движение реализма» (1978). Общность проблематики коллективных трудов и монографий позволяет сделать исследования более последовательными и целенаправленными, сосредоточить внимание на решении центральных вопросов теории литературы и методологии литературоведческого анализа.

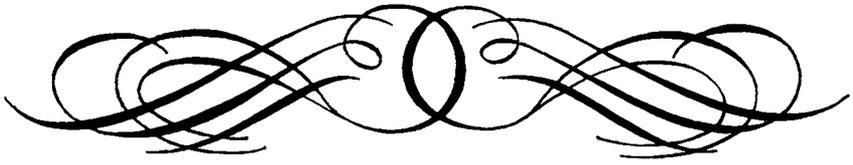
⁴ За труды по теории литературы и методологии литературоведческих исследований академик А. С. Бушмин был удостоен академической премии им. В. Г. Белинского.

⁵ В 1969—1986 гг. в Пушкинском Доме функционировал Сектор теоретических исследований, созданный А. С. Бушминым и до 1981 г. им возглавлявшийся.

Теоретические исследования, конечно, не ограничиваются кругом названных работ. В рамках историко-литературных исследований теоретические проблемы решаются всеми научными подразделениями Института.

Теория литературы среди отраслей литературной науки, разрабатываемых Пушкинским Домом, самая молодая. В общей системе исследований Пушкинского Дома она относится к тем направлениям в его деятельности, которые в настоящее время находятся в стадии становления и которые в полной мере еще не раскрыли свои возможности. Эти возможности должны раскрываться постепенно, в точном соответствии с успехами историко-литературных исследований, тесно связанных с теоретическими изысканиями и во многом предопределяющих масштабы и характер их будущего развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

Среди вспомогательных дисциплин, обслуживающих науку о литературе, одно из важнейших мест принадлежит библиографии. Это объясняется тем, что библиография оказывает прямое и постоянное воздействие не только на интенсивность развития литературоведения, но и на его научный уровень: чем совершеннее справочно-библиографическая служба, тем богаче историко-литературный материал и глубже исследования в этой области, и наоборот — пренебрежение к библиографии быстро сказывается на характере литературоведческих трудов, на их историко-литературной оснащенности, ведет к замедлению темпов исследования и их ненужной повторяемости. Именно с учетом этого обстоятельства в программах исследовательских работ Пушкинского Дома всегда значительное место уделялось научной библиографии. Впрочем, это вполне закономерно и в значительной степени предопределено историей возникновения и развития Пушкинского Дома, который, как мы знаем, был задуман и долгие годы работал как музейно-источниковедческий центр, где вспомогательные дисциплины, в том числе и библиография, определяли направление научной деятельности в целом. Библиографические исследования ведутся здесь на протяжении почти семи десятилетий. И нет ничего удивительного в том, что сегодня в сфере научной библиографии Пушкинский Дом занимает одно из ведущих мест в стране.

Библиографические работы велись здесь еще в дореволюционную пору. И среди них прежде всего следует назвать описание библиотеки Пушкина, сделанное Б. Л. Модзалевским в первые годы существования Пушкинского Дома и до сих пор являющееся единственным путеводителем, раскрывающим содержание книжного собрания, принадлежавшего великому поэту.¹ Это пер-

¹ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. 442 с. (Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 9—10).

вое исследование писательской библиотеки в нашем литературоведении, открывшее серию работ, представляющих собою описание библиотек, принадлежавших писателям и характеризующих круг их интересов, литературные связи и отношения, а порою и позволяющих сделать выводы об их литературной и общественной позиции, об эволюции их мировоззрения. Сейчас такие описания раскрывают содержание библиотек Белинского, Некрасова, Л. Толстого, Чехова. В 1963 г. появилось подготовленное библиотекой Пушкинского Дома описание хранящегося здесь книжного собрания А. Н. Островского. На протяжении многих лет сотрудники библиотеки Пушкинского Дома (О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина) изучали книжное собрание А. А. Блока, переданное сюда наследниками поэта еще в 30-е годы. В 1984—1986 гг. Библиотека Академии наук СССР совместно с Пушкинским Домом издала исследование (в трех томах), содержащее описание 2672 книг из библиотеки А. А. Блока с публикацией помет и записей, сделанных поэтом на их полях и страницах. В это же время было подготовлено и описание книг В. А. Жуковского из хранящегося в Пушкинском Доме собрания А. Ф. Онегина. Его составил В. В. Лобанов и опубликовал в своей книге «Библиотека В. А. Жуковского» (Томск, 1981). Эти описания помогают более глубоко постигнуть еще неизвестные нам тайны творческой лаборатории В. А. Жуковского, А. Н. Островского, А. А. Блока, а также свидетельствуют о возросшем мастерстве описания книжных собраний, принадлежавших выдающимся деятелям отечественной литературы, науки, культуры.

В 20-е годы историко-литературная библиография в Пушкинском Доме не занимает значительного места. Конечно, характер деятельности Пушкинского Дома в это время заставлял постоянно обращаться к библиографии, и необходимые для текущей работы указатели здесь исполнялись, но специальных библиографических работ, предназначенных для печати, в это время немного, и не все они имеют первостепенное значение. Самой крупной библиографической работой 20-х годов следует считать указатель пушкинианы за 1900—1910 гг., составленный А. Г. Фоминым и изданный Пушкинским Домом в 1929 г. Это был первый из выпущенных Пушкинским Домом томов обширной серии пушкинской библиографии, продолжаемой и сегодня. Кроме же работы А. Г. Фомина в 20-е годы были изданы лишь два небольших справочника, первый из которых, составленный Я. З. Берманом, представлял собою список трудов М. О. Гершензона, предваренный статьей Н. В. Измайлова о нем (1928), а второй — аннотированную библиографию переводов Оссиана в России, подготовленную В. И. Масловым (1928). Изданные в 20-е годы справочные труды свидетельствуют о том, что в это время в Пушкинском Доме библиография была далеко не в центре внимания.

В 30-е годы внимание к литературной библиографии усиливается. В это время в Институт приходит целая группа ученых, научные интересы которых полностью или частично связаны с библиографией. Среди них А. Г. Фомиц, С. Д. Балухатый,

Л. М. Добровольский, К. Д. Муратова, П. Н. Берков. Появление специалистов в области библиографии обусловило более планомерное и систематическое занятие ею. Именно в эти годы Пушкинский Дом ведет изучение творчества Пушкина, Лермонтова, Гоголя с точки зрения регистрации и библиографического описания их наследия, а также учета обширнейшей литературы об этих писателях — как советской, так и дореволюционной. Эти библиографические работы, посвященные Пушкину, Лермонтову, Гоголю, сопровождали те большие исследования, которые в это время создавались в Пушкинском Доме или стояли в перспективных планах его деятельности.

В непосредственной связи с подготовкой академического издания сочинений Пушкина находилась в эти годы пушкинская библиография. К юбилею 1937 г., когда вышел в свет первый том этого издания, появилась и новая книга А. Г. Фомина, представляющая собою библиографический свод пушкинианы за 1911—1917 гг. Эта книга продолжила цикл библиографических работ, посвященных дореволюционной пушкиниане, цикл не во всем совершенный, но сыгравший значительную роль в развитии пушкиноведческих исследований в СССР и за рубежом.

Сочетание пушкинской библиографии и издания сочинений Пушкина в организации научной работы в Пушкинском Доме того времени — явление не единичное. Так же сочетались текстологические и библиографические исследования творчества Гоголя и Лермонтова, хотя в отношении последнего это было нарушено войной, а после ее окончания названные работы продолжались, но уже разновременно, в отрыве одна от другой.

Среди библиографических работ, посвященных творчеству русских писателей-классиков, в эти годы выделяется книга о Лермонтове (1936). Это первый том задуманной обширной библиографической лермонтовианы. В нем дан полный свод текстов Лермонтова от первого выступления его в печати до 1935 г. Этот свод обрамлен множеством данных, необходимых для любой научной работы, посвященной Лермонтову. Здесь воспроизведены и цензурные разрешения, и известия о выходе книг, указаны отзывы и перепечатки, в необходимых случаях даны аннотации, сообщающие дополнительные сведения о регистрируемой публикации. Лермонтовская библиография предшествовала академическому изданию сочинений Лермонтова, которое в это время готовилось в Пушкинском Доме, но не было осуществлено в связи с начавшейся войной. Соотношение научной библиографии текстов и издания, когда первая предшествует второму, имеет неоспоримое достоинство, облегчающее работу текстолога, для которого отпадает необходимость разыскания текстов и сведений о них. Так случилось с библиографией текстов Лермонтова, на основе которой осуществлялось издание его сочинений в 1952—1955 гг. К сожалению, такие случаи бывают редко. Крупнейшие текстологические опыты, подобные академическим изданиям Тургенева, Достоевского, Некрасова, Герцена, создавались или

создаются сейчас при отсутствии библиографического свода текстов либо при его устаревших вариантах. Изданная в 1936 г. лермонтовская библиография не была продолжена. Том, посвященный литературе о Лермонтове, подготовлен в то время не был. Частично этот замысел осуществлен в последние годы: в Пушкинском Доме составлена и в 1980 г. издана библиография литературы о Лермонтове за 1917—1977 гг. (составитель О. В. Миллер). Сейчас ведется работа над сводом дореволюционной литературы о Лермонтове (предполагается к изданию в 1989 г.). С выходом в свет этого труда библиографическое освоение отечественной лермонтовщины будет завершено. Что же касается лермонтовщины зарубежной, то она собрана и изучена далеко не полностью. Созданные библиографии переводов произведений Лермонтова на иностранные языки и зарубежной литературы о нем по-прежнему остаются одной из задач, стоящих перед советской литературной наукой и в первую очередь, конечно, перед Пушкинским Домом, так много сделавшим для изучения жизни и творчества поэта.

Как и лермонтовская библиография, гоголевская, опубликованная в 1936 г. в первом выпуске серийного издания «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», также предшествовала изданию его сочинений, но она имела для него меньшее значение, чем лермонтовская для издания сочинений поэта, так как представляла собою не свод текстов, какого, кстати сказать, мы и сейчас не имеем, а свод литературы о писателе за 1916—1934 гг., продолжающий работы С. Л. Бертенсона, и перечень украинской гоголевианы за 1917—1934 гг.

Персональные библиографии не исчерпывают всего библиографического наследия Пушкинского Дома эпохи 30-х годов. Обращаясь к нему, нельзя не сказать несколько слов о вышедшей в 1933 г. работе К. Д. Муратовой «Периодика по литературе и искусству за годы революции. 1917—1932». Это была первая научно-исследовательская библиография в нашем литературоведении, посвященная советской литературе. Составленная под руководством и редакцией С. Д. Балухатого, она является единственной библиографией периодических изданий, созданной за всю историю Пушкинского Дома.

В начале 30-х годов в Пушкинском Доме организуется специальное библиографическое бюро, предпринявшее составление указателей в серии «Литературная библиография». В качестве первого тома этой серии была издана в 1932 г. аннотированная библиография советского литературоведения за первую половину 1931 г. Это был первый выпуск большой работы, которую, видимо, предполагалось продолжать и издавать ежегодно. Однако второго выпуска не последовало: работа по учету продукции советского литературоведения прекратилась. В качестве второго тома этой серии была выпущена библиография периодической печати, составленная К. Д. Муратовой. На втором томе серия «Литературная библиография» прекратила свое существование, да и библиографическая работа в Институте была свернута, а Библиографическое бюро ликви-

дировано. Вся дальнейшая работа по библиографии на долгое время рассредоточилась по творческим секторам и группам. Из крупных работ конца 30-х годов следует, пожалуй, назвать только две. Это библиография изданий, переводов и исследований, посвященных «Слову о полку Игореве», а также библиография «Древнерусская повесть» (вып. I). Первая из них составлена В. П. Адриановой-Перетц, вторая — ею же совместно с В. Ф. Покровской. Обе работы изданы в 1940 г. в составе начатой тогда в Пушкинском Доме и тут же прекратившейся серии «Библиография истории древнерусской литературы». Эти книги явились результатом больших библиографических разысканий, в Пушкинском Доме начатых еще Комиссией по составлению толковой библиографии древнерусской литературы, в первой половине 30-х годов возглавлявшейся академиком В. Н. Петрецем.

Названными трудами библиографическая деятельность в 30-е годы в Пушкинском Доме исчерпывается. В этот период, завершающийся 1941 г., библиография занимает в его деятельности значительно большее место, чем в предшествующее десятилетие. В 30-е годы силами целого ряда ученых в Пушкинском Доме вырабатываются принципы научной историко-литературной библиографии, типы библиографических изданий, создаются предпосылки для тех крупнейших исследований, которые будут здесь осуществляться два или три десятилетия спустя. Значительную роль в выработке новых принципов библиографии и, в частности, в перестройке работы Пушкинского Дома сыграла статья С. Д. Балухатого «К пересмотру принципов литературной библиографии», опубликованная в 1934 г. в сборнике, посвященном 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова.

Первое послевоенное десятилетие в Пушкинском Доме принесло несколько значительных библиографических исследований, посвященных древнерусской литературе, Пушкину, Некрасову, Горькому. И на первом плане здесь, конечно, пушкинская библиография. В 1949 г. вышла первая часть библиографического указателя произведений Пушкина и литературы о нем за 1886—1899 гг., составленная П. Н. Берковым и В. М. Лавровым. К сожалению, вторая часть этого указателя так и не была выпущена в свет. В настоящее время она сохраняется в рукописи в Пушкинском кабинете Института, ожидая своего издания. Публикацией полного библиографического свода пушкинианы за 1886—1889 гг. предполагалось завершить цикл справочно-библиографических работ, посвященных дореволюционной эпохе, и приступить к собиранию и систематизации наследия советского пушкиноведения. Эта работа стала осуществляться силами сотрудников Пушкинского кабинета. Одна за другой появляются библиографии пушкинских изданий и литературы о нем. Открывает этот ряд библиография юбилейного 1949 г., за которой следуют своды литературы за 1950—1957 гг. Начало систематическому библиографированию советской пушкинианы было положено, но продолжалось оно недолго: библиографическая деятельность

Пушкинского Дома в области пушкиноведения вскоре была прекращена (регистрация литературы в опубликованных выпусках доведена до 1957 г.) и до настоящего времени не возобновлялась.

Одновременно с выпуском погодных пушкинских справочников, регистрирующих литературу последних лет, был сделан удачный экскурс в прошлое советской пушкинистики: в 1952 г. Л. М. Добровольский и Н. И. Мордовченко выпустили в свет первую часть пушкинской библиографии за 1918—1936 гг. Этим началось заполнение лакуны, охватывающей 1917—1948 гг. и в настоящее время полностью ликвидированной. К первому же послевоенному десятилетию относится и интересное исследование Л. М. Добровольского и В. М. Лаврова «Библиография пушкинской библиографии», в значительной степени стимулировавшее библиографические разыскания в пушкиноведении.

Продуктивные в исследовательском отношении два последних десятилетия в пушкинской библиографии не отражены. Нуждается сейчас в коренном пересмотре и изданная в 1986 г. библиография В. И. Межова, условно отражающая состояние пушкинистики соответствующего периода. Почти совершенно отсутствует у нас библиография переводов Пушкина на иностранные языки и литературы о нем на этих языках. Это одна из труднейших задач, решением которой в отношении славянских стран Пушкинский Дом сейчас занимается, привлекая к этим работам иностранных ученых и библиографов.²

Параллельно с развитием пушкинской библиографии в эти годы продолжается работа в области библиографии средневековой русской литературы. В 1955 г. выходит в свет подготовленная Л. А. Дмитриевым библиография изданий, переводов и исследований, посвященных «Слову о полку Игореве», за 1938—1954 гг., представляющая собою продолжение указателя, в 1940 г. изданного В. П. Адриановой-Перетц. Вслед за ней появляется библиография древнерусской повести, составленная А. А. Назаревским (1955).

Позднее, в 1950—1970 гг., библиография в Пушкинском Доме развивается по нескольким направлениям. Во-первых, продолжают начатые ранее исследования, посвященные древнерусской литературе и Пушкину; во-вторых, начинается новая серийная библиография по русскому фольклору; в-третьих, появляется целый ряд справочно-библиографических трудов об отдельных русских писателях; наконец, создается научная библиография по истории русской литературы XVIII—XX вв.

В изучении древнерусской литературы развиваются давно заложенные библиографические традиции. С середины 50-х годов происходит укрупнение объекта библиографического исследования. Теперь в поле зрения библиографа вся средневековая русская литература. В 1956 г. появляется первый, предварительный опыт в этой области, подготовленный аспирантами Пушкинского

² См.: Баскаков В. Н. Библиографическая пушкиниана: современное состояние и задачи // Сов. библиография. 1987. № 3. С. 65—70.

Дома. Это библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг. На ее основе были развернуты более широко библиографические исследования, результаты которых подведены и сейчас подводятся в книгах Н. Ф. Дробленковой. Эти книги представляют собою систематический свод литературы, посвященной изучению русской литературы средневековья, с 1917 г. до наших дней. Однако опубликованные справочники доведены лишь до 1967 г. И сейчас, пожалуй, одной из насущных задач в этой области является доведение библиографии до сегодняшнего дня. Это особенно важно потому, что последнее десятилетие — очень продуктивный и значительный период в истории этой отрасли литературоведения. Впрочем, это касается не только истории древнерусской литературы: в любой отрасли литературоведения результативнее всех предшествующих — ближе всех к нам стоящая эпоха. Другая задача — более сложная и трудная для исполнения — создание библиографического указателя по истории древнерусской литературы с начала ее изучения в России до 1917 г. В настоящее время в распоряжении ученых имеется рукописная картотека академика В. Н. Перетца, которая хранится в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома. В ней с большой полнотой собраны сведения о памятниках древнерусской литературы, об их публикациях и исследованиях, посвященных литературе русского средневековья.³ Эта картотека может служить основой для издания библиографии, без которой ведение исследований по истории древнерусской литературы усложняется, а порою и становится невозможным. Пожалуй, последняя задача, которую сейчас можно поставить перед древнерусской библиографией, — это создание списка зарубежных переводов памятников средневековья и исследований о них на иностранных языках.

Обращаясь к персональным библиографиям, следует сказать, что в Пушкинском Доме издано их довольно много. Они посвящены Лермонтову, Тургеневу, Гончарову, Салтыкову-Щедрину, Некрасову, Островскому, Горькому, Н. Тихонову. В основном эти библиографии регистрируют литературу о писателях за советские годы. Прижизненная писателю литература и литература дореволюционная, затерянная, трудно находимая, а иногда и совсем ненаходимая, здесь представляется редко. Дореволюционная печать обследована только в отношении Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Островского, Горького. А между тем именно эта литература дает нам представление о восприятии писателя современниками, о полемике вокруг его творчества, что необходимо каждому, кто занимается изучением его наследия.

В 1958 г. в Пушкинском Доме был создан Сектор библиографии и источниковедения, возглавлявшийся К. Д. Муратовой и работавший до 1963 г. Именно в этом секторе была осуществ-

³ См.: Дробленкова Н. Ф. Сибирские материалы в картотеке В. Н. Перетца // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск: Наука, 1975. С. 156.

влена первая в нашем литературоведении попытка создания избранной научной библиографии по истории русской литературы. Эта библиография вышла в свет в 1962—1968 гг. в двух томах, посвященных литературе XIX и начала XX в. Том, посвященный XVIII в., был подготовлен и издан в группе по изучению этого периода под редакцией П. Н. Беркова. Эти библиографии в значительной степени подвели итоги развития русского литературоведения до начала 60-х годов XX в. В трех томах удалось собрать сведения о всех более или менее значительных явлениях русской литературной науки, которые определяют поступательное развитие научной мысли. В литературоведение вошел новый тип библиографического труда, заметно отличающийся от всех предшествующих принципами отбора материала и сочетанием персональных глав с библиографиями общего характера, посвященными мировому значению русской литературы, обобщающим исследованиям по истории и теории русского литературного развития, по истории критики, журналистики, литературоведения, трудам по вопросам языка, стиля, текстологии, археографии, театра и т. д. Эти библиографические труды во многом стимулировали развитие нашей науки о литературе в 60—70-е годы. Сейчас нет никакого сомнения в том, что с выходом этих книг повысился научный уровень многих литературоведческих работ, улучшилась их источниковедческая оснащенность, сократился вредный параллелизм в исследованиях и повторное обращение к тому, что уже было исследовано и введено в научный оборот. В этом роль и значение этих работ, первых и пока единственных в советском литературоведении. В настоящее время назрела настоятельная необходимость в создании новой, более полной и более совершенной библиографии по истории русской литературы, пополненной сведениями о литературной науке последних двух десятилетий.

В 60—70-е годы Пушкинский Дом обратился к советской литературе с точки зрения библиографии. Первые работы в этой области сделаны в содружестве с Библиотекой Академии наук СССР. Это библиографические указатели, посвященные советской литературной лениниане, творчеству М. Горького, Н. Тихонова, жанрам романа и повести в советском литературоведении. Это хорошее и многообещающее начало, но, к сожалению, очень неуверенно идущее к своему продолжению, а между тем здесь следовало бы предпринять ряд работ, которые могли бы подготовить почву для создания обобщающего труда по истории советской литературы, по типу, задачам и принципам близкого трудам, вышедшим под редакцией К. Д. Муратовой и П. Н. Беркова.

Библиографический опыт, накопленный Пушкинским Домом, создал условия для обращения к новому и сложному типу справочного издания, каким является Словарь русских писателей, над которым сейчас работает Пушкинский Дом. Русское литературоведение неоднократно обращалось к этому типу справочного издания, создавая разные, но, как правило, не имевшие завершения образцы. Между тем советский читатель и советское литературоведение

ние безусловно нуждаются в словаре, который бы охватывал широкий круг писательских имен, не только крупнейших, но и второстепенных, представляющих литературный процесс во всех его звеньях и проявлениях. Нуждается в таком словаре и зарубежная русистика, которая, не дожидаясь, когда мы создадим Словарь русских писателей, предпринимает самостоятельные попытки в этом направлении. Так, Словарь русских писателей издан в 1966 г. в Польше, а Чехословакия, например, выпустила уже три таких словаря, но без научного советского подобного издания словаря эти и по отбору имен, и по содержанию не всегда удовлетворяют строгим научным требованиям. Учитывая интересы отечественной и зарубежной науки, Институт русской литературы работает над Словарем русских писателей с широким охватом писательских имен, рассчитанным на специалистов-литературоведов и в то же время доступным широким читательским массам.

Словарь охватывает эпоху от момента возникновения русской литературы до Великой Октябрьской революции. Его первая серия, состоящая из трех томов, посвящается писателям и книжникам Древней Руси (X—XVII вв.). Она дает читателю представление о высоком уровне богатства, разнообразии книжной культуры русского средневековья. Слишком выборочное включение в словари и энциклопедии имен древнерусских писателей и деятелей-книжников создало ошибочное мнение о скудости и единообразии древнерусской книжной культуры, о социальной ограниченности «книжных людей» Древней Руси. Одна из основных задач этой серии Словаря — опровергнуть и разрушить это неверное представление. В настоящее время Словарь писателей и книжников Древней Руси завершен, рукопись передана в издательство, и его первый том в 1987 г. вышел из печати.⁴

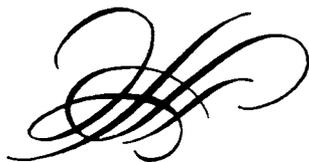
Вторая серия Словаря (она состоит тоже из трех томов) сейчас завершена и готовится к изданию. Посвящена она писателям XVIII в. и включает около тысячи справок, значительно расширяя наши представления о том звене литературного процесса, который соединяет русское средневековье с XIX в.⁵

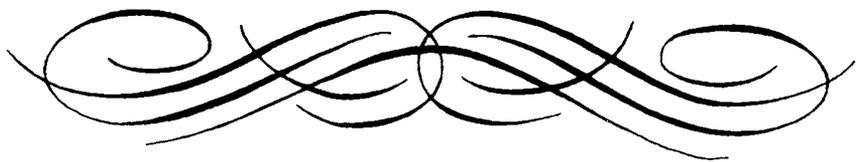
Словарь писателей XIX и начала XX в. создается сейчас издательством «Советская энциклопедия» совместно с Пушкинским Домом. Он будет состоять из четырех томов, которые включают около пяти тысяч справок об участниках литературного движения этого времени. Первый том этого сложного и трудоемкого издания, которое будет подписным, находится в печати. Выпуск в свет трех названных серий Словаря значительно обогатит существующие представления о русском литературном процессе и откроет новые возможности для его изучения.

⁴ Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» опубликованы в Трудах Отдела древнерусской литературы Института русской литературы в 1985 г. (Т. 34. С. 4—277; Т. 40. С. 31—189).

⁵ Словарь русских писателей XVIII века: Принципы составления. Образцы статей. Словник / Сост. В. П. Степанов. Л.: Наука, 1975. (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР).

Библиографические интересы Пушкинского Дома развивались, как мы видим, от конкретных и частных исследований к трудам широкого и обобщающего характера, какими являются библиографические указатели по истории русской литературы под редакцией К. Д. Муратовой и П. Н. Беркова и создаваемый сейчас Словарь русских писателей. Дальнейшее их движение в значительной мере предопределено предшествующим развитием библиографии в Пушкинском Доме, а также сегодняшней программой его историко-литературных и теоретических исследований, часто требующих специального библиографического обслуживания.

ЖУРНАЛ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Журнал «Русская литература» выпускается Пушкинским Домом с 1958 г. Он является первым периодическим изданием, посвященным изучению русской литературы, какого раньше история русской научной журналистики не знала. Однако это не значит, что журнал «Русская литература» возник на пустом месте, в отрыве от журналистского опыта и научных традиций. Что касается профессионально-журналистской стороны дела, то здесь журнал «Русская литература» опирается на обширный опыт лучших дореволюционных и советских изданий, посвященных проблемам литературы, истории, культуры. С научной же точки зрения он является результатом и развитием тех традиций, которые к тому времени сложились в советском литературоведении и в деятельности Пушкинского Дома, нашли свое выражение в его серийных изданиях, порой представляющих собой переходный тип между сборником и журналом и подготовивших почву для возникновения периодического издания.

Мысль о создании журнала в Пушкинском Доме зародилась еще в начале 30-х годов, и принадлежала она А. В. Луначарскому, который в то время был директором Пушкинского Дома. В 1932 г. в Пушкинском Доме была разработана программа, подготовлен и даже выпущен в свет один номер журнала «Литература», главным редактором которого был А. В. Луначарский.

К мысли о необходимости издания журнала в Пушкинском Доме обращались и позднее. Так, например, в 1934 г. в печати промелькнуло сообщение, что Пушкинский Дом «будет издавать специальный историко-литературный журнал, в котором будут помещаться исследовательские статьи по вопросам русской и европейской литературы».¹

В 50-е годы, когда снова встал вопрос об издании журнала, Пушкинский Дом находился на совершенно ином уровне развития, чем в 30-е годы. Расширение круга исследований, осуществляемых на основе марксистско-ленинской методологии, введение

¹ Литературный Ленинград. 1934. 20 июля. № 33. С. 4.

в сферу изучения всех явлений русского литературного процесса, высокий профессионализм кадров позволили Пушкинскому Дому во второй половине 50-х годов обратиться к изданию журнала, посвященного истории русской литературы.

Журнал «Русская литература» издается Пушкинским Домом по постановлению Президиума Академии наук СССР от 16 августа 1957 г., в котором указывалось, что журнал должен «способствовать объединению советских литературоведов вокруг задач изучения и пропаганды художественного наследия русских классиков и советских писателей». Главным редактором журнала «Русская литература» утверждается член-корреспондент АН СССР В. Г. Базанов, в 1967—1987 гг. его редактирует доктор филологических наук В. В. Тимофеева, с начала 1988 г. обязанности главного редактора исполняет доктор филологических наук Н. Н. Скотов.

Несмотря на то что журнал работает как периодическое издание Пушкинского Дома, он является журналом всесоюзным. Не только потому, что он — единственный в стране историко-литературный журнал, посвященный русской литературе, но и по проблематике печатающихся в нем работ, по составу авторского коллектива, представляющего многие научные филологические центры страны, по широте охвата явлений советской и зарубежной науки, в той или иной степени имеющих отношение к русской литературе, наконец, по географии своего распространения.

На первых этапах своего пути журнал был несколько иным и по структуре, и по содержанию. Его тип, состав, композиция сложились к 1963 г., позднее претерпев незначительные и редкие изменения.² Журнал складывался, как правило, из разделов, заключающих, во-первых, статьи, во-вторых, публикации и сообщения, в-третьих, обзоры и рецензии, информацию о научной жизни; позднее к ним прибавились отделы, посвященные заметкам и уточнениям, полемике.

Работы теоретико-методологического характера, а также историко-литературные исследования, посвященные важнейшим проблемам литературного развития в целом или творчеству отдельных писателей, составляют основной раздел журнала, определяющий его направление, научный уровень, широту кругозора. Здесь, конечно, в первую очередь следует назвать большой цикл статей, обращаясь к марксистско-ленинскому наследию с точки зрения определения его роли в развитии современной литературы и литературной науки, его значения для формирования методологических принципов изучения литературного процесса. Значителен по своим результатам цикл небольших статей на тему «Ленинское наследие и задачи современного литературоведения» в номере, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Подобные циклы статей на определенную тему позволяют дать освещение проблемы коллективом ученых, разных по своим на-

² См.: Степанов В. П. Журнал «Русская литература» за 1958—1973 гг.: Указатель содержания. Л.: Наука, 1975. С. 4.

учным привязанностям, а порою и работающих в разных областях филологической науки, что дает всестороннее и полное освещение проблемы.

Усиление внимания к теоретическим проблемам литературоведения в 60-е годы отразилось и на страницах журнала. Зачином в этом отношении стал цикл статей Б. И. Бурсова «О национальном своеобразии и мировом значении русской классической литературы», напечатанный в первый год существования журнала и открывший дорогу для обсуждения сложных вопросов теории литературы и методологии ее изучения. В журнале обсуждаются основные направления литературоведческих исследований, общественный авторитет литературоведения, критерии точности в этой науке, специфика прогресса в литературе, изучение социалистического реализма, историзм в изучении единства содержания и форм литературного произведения и др. Работы, посвященные марксистско-ленинской методологии и теоретико-методологическим проблемам, во многом определяют профиль и задачи главного отдела журнала и журнала в целом, составляя своеобразную теоретическую основу всего издания.

Освещение теоретических аспектов историко-литературного процесса соседствует в журнале с постановкой важнейших вопросов истории литературы, решение которых способствует развитию фундаментальных исследований, преодолению устаревших мнений, выработке новых представлений и концепций, соответствующих сегодняшнему уровню советской литературной науки. Русская литература рассматривается в журнале на всем протяжении ее существования и во всех ее связях и проявлениях. Большое внимание журнал уделяет ранним этапам русского литературного развития, древнерусской литературе и литературе XVIII в. Конечно, это внимание обусловлено прежде всего тем, что Пушкинский Дом издавна ведет в этих областях широкие исследования и является своего рода организующим и координирующим центром по изучению русской литературы средневековья и XVIII в. Здесь, особенно на материале древнерусской литературы, обсуждаются серьезные теоретические вопросы, касающиеся художественного метода, художественной специфики древнерусской литературы, зарождения направлений в древнерусской литературе, своеобразия исторического пути русской литературы этой эпохи, русского варианта барокко и, конечно же, «Слова о полку Игореве», его художественных, идеологических характеристик. На страницах журнала ведется полемика с зарубежными концепциями литературы русского средневековья, которые представляют в искаженном виде процесс литературного развития эпохи или принижают значение литературной мысли Древней Руси. Что же касается истории русской литературы XVIII в., то журнал в основном следует той научной программе, которую разрабатывает Сектор русской литературы XVIII в. Пушкинского Дома, т. е. в центре внимания журнала находятся проблемы литературных направлений, периодизация литературного процесса, традиции и преемственность, а также

введение в научный оборот многочисленных материалов эпохи и разработка более частных вопросов, связанных с биографиями и творчеством отдельных писателей XVIII в. Постоянное и частое обращение журнала к этой эпохе отличает его от всех ныне существующих филологических изданий, уделяющих XVIII в. минимальное внимание. Проблемы литературного развития русского средневековья и XVIII в. придают журналу широту и, включая в сферу его деятельности ранние этапы русского литературного развития, позволяют оперировать явлениями русского литературного процесса в целом, от момента его возникновения до наших дней.

Конечно, работы, посвященные начальным периодам развития литературы, занимают в структуре журнала важное место, но в центре внимания все же проблемы русской классической и советской литературы. Здесь и общие историко-литературные работы, касающиеся отдельных периодов и этапов в развитии литературы, и исследования, решающие на широком историко-литературном фоне вопросы теоретического свойства, и статьи с конкретным содержанием, посвященные писателям или частным явлениям литературного движения. Сочетание теоретического и историко-литературного аспектов исследований, конкретных разысканий с текстологией и библиографией, источниковедения с широким обращением к зарубежной русистике — таковы характерные черты не только исследований, посвященных русской классической и советской литературе, но и журнала в целом. Однако внимание к литературному развитию XIX и XX вв. не всегда распределяется равномерно: одним писателям и литературным явлениям уделяется больше внимания, другим меньше. И конечно же, на первом плане в журнале те писатели, те эпохи и те направления в литературе, изучение которых для Пушкинского Дома стало традицией. Это прежде всего Пушкин, за которым следуют Лермонтов, Некрасов, Салтыков-Шедрин, Достоевский, Тургенев, Блок. В советской литературе самое пристальное внимание журнала привлечено к творчеству Горького, Маяковского, Есенина, Шолохова, Леонова. Здесь решаются важнейшие проблемы истории и теории социалистического реализма, рассматриваются классические традиции и взаимосвязи советской литературы, исследуются типология жанров, стилевые течения, отношение к фольклору, уточняется периодизация и сообщается множество ранее неизвестных материалов, позволяющих более полно и четко представить литературный процесс советской эпохи. Таким образом, журнал, не отказываясь от изучения второстепенных явлений в литературе, ставит крупнейшие вопросы литературного развития и решает их на опыте выдающихся его представителей. Заметное воздействие на журнал оказали работы по подготовке академических изданий классиков, в процессе которых выявлялись новые материалы, вырабатывались новые взгляды и концепции, изучалась зарубежная литература об этих писателях. И значительная часть сделанных открытий и находок нашла свое место на страницах журнала «Русская литература».

Обращаясь — и часто — к проблеме текстологии, библиогра-

фии, публикуя многочисленные новые материалы о писателях и литературном движении, журнал значительно расширил источниковедческую основу нашей литературной науки. На его страницах напечатаны многочисленные статьи, посвященные вопросам текстологии и библиографии, опубликованы ранее неизвестные или забытые произведения Ломоносова, Державина, Крылова, Пушкина, Белинского, Грибоедова, Жуковского, Гончарова, Лескова, Некрасова, Достоевского, Тютчева, Тургенева, Короленко, Горького, Маяковского и многих других. Все это ставит журнал в один ряд со специальными изданиями, занимающимися публикацией русского литературного наследия, и делает его одним из важнейших источников для изучения русской литературы, ее истории и теории.

Если раздел публикаций и сообщений знакомит читателя с новыми материалами и новыми исследованиями конкретных явлений литературного процесса, то соседствующий с ним раздел, посвященный обзорам и рецензиям, вводит читателя в круг проблем сегодняшней русистики, отечественной и зарубежной. С момента основания журнала здесь отрецензированы сотни книг, представляющих разные стороны литературной науки, разные ее направления, разные центры, наконец, разные авторские индивидуальности. За долгие годы существования журнала этот его раздел пережил существенную эволюцию от обычного критико-библиографического, какой существует в любом научном периодическом издании, к обзорному в своей значительной части, каким он в последние годы стал в журнале «Русская литература». Можно даже сказать, что в журнале постепенно выработался особый жанр научного обзора, сочетающий в себе глубокий анализ исследования с широтой охвата обзереваемого материала. Обзор, как правило, охватывающий литературу по одной теме, посвящается важнейшим явлениям литературной науки. В журнале «Русская литература» часто появляется тематический обзор зарубежной русистики. И это понятно. Зарубежная русистика сейчас вступила уже в такую фазу своего развития, что не считаться с ее выводами, мнениями или находками уже невозможно. Их необходимо учитывать в своей работе.

Этой задаче и подчинены печатающиеся в журнале обзоры, которые вскрывают и представляют читателю достоинства зарубежных работ по русской литературе, отмечают их недостатки и, если это необходимо, содержат полемические отклики на явления зарубежной литературной мысли, по своим историко-литературным, теоретическим или методологическим параметрам неприемлемые для советской литературной науки. Обзоры охватывают, как правило, очень широкий круг явлений зарубежной русистики в целом или отдельных ее разделов, изданий, школ, центров. Таковы посвященные западноевропейской и американской русистике обзоры А. Л. Григорьева, работы о чешской и болгарской русистике В. А. Ковалева и К. И. Ровды, о польской — Л. Ф. Ершова и В. Н. Баскакова, о немецкой — Р. Ю. Данилевского, о скандинав-

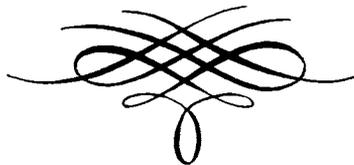
ской — Д. М. Шарыпкина и др. Это, однако, не значит, что жанр обзорной статьи связывается в журнале только с зарубежной русистики. Совсем не так. Многие — и даже большинство обзоров — посвящены отечественной литературной науке. Только за последние годы в журнале напечатаны обзоры литературоведческой ленинианы, изучения отдельных жанров классической и советской литературы (проза, лирика, поэма, исторический роман и др.), пушкиноведческой литературы, результатов изучения биографии и творчества отдельных русских писателей XVIII и XIX вв. Обзоры в настоящее время занимают ведущее место в критико-библиографическом отделе журнала, но они не исключают появления рецензий на отдельные издания, которые совсем исчезнуть не могут, потому что в литературоведении часто появляются исследования, требующие не обзрения, а глубокого и тщательного анализа, исполняемого, как правило, в жанре рецензий. На первоначальных этапах существования журнала рецензия была ведущим жанром критико-библиографического отдела, сейчас ее заслонила обзорная статья, рецензия же посвящается лишь наиболее значительным трудам, которые либо представляют собою большой вклад в литературную науку, либо требуют наряду с анализом серьезной научной полемики и критики. В целом же критико-библиографический отдел постоянно совершенствуется, и этот процесс в настоящее время не закончен. Впрочем, он и вообще не должен заканчиваться, потому что параллельно с ним идет развитие критической мысли, которое постепенно меняет и формы своего выражения, а это в свою очередь в журнальном отделе, посвященном критике, требует постоянных усовершенствований и введения новых форм, соответствующих уровню развития научной критики в каждый данный момент.

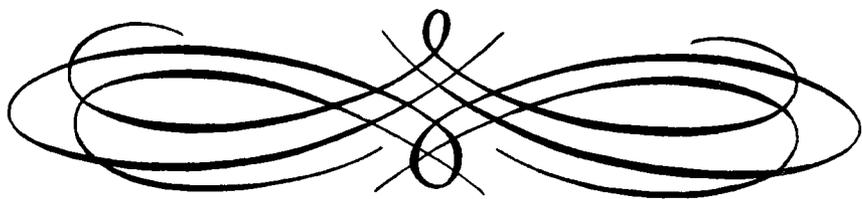
Объем информации, касающейся текущей научной жизни и даваемой журналом «Русская литература», достаточно велик. Эта информация, рассыпанная по всем отделам журнала, наиболее полно представлена в последнем, непосредственно посвященном хронике текущих событий в литературной науке. Отличается она двумя особенностями. Первая состоит в том, что события научной жизни — конференции, научные сессии, симпозиумы, обсуждения — отражаются здесь более глубоко и подробно, чем в других научных изданиях; во-вторых, круг событий, о которых дается здесь информация, ограничен только теми, которые связаны с Пушкинским Домом или имеют к нему непосредственное отношение. Поэтому отдел хроники можно рассматривать как информационный источник, снабжающий читателя сведениями о научно-общественной деятельности Пушкинского Дома. И пожалуй, это основной источник, другого столь информативного с точки зрения деятельности Пушкинского Дома в нашей науке не существует. В конце 70-х гг. в журнале появился небольшой отдел полемики. Он бывает не в каждом номере, но во многих; содержит статьи и выступления по спорным вопросам литературной науки, касающимся, например, периодизации русского литературного про-

цесса, функций народного творчества, определений романтизма и реализма и т. д. Такой отдел позволяет вести широкий обмен мнениями по актуальным и до конца не решенным проблемам, предоставляет право выступления дискутирующим сторонам, подключает к научному спору специалистов разных областей или работающих только в сфере, затронутой полемикой. Включаясь в общий процесс изучения истории и теории русской литературы, эти статьи помогают устранению неясностей и гипотетических предположений из этой области и замещению их четкими и ясными научными решениями, полученными в ходе исследований и сопровождающего их обсуждения.

Сложившаяся сейчас структура журнала позволяет ставить и решать самые сложные вопросы литературной науки в их историко-литературном, теоретико-методологическом, полемическом, критическом или информационном аспекте. Стремясь дополнительно оттенить актуальность освещаемой в журнале проблематики, редколлегия прибегает к выпуску тематических номеров, приуроченных обычно к литературным памятным датам или к важнейшим событиям общественно-политического порядка. Так, специальные номера были посвящены 50-летию Октябрьской революции, 100-летию со дня рождения Ленина, юбилеям Чернышевского, Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина и др. Тематический — в основной своей части — номер журнала позволяет представить читателю комплекс работ по наиболее актуальной в данное время в литературной науке проблематике, а также подчеркнуть роль и значение события, которому посвящается номер, в развитии культуры и научной мысли.

Журнал «Русская литература» в настоящее время представляет Пушкинский Дом в научной периодической печати, представляет на протяжении 30 лет. И надо сказать, что самое сложное испытание, испытание временем, журнал выдержал. И в этом залог его дальнейшего успешного развития, залог его будущего.

РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ

Рукописный отдел Пушкинского Дома занимает в его структуре особое место и особую роль исполняет в его истории на всех этапах ее, в том числе и на современном. Рукописный отдел, в сочетании с Литературным музеем и Библиотекой, составляет тот пушкинодомский комплекс, который послужил основной источниковедческой базой для создания в 1930 г. научно-исследовательского института. В этом комплексе ведущую научную роль исполнял именно Рукописный отдел. В нем со временем сосредоточились крупнейшие культурно-исторические ценности русского народа, представляемые рукописным наследием его выдающихся писателей прошлого и современности. Рукописный отдел стал основой для научно-исследовательской деятельности Института и для многочисленных историко-литературных работ, создающихся вне стен Пушкинского Дома.¹

Можно сказать, что рукописное собрание начало формироваться одновременно с возникновением Пушкинского Дома, потому что Пушкинский Дом был задуман и основан как музейно-архивное учреждение, призванное собирать, хранить и изучать рукописные, изобразительные и книжные источники, посвященные сначала Пушкину, а несколько позднее и всей русской литературе XIX в. В 1906 г. в Пушкинский Дом поступила приобретенная для него личная библиотека Пушкина с пометами поэта на книгах и записочками на вкладках. Факт поступления этой библиотеки можно считать началом комплектования рукописного фонда Пушкинского Дома — библиотека Пушкина всегда хранилась и сейчас хранится в Рукописном отделе, — но в литературе о Пушкинском Доме, как правило, историю его возводят к 1908 г., когда в Пушкинский Дом поступило небольшое собрание писем А. Н. Плещеева к В. Д. Дандевиллю.

История формирования рукописного фонда Пушкинского Дома достаточно подробно освещена в нашей литературе, а поэтому в настоящей главе имеет смысл остановиться на важнейших явлениях этого процесса и его главнейших этапах, а также несколько слов

¹ Баскаков В. Н. Рукописный отдел Пушкинского Дома. Л.: Наука. 1982.

сказать о введении этого богатства в научный и читательский оборот, т. е. остановиться на использовании фондов и на изданиях, ранее осуществлявшихся в Пушкинском Доме и сейчас осуществляемых с целью описания и публикации материалов, информации научной общественности об их содержании и новых поступлениях.²

Положившие начало рукописному фонду материалы стали довольно быстро пополняться. В 1911 г. в Пушкинский Дом от В. Б. Бертенсона поступает первый автограф Пушкина, затем рукописи поэта приходят сюда в составе архивов Ефремова и Плетнева. К 1917 г. в Пушкинском Доме уже собирается значительное количество рукописей, в том числе и пушкинских. Б. Л. Модзалевский, а в 1914 г. и Е. П. Казанович берутся за их описание, которое в 1914 г. печатается во втором выпуске «Временника Пушкинского Дома». Отдельные рукописи и целые собрания Пушкинский Дом получает в дар, некоторые, наиболее ценные, покупает. Из поступивших до 1917 г. следует назвать архивы Добролюбова, Лонгинова, Стасюлевича. К 1917 г. собрание Пушкинского Дома насчитывает до 25 тысяч рукописей.

Октябрьская революция оказала большое воздействие на формирование его рукописного собрания, изменив его темпы, источники, методы комплектования. В 1917 г. рукописи Пушкина и Лермонтова приходят в Пушкинский Дом в составе коллекций Пушкинского музея Александровского лицея и Лермонтовского музея Николаевского кавалерийского училища. Эти поступления выдвинули Пушкинский Дом в число крупнейших в стране архивов, хранящих рукописное наследие Пушкина и Лермонтова. Для формирования рукописных фондов Пушкинского Дома знаменателен 1919 г., когда сюда поступает огромное Дашковское собрание, содержащее рукописи русских писателей и деятелей культуры XVII—XIX вв., и собрание М. И. Семевского с архивом журнала «Русская старина», которые включают громаднейшие массивы документов по истории русской литературы, культуры, общественного и революционного движения. В 1918 г., с включением Пушкинского Дома в состав учреждений Академии наук, создается и Рукописный отдел со специальными функциями собирания, хранения и изучения русского рукописного наследия (до этого собрание рукописей входило в систему библиотеки Пушкинского Дома). Первым его заведующим становится Б. Л. Модзалевский, работавший в это время и старшим хранителем Пушкинского Дома. Вместе с ним в Рукописном отделе в то время работали два хранителя — Н. Г. Богданова и Л. К. Ильинский. Под руководством Б. Л. Модзалевского в первой половине 20-х годов велась

² Сведения о поступлении архивных материалов в Рукописный отдел Пушкинского Дома содержатся в ежегодных отчетах о деятельности Академии наук за 1906—1935 гг. Обзор поступлений 1934—1935 гг. дан в статье И. Л. Маяковского (Лит. наследство. М., 1935. Т. 22—23. С. 765—770) и в брошюре «Выставка новых поступлений Института литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. 1934—1935» (М.; Л., 1935. С. 1—30). Обзоры новых приобретений за 1936—1957 гг. см. в серийном издании «Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома», а за 1958—1975 — в «Ежегодниках Рукописного отдела Пушкинского Дома».

сложнейшая поисковая работа, в которую помимо немногочисленных работников Рукописного отдела включались и другие сотрудники Пушкинского Дома, вплоть до его директора академика Н. А. Котляревского.

До преобразования Пушкинского Дома в научно-исследовательский институт в 1930 г. Рукописный отдел был тем научным подразделением, где сосредоточивались основные исследования как архивного, так и текстолого-источниковедческого плана. Именно в Рукописном отделе или по крайней мере на его материалах подготовлено большинство изданных Пушкинским Домом в 20-е годы книг. Впрочем, публикация материалов, ныне собранных в Рукописном отделе, началась еще в предреволюционные годы. Первые материалы напечатаны во втором выпуске «Временника Пушкинского Дома», вышедшего в свет в 1915 г., а двумя годами позже появилась подготовленная В. Княжниным книга «Аполлон Григорьев. Материалы для биографии», представляющая собою публикацию документов из собрания Пушкинского Дома. В 20-е годы публикационная и исследовательская деятельность расширяется главным образом за счет изучения и введения в научный оборот принадлежащих Пушкинскому Дому историко-литературных материалов. Пушкин, поэты его эпохи, декабристы, Некрасов, Тургенев, Гончаров и многие другие быстро входят в круг публикуемых авторов. Научная продукция Пушкинского Дома 20-х годов, в том числе его сборники и альманахи, представляют читателю Рукописный отдел, его собрания и материалы.

С преобразованием Пушкинского Дома в научно-исследовательский институт русской литературы изменяется, хотя и не сразу, положение и роль Рукописного отдела в общей структуре учреждения. Если раньше это был ведущий отдел Пушкинского Дома, занимающийся как собиранием, хранением и изучением рукописного наследия русской литературы, так и текстолого-источниковедческими исследованиями, то после 1930 г. на первое место выдвинулись сектора и отделы, ведущие историко-литературные и теоретические исследования, а Рукописный отдел, сохранив важнейшее значение в системе Института, стал отделом вспомогательным, связанным со всеми научными подразделениями и участвующим в их трудах главным образом своими богатейшими материалами и консультациями справочно-информационного характера. Именно на материалах Рукописного отдела в 30-е годы публикуются ранее неизвестные произведения и письма Пушкина, Гоголя, декабриста Н. И. Тургенева, Писемского, Глеба Успенского, Салтыкова-Щедрина и многих других. Введение в научный оборот собранных в Рукописном отделе ценностей в это время осуществляется систематически и постоянно многими серийными изданиями Пушкинского Дома («Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», «Гоголь. Материалы и исследования», «XVIII век», «Литературное наследство» и др.) и изданиями, специально посвященными отдельным писателям или эпохам в развитии литературы. Эти издания, задачей которых является введение в научный оборот новых материалов, в 30-е годы еще очень многочисленны и играют существенную роль в программе научных работ

Института, хотя и осуществляются они не Рукописным отделом, а соответствующими научными подразделениями.

В 30-е годы шло усиленное пополнение фондов Рукописного отдела и параллельно описание их и издание. Помимо отдельных поступлений Пушкинский Дом получил большой комплекс материалов по истории литературы и общественной мысли XVIII и XIX вв. Они были переданы в Рукописный отдел после реорганизации Рукописного отделения Библиотеки Академии наук (разряд II). Среди этих материалов оказались фонды Вольного общества любителей российской словесности, Г. Р. Державина, В. В. Капниста, гр. П. Д. Киселева, И. А. Крылова, Л. Н. Майкова, Н. И. Надеждина, К. Ф. Рыльева, А. С. Стурдзы, кн. Е. Э. Трубецкой, А. К. Толстого, братьев Тургеневых, Н. М. Языкова и многих других. В начале 30-х годов было приобретено крупнейшее биобиблиографическое собрание и архив профессора С. А. Венгерова. Почти одновременно с венгеровским собранием в Рукописный отдел передается собрание Толстовского музея в Ленинграде, содержащее помимо материалов о жизни и творчестве писателя его автографы, позднее переданные Государственному музею Л. Н. Толстого в Москве. Это еще больше упрочило авторитет Пушкинского Дома как одного из крупнейших в стране хранилищ материалов по истории отечественной литературы.

Великая Отечественная война несколько приостановила пополнение фондов Рукописного отдела, ценнейшие из которых в июле 1941 г. были эвакуированы в Новосибирск. Сопровождал эти фонды и заботился об их сохранении один из старейших работников Рукописного отдела, известный библиограф и архивист Лев Михайлович Добровольский, в 1944 г. вернувшийся в Ленинград вместе с материалами Рукописного отдела. Другая часть богатств Рукописного отдела была эвакуирована в Казань. Однако в Пушкинском Доме в период блокады работа в Рукописном отделе не прекращалась. Руководил этой работой остававшийся всю блокаду в Ленинграде М. И. Стеблин-Каменский. В Рукописный отдел продолжали поступать материалы, в это время в изобилии рассыпанные в оставленных или оставляемых квартирах блокадного города.

Главная задача военного периода — сохранить богатства Пушкинского Дома — была выполнена полностью. И заслуга в этом принадлежит и Л. М. Добровольскому, и М. И. Стеблину-Каменскому, и В. А. Мануйлову, и многим рядовым сотрудникам Пушкинского Дома, ценой героических усилий на протяжении всей войны и блокады продолжавших работу по сохранению, пополнению, изучению рукописного наследия.

Казалось бы, что возможности новых приобретений рукописей в послевоенные годы уже исчерпаны и их приток должен резко сократиться. Однако этот приток не только не сократился, а по сравнению с предвоенным периодом даже увеличился. Впрочем, в послевоенное время шире стал круг интересов Рукописного отдела, изменилась его структура. В систему Рукописного отдела вливается обширный Фольклорный архив, в 1939 г. переданный в Пушкинский Дом из Института этнографии, а десятилетие спустя, в 1949 г., здесь

по инициативе В. И. Малышева создается собрание древнерусских рукописей, сейчас составляющее широкоизвестное в стране Древлехранилище им. В. И. Малышева и насчитывающее более восьми тысяч рукописей. Правда, научное руководство деятельностью Фольклорного архива и Древлехранилища осуществляют соответствующие сектора института, но организационно они входят в состав Рукописного отдела, работают по его плану и с точки зрения архивоведческой подчиняются его правилам и распоряжкам.

Расширение поисковых работ, распространение интересов в области фольклора и древней литературы, улучшение материальной основы деятельности Рукописного отдела увеличило приток рукописей и целых собраний, архивов, коллекций в Пушкинский Дом. Сейчас в Рукописном отделе насчитывается 862 фонда, из которых около 200 поступили сюда после 1945 г. В 1951 г. Рукописный отдел принимает комплекс материалов по истории русской и советской литературы, поступивших из архива Института мировой литературы им. М. Горького АН СССР. Среди них собрание древнерусских рукописей, архивы В. Я. Богучарского, Н. П. Павлова-Сильванского, С. А. Полякова, В. И. Танеева, Е. А. Штакеншнейдер, П. Е. Шеголева и др. Кроме того, вместе с ними поступило более двух с половиной тысяч автографов произведений и писем писателей, ученых, общественных деятелей.³

В послевоенное время, в 1948 г., произошло и важнейшее для Рукописного отдела и Пушкинского Дома в целом событие. По распоряжению Президиума Академии наук СССР Пушкинскому Дому были переданы все материалы Государственного Музея А. С. Пушкина. В Рукописный отдел поступили две тысячи единиц хранения, в том числе свыше 500 рукописей Пушкина. Впервые после смерти Пушкина, сообщает принимавшая эти материалы М. И. Малова, «был воссоединен его личный архив и объединены все материалы, относящиеся к его жизни, творчеству и изданию его сочинений. Первое место среди поступивших материалов занимают автографы А. С. Пушкина: рабочие тетради, черновые и беловые рукописи, дневник, письма к разным лицам, рисунки и пр. Таким образом, в настоящее время в Рукописном отделе Пушкинского Дома объединены дошедшие до нас автографы почти всех произведений Пушкина».⁴ С тех пор, где бы ни был обнаружен автограф Пушкина, он в обязательном порядке должен поступить в Пушкинский Дом.

Теперь в Пушкинском фонде 1759 единиц хранения, или около 12 тысяч страниц пушкинских рукописей. Здесь автографы его стихотворений и поэм, среди которых «Цыганы», «Полтава», «Медный всадник», рукописи «Евгения Онегина», прозаических произведений, «Истории Пугачева», «Истории Петра I», здесь же автографы писем

³ Бюллетени Рукописного отдела. М.; Л., 1955. Вып. 5. С. 133—156.

⁴ Малова М. И. Обзор новых материалов, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР в 1946—1948 гг. // Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1952. Вып. 3. С. 85.

Пушкина и писем к нему. Помимо материалов личного архива поэта, здесь хранятся документы о его учебе в Лицее, о служебной деятельности, о цензурных преследованиях и полицейских наблюдениях, наконец, о роковой дуэли с Дантесом и многое другое. В Рукописном отделе хранится и библиотека Пушкина. В ней 1527 изданий (3572 тома), из которых 524 на русском языке и около 1000 на иностранных языках. Около 50 книг имеют пометы, сделанные Пушкиным. Этот рукописно-документально-книжный комплекс позволяет производить здесь любые виды текстологических, архивных и источниковедческих работ, посвященных Пушкину.

Пушкинский фонд составляет ядро Рукописного отдела и его гордость. Вокруг него формируются собрания, коллекции, архивы пушкинской и послепушкинской эпохи. Здесь хранится значительная часть рукописного наследия Лермонтова, Крылова, Кольцова, Рылева, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Гончарова, Гаршина, Блока. Пожалуй, трудно назвать более или менее известного русского писателя XVIII или XIX в., чье наследие не было бы представлено в Рукописном отделе. В его фондах рукописи писателей XVIII в. Державина, Сумарокова, Радищева, Фонвизина, Кантемира, выдающихся писателей, критиков, публицистов XIX в., среди которых Гоголь, Жуковский, декабристы, Белинский, Герцен, Огарев, Писарев, Чернышевский, Тургенев, Островский, Достоевский, Лесков, Чехов, Короленко. В довоенные годы в Рукописном отделе хранилась часть архива Горького, помещенная сюда самим писателем. Позднее он был передан в Москву в Институт мировой литературы им. М. Горького, где сейчас сосредоточено все рукописное наследие великого пролетарского писателя.

Среди множества литературных материалов в Рукописном отделе встречаются отдельные автографы выдающихся русских полководцев (А. В. Суворов, М. И. Кутузов, Ф. Ф. Ушаков, П. С. Нахимов и др.), ученых (А. М. Бутлеров, Д. И. Менделеев, И. П. Павлов, Н. И. Пирогов, И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев, В. О. Ключевский, Ф. И. Буслаев и др.), композиторов (М. И. Глинка, П. И. Чайковский, Н. Г. Рубинштейн, Н. А. Римский-Корсаков, А. С. Даргомыжский, М. А. Балакирев и др.), художников (И. К. Айвазовский, К. П. Брюллов, В. М. Васнецов, А. Г. Венецианов, А. А. Иванов, И. Н. Крамской, И. Е. Репин, П. А. Федотов и др.).

В фондах русских писателей и общественных деятелей немало иностранных автографов, в том числе писателей, ученых, общественных деятелей и деятелей культуры. Среди них Д. Байрон, Вальтер Скотт, Теккерея, Ч. Диккенс, Т. Гарди, Г. Уэллс, Б. Шоу, Гете, Шиллер, Гейне, Вольтер, Дидро, Шатобриан, Бальзак, Беранже, Доде, Золя, Франс, Р. Роллан, Д. Лондон, Марк Твен, Ф. Купер, А. Мицкевич, Г. Сенкевич, В. Карджич, П. Негош, Л. Каравелов и др.

С 1923 г. Рукописный отдел собирает, изучает и хранит рукописное наследие советских писателей, особенно тех, чье творчество и жизнь связаны с городом на Неве. Здесь архивы Б. А. Лавренева, Ю. Н. Либединского, А. С. Новикова-Прибоя, А. П. Чапыгина, А. Прокофьева, М. Зощенко, В. Саянова, О. Форш, Н. Тихонова, А. Платонова.

В 1976 г. сохранившуюся часть рукописи «Тихого Дона» передал в Пушкинский Дом Михаил Шолохов. И сегодня приток новых рукописей и целых архивов не прекращается, их передают ныне здравствующие писатели, коллекционеры, частные лица. Советская часть рукописного собрания Пушкинского Дома в настоящее время становится основой для изучения целого ряда этапов и явлений современного литературного процесса, особенно связанных с Ленинградом.⁵

Собранные в Рукописном отделе материалы еще в дореволюционную пору стали основой для создания трудов, посвященных публикации рукописного наследия нашей литературы. Большие их комплексы были введены в научный оборот в трудах Пушкинского Дома в 20-е и 30-е годы. Однако с ростом рукописного собрания публикация его материалов в отдельных сборниках, альманахах или коллективных трудах стала недостаточной и малоэффективной. Поэтому встал вопрос о создании специального издания, единственной задачей которого должна быть научная пропаганда материалов Рукописного отдела. И такое издание было создано в 1938 г. Оно называлось «Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения». «Перед Институтом русской литературы и его Рукописным отделом стоит очевидная и неотложная задача: несколько не ослабляя публикации своих архивных богатств в особых сборниках, например, в изданиях, посвященных изучению отдельных писателей (Пушкина, Некрасова и т. д.), приступить к систематическому выпуску в свет очередных сборников „Литературного архива“, в которых будет осуществляться постепенная публикация всех прочих документов, по тем или иным причинам еще не обнародованных, но имеющих значение для изучения всего богатства и многообразия явлений прошлой литературной жизни во всем ее идейном содержании и эстетической значимости».⁶

Первый том «Литературного архива» вышел в свет под редакцией С. Д. Балухатого, Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. Он был посвящен Пушкину, декабристам, Лермонтову и завершался описанием автографов Гоголя, хранящихся в Пушкинском Доме. Это издание было призвано сделать публикацию материалов Рукописного отдела более систематичной и целенаправленной. Вероятно, это так и было бы, если бы предпринятое издание выходило более регулярно. Однако тома его появлялись от случая к случаю. Второй том, посвященный литературе шестидесятых годов XIX в., вышел в 1940 г. под редакцией Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера, после чего наступил перерыв до 1951 г., когда во главе издания встал М. П. Алексеев. Под его редакцией в 1951, 1953, 1960 и 1961 гг. появились еще четыре тома.

«Литературный архив» создавался не только силами работников Рукописного отдела, но и учеными, работающими в разных областях

⁵ Полный перечень фондов Рукописного отдела см. в кн.: Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М., Наука, 1979. С. 127—217.

⁶ Литературный архив. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 3. С. 6.

истории и теории литературы. Среди них следует назвать Б. П. Городецкого, В. А. Мануйлова, Б. С. Мейлаха, К. Н. Григорьяна, А. С. Долинина, Б. В. Томашевского, С. А. Рейсера, А. И. Груздева, М. П. Алексеева, К. Н. Державина, В. М. Жирмунского, Г. М. Фридендера, Ф. Я. Прийму, В. Е. Евгеньева-Максимова, К. Д. Муратову, В. П. Вильчинского и др. В послевоенные годы в нем появились публикации найденных автографов Пушкина, писем и набросков Гоголя, неизвестных произведений, писем, деловых бумаг Герцена, Писарева, Добролюбова, Гончарова, Тургенева, Островского, Некрасова, Короленко, Писемского, Достоевского, Михайлова, Плещеева, Станюковича, Серафимовича, иностранных писателей и композиторов — Мицкевича, Шиллера, Диккенса, Моноюшко. Специальный выпуск (пятый) был посвящен крупнейшим русским литературным и литературно-общественным журналам («Русское богатство», «Журнал для всех», «Ежемесячный журнал», «Русская мысль»).

«Литературный архив» был не единственным изданием, построенным на материалах Рукописного отдела. Еще в 30-е годы здесь начинается большая и сложная работа по научному описанию рукописей выдающихся представителей русского литературного движения. И конечно же, в первую очередь внимание было обращено на собранные к тому времени в Рукописном отделе рукописи Пушкина. Это было особенно необходимо потому, что именно в это время начинались работы по подготовке первого академического собрания сочинений Пушкина. В 1937 г. вышла в свет книга «Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме», представляющая собою описание всех рукописей поэта, к этому времени собранных в Пушкинском Доме. Составителями описания были Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Несколько раньше пушкинского описания, в 1936 г., в серии «Научные описания рукописей», в это время задуманной в Институте, под редакцией С. Д. Балухатого вышел первый выпуск «Описания рукописей М. Горького», посвященный автографам художественных произведений писателя. Эта книга обозначила собою начало большой серии научных описаний, сначала издававшихся отдельно, а позднее публиковавшихся в составе серийного издания «Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома». Отдельным изданием в 1939 г. выходит выполненное К. Н. Григорьяном описание «Рукописи Н. Г. Чернышевского в собрании Института литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР», в 1941 г. — им же подготовленное описание рукописей Д. И. Писарева. В эти же годы научные описания появились в «Литературном архиве» (рукописи Гоголя) и в книге «Глеб Успенский. Материалы и исследования» (рукописи Успенского). Этим в довоенные годы деятельность по созданию научных описаний ограничилась; возобновилась она сразу же после войны.

В 1947 г. параллельно с «Литературным архивом» создается второе серийное издание Рукописного отдела — «Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома». Это издание справочно-информационного характера, знакомящее читателя с богатствами

Рукописного отдела и помогающее ориентироваться в той части рукописного наследия выдающихся русских писателей, которая хранится в Пушкинском Доме. Научные описания во всех девяти выпусках «Бюллетеня», изданных в 1947—1961 гг., занимают главное место. Здесь напечатаны описания рукописей Крылова, Чехова, Лермонтова, Белинского, Герцена, Тургенева, Некрасова, Гончарова, Достоевского, Никитина, Огарева, Салтыкова-Щедрина, Кольцова, Гаршина, Бунина, Михайлова, обзоры фондов А. Н. Веселовского, Державина, чешских, польских и южнославянских рукописей. Важнейшее информационное значение имеют печатавшиеся в каждом выпуске обзоры поступлений в Рукописный отдел новых материалов (за 1940—1957 гг.), а также составлявшиеся В. И. Малышевым сведения о пополнении коллекции древних рукописей. Что же касается публикации отдельных материалов, то они в «Бюллетене» крайне незначительны и появляются только в первом выпуске. В послевоенные годы Рукописный отдел принимает участие, совместно с другими архивными учреждениями, в подготовке «Описания рукописей Ф. М. Достоевского» (М., 1957) и в составлении аннотированного каталога переписки А. Блока, два тома которого вышли в свет в 1975 и 1979 гг. Создание научного описания рукописей писателя усилиями ряда научных коллективов сейчас является, пожалуй, самым эффективным и полезным, потому что в этом случае в руки читателя попадает описание не части рукописного наследия, а всего его комплекса, рассредоточенного, как правило, по нескольким архивохранилищам и библиотекам. Это обстоятельство постепенно и привело к прекращению изданий, посвященных описанию частей рукописного наследия писателей, издававшихся ЦГАЛИ, Всесоюзной библиотекой им. В. И. Ленина, Пушкинским Домом. В 1961 г. был прекращен и «Бюллетень Рукописного отдела», вместо которого в начале 70-х годов Институт приступил к выпуску нового серийного издания «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома».

Первый выпуск «Ежегодника» (на 1969 г.) появился в 1971 г. Это было новое издание, но на первоначальных своих этапах оно мало отличалось от предшествовавшего ему «Бюллетеня». Дело в том, что три выпуска «Ежегодника» как бы продолжали издание «Бюллетеня» и публиковали материалы — главным образом научные описания рукописей, — заготовленные для него. Именно в «Ежегодниках» (на 1969, 1970 и 1971 гг.) напечатаны описания рукописного наследия Григоровича, Лескова, Короленко, а также даны подробные обзоры поступлений в Рукописный отдел за 1958—1969 гг. Издание в эти годы осуществлялось под руководством редколлегии во главе с Н. В. Измайловым.

В 1974 г. с появлением в свет «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год» профиль издания коренным образом меняется. Редколлегия, работой которой теперь руководит К. Д. Муратова, приходит к выводу, что научные описания рукописей целесообразнее печатать отдельными изданиями и создавать их с учетом материалов, хранящихся в разных архивах страны, а поэтому в «Ежегоднике» на первое место теперь выдвигаются обзоры, сооб-

шения, публикации, т. е. издание, сохраняя уровень информативности, в то же время дает читателю большое количество ранее не издававшихся текстов. Информация о фондах Рукописного отдела содержится прежде всего в обзорах, построенных на основании тщательного изучения фонда, и в сообщениях о новых поступлениях. В «Ежегоднике» напечатаны обзоры архивов братьев Бестужевых, Ф. Д. Батюшкова, А. М. Дмитриева, А. И. Иванчина-Писарева, П. П. Перцова, М. В. Матюшина и Е. Г. Гуро, К. С. Аксакова, А. М. Ремизова, Л. Я. Гуревич, С. Я. Полякова, Андрея Белого, Д. И. Хармса, опубликованы ранее неизвестные произведения, наброски, письма, документы В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, В. Ф. Одоевского, Н. И. Гнедича, К. С. Аксакова, Н. М. Языкова, Ф. А. Кони, В. П. Боткина, И. А. Гончарова, А. Н. Майкова, Н. С. Лескова, М. А. Волошина, Ф. Сологуба, А. А. Блока, В. Я. Брюсова, Л. Н. Андреева, А. Е. Крученых, А. Т. Аверченко, Ю. К. Балтрушайтиса, А. М. Ремизова, П. Ф. Якубовича, И. Ф. Анненского, А. В. Луначарского, А. Белого, М. И. Цветаевой, К. С. Малевича, С. Н. Сергеева-Ценского, И. С. Шмелева, М. М. Зощенко, Н. К. Рериха, О. Э. Мандельштама, Б. Л. Пастернака, М. А. Шолохова.

Почти в каждом выпуске «Ежегодника» печатались неизвестные ранее материалы о деятельности иностранных писателей. Среди них письма и произведения Джерома К. Джерома, Поля Валери, Э.-М. де Воюэ, Стефана Цвейга, Вирджини Ансело, Дж. Розини, французского писателя XVII в. С.-Р.-Н. де Шамфора, письма французских корреспондентов А. И. Тургенева и др.

В 1981 г. появился последний «Ежегодник» под редакцией К. Д. Муратовой, три года спустя вышел в свет еще один (под редакцией К. Н. Григорьяна), после чего судьба этого серийного издания, в области источниковедения одного из лучших в стране, остается неопределенной. Предположения о его преобразовании не осуществлены да и вряд ли их необходимо претворять в жизнь: возможности издания в той форме, в какой оно выходило под редакцией К. Д. Муратовой, далеко не исчерпаны и нет никакой необходимости в его реорганизации.

Рассмотренные издания Рукописного отдела свидетельствуют о том, что интерес к источниковедению с развитием историко-литературных и теоретических исследований возрастает. Развитие же источниковедения в комплексе других видов литературных исследований, проводимых в Пушкинском Доме, ведет к повышению научного уровня его работ в целом: историко-литературные и теоретические работы обретают более широкую и надежную источниковедческую основу, а источниковедческие исследования выполняются на высоком историко-литературном уровне, ставя и решая порою сложные вопросы, касающиеся истории литературы, литературно-общественного движения, художественного мастерства писателей. Впрочем, разговор об изданиях Рукописного отдела будет не полным, если не сказать об описании рукописей Пушкина, сделанном О. Соловьевой. Это первое, хотя и очень краткое описание, которое было составлено после передачи в Пушкинский Дом всего рукописного наследия

великого поэта, и сейчас является единственным путеводителем по Пушкинскому фонду. Добавления к этому списку, как правило, печатаются в изданиях Рукописного отдела — в «Бюллетене» и в «Ежегоднике».

Конечно, публикация материалов Рукописного отдела не ограничивается только его изданиями. Эти материалы печатаются в серийных изданиях Пушкинского Дома, в журнале «Русская литература», используются в его коллективных и индивидуальных исследованиях, входят в состав академических изданий сочинений классиков, здесь осуществляемых. Однако используются они не только в институтских, но и во многих других изданиях, выходящих в нашей стране и за ее рубежами. Многие тома «Литературного наследства», например посвященные Островскому или Блоку, наполнены в своей значительной части материалами из Рукописного отдела Пушкинского Дома, печатаются они во многих научных журналах и вузовских изданиях, используются в дипломных работах, в диссертациях, в художественной литературе, в радио- и телепередачах и даже в кино.

В системе Пушкинского Дома Рукописный отдел в значительной мере исполняет справочно-библиографические функции. И это понятно, потому что в его фондах хранится немало картотек, указателей, биобиблиографических материалов, разнохарактерных и неравноценных по своему содержанию, но в своей совокупности составляющих настоящий справочный комплекс, в котором главенствующее место принадлежит, пожалуй, крупнейшей картотеке С. А. Венгерова.⁷ Эта картотека содержит около двух миллионов карточек и сведения о 80 тысячах русских писателей и ученых. Она включает каталог русских книг, доведенный до 1916 г., перечень статей, напечатанных русскими авторами в периодических изданиях, наконец, список литературы о каждом писателе или ученом. Кроме того, в Рукописном отделе находится венгеровская картотека (полная) «Предварительного списка русских писателей и ученых», специальная картотека переводов, печатавшихся в периодических изданиях, собрание автобиографий (свыше четырех тысяч). Справочные материалы, собранные Венгеровым, до сих пор не потеряли своего научного значения и постоянно используются литературоведами, историками, библиографами.⁸

К картотеке Венгерова примыкает библиографическое собрание А. Н. Лященко и А. Г. Максимова (собрание Библиологического общества), а также картотеки Б. Л. и Л. Б. Модзалевских и В. И. Саитова, о которых следует сказать несколько слов, имея в виду их особую роль в современной справочно-библиографической системе. Картотека Б. Л. Модзалевского

⁷ Б а с к а к о в В. Н. Справочно-библиографические источники в собраниях Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1987.

⁸ П а н ч е н к о Н. Т. Библиографическое собрание Рукописного отдела Пушкинского Дома // Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 204—209.

создавалась десятилетиями. Постоянно, методически Б. Л. Модзалевский выписывал на карточки сведения о всех лицах, встречавшихся в прочитанной им литературе, а так как занимался он преимущественно Пушкиным и пушкинской эпохой, то, естественно, и картотека его отразила особенности занятий своего составителя и сконцентрировала сведения преимущественно об эпохе первой половины XIX в. На карточки выписывались биографические, библиографические, генеалогические сведения, которые сейчас, особенно в своей совокупности, представляют величайшую ценность и делают картотеку неиссякаемым источником данных, необходимых в литературоведческих и исторических исследованиях. По этой же системе примерно составлены и содержащиеся с ней или продолжающие ее картотеки Л. Б. Модзалевского и В. И. Саитова.

Кроме названных картотек в Рукописном отделе хранится обширная библиография Н. Н. Бахтина, регистрирующая переводную литературу по странам,⁹ картотека Н. О. Лернера, также посвященная переводной литературе и содержащая свыше 20 тысяч записей, картотека псевдонимов С. А. Бороздняка и С. А. Островского, картотека А. Д. Алексеева, представляющая собою роспись содержания московских и петербургских журналов конца XIX—начала XX в., картотека Н. М. Лисовского, посвященная библиографии, книжному делу, периодической печати, цензуре и т. д. Все эти материалы делают Рукописный отдел Пушкинского Дома одним из самых значительных центров справочно-библиографической службы в области литературы и литературной науки.

Сегодня Рукописный отдел Пушкинского Дома является одним из крупнейших в Советском Союзе хранилищ русского рукописного литературного наследия, без обращения к которому невозможно исследование многих явлений из истории русской литературы и общественного движения. К нему обращаются литературоведы и историки, библиографы и художники, текстологи, журналисты, краеведы, музыканты, работники самых разных и порою неожиданных профессий. До 1917 г. пользование этими материалами было «затруднительно и носило случайный характер»,¹⁰ в конце 20-х годов в читальном зале, который был создан в 1927 г. с переездом Пушкинского Дома в нынешнее здание, уже работало до 100 человек в год, а сегодня читальный зал Рукописного отдела обслуживает ежегодно свыше 500 читателей.

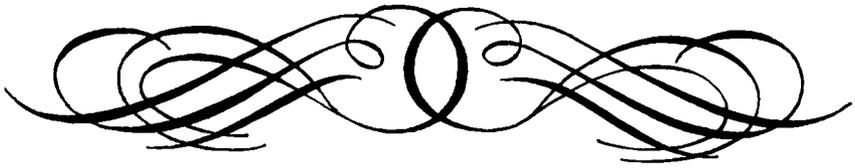
Рукописный отдел сейчас представляет собою надежную источниковедческую основу для научной деятельности Института в целом. В то же время он ведет самостоятельные исследования, вводя в научный оборот сосредоточенные в его фондах материалы. Уровень

⁹ Бронь Т. И. Н. Н. Бахтин и его картотека // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 434—449.

¹⁰ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1927), № 3, л. 20.

собираетельской и научной деятельности этого отдела во многом определяется тем обстоятельством, что во главе его стояли крупнейшие советские ученые, много сделавшие для развития литературного источниковедения. Среди них прежде всего следует назвать Б. Л. Модзалевского, Л. Б. Модзалевского, Н. К. Пиксанова, И. Л. Маяковского, Б. В. Томашевского, Н. В. Измайлова, К. Д. Муратову. Эти научные силы и сложившиеся на протяжении семи десятилетий научные традиции и определяют сегодня лицо Рукописного отдела, характер его собираетельской деятельности, направление исследовательских работ и перспективы дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

В становлении и развитии Пушкинского Дома как научно-исследовательского учреждения важную роль всегда играл Литературный музей, фонды которого начали формироваться одновременно с возникновением самого Пушкинского Дома. И на первоначальных этапах его развития, хотя в то время музей и не существовал как организационно оформленное подразделение, собрание, хранение, изучение изобразительных материалов было одной из главнейших задач Пушкинского Дома. Созданный здесь музей был первым в стране литературным музеем, где русская литература была представлена в ее развитии и наиболее ярких проявлениях. В этом отношении важно отметить то обстоятельство, что на протяжении пяти десятилетий почти все мемориальные писательские музеи в стране и литературные музеи создавались при участии, при консультациях и помощи Пушкинского Дома и его Литературного музея.¹

Сегодня Литературный музей Пушкинского Дома представляет собою крупнейшее в стране собрание иконографических, мемориальных и историко-бытовых материалов, относящихся к русской литературе XVIII—XX вв. Такое значение музей Пушкинского Дома приобрел хотя и давно, но далеко не сразу. Впрочем, он всегда на протяжении всей своей истории был музеем особого типа, музеем научного профиля, деятельность которого в основной своей части направлялась на более глубокое познание истории отечественной литературы, в том числе и литературного быта прошлых эпох. Поставив перед собой задачу создать музей русской литературы, основатели Пушкинского Дома «сразу столкнулись с полной невозможностью отделить эту литературу от окружающего ее быта, а столкнувшись с этим обстоятельством, должны были, в пределах необходимости, пополнять свои историко-литературные коллекции не только

¹ См.: Б а б к и н Д. С. Литературный музей Пушкинского Дома: Краткий очерк. Л.: Изд-во АН СССР, 1962; Х в а т о в А. И. Литературный музей Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1982.

портретами писателей и иллюстрациями к их произведениям, но и различными принадлежавшими им и характеризующими их вещами и по возможности той обстановкой, среди которой жили и работали писатели той или иной эпохи. Эти соображения и привели к тому, что в коллекции музея Пушкинского Дома были введены отделы реликвий и отчасти предметов быта».² Сочетание историко-литературного плана с мемориально-бытовым и сейчас отличает музей Пушкинского Дома, делает его особенным, непохожим на другие литературные музеи страны.

Первые годы существования музея характеризуются прежде всего собиранием материала. Приобретение их в дореволюционную пору финансировалось лишь в незначительной степени и основывалось преимущественно на добровольных приношениях, которые хотя и были нередки, а порою ценны и значительны с точки зрения изучения истории литературы, но тем не менее не позволяли формировать музей планомерно, систематически, вносили в этот процесс элемент случайности. Однако даже в таких стесненных условиях музей Пушкинского Дома накануне первой мировой войны уже обладал крупнейшими собраниями материалов по истории русской литературы, особенно по истории литературы пушкинской и послепушкинской поры, что и заставило руководителей Пушкинского Дома и Академии наук задуматься над вопросом об открытии этих ценностей для обозрения. Сделать это было нелегко, потому что Пушкинский Дом в то время не обладал собственными помещениями.

Первая выставка материалов Пушкинского Дома была открыта в 1913 г. в аванзалах и вестибюле главного здания Академии наук. Она имела успех, ее посещали, о ней писали. Представление о первой выставке Пушкинского Дома можно составить по фотографиям ее залов, помещенным в первом выпуске «Временника Пушкинского Дома».

С 1917 г. пополнение музея пошло ускоренными темпами. Сюда стали поступать не только отдельные реликвии и материалы, но и целые собрания и коллекции. Среди крупнейших поступлений этого времени следует назвать коллекции Пушкинского музея Александровского лицея (1917), Лермонтовского музея Николаевского кавалерийского училища (1917), Толстовского музея (1931), собрания А. Ф. Онегина (1928) и др. Если к этому добавить, что одновременно с поступлением названных собраний шло комплектование фондов и за счет отдельных экспонатов, за счет передачи материалов из других музеев, то процесс превращения собрания изобразительных материалов Пушкинского Дома, каким оно было еще к моменту Октябрьской революции, в музей, работающий по целенаправленной программе, следует считать не только успешным, но и удивительным.

² Пушкинский Дом при Российской Академии наук. Л., 1924. С. 109.

тельно быстрым: на пустом месте за 15—17 лет вырастает музей, в своей области единственный и богатейший в стране.

После Октябрьской революции начинается деятельное изучение и использование собранных в музее материалов. В 1918 г. часть их экспонируется на Тургеневской юбилейной выставке, а после получения в 1919 г. Пушкинским Домом здания на улице Халтурина там устраиваются периодические выставки. Эта традиция была открыта большими, но временными выставками, посвященными Достоевскому и Некрасову. Обе они состоялись в 1921 г., и каждая из них была сопровождена выпуском специального путеводителя. Кстати сказать, в начале 20-х годов в Пушкинском Доме была заведена хорошая традиция выпускать к каждой новой выставке путеводитель, объясняющий ее содержание, общий характер, историю и значение представленных на ней экспонатов. К сожалению, эта традиция после выхода в свет четырех путеводителей прекратилась и более в Пушкинском Доме не возобновлялась. Правда, в 1934 г. появился составленный В. Н. Перетцем путеводитель по выставке массовой русской литературы XVIII в., но, во-первых, это было единственное в 30-е годы издание подобного рода, а во-вторых, работа В. Н. Перетца имела более широкие задачи и скорее представляла собою научную статью о представленной на выставке литературе, чем обычный путеводитель.

Отдельные выставки на историко-литературные темы — таково общее направление развития музея в первые послереволюционные годы. С получением Пушкинским Домом здания на Тифлисской улице музей впервые в своей истории приступает к созданию постоянной экспозиции, посвященной уже не отдельным писателям, а истории русской литературы в целом. Эта экспозиция была размещена в трех залах и вестибюле Пушкинского Дома на Тифлисской улице и в десяти залах академического здания на Тучковой набережной, где сейчас размещается Институт физиологии. Экспозиция того времени была построена по принципу наиболее полного представления литературного процесса XVIII и XIX вв., а не концентрации внимания на отдельных выдающихся его деятелях. Хронологически экспозиция охватывала период от начала XVIII в. до Горького, т. е. именно ту эпоху, которая в это время входила в сферу исследовательской и собирательской работы Пушкинского Дома. В 1925 г. открылась экспозиция на Тучковой набережной, в здании, которое к 200-летию Академии наук в конце 1924 г. было получено Пушкинским Домом взамен помещения на улице Халтурина. С этого времени Литературный музей Пушкинского Дома существует как постоянно функционирующее культурно-просветительское учреждение, прекращавшее свою деятельность только в период блокады Ленинграда.

За 55 лет существования музейных экспозиций характер их постепенно менялся. Первые экспозиции — это главным образом показ портретов и мемориальных вещей, распределенных по эпо-

хам или литературным направлениям; позднее в экспозицию все чаще и чаще стали привлекаться материалы, раскрывающие творческую лабораторию писателей, их связь с общественно-литературным и революционным движением, роль и значение их наследия для нашей современности. Музейная интерпретация творчества писателей и литературного процесса в целом или в отдельных его эпохах с развитием литературоведения усложняется, детализируется и сегодня формируется с учетом методологических принципов, лежащих в основе развития современной литературной науки, с использованием новейших достижений в изучении истории литературы, творчества и биографии ее выдающихся представителей. Совершенствуется и художественное оформление экспозиции, хотя в своей совокупности оно остается в рамках традиционности и не подвергается модернизации, которая осовременивает экспозицию и отдаляет ее от представляемой ею эпохи. Преобразование и совершенствование экспозиции, начавшиеся еще в 20-е годы, не прекращаются и сегодня. При постоянной помощи исследовательских отделов идейно-воспитательный аспект экспозиции постоянно совершенствуется и повышается. В этих преобразованиях учитываются и интересы посетителей, значительную часть которых составляют школьники и студенты, посещающие музей с учебными целями.

С 1927 г. музей размещается в нынешнем здании Института. Его экспозиции, в большинстве своем посвященные выдающимся русским писателям, постоянно обновляются, а порою и заменяются новыми. Та экспозиционная структура, которая существовала в 20-е годы и отражала литературные явления XVIII и XIX вв., была с течением времени изменена. Сейчас музей представляет посетителю не весь русский литературный процесс, а лишь его выдающиеся явления, такие, как творчество Лермонтова и Гоголя, Толстого и Тургенева, Гончарова, Островского, Горького. Специальный зал посвящен участию писателей-ленинградцев в Великой Отечественной войне. Это не значит, что музей не обращается к другим явлениям и другим эпохам русской литературы. В разное время в музее были созданы и открыты для посетителей экспозиции, посвященные «Слову о полку Игореве», Радищеву, декабристам-писателям, Маяковскому, Шолохову и др.

Долгое время композиционным центром всей музейной экспозиции был Пушкин. Еще в 1922 г. в Пушкинском Доме была открыта большая временная выставка «Пушкин и его современники». В восьми залах были представлены рукописи, книги, иллюстративные материалы, посвященные Пушкину, его современникам, его эпохе. К выставке был выпущен специальный указатель-путеводитель, составленный М. Беляевым. Эта временная выставка стала своего рода прообразом постоянной экспозиции, посвященной Пушкину и пушкинской эпохе и открывшейся годом позже в двух залах нового здания Пушкинского Дома на Тифлисской улице.

Стол А. Блока в Литературном музее Пушкинского Дома.

Позднее, с переездом Пушкинского Дома в здание на Тучковой набережной, пушкинская часть экспозиции хотя и реорганизуется, но по-прежнему составляет центр общей музейной экспозиции.

В 1925 г. Пушкинскому Дому передается последняя квартира Пушкина на Мойке. После ремонта, который не ставил целью восстановления квартиры в том виде, в каком она существовала при Пушкине, она была в 1926 г. открыта. 10 февраля этого года на квартире впервые состоялось торжественно-памятное собрание, посвященное 89-й годовщине со дня смерти Пушкина и заложившее основы той традиции, которая сохраняется и сегодня.

С получением в свое ведение последней квартиры Пушкина, с созданием постоянной экспозиции, посвященной Пушкину, пушкинская часть музейного дела в Пушкинском Доме значительно расширяется и начинает приобретать постепенно некоторую автономность по сравнению с другими отделами музея. В том же 1926 г. Пушкинский Дом начинает участвовать в работе Пушкинского заповедника в Псковской области, пока находившегося в ведении Главнауки Наркомпроса и в 1934 г. переданного Пушкинскому Дому. Таким образом, в Пушкинском Доме, в рамках его Литературного музея, создавался целый пушкинский комплекс, привлекавший исключительное внимание научной общественности и посетителей, особенно в связи со столетием со дня смерти поэта. К этому времени была отремонтирована с восстановлением старой планировки последняя квартира Пушкина, произведено обнов-

ление и усовершенствование пушкинской экспозиции, в селе Михайловском восстановлена усадьба Пушкина и в его доме открыт музей, закончены реставрационные работы на могиле Пушкина в Святогорском монастыре. Надо сказать, что 1937 год, когда отмечалось столетие со дня смерти Пушкина, сыграл существенную роль в деятельности музея и всего Института, который на протяжении нескольких лет к этому юбилею готовился. Важнейшим событием этого юбилея стала Всесоюзная Пушкинская выставка в Москве, для которой по постановлению правительства Пушкинский Дом, как и другие музеи, библиотеки, архивы, предоставил ценнейшие экспонаты из своих собраний, и Пушкинская выставка в Государственном Эрмитаже. Юбилей 1937 г. и сопровождавшие его пушкинские выставки стали своего рода демонстрацией советской пушкинианы, с годами накапливавшейся в музеях, библиотеках, архивах страны, в том числе и в Пушкинском Доме. Весь комплекс материалов, собранных для Всесоюзной Пушкинской выставки, был преобразован в Музей Пушкина, который правительственным решением в 1947 г. был в полном составе передан Пушкинскому Дому. Таким образом, Пушкинский Дом не только получил те материалы, которые предоставлялись им для Всесоюзной Пушкинской выставки, но и богатейшую пушкинскую коллекцию, составленную из материалов других музеев. Теперь Пушкинский Дом стал единственным в стране учреждением, сосредоточившим в своих фондах рукописи, библиотеку Пушкина, ценнейшее собрание изобразительной пушкинианы, дающее яркое представление не только о Пушкине, но и о его эпохе, о связях поэта с современным ему общественным, литературным и революционным движением, о восприятии его творчества последующими поколениями, о воздействии поэзии Пушкина на русское и мировое литературное развитие.

Новый шаг в совершенствовании той части музейной работы, которая касается Пушкина, относится к 1949 г., когда отмечалось 150-летие со дня рождения поэта. К этому юбилею относятся первые шаги по созданию пушкинского комплекса в городе Пушкине: была открыта на материалах Пушкинского Дома большая выставка в Александровском дворце, восстановлен и открыт актовый зал Лицея. Кроме того, в Пушкинском заповеднике к юбилею восстановили уничтоженный при отступлении фашистами дом поэта в селе Михайловском, а также начали реставрацию пострадавших во время войны парков и могилы поэта. Так постепенно в музее создавался самостоятельный пушкинский комплекс или Музей Пушкина, изобразительная часть которого с наибольшей полнотой была представлена в открывшейся в 1952 г. в помещении Государственного Эрмитажа пушкинской экспозиции, а в следующем 1953 г. все пушкинские материалы, сосредоточенные в Институте, кроме рукописей и библиотеки поэта, были переданы в распоряжение Министерства культуры СССР как Всесоюзный Музей Пушкина, вместе с ним была передана последняя квартира Пушкина на Мойке, музей-квар-

Лермонтовский зал в Литературном музее
Пушкинского Дома.

тира Некрасова, а также Пушкинский заповедник в селе Михайловском.

Созданный Пушкинским Домом музейный пушкинский комплекс — явление уникальное. Широкая популяризация этих материалов, пропаганда творчества Пушкина при их помощи в рамках научно-исследовательского института сдерживалась, не получая должного развития. Необходимость придания этому комплексу всенародного значения и привела к выделению его в самостоятельные учреждения. Это создало широкий простор для развития историко-литературных и мемориальных пушкинских музеев как центров популяризации и пропаганды наследия великого русского поэта.

Экспозиции Литературного музея Пушкинского Дома время от времени обновляются, представляя то одних, то других

писателей. Такая замена случается не часто, но все же только за 70—80-е гг. введены новые экспозиции, посвященные Блоку, Горькому, писателям-ленинградцам, участвовавшим в Великой Отечественной войне. Правда, научно-просветительная деятельность музея постоянными экспозициями не ограничивается. Музей ведет большую работу по созданию временных выставок как в своих помещениях, так и за пределами Пушкинского Дома. В Пушкинском Доме временные выставки связаны с юбилейными датами и с научными мероприятиями, здесь проводимыми. Временные выставки посвящались Салтыкову-Щедрину, Чернышевскому, Леонову, Прокофьеву и многим другим писателям, поэтам, критикам, создавались они к 100-летию освобождения Болгарии, к международным конференциям, к выдающимся датам нашей общественно-политической жизни. Вне Пушкинского Дома музей принимает участие в подготовке выставок, посвященных выдающимся русским писателям, иногда совместно с Государственным Русским музеем, с Домом писателей; предоставляет свои материалы для демонстрации на международных и зарубежных выставках (Япония, Франция). Особенно много выставок осуществляет музей в кинотеатрах, дворцах и домах культуры, на предприятиях, на кораблях Балтийского флота, самым активным образом включаясь в дело популяризации русской литературы и ее великого наследия.

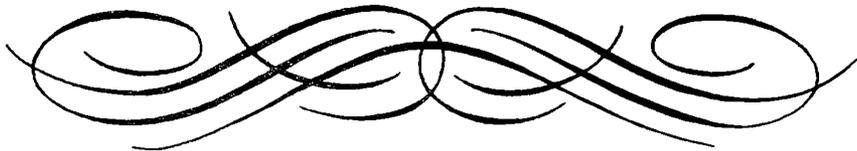
Литературный музей Института занимает особое место среди других музеев. Исполняя культурно-просветительские задачи, он в первую очередь является одним из отделов научно-исследовательского учреждения, выполняющим научные задания по программе работы Института. Поэтому музей занимается не только собиранием, хранением изобразительных материалов, организацией выставок и экспозиций, но и изучением этих реликвий, их описанием, введением в научный оборот. В 20-е и даже 30-е годы выходят описания и путеводители по выставкам и экспозициям, которые открывались в Пушкинском Доме. В те же годы, в довоенные и первые послевоенные, был издан ряд книг о памятных пушкинских местах, в том числе о последней квартире поэта на Мойке, а также начато несколько исследований, из которых книга В. Голубева «Пушкин в изображении Репина» была опубликована Пушкинским Домом в 1936 г. В 30-е и 40-е годы Институт подготовил и выпустил в свет для школ и для использования в культурно-просветительной работе ряд фотовыставок, сопровождаемых методическими указаниями по их организации. Это, пожалуй, был один из первых шагов, сделанных Институтом в помощь школе.

В 1951 г. Институт предпринял серийное издание «Описание изобразительных материалов Пушкинского Дома». Вышло всего девять выпусков, посвященных виднейшим представителям русской классической литературы, среди которых Гоголь, Лермонтов, Тургенев, революционные демократы, Толстой, Чехов и др. Значение этого издания заключается в том, что в нем

сосредоточены научные описания живописных и фотографических портретов писателей, их мемориальных предметов, иллюстраций к их произведениям, скульптурных изображений, фотографий памятных мест и т. д. Оно ликвидировало, хотя и частично, заметный пробел в науке, образовавшийся в связи с тем, что литературные и краеведческие музеи страны, где сосредоточены литературные материалы, изучением их, а тем более описанием почти не занимались, да и сейчас занимаются очень мало.

Богатейшие фонды музея являются источником не только для экспозиций и выставок, но и для научных исследований, для иллюстрирования сотен изданий, осуществляемых в Советском Союзе и за его рубежами, для альбомов, учебно-методических пособий, фотовыставок и пр. Широкая научно-консультационная работа музея находит отражение как в названных изданиях, так и в деятельности литературных и литературно-мемориальных музеев страны, для которых Литературный музей Пушкинского Дома является научно-консультационным центром, с помощью которого создавались и сейчас создаются многие музеи, связанные с литературой, с ее выдающимися представителями.

БИБЛИОТЕКА И КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ ПУШКИНСКОГО ДОМА

В Пушкинском Доме библиотека занимает особое место. Богата и неповторима ее история. Если мы вспомним обстоятельства возникновения Пушкинского Дома, то не будет необходимости объяснять, что Пушкинский Дом начинался с библиотеки и этой библиотекой была личная библиотека великого русского поэта Пушкина. Еще «не был утвержден даже проект положения о Пушкинском Доме, — читаем мы в одной из записок руководства Пушкинского Дома, — но библиотека Пушкина уже легла в основание его, составив как бы фундамент будущего здания научного учреждения, носящего имя великого поэта».¹

Книжное собрание Пушкина составило основу библиотеки, формирование которой началось с момента создания Пушкинского Дома. В первые годы она пополнялась почти исключительно за счет пожертвований и передач в ее фонды личных библиотек русских писателей, ученых, общественных деятелей. Эти пожертвования, как правило, делались наследниками владельцев библиотек, реже — самими владельцами. Покупки же книг за счет казны, как это было в отношении библиотеки Пушкина, в те годы — явление исключительное, и пополнения библиотеки этим путем в дореволюционную пору весьма незначительны. В первые годы существования Пушкинского Дома в его книжные собрания кроме библиотеки Пушкина поступили полностью или частично библиотеки П. А. Плетнева, П. А. Ефремова, И. А. Щеглова-Леонтьева, переданная С. Б. Враской библиотека села Тригорского, коллекция пушкинской юбилейной литературы А. А. Бахрушина.

Однако к 1914 г. библиотека Пушкинского Дома хотя и располагала многими уникальными изданиями и тематическими собраниями, тем не менее была невелика — в ней насчитывалось до 25 тысяч томов — и комплектовалась она исключительно за

¹ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1925), № 2, л. 22.

счет случайных поступлений.² Книги из личных библиотек Н. А. Котляревского, В. П. Семенникова, М. Н. Лонгинова несколько пополнили книжный фонд Пушкинского Дома, но все же к 1917 г. он включал всего лишь 30 тысяч томов.³ Это пока еще было книжное собрание, а не специализированная библиотека по истории русской литературы, какой мы ее видим сегодня.⁴

На первых этапах своего существования библиотека пополнялась медленно, но в ее составе было немало ценнейших изданий XVIII и XIX вв., а также книг из личных собраний выдающихся писателей, ученых, деятелей культуры. К 1913 г. перед руководством Пушкинского Дома встала задача срочной систематизации и каталогизации накопленных книжных богатств. Эта работа была поручена Е. П. Казанович, старейшей работнице Пушкинского Дома и первому его историку. «Старый читательский каталог, сохранившийся до наших дней, — сообщает историк библиотеки А. Н. Степанов, — хранит следы работ Казанович и ее помощников, стремившихся с возможной полнотой отразить в алфавитной картотеке поступления первых лет».⁵

В сентябре 1913 г. Н. А. Котляревский, Б. Л. Модзалевский, В. А. Рышков и Е. П. Казанович составили «Временное положение о библиотеке, собираемой для Пушкинского Дома», в котором определялась ее структура и источники комплектования, ее научный профиль и круг обязанностей. Существенным отличием тогдашней структуры библиотеки от более поздней является то, что в 1913 г. ей кроме книг поручалось хранить еще и рукописи, которых в то время было не так много. Позднее, с быстрым расширением рукописного собрания, оно было выделено в самостоятельное Рукописное отделение. Учитывая важность разработанного в 1913 г. документа, приведем текст его полностью.

«I. При Пушкинском Доме состоит библиотека и собрание рукописей по русской литературе Пушкинского и последующих периодов. Основанием библиотеки служат: рукописи Пушкина, его личная библиотека и библиотека села Тригорского.

II. Библиотека пополняется путем пожертвований и приобретений.

III. Библиотека предназначается для научных занятий по истории русской литературы.

IV. В библиотеку входят:

- 1) все издания русских писателей и поэтов указанных в § I периодов, а также переводы их сочинений на иностранные языки;
- 2) русские литературно-политические журналы;
- 3) историко-литературные и иные сочинения о писателях и поэтах;

² Временник Пушкинского Дома. 1913. СПб., 1914. С. XVII.

³ 50 лет Пушкинского Дома. М.; Л., 1956. С. 42—43.

⁴ О редких книгах и книжных собраниях в Пушкинском Доме см.: Степанов А. Н. У книг своя судьба... Л., 1974.

⁵ Степанов А. Н. Библиотека Пушкинского Дома: Исторический очерк. (РО ИРЛИ, Р I, оп. 25, № 455, л. 37).

4) собрание газетных статей о них.

V. В библиотеке имеется отдел книг по всем отраслям знаний, могущих быть полезными при занятиях историей русской литературы.

VI. Библиотека имеет полное, по возможности, собрание книг, вышедших при жизни Пушкина, за исключением сочинений, не имеющих никакого отношения к русской литературе.

VII. В библиотеке имеется отдел книг по всем отраслям знаний, интересных в музейном или библиофильском отношении.

VIII. Дублеты книг сохраняются в библиотеке только в том случае, если они представляют какой-нибудь особый библиофильский интерес.

IX. В состав библиотеки входят также произведения изящной словесности на всех иностранных языках».⁶

Приведенное положение с некоторыми усовершенствованиями действовало на протяжении всех 20-х годов, когда методы и источники комплектования книжного фонда мало отличались от перечисленных и сформулированных в 1913 г. После революции, в 1920 г., во главе библиотеки снова стал И. А. Кубасов. Он был, вспоминает Н. В. Измайлов, «большим знатоком книги и книжного дела, другом всех петербургских книжников, букинистов и книгоиздателей, которых было особенно мало в первые годы после революции — особенно в годы нэпа. Он по праву занимал должность заведующего библиотекой (...). Характерным лицом была и Евлалия Павловна Казанович, до приезда из Астрахани И. А. Кубасова заведовавшая библиотекой Пушкинского Дома. Высокого роста, сухая на вид, уже не молодая девица, типичная старая „бестужевка“, державшая в строгости молодых сотрудниц, она держалась несколько особняком, когда должность заведующего библиотекой возвратилась к И. А. Кубасову, она перешла в Рукописный отдел».⁷

После Октябрьской революции библиотека Пушкинского Дома стала расти значительно быстрее. В 1917 г. Пушкинский Дом принял архивные и книжные собрания Пушкинского музея Александровского лица и Лермонтовского музея при Николаевском кавалерийском училище.

На протяжении последующих шестидесяти лет сюда поступили библиотека А. И. Аничкова, Н. С. Боткиной-Враской, Е. С. Зарудной-Кавос, Ф. И. Стравинского, современника и дальнего родственника Пушкина — А. Н. Пушкина, часть библиотеки А. Н. Майкова, библиотеки и архивы В. М. Гаршина, М. И. Семевского, Я. П. Полонского, И. Ф. Богдановича, Ф. К. Сологуба, А. А. Блока, А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, И. А. Гончарова, В. П. Гаевского, Ф. А. Витберга, С. А. Венгерова, Б. Л. Модзалевского, А. С. Орлова, С. Д. Балухатого, В. В. Ви-

⁶ Там же, л. 38—39.

⁷ Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 г. (РО ИРЛИ, Р I, оп. 11, № 141, л. 17).

ноградова, В. М. Жирмунского, Н. К. Пиксанова и многих других. В 1927 г. Пушкинский Дом принял парижское собрание А. Ф. Отто-Онегина, содержащее великолепную по полноте подборку пушкинианы, русской и зарубежной, а также библиотеку В. А. Жуковского, книги из библиотеки И. С. Тургенева и многое другое.

В 20-е годы комплектование шло почти исключительно за счет поступления библиотек поэтов, писателей, ученых, а также путем обмена или передачи книг и целых книжных собраний из разных учреждений (Государственный книжный фонд, Госиздат, Главнаука, Центропечать, Чрезвычайная комиссия по учету книг в Петрограде и губернии, Музей революции, Театральный музей им. А. А. Бахрушина и др.). Пушкинский Дом ведет беспримерную по масштабам собирательскую работу. Книги и рукописи прибывают сюда из самых разных и порою неожиданных мест: из Карабихи прибывает архив и библиотека Некрасова, в ломбардном складе на Новгородской улице находятся книги, рукописи и личные вещи Достоевского; в бесхозных особняках, квартирах, кладовых, магазинах, подвалах обнаруживаются иногда ценнейшие реликвии, среди которых можно назвать рукописи Салтыкова-Щедрина, найденные под обвалившейся штукатуркой брошенной квартиры его дочери, богатейший архив М. И. Семевского; на квартире семьи Соловьевых оказалось редчайшее собрание альманахов и поэтических сборников модернистов. Большую помощь в комплектовании фондов Пушкинского Дома, в том числе и библиотечных, оказывал Горький, присылавший сюда редкие книги и рукописи, а также передававший Пушкинскому Дому часть личного писательского архива.

Библиотека растет. В 1923 г. здесь уже 100 тысяч томов «исключительно литературного и историко-литературного характера»,⁸ в 1925 г. — 120 тысяч,⁹ в конце 1929 г. — 157 тысяч, из которых отечественные издания составляли 130 тысяч, иностранные — 15 тысяч, оттиски и брошюры — 12 тысяч.¹⁰ Постепенное, но энергичное увеличение фонда привело и к увеличению штата: в 1929 г. в библиотеке работает четыре человека во главе с П. Е. Рейнботом, который в 1928 г. занял место И. А. Кубасова. Библиотека растет количественно, ее фонды содержат множество уникальных и бесценных изданий, но ее финансовое положение остается во многом прежним. И даже в 20-е годы средства, «отпускавшиеся на приобретение книг, всегда были настолько ничтожны (<...> что совершенно не соответствовали ни нуждам, ни действительным поступлениям. Систематических ас-

⁸ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1921), № 1, л. 105.

⁹ Там же, оп. 1 (1925), № 2, л. 12.

¹⁰ Степанов А. Н. Библиотека Пушкинского Дома, л. 94. — К 1956 г. книжный и журнальный фонды библиотеки состояли из 355 тысяч томов, а сейчас в ней насчитывается свыше 600 тысяч книг и журналов. См. также: Баскаков В. Н. Библиотека и книжные собрания Пушкинского Дома. Л., 1984.

сигнований на приобретение книг никогда не было».¹¹ С преобразованием старого Пушкинского Дома в научно-исследовательский институт русской литературы стали меняться методы и источники формирования библиотечных фондов, стала иной система комплектования. Можно сказать, что в 1930 г. закончилась история книжного собрания Пушкинского Дома и началась история его научной библиотеки.

С 1929 по 1949 г. библиотека Пушкинского Дома получает обязательный экземпляр по профилю своей деятельности. В это же время она вливается в общую сеть академических библиотек и становится филиалом Библиотеки Академии наук СССР. Однако обязательный экземпляр составлял в это время примерно четверть всех ее поступлений. Такой комплексный метод пополнения библиотеки в 30-е годы был и полезен и научно продуктивен. Во-первых, стала приобретаться вся художественная литература на русском языке, а также литература по литературоведению и искусству, что обеспечило систематический характер комплектования; во-вторых, продолжают поступления от организаций и частных лиц, в том числе в фонды библиотеки приходят и целые книжные собрания, принадлежавшие писателям и позволяющие Пушкинскому Дому вести исследование творческой лаборатории писателей по материалам их библиотек.

Высокий научный уровень библиотечной работы в Пушкинском Доме, совершенство системы каталогов библиотеки, полнота подбора специальной литературы обеспечивались еще и тем, что в библиотеке вели свою работу как специалисты-библиотекари, так и высококвалифицированные литературоведы, среди которых — Е. П. Казанович, Б. В. Томашевский, И. А. Кубасов, К. Д. Муратова, Н. В. Измайлов, М. А. Панченко и др.

Структура библиотеки с преобразованием Пушкинского Дома в научно-исследовательское учреждение постепенно усложняется в соответствии с теми задачами, которые в это время ставятся перед Институтом. В связи с приближающимся столетием со дня смерти Пушкина и с началом работ по изданию его сочинений в составе библиотеки Пушкинского Дома и на основе ее фондов в 1934 г. создается Пушкинский кабинет.¹² Как правильно отмечает А. Н. Степанов, Пушкинский кабинет стал совершенно новой формой в библиотечной практике, призванной «не только сконцентрировать пушкинскую литературу в одном месте и тем самым максимально приблизить ее к научным сотрудникам-пушкинистам.

Самое существенное заключалось в создании разветвленной системы каталогов, которые зафиксировали не только все издания

¹¹ ЛО Архива АН СССР, ф. 150, оп. 1 (1925), № 2, л. 25.

¹² Левкович Я. Л. Пушкинский кабинет Библиотеки Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР // Труды Библиотеки Академии наук (БАН) СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук (ФБОН) АН СССР. 1955. Т. 2. С. 227—232. См. также: 50 лет Пушкинского Дома. С. 48—54.

произведений поэта, как прижизненные, так и посмертные, но также раскрыли с наибольшей широтой и глубиной, вплоть до мельчайших деталей, литературу о Пушкине».¹³

Содержание фондов кабинета отражает не только творчество Пушкина и литературу о нем, но и пушкинскую эпоху в развитии нашей культуры и литературы. Конечно, с максимально возможной полнотой подобраны здесь издания сочинений поэта, прижизненные, посмертные, современные, издания его на иностранных языках и языках народов СССР. Литература о Пушкине представлена современными ему журналами и газетами, печатавшими его произведения и критику на них; богатейшим собранием альманахов пушкинской поры, крупнейшей коллекцией газетных вырезок на русском и иностранных языках (с 80-х годов XIX в.) и, конечно, полным комплектом издававшейся в России и сейчас издаваемой в нашей стране литературы о Пушкине.

Пушкинский кабинет стал основой всех с 30-х годов осуществлявшихся в Институте пушкиноведческих исследований. Среди этих исследований и академическое собрание сочинений поэта, издания его писем и переписки Карамзиных, коллективный труд «Пушкин. Итоги и проблемы изучения». Наконец, сегодня он ведет научное обслуживание коллектива пушкинистов, работающих над подготовкой второго академического издания сочинений Пушкина. Однако деятельность Пушкинского кабинета не ограничивается только исследованиями, проводимыми в Институте. К его фондам и каталогам обращаются пушкинисты Советского Союза и зарубежных стран, аспиранты, студенты, писатели, художники, режиссеры, журналисты. Сейчас трудно представить исследователя, разрабатывающего пушкинскую тему и не обращавшегося в Пушкинский кабинет Института. Этот кабинет наряду с пушкинскими фондами Рукописного отдела Института стал важнейшей источниковедческой базой современного пушкиноведения. На протяжении почти 50 лет он снабжает развивающуюся науку о Пушкине документальными материалами и ведет собственные исследования в области пушкинской библиографии и источниковедения.

Важнейшим достижением в деятельности кабинета является четкая система его картотек, позволяющая быстро находить в безбрежном море пушкинианы необходимые исследователю сведения и факты. Это самый совершенный путеводитель по всем отделам пушкинианы, состоящий из ряда связанных между собою картотек. Здесь и общая алфавитная картотека, и указатель переводов произведений Пушкина на другие языки, и каталог иностранной литературы о Пушкине, и путеводитель по альбомам с газетной пушкинианой, и многое другое.

Деятельность Пушкинского кабинета в первые же годы его существования подтвердила плодотворность самой идеи сосредото-

¹³ Степанов А. Н. Библиотека Пушкинского Дома. Л. 124.

точения в одном месте всей печатной продукции о писателе, полезность такого объединения для развития исследований в этой области.

Два года спустя, в 1936 г., создается при библиотеке Пушкинского Дома Горьковский кабинет, а еще через два года — Лермонтовский. Эти кабинеты возникли в процессе совершенствования исследовательской работы в области горьковедения и лермонтоведения. Дело в том, что в 30-е годы Пушкинский Дом становится чуть ли не единственным в стране центром горьковедения, которое зарождалось именно здесь и здесь же формировало свои кадры, источниковедческую основу, методику и методологию изучения наследия великого пролетарского писателя. Горьковский кабинет был создан С. Д. Балухатым и К. Д. Муратовой по типу Пушкинского кабинета. Этот кабинет в свое время сыграл важную роль в подготовке ряда горьковедческих работ, изданных в довоенное время. Основой кабинета, сейчас не имеющего специально выделенного фонда, является собрание С. Д. Балухатого, горьковедческое в своей главной части. По материалам этого кабинета, по его картотекам и каталогам созданы библиографические указатели литературоведческой горьковианы за 1955—1975 гг. (книги вышли под редакцией К. Д. Муратовой в 1965, 1970, 1985 и 1987 гг.).

Идея Лермонтовского кабинета зародилась также в непосредственной связи с подготовкой к 100-летию со дня гибели поэта (1941).¹⁴ Его создание диктовалось также нуждами академического издания сочинений Лермонтова, которое было приостановлено войной. В настоящее время в Лермонтовском кабинете свыше трех тысяч книг, журналов, брошюр, нот и альбомов с газетными вырезками. Если основу Пушкинского кабинета составляют книги из парижского собрания А. Ф. Отто-Онегина и книжное собрание Пушкинского музея Александровского лицея, то ценнейшей частью Лермонтовского кабинета являются книги из Лермонтовского музея Николаевского кавалерийского училища, где обучался поэт.

Система каталогов Лермонтовского кабинета во многом напоминает ту, которая применена в Пушкинском кабинете, а поэтому содержание фонда раскрывается столь же легко и полно, что дает возможность использовать материалы Лермонтовского кабинета для самых разнообразных научных, научно-популярных и просто популярных работ о Лермонтове, его окружении, эпохе. Крупнейшими исследованиями, созданными в Лермонтовском кабинете или при его участии, является прежде всего «Лермонтовская энциклопедия», обобщившая наши знания о поэте и впервые представившая их в возможной полноте, а также составленная заведующей Лермонтовским кабинетом О. В. Миллер «Библиография литературы о Лермонтове за 1917—1977 гг.». Это, ко-

¹⁴ Ильина Ф. В. Лермонтовский кабинет библиотеки Пушкинского Дома // Труды БАН СССР и ФБОН АН СССР. М.; Л., 1961. Т. 5. С. 68—74.

нечно, крупнейшие работы, но надо сказать, что все более или менее значительные исследования биографии и творчества поэта, созданные за последние три-четыре десятилетия, в той или иной степени обязаны этому кабинету, его материалам, консультациям его сотрудников. Впрочем, консультационная работа — это одна из важнейших сторон деятельности всех кабинетов. И поставлена она здесь достаточно широко и четко. Это обусловлено тем обстоятельством, что столь полные собрания, особенно посвященные Пушкину и Лермонтову, существуют только в Пушкинском Доме, куда в первую очередь и обращаются все, у кого возникают вопросы, касающиеся жизни и творчества этих писателей. За один год кабинеты Пушкинского Дома дают сотни справок и консультаций, иногда требующих специальных разысканий.

Система кабинета оправдывает себя на практике, но оправдывает только тогда, когда кабинет работает в сотрудничестве с научным коллективом, занимающимся изучением данного писателя. Так сложилось в отношении Пушкина и Лермонтова, так складывалось и в отношении Горького, пока центр горьковедения был в Пушкинском Доме, но в 40-е годы произошло разделение творческого коллектива и кабинета, в результате чего последний потерял многие свои преимущества, сосредоточившись в основном на регистрации современной литературы о Горьком. Учитывая эти обстоятельства, в таком научном учреждении, каким сегодня является Пушкинский Дом, кабинеты, посвященные писателям или определенным эпохам в развитии литературы, можно создавать лишь тогда, когда Институт становится во главе того направления в науке, которое данным писателем или литературной эпохой занимается.

В Пушкинском Доме исторически сложились центры по изучению древнерусской литературы, русской литературы XVIII в., русского народного творчества. Сегодня первый и последний из них имеют свои специализированные библиотеки, которые являются своеобразными филиалами основной библиотеки Пушкинского Дома. Только Группа по изучению русской литературы XVIII в. такой библиотеки не имеет. Библиотеки же Отдела древнерусской литературы и Отдела народного творчества не выделялись из общего библиотечного фонда, а формировались самостоятельно, лишь на определенном этапе своего развития войдя в общую систему комплектования и таким образом превратившись в филиалы основной библиотеки. Так, библиотека Сектора древнерусской литературы возникла на основе поступившей сюда после смерти академика А. С. Орлова его личной библиотеки которая впоследствии стала пополняться за счет дублетного фонда Библиотеки АН СССР и текущих поступлений. Позднее в нее влилась часть библиотеки члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, и теперь собрание книг по древнерусской литературе может считаться одним из крупнейших собраний в Советском Союзе. Библиотека служит основой для исследовательской деятельности Отдела, для создания историко-литературных и библиографических работ.

Библиотека Отдела народного творчества также является специализированной. В 1939 г. фольклорное книжное собрание поступило в Пушкинский Дом вместе с другими подразделениями Фольклорной комиссии. С тех пор эта библиотека состоит при Отделе народного творчества и пополняется за счет новых поступлений и личных библиотек ученых. В Отделе народного творчества находится собрание академика С. Ф. Ольденбурга, коллекция нотная и лубочная. Всего в этой библиотеке около 15 тысяч книг, журналов, нот и пр. Библиотека ведет большую библиографическую работу, в значительной части отраженную в издаваемых указателях «Русский фольклор».

Библиотека Пушкинского Дома, как мы видим, — это литературоведческая библиотека широкого профиля. В ней представлены издания сочинений русских писателей начиная с XVIII в., русская периодическая (журнальная) печать, альманахи, критическая и научная литература. С особой тщательностью комплектуется здесь литература о Пушкине, Лермонтове, справочно-библиографическая литература, исследования по фольклору и древнерусской литературе, в том числе зарубежные. Большое место в фондах библиотеки занимает литература иностранная — около 100 тысяч томов. Здесь важнейшее значение имеет быстро растущий отдел литературной и литературоведческой русистики, концентрирующий зарубежные переводы русских писателей, а также критическую и научную литературу, им посвященную.

Чтобы создать хотя бы относительно полное представление о библиотеке Пушкинского Дома, надо несколько слов сказать о системе ее каталогов.¹⁵ Система эта очень разветвленная и включает свыше десяти разных справочных картотек и каталогов. Среди них, конечно, прежде всего следует назвать алфавитный каталог книг и продолжающихся изданий на русском языке, который ведется с 30-х годов и отражает весь комплекс фондов, кроме сочинений Пушкина, Лермонтова, Горького, которые фиксируются в каталогах соответствующих кабинетов. Кроме алфавитного общего в библиотеке постоянно ведутся и пополняются каталоги книг на языках народов СССР, иностранной литературы, фонда справочно-библиографической литературы, росписи отечественных журналов, литературы по искусству, картотеки названий художественной литературы, автографов, авторефератов. Эта система позволяет легко ориентироваться в огромном фонде библиотеки, который по состоянию на 1 января 1980 г. насчитывал свыше 600 тысяч томов.

Говоря о библиотеке, нельзя не сказать несколько слов о книжных собраниях, которые хотя и не входят официально в ее состав, но являются ее своеобразным дополнением, а порою дают и

¹⁵ Беляева Х. Ф., Степанов А. Н. Каталоги библиотеки Пушкинского Дома Академии наук СССР // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и Академий наук союзных республик. М., 1958. № 20. С. 32—53; Ильина Ф. В. Справочно-библиографическая работа в библиотеке Пушкинского Дома // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и Академий наук союзных республик. М., 1962. № 42. С. 100—109.

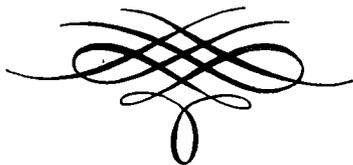
Кабинет-библиотека В. В. Виноградова.

немало новых материалов, в библиотеке отсутствующих. Я имею в виду переданные Институту по завещанию или подаренные наследниками библиотеки академика В. В. Виноградова и члена-корреспондента Н. К. Пиксанова. Первая из них поступила в Институт в 1972 г. и стала основой мемориального Кабинета-библиотеки академика В. В. Виноградова, который сейчас открыт в Институте. Эта библиотека, насчитывающая свыше десяти тысяч томов, содержит немало книг, отсутствующих в фондах библиотеки Пушкинского Дома. Это главным образом книги XVIII в. — в собрании В. В. Виноградова они составляют самостоятельную коллекцию, — словари, специально подобранный раздел книг, посвященных поэтике и стилистике, наконец, исследования по истории русского языка, фонетике, исторической грамматике и другим разделам языкознания. Библиотека В. В. Виноградова существенно дополняет некоторые отделы библиотеки Института, кроме мемориального имеет прямое научное значение и используется в исследовательской работе, которая сегодня ведется в Институте.¹⁶

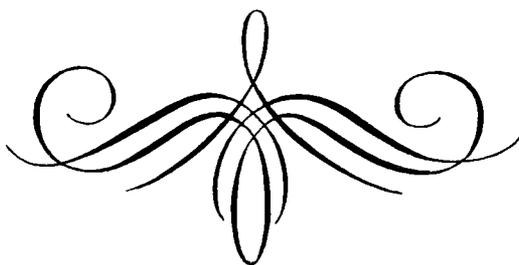
¹⁶ Косячкова Л. Е. Кабинет-библиотека академика В. В. Виноградова в Пушкинском Доме // Русская литература. 1979. № 3. С. 111—122.

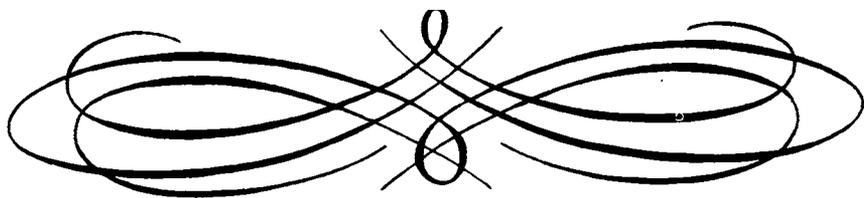
Вторая библиотека поступила в Пушкинский Дом в 1978 г. по завещанию Н. К. Пиксанова, скончавшегося 10 февраля 1969 г. Эту огромную библиотеку ученый собирал на протяжении 70 лет. Самой ценной ее частью является грибоедовское собрание. В него входят все издания произведений Грибоедова на русском и иностранных языках, исключительный по полноте подбор литературы о писателе, а также свыше 50 списков комедии «Горе от ума». Кроме того, эта библиотека отличается богатейшим собранием справочно-библиографической литературы и литературы по темам, которые больше всего интересовали Н. К. Пиксанова, — творчество Гончарова, Горького, литературное краеведение и т. д. Впрочем, библиотека Н. К. Пиксанова и собранные им дополнительные материалы — вырезки, отдельные и собранные по темам, копии архивных документов, записи самого Н. К. Пиксанова — не ограничиваются отдельными подборками, они представляют собою все русское литературоведение с конца прошлого века и являются своего рода лабораторией, где могут заниматься специалисты разных литературоведческих профилей и где могут решаться самые разные проблемы, входящие в сферу науки о литературе. Библиотека Н. К. Пиксанова, как и библиотека В. В. Виноградова, работает в Пушкинском Доме на правах кабинета, что делает ее доступной всем категориям читателей, постоянно или эпизодически работающих в Пушкинском Доме.

Библиотека Пушкинского Дома и сопровождающие ее книжные собрания ученых охватывают все отрасли литературной науки и позволяют вести любые исследования, касающиеся истории литературы, ее теории или взаимосвязей с другими литературами. Библиотека обслуживает главным образом исследования, проводимые в Пушкинском Доме, но здесь занимаются и многие ученые Ленинграда и других городов нашей страны, зарубежные ученые. Обращение к фондам этой крупнейшей литературоведческой библиотеки, к ее картотекам и каталогам, к консультациям ее библиографов делает любое проводимое исследование богаче, глубже, полнее как с точки зрения широты охвата источников, так и совершенства его методологии.

ПУШКИНСКИЙ
ДОМ
И ЕГО РОЛЬ
В РАЗВИТИИ
СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
НАУКИ
И КУЛЬТУРЫ

В русской литературной науке Пушкинский Дом — старейшее научно-исследовательское учреждение, прошедшее долгий и сложный творческий путь, отмеченный крупными достижениями и открытиями, дискуссиями и спорами. Это дает право сейчас, через восемь десятилетий после основания Пушкинского Дома, говорить о его роли в развитии русской литературной науки XX в.

Изложенная выше история Пушкинского Дома и результаты развития отдельных отраслей литературной науки содержат достаточный материал для подведения итогов его работы в литературоведении и для определения перспектив его научной деятельности с учетом особенностей исторического формирования Института, проблематики, научного и методологического уровня его трудов.

Пушкинский Дом создавался, формировался и развивался вместе со всей русской литературной наукой XX в. Знаменательно само его возникновение в декабрьские дни 1905 г., когда революция совершалась не только на столичных и провинциальных улицах и площадях, но и в умах людей, в том числе и людей русской науки. Пушкинский Дом был вызван к жизни требованиями эпохи и на всех этапах своей деятельности выполнял и сейчас выполняет те культурные и научные задачи, которые ставит перед ним современность.

Обращаясь к вопросу о значении деятельности Пушкинского Дома, следует иметь в виду, что она не ограничивается областью науки, а распространяется на сферу культуры, просвещения, идеологии и даже искусства. Это и понятно, потому что Институт по характеру своей деятельности, истории создания и развития, по своим задачам стоит на грани этих сфер, из которых каждая пользуется результатами его работы, совершенствуясь и обогащаясь в этом творческом контакте.

Сегодняшняя литературная наука такова, что результаты ее исследований в равной степени принадлежат к области научного и культурного развития. Любое литературоведческое исследова-

ние рассчитывается сейчас не только на специалистов, но и на широкие круги читателей. Это в полной мере относится к Пушкинскому Дому, особенно к его работам, представляющим литературный процесс или отдельные его эпохи, явления, эпизоды в широких обобщениях и на обильном историко-литературном материале. Труды по истории русской литературы, классической и советской, исследования творчества выдающихся писателей — все это имеет большое научное и общественное значение, способствует не только дальнейшему развитию литературоведения, но и повышению культурного уровня общества, обогащающего себя знаниями, добытыми литературной наукой. Однако значение Пушкинского Дома в культурной жизни страны названными типами исследований не ограничивается. Мы знаем, что развитие социалистической культуры осуществляется на основе максимального освоения культурных традиций и культурного наследия прошлого. Освоение же этих традиций требует прежде всего тщательного собирания, хранения, изучения этого наследия, в том числе и литературного, чем на протяжении многих лет и занимается Пушкинский Дом. Здесь собирается, изучается и вводится в научный и культурный оборот литературное наследие Древней Руси, здесь усилиями ученых воссоздана многообразная картина литературного развития этой эпохи, ее истории, быта, культуры. Это позволило издательству «Художественная литература» приступить к выпуску большой серии «Памятники литературы Древней Руси», впервые в таких масштабах представляющей литературу этого периода широкой читательской аудитории и делающей ее действенным фактором, активно участвующим в строительстве современной культуры.

Огромную роль в современном культурном развитии общества играет русское литературное классическое наследие, представляемое творчеством выдающихся писателей от Пушкина до Горького. Однако бытование их наследия в культурном обиходе нации успешно осуществляется только в том случае, когда оно опирается на издания, раскрывающие художественное своеобразие творчества писателя, его идеологические и общественные позиции, творческую лабораторию, наконец, роль и значение каждого произведения в литературной, общественной, революционной борьбе времени. Таким изданием, на которое ориентируется вся система популяризации классического литературного наследия, является издание академического типа. И в этом отношении Пушкинским Домом сделан существенный вклад в дело укрепления содружества нашей науки и культуры. В Пушкинском Доме создавалось первое советское академическое издание — издание сочинений Пушкина, а вслед за ним подготовлено десять академических изданий: Радищева, Лермонтова, Гоголя, Белинского, Тургенева, Глеба Успенского, Достоевского, Некрасова и других писателей. Эти издания создают основу для широкой популяризации наследия писателя, для многообразных изданий его произведений, предназначенных для разных категорий читателей. Таким образом,

Пушкинский Дом, являясь научным литературоведческим учреждением Академии наук СССР, активно участвует в строительстве социалистической культуры. Его труды и проводимые им научно-общественные мероприятия имеют не только научное, но и общекультурное значение, делая тем самым Пушкинский Дом крупнейшим центром не только советской литературной науки, но и отечественной культуры.

Важная роль принадлежит Пушкинскому Дому и в смежной с культурой области — в области просвещения. Во-первых, все издания Пушкинского Дома включаются в систему просвещения и высшего образования. Они используются в работе преподавателей средней школы, становятся источниками и основой лекционных курсов в высшей школе, служат пособиями для студентов. Это их общее значение для сферы просвещения и высшего образования. Однако Пушкинский Дом порою и прямо выходит в область просвещения, создавая учебники и учебные пособия для средней и высшей школы. Первый учебник по истории русской литературы для высших учебных заведений был создан здесь еще в довоенные годы. Вышли в свет его первые главы, посвященные древнерусской литературе и литературе XVIII в. Издание было приостановлено наступившей войной и после нее не возобновлялось.

В послевоенные годы Институт долгое время не обращается к трудам учебно-педагогического характера, хотя его ученые всегда активно сотрудничают с издательством «Просвещение», готовя для него разные типы учебно-педагогических трудов, среди которых семинарии, биографии писателей, альбомы, посвященные творчеству выдающихся представителей русской литературы, очерки творчества писателя и методические разработки для преподавателей литературы. Такое многолетнее сотрудничество с издательством «Просвещение» создало предпосылки для более серьезного и значительного обращения к учебно-педагогической литературе. В последние годы в Институте создан учебник по истории русской литературы X—XVII вв. для педагогических институтов. Потребность в таком учебнике назрела давно, потому что старые пособия уже не отражают современного состояния научной мысли. Этот учебник вышел в свет в 1980 г. Несколькими годами раньше Сектор советской литературы подготовил учебное пособие «Русская советская литература» для 10-го класса средней школы. Его пробный вариант издан в 1972 г., в 1979 г. утвержден в качестве стабильного учебника.

Помощь Института средней и высшей школе не ограничивается выпуском в свет названных выше учебников по древнерусской литературе и советской литературе. В общей системе связей Института с высшей и особенно средней школой важную роль выполняет Литературный музей Института. Его экспозиции отражают узловые моменты учебной программы, на высокохудожественном изобразительном материале раскрывая творчество Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Островского, Л. Толстого,

Горького. Ежегодно Литературный музей посещают 20—25 тысяч человек, среди которых более половины составляют учащиеся ленинградских школ и студенты высших учебных заведений. Для них проводимые по музею тематические экскурсии дополняют соответствующие учебные лекции или уроки. В деятельности Литературного музея наряду с той научно-исследовательской работой, которая здесь постоянно ведется, учебно-воспитательная функция является одной из главных. Вместе с Литературным музеем учебно-воспитательную работу ведут и другие сектора и отделы Института. В Пушкинском Доме проходят практику филологи Ленинградского, Саратовского, Киевского, Уральского университетов. Они работают в Рукописном отделе Института, в Литературном музее, в творческих отделах и секторах, особенно в Отделе народного творчества, выполняя разные по характеру и сложности работы, заключающиеся преимущественно в разборке архивных фондов и в исполнении источниковедческо-библиографических исследований. Рукописный отдел, помимо приема студентов на производственную практику, в своей повседневной работе оказывает постоянную помощь филологам-дипломантам в поисках ими историко-литературных источников для дипломных работ, выводы которых порою в значительной степени опираются на разысканные в Пушкинском Доме документы и материалы.

Контакты Пушкинского Дома с высшими учебными заведениями выражаются и в тех курсах лекций, которые сотрудники Института читают в университетах и педагогических институтах страны. Эти лекции посвящаются вопросам истории и теории русской литературы, а также текстологии, источниковедению, библиографии. В последние годы такие лекции читались в высших учебных заведениях Ленинграда, Воронежа, Петрозаводска, Свердловска, Тбилиси, Минска, Гомеля, Сыктывкара, Владивостока и др. Важнейшую роль в обмене опытом и в повышении уровня преподавания имеют выездные конференции Отдела древнерусской литературы, уже проведенные в Петрозаводске, Пскове, Минске, Вологде, Владимире, Ярославле и других городах нашей страны. Организуются они, как правило, совместно с университетами или педагогическими институтами и затрагивают главные вопросы развития русской средневековой литературы, методологии ее изучения и методики преподавания. Подобные выездные сессии активизируют работу по изучению литературы этой эпохи в периферийных центрах, способствуют введению в систему преподавания новейших методов и последних достижений науки, прививают интерес к этой литературе в широких массах студентов и читателей. Этой же цели подчинены и так называемые Дни древнерусской культуры, проводимые в союзных республиках. Они представляют собою своеобразные отчеты о состоянии литературной медиевистики и стоящих перед ней задач.

Отдел народного творчества Пушкинского Дома является центром по изучению русского фольклора. В его трудах, конференциях, совещаниях, экспедициях всегда широкое участие при-

нимают преподаватели высших учебных заведений страны. Сотрудничество с ними выражается в экспедициях по собиранию народного творчества, в разработке проблем современного фольклора, в публикации русского фольклорного наследия. Это объединяет силы фольклористов и позволяет Институту предпринимать труды, которые могут быть осуществлены только при широком участии в них специалистов из разных научных центров страны. Таков, например, в настоящее время готовящийся Свод русского фольклора, создание которого возможно лишь объединенными усилиями многих научных коллективов.

Сотрудничество с высшими учебными заведениями осуществляется и в других формах. Пушкинский Дом принимает в качестве стажеров преподавателей университетов, педагогических институтов, институтов культуры, которые, занимаясь здесь и включаясь в деятельность Института, повышают свою квалификацию, совершенствуют навыки научного исследования. Более высокую форму научного сотрудничества представляет собою совместная с высшими учебными заведениями организация разных научных мероприятий. К ним относятся, как уже было сказано выше, совместные конференции, совещания, симпозиумы, посвященные не только древнерусской литературе, но и литературе позднейших эпох. Пушкинские и Некрасовские конференции порою проводятся совместно с периферийными вузами, в конференциях по теории литературы, взаимосвязям литературы, по советской литературе деятельное участие принимают университеты и педагогические институты страны. Результаты подобных мероприятий иногда выражаются в совместных трудах, как это было в 1972 г., когда на материалах XXII Всесоюзной Пушкинской конференции, проведенной в Ереване совместно с Армянским педагогическим институтом им. Х. Абовяна, был создан коллективный труд «...И назовет меня всяк сущий в ней язык...» «Наследие Пушкина и литературы народов СССР» (Ереван, 1975). Подобного же рода труды осуществлялись Институтом с Тбилисским и Ленинградским государственными университетами.

Постоянные творческие контакты Института с вузами страны способствуют внедрению научных достижений в практику преподавания, помогают доводить их до широкой аудитории будущих специалистов, из которых формируются кадры литературоведов, в том числе и кадры самого Пушкинского Дома. Кроме того, Институт оказывает постоянную помощь высшей школе, готовя для нее специалистов в своей аспирантуре, выпускники которой работают во многих городах страны.

В сферу просвещения и высшего образования Пушкинский Дом включается лишь несколькими аспектами своей деятельности, а в область идеологии направляются все результаты его научной, общественной, воспитательной деятельности. Труды Пушкинского Дома, раскрывая величие русской литературы, ее роль в революционном преобразовании действительности и в вос-

питании нового человека, способствуют формированию марксистско-ленинского мировоззрения, включаясь тем самым в общий процесс строительства коммунистического общества в нашей стране.

Обращаясь к научному наследию Пушкинского Дома с точки зрения его идеологической роли, прежде всего необходимо наметить несколько комплексов исследований, по-разному включающихся в общий процесс идейного развития общества. Издания классического наследия, отдельные его публикации, научно прокомментированные и представленные читателю с позиций марксистско-ленинской методологии, исследования литературного процесса в целом и его отдельных явлений расширяют представление о литературном развитии нации, воспитывают в читателе чувство национального достоинства и гордости, чувство патриотизма. Подобные издания, освобожденные от буржуазных, формалистических или вульгарно-социологических интерпретаций литературного развития, способствуют воссозданию действительной картины идейного, общественного и революционного движения эпохи и роли в этом движении русской литературы в целом или наследия ее выдающихся представителей.

Другой комплекс исследований включает историко-литературные работы, в том числе и такие обобщающие, как истории литературы в целом или истории ее отдельных жанров. Эти исследования способствуют формированию широких представлений о литературном процессе, представлений об отношениях и связях его отдельных явлений, об идеологической роли литературы в историческом развитии народа. Конечно, важнейшие идеологические функции осуществляют труды, посвященные советской литературе, теории литературы, методологии ее литературоведческого анализа. Эти работы, раскрывая приемы и методы отражения современной действительности в произведениях советских писателей, участвуют в формировании характера, мировоззрения человека социалистического общества, помогают делу воспитания личности, достойной своей эпохи.

В трудах Пушкинского Дома не только ведется исследование литературного процесса, но и осуществляется активная критика буржуазных и ревизионистских тенденций и концепций, стремящихся извратить порою важнейшие явления русской литературы, принизить ее величие, преуменьшить выдающуюся роль нашей литературы в мировом литературном и культурном развитии. Достаточно назвать многочисленные выступления ученых Пушкинского Дома в защиту подлинности «Слова о полку Игореве», поставленной под сомнение французским исследователем А. Мазоном и его современными последователями на Западе, чтобы понять роль и значение литературной науки, а в том числе и Пушкинского Дома, в напряженной идеологической борьбе современности. И надо сказать, что действенность проведенной полемики несомненна. Сейчас в западной науке мы уже почти не встречаем выступлений на эту тему, потому что опровергать

аргументацию советских ученых можно только при наличии необходимых исторических фактов и доказательств, которыми буржуазная наука не располагала и не располагает. Однако критика буржуазных и ревизионистских концепций и просто бездоказательных выступлений, ставящих своей целью принизить значение русской национальной культуры, не ограничивается эпохой средневековья. Выступления против чуждых советской литературной науке тенденций характерны для пушкиноведения, для истории русской литературы XIX в., особенно рубежа XIX и XX вв., где идеологическая борьба принимает наиболее острые формы, и в истории советской литературы. Полемика с буржуазной наукой осуществляется Пушкинским Домом в серийных изданиях, в коллективных трудах и сборниках, в монографических исследованиях. Важную роль здесь играет сейчас журнал «Русская литература», издание оперативное и поэтому имеющее возможность незамедлительно откликаться на любые проявления чуждых марксистско-ленинской литературной науке взглядов. Критика буржуазной науки в трудах Пушкинского Дома существует не изолированно, а ведется в связи с разработкой определенных проблем истории и теории литературы. Это придает трудам Пушкинского Дома еще большую актуальность, включает их в общую систему борьбы с буржуазной и ревизионистской идеологией.

Находящийся в постоянном и тесном контакте со всеми сферами культуры, Пушкинский Дом — прежде всего научное учреждение, имеющее свою определенную программу научных исследований, исторически сформировавшиеся традиции и свое место в отечественной литературной науке. История и теория литературы изучаются в нашей стране многими научными центрами, среди которых — кафедры русской и советской литературы университетов, педагогических институтов, институтов культуры, секции Союза советских писателей, институты Академии наук СССР, отделы литературоведения крупнейших издательств и др. В этой широко разветвленной системе литературной науки Пушкинский Дом является крупнейшим научно-исследовательским учреждением, которое занимается исключительно изучением истории русской литературы во всех ее формах и проявлениях. Это во многом предопределяет его роль и место в советской литературной науке.

На ранних этапах деятельности Пушкинского Дома большое значение в нашей науке имели его работы по собиранию и публикации русского литературного наследия. В этой области Пушкинскому Дому несомненно принадлежит пальма первенства. Собираание историко-литературных материалов началось здесь с момента возникновения самого Пушкинского Дома и продолжается по сей день. Сосредоточенные здесь рукописи русских писателей, особенно автографы Пушкина, а также документы по истории русского общественного и литературного движения делают Пушкинский Дом одним из центров литературной науки и национальной культуры.

Одновременно с введением в научный оборот литературных материалов и произведений, параллельно с подготовкой первых академических изданий сочинений русских классиков в Пушкинском Доме начинается историко-литературное и теоретическое исследование русского литературного процесса в целом. Медиевисты Пушкинского Дома дают последовательное научное освещение исторического развития древнерусской литературы, открывают новые направления его изучения, возглавляют исследовательскую работу в этой области литературоведения. В Пушкинском Доме складывался единственный в стране центр по изучению русской литературы XVIII в., сейчас исполняющий организационные и координирующие функции, далеко выходящие за рамки Пушкинского Дома. В 30-е годы, когда создавался этот центр, русская литература XVIII в. была очень слабо изучена и в своей значительной части не введена в читательский и научный оборот. Сейчас положение коренным образом изменилось. Создана история русской литературы XVIII в. (в нескольких вариантах), история журналистики, история отдельных жанров литературы этой эпохи. И все это создано в Пушкинском Доме, который на протяжении четырех десятилетий является признанным центром по изучению литературы этого времени.

Первостепенная роль принадлежит Пушкинскому Дому в становлении и развитии советского пушкиноведения. Здесь зарождалось советское научное пушкиноведение, с Пушкинским Домом связаны его первые шаги, первые научные опыты, первые достижения. Сейчас изучением Пушкина занимаются во многих научных центрах и вузах страны, но организационная и координирующая роль в этой отрасли науки по-прежнему принадлежит Пушкинскому Дому. И этому в немалой степени способствуют проводимые Институтом Всесоюзные Пушкинские конференции, регулярно выходящие тома серийного издания «Пушкин. Материалы и исследования», а также то обстоятельство, что в тесном творческом контакте с Институтом ведет свою работу Всесоюзная Пушкинская комиссия. Такое сотрудничество Отдела пушкиноведения Института и Всесоюзной Пушкинской комиссии и делает Пушкинский Дом центром, который привлекает к себе внимание пушкиноведов страны, регулирует общее развитие отечественного пушкиноведения, определяет перспективы и задачи его дальнейшего движения. Важную роль в этих процессах выполняет, конечно, и уникальный комплекс посвященных Пушкину источниковедческих материалов, которые сосредоточены в Пушкинском Доме.

Вслед за пушкиноведением основной вклад сделан Пушкинским Домом в изучение русской литературы XIX в. Литература этой эпохи изучается здесь очень активно. Если говорить об уникальности исследований, посвященных отдельным писателям, то прежде всего необходимо назвать два комплекса исследований — лермонтоведческий и тургеневедческий. Эти исследования начались в Пушкинском Доме в 30-е годы, продолжают они и поныне. В лермонтоведении за это время создано академическое издание сочинений поэта и два его варианта, предназначенные для

широкого читателя, библиографические своды, летопись жизни и творчества Лермонтова, сборник материалов и исследований с публикацией так называемых верещагинских альбомов из рукописных собраний США, ряд монографических исследований, наконец, подводящая итоги развития современного лермонтоведения «Лермонтовская энциклопедия». В Пушкинском Доме осуществлены важнейшие историко-литературные, источниковедческие, текстологические исследования, которые, прямо можно сказать, определяют лицо сегодняшнего лермонтоведения. Впрочем, в значительной степени это касается и современного состояния тургеневедения. Цикл тургеневедческих исследований, осуществленный в Пушкинском Доме в 60—70-е годы, сейчас во многом характеризует положение дел в нашем тургеневедении и предопределяет пути развития его в будущем. В Институте много сделано по изучению наследия русских революционных демократов, особенно Некрасова и Салтыкова-Щедрина; здесь созданы труды по истории русской критики, романа, поэзии, повести; написаны две истории русской литературы, где преимущественное внимание уделено золотому веку в развитии русской литературы; осуществлены труды, посвященные взаимоотношениям литературы этой эпохи с общественным и революционным движением, с различными идеологическими и философскими течениями, с культурным развитием страны.

Сфера исследований Пушкинского Дома включает не только классическую литературу, но и русскую советскую литературу, в том числе и литературу последних лет. Обращение к ней делает программу исследований Пушкинского Дома более современной, более актуальной, идеологически более значимой. Крупнейшие явления советской литературы исследованы в Пушкинском Доме. Монографии, коллективные труды, сборники посвящены творчеству выдающихся представителей советской литературы, истории отдельных жанров и этапов в развитии советской литературы, проблемам ее партийности и народности. За тридцать лет деятельности Отдела советской литературы Пушкинского Дома он стал одним из ведущих центров по изучению литературы социалистического реализма.

Пушкинский Дом известен в литературной науке не только традиционными направлениями своей научной программы, но и направлениями более молодыми или совсем молодыми, сформировавшимися здесь в последние десятилетия. Это прежде всего взаимосвязи русской литературы с зарубежными, а также теория литературы и методология ее исследования. В первой из этих областей за последние 25 лет удалось организовать постоянное и систематическое изучение связей русской литературы с литературами западноевропейскими и славянскими. Создание специального научного подразделения, занимающегося изучением связей русской литературы, не только расширило тематику проводимых в Институте исследований и включило в сферу его деятельности целую отрасль литературной науки, но и укрепило его научные

контакты с зарубежными учеными и научными коллективами. К настоящему времени Пушкинский Дом обозначил свою деятельность по изучению взаимосвязей литератур и теории литературы рядом трудов, коллективных и индивидуальных, которые сейчас и определяют его место в этих областях науки.

Пушкинский Дом на протяжении всей своей деятельности занимал одно из ведущих мест в отечественном литературоведении и всегда исполнял важнейшие роли в его развитии. Здесь закладывались основы целых направлений в литературной науке, вырабатывались новые типы научных исследований, вводились в научный оборот комплексы неизвестных ранее документов и материалов, создавались обобщающие труды широкого историко-литературного и теоретического значения. Пушкинский Дом самым действенным образом участвовал в становлении советской литературной науки, сыграв важную роль в процессе воплощения в ней марксистско-ленинских методологических положений и принципов.

Общее значение Пушкинского Дома в науке не исчерпывается только его трудами, только его научными достижениями. Пушкинский Дом является в советском литературоведении настоящей кузницей кадров. В 1930 г. созданная здесь аспирантура успешно работает и поныне. Из нее вышли сотни литературоведов, работавших или сейчас работающих в разных научных учреждениях и вузах страны. Достаточно сказать, что только в послевоенные годы в Пушкинском Доме защищено более 70 докторских и свыше 200 кандидатских диссертаций. В общей системе подготовки в стране кадров высокой литературоведческой квалификации Пушкинский Дом занимает одно из первых мест. Результаты его деятельности в этой области находят свое отражение в развитии научных исследований в нашей стране и в уровне педагогической практики.

В деятельности Пушкинского Дома сочетаются научные исследования с широкой пропагандой и популяризацией русской литературы. Осуществляется это в разных формах, но главными из них с давних пор стали научные конференции, которые, как правило, ставят вопросы, рассчитанные не только на специалистов-литературоведов, но и на широкие круги общественности, интересующейся историей литературы. В Пушкинском Доме на протяжении многих лет вырабатывались разные типы конференций, научно-организационные особенности которых складывались в зависимости от принадлежности их к определенной научной области или направлению, от целей и задач конференции, предмета обсуждения и широты интереса к поставленным проблемам. Так, именно в Пушкинском Доме выработался тип периодической конференции, посвященной творчеству писателя и проводимой в определенные, по традиции установленные сроки. Таковы Всесоюзные Пушкинские и Всесоюзные Некрасовские конференции, теперь созываемые один раз в два года. Эти конференции объединяя литературоведов страны и определяя перспективы научной деятельности в своих областях, в то же время включаются в об-

ший процесс популяризации наследия Пушкина и Некрасова. При участии Пушкинского Дома проводятся ежегодные (с 1926 г.) заседания в день смерти Пушкина на последней квартире поэта. Такие заседания носят памятный характер. Привлекая широкие круги общественности, они способствуют расширению знаний о Пушкине, делая его наследие активным участником строительства социалистической культуры в нашей стране.

Другой тип конференции сложился в Отделе древнерусской литературы. Это выездные сессии или конференции, уже упоминавшиеся выше и проводимые совместно с периферийными университетами или педагогическими институтами. Большое научное, пропагандистское, идеологическое значение имеют конференции, посвященные советской литературе, ее выдающимся представителям, а также теоретическим проблемам литературной науки. Сотни конференций, проведенных Институтом за 50 лет, представляют его научно-общественную деятельность, включающую самые разные аспекты — аспекты научные, организационные, педагогические, координационные и т. д. Многие в этой работе Пушкинского Дома было воспринято и развито другими научными учреждениями и учебными заведениями, многое остается в Пушкинском Доме как характеристика его деятельности, отличающей это учреждение от других учреждений и научных центров.

Значение Пушкинского Дома в современной науке во многом определяется сегодня и его международными связями. Эти связи, особенно в послевоенный период, получили очень широкое развитие, и в настоящее время Пушкинский Дом поддерживает творческие контакты со многими зарубежными учеными и научными учреждениями. Становление этих контактов началось в 40—50-х годах с их простейших форм — с обмена книгами, с приема иностранных ученых и стажеров для прохождения практики и научных занятий. Пройдя несколько этапов в своем развитии, международные научные связи Института сейчас вступили в свою высшую стадию: научное сотрудничество с зарубежными научными учреждениями и центрами по созданию совместных коллективных трудов.

Сейчас международные связи Института, имея главной задачей творческое сотрудничество с зарубежной наукой, развиваются по нескольким направлениям. Во-первых, Институт ведет большую консультационную работу, принимая для прохождения стажировки, для работы в Рукописном отделе, для оказания научной помощи иностранным ученым, аспирантам и даже студентам. Во-вторых, Институт приглашает иностранных ученых к участию в своих трудах, в своих конференциях и сессиях. В-третьих, ученые Пушкинского Дома публикуют свои труды в зарубежных научных изданиях и принимают участие в издающихся за рубежом научных трудах и научных периодических изданиях. В-четвертых, Институт участвует в таких международных организациях, какими являются Международный комитет славистов и регулярно проводимые им съезды славистов, Международная ассоциация

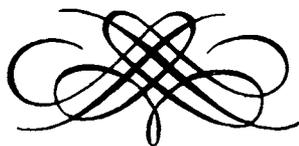
преподавателей русского языка и литературы, членом-учредителем которой является Пушкинский Дом, Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Наконец, в-пятых, Пушкинский Дом в последние годы ведет творческое сотрудничество с академическими учреждениями Польши, Болгарии, Чехословакии, Германской Демократической Республики. Все названные аспекты международной деятельности Института в своей совокупности тесно связывают Пушкинский Дом с зарубежной литературной наукой и входят в общую систему международных отношений, контактов, связей советского литературоведения. Пушкинский Дом и его труды пользуются широкой известностью и популярностью за рубежами нашей страны. Свидетельством этого являются сотни иностранных рецензий на издания Пушкинского Дома, перепечатки его трудов и издания работ его сотрудников, особенно в социалистических странах, восприятие, признание и развитие зарубежной наукой историко-литературных и теоретических взглядов и концепций, выработанных в Пушкинском Доме и изложенных в его трудах. О признании заслуг Пушкинского Дома в развитии международной литературной науки свидетельствует избрание крупнейших его ученых почетными членами иностранных университетов и академий.

Так, академик М. П. Алексеев был почетным доктором Ростокского (ГДР), Оксфордского (Англия), Парижского и Бордоского (Франция), Будапештского (Венгрия), Познанского (Польша) университетов, почетным членом Американской ассоциации современных языков, Испанской Академии наук и Югославской Академии наук и искусств; академик Д. С. Лихачев является почетным доктором Торуньского (Польша), Чикагского (США), Эдинбургского (Англия), Будапештского (Венгрия), Бордоского (Франция), Цюрихского (Швейцария) университетов, иностранным членом Болгарской Академии наук, членом-корреспондентом Австрийской Академии наук, почетным членом Югославской Академии наук и искусств, он награжден орденами Георгия Димитрова и Кирилла и Мефодия, удостоен почетного звания «Лауреат Международной премии братьев Кирилла и Мефодия».

В Пушкинском Доме сделано многое. Однако предстоит сделать еще больше. Впрочем, всегда так бывает: чем больше делается, тем больше остается. Завершая цикл работ по истории жанров, Институт готовится к созданию «Истории русской сатиры», коллективного труда о символизме, о русском эпистолярном наследии, к созданию новых исследований по истории классической и советской литературы, по проблемам теории и взаимосвязей литератур. Параллельно с разработкой новых тем начинаются работы над Сводом русского фольклора, над академическими изданиями сочинений Пушкина и Блока, продолжается собирание, изучение и публикация литературного и фольклорного наследия, создаются источниковедческие, археографические и библиографические труды. Программа исследований расширяется и теперь характеризуется чертами, ранее для нее менее свойственными. Она становится более современной и актуаль-

ной, включая многие работы по советской литературе, теории литературы и методологии ее исследования; она предполагает разработку сложнейших проблем — историко-литературных и теоретических, — ранее не затрагивавшихся литературоведением; наконец, она в полной мере отражает многолетние традиции по пропаганде и популяризации наследия русской классической и советской литературы.

Трудно подсчитать общее количество исследований, в разное время проведенных в Пушкинском Доме, потому что не все они завершались публикацией их результатов, но нужно сказать, что всего здесь издано свыше тысячи книг, посвященных различным аспектам истории русской литературы, подготовлено десять академических собраний сочинений русских классиков. Даже количественные данные говорят о значительности вклада в науку, сделанного здесь, о многообразии и широте исследований, о координирующей роли Пушкинского Дома в современном научном процессе.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абамелек-Лазарев С. С. 51
 Абрамкин В. М. 88
 Аввакум, протопоп 137, 139, 140
 Аверченко А. Т. 263
 Авраамий Палицын см. Палицын Авраамий
 Адрианова-Перетц В. П. 7, 89, 91, 93, 94, 96, 122, 124, 126, 128, 132—135, 210, 241, 242
 Азадовский М. К. 160, 210—213, 216, 222
 Азбелев С. Н. 134
 Айвазовский И. К. 259
 Айналов Д. В. 131
 Аксаков И. С. 34, 35, 55
 Аксаков К. С. 263
 Аксаковы 55
 Александр III 56
 Алексеев А. Д. 179, 265
 Алексеев М. П. 7, 89, 110, 111, 125, 156, 160—164, 170, 177, 189, 190, 223—230, 260, 261, 300
 Андерсен Г. Х. 225
 Андреев Л. Н. 62, 166, 179, 196, 263
 Андреев Н. П. 91—94, 101, 213, 216, 222
 Андреев Ю. А. 200, 202, 235
 Аникин М. 88
 Аничков А. И. 278
 Анна Богдановна см. Ферангер А. Б.
 Анненков П. В. 177
 Анненский И. Ф. 263
 Арденс Н. Н. (Апостолов Н.) 178
 Арендт В. В. 131
 Арина Родионовна 53
 Астахова А. М. 88, 89, 91, 93, 95, 96, 99, 200, 210—212, 215, 222
 Ахматова А. А. 160

 Бабкин Д. С. 141, 145, 149, 153, 167
 Багно В. Е. 228
 Базанов В. Г. 7, 107, 116, 170, 171, 191, 215, 222, 248
 Байрон Д. Н. Г. 62, 259
 Балакирев М. А. 259
 Балтрушайтис Ю. К. 259
 Валухатый С. Д. 7, 84, 88, 89, 101, 105, 168, 195—198, 238, 240, 241, 260, 261, 278, 282
 Бальзак О., де 259
 Баратынский Е. А. 31
 Барсков Я. Л. 145
 Бартенева П. И. 55
 Баскаков В. Н. 242, 251, 254, 264
 Баторий Стефан 127
 Батюто А. И. 178
 Батюшков К. Н. 263
 Батюшков Ф. Д. 263
 Бахрушин А. А. 29, 30, 276
 Безыменский А. И. 195
 Белинский В. Г. 84, 111, 176, 177, 183, 187, 188, 227, 238, 251, 259, 262, 290
 Белый А. 263
 Бельчиков Н. Ф. 7, 103, 107, 188
 Беляев И. Ф. 56
 Беляев М. Д. 14, 19, 41, 48, 49, 50, 53, 63, 65, 156, 159,
 Беляева Х. Ф. 284
 Бенуа Л. Н. 24
 Беранже П. Ж. 259
 Бердяев-Глебов Г. С. 168
 Берков П. Н. 7, 125, 131, 142, 145, 147—153, 200, 223, 230, 239, 241, 244, 246
 Берман Я. З. 238
 Бертенсон В. Б. 30, 240
 Бертенсон С. Л. 255
 Бестужевы 263
 Благой Д. Д. 130, 168
 Блок А. А. 57, 59, 60, 85, 95, 108, 112, 166, 167, 179, 191—193, 198—200, 238, 250, 259, 263, 264, 271, 274, 278
 Бобров Е. А. 156
 Бобров С. П. 157
 Богданова Н. Г. 46, 48, 122, 255
 Богданович И. Ф. 278

- Богословский М. М. 55
 Богучарский В. Я. 258
 Бомарше П. О. К. 225
 Бонди С. М. 160, 168
 Борисова Т. Н. 100
 Бороздняк С. А. 265
 Боткин В. П. 263
 Боткин М. П. 23
 Боткина-Враская Н. С. 48, 278
 Боцяновский В. Ф. 61
 Бредихин Ф. А. 12
 Бритиков А. Ф. 200, 202, 204
 Бронь Т. И. 265
 Брюллов К. П. 259
 Брюсов В. Я. 179, 263
 Бубнова В. Л. 172
 Бугославский С. А. 210
 Буданова Н. Ф. 178
 Бударагин В. П. 137
 Бузник В. В. 200, 202, 204
 Буланин Д. М. 137
 Бунин И. А. 166, 179, 262
 Бурсов Б. И. 80, 167, 176, 178, 233, 249
 Буслаев Ф. И. 78, 259
 Бутлеров А. И. 259
 Бухгейм Л. Э. 29, 30, 32, 44
 Буш В. В. 174
 Бушмин А. С. 7, 74, 105—107, 112, 176,
 177, 199, 200, 204, 233—235
 Быстроумова А. А. 93
 Бычков А. Ф. 12, 13
 Бялик Б. А. 198
 Бялый Г. А. 89
- Вагинов К. К.** 193
 Валери П. 263
 Валуева Т. П. 100
 Васнецов В. М. 259
 Вацуро В. Э. 160, 165, 171
 Векслер И. И. 89, 91, 96, 168
 Венгеров С. А. 188, 257, 264, 278
 Вeneвитинов Д. В. 53
 Венецианов А. Г. 259
 Верховский Н. П. 224
 Верховский Ю. Н. 193
 Веселовский А. Н. 12, 13, 15, 262
 Веселовский К. С. 12
 Ветловская В. Е. 178
 Виардо Л. 190
 Виардо П. 190, 191
 Виллие М. Я. 13, 15, 23
 Вильчинский В. П. 179, 261
 Виноградов В. В. 7, 108, 112, 142, 160, 278,
 285, 286
 Винокур Г. О. 157
 Витберг А. Л. 53
 Витберг Ф. А. 53, 278
 Витте С. Ю. 12, 15
 Вогюэ Э.-М. 263
 Волконские 53
- Волошин М. А. 263
 Вольтер М. Ф. А. 225, 226, 259
 Враская С. Б. 276
 Вревская С. Б. 30, 35
 Вревский П. А. 29
 Вревские 157
 Всеволожский И. А. 13
 Вульф А. Н. 157
 Выходцев П. С. 200, 204
 Вяземский П. А. 35
- Гаевский В. А. 278
 Галаган Г. Я. 178
 Гарди Т. 259
 Гарин-Михайловский Н. Г. 55
 Гаршин В. М. 53, 259, 262, 278
 Гаршина М. Н. М. 53
 Гауптман Г. 196
 Гейне Г. 225, 259
 Геккерн Л.-Б., бар. 53
 Гемп Г. Г. 140
 Гемп К. П. 140
 Герцен А. И. 34, 53, 84, 239, 261, 262
 Гершензон М. О. 238
 Гессен С. Я. 170
 Гете И. В. 224, 225, 259
 Гильфердинг А. Ф. 215
 Гиппиус Вас. В. 93—96, 101, 156, 161, 168,
 174, 196
 Гиппиус Е. В. 96, 216, 220
 Глассе А. 173
 Глинка В. М. 100
 Глинка М. И. 259
 Глинка Ф. Н. 31, 35
 Глокова Е. Э. 100
 Гнедич Н. И. 29, 31, 263
 Гнедич П. П. 29
 Гоголь Н. В. 34, 35, 53, 83, 84, 87, 89, 102,
 109, 111, 172, 174, 182, 183, 186, 187,
 190, 239, 240, 256, 259, 261, 270, 274,
 290, 291
 Голованова Т. П. 172
 Голубев В. З. 88, 196, 274
 Гольдони К. 226
 Гончаров И. А. 29, 35, 53, 65, 66, 69, 81,
 177, 179, 182, 243, 251, 256, 259, 261—
 263, 270, 278
 Гончарова Н. Н. 30
 Горбачев Г. Е. 76, 122, 195
 Горелов А. А. 222
 Городецкий Б. П. 96, 98, 99, 110, 160, 162,
 164, 165, 167, 168, 261
 Горький М. 7, 53, 78—81, 84, 85, 88, 102,
 105, 107, 160, 161, 166, 174, 189, 195,
 196, 198, 199—203, 210, 224, 227, 241,
 243, 244, 250, 251, 259, 261, 270, 274,
 279, 283, 284, 286, 290
 Гофман А. Ф. 225
 Гофман М. Л. 48, 61, 156
 Граменицкая Г. Ф. 100

- Греч Н. И. 53
Гречнев В. Я. 203
Грибоедов А. С. 31, 62, 81, 84, 251, 286
Григорович Д. В. 12, 262
Григорьев Ап. А. 41, 53, 62, 181, 256
Григорьев А. Л. 231, 251
Григорьян К. Н. 82, 88, 169, 172, 176, 179, 261, 263
Грознова Н. А. 105, 193, 199, 202
Грозный см. Иван IV
Гроссман Л. П. 160, 162, 168
Груздев А. И. 261
Грушкин А. И. 88, 96
Гудзий Н. К. 133
Гуковский Г. А. 144—148, 160
Гуляев В. Г. 88
Гуревич Л. Я. 263
Гуро Е. Г. 263
Гусев В. Е. 215, 234
Гюго В. 225
- Дандевиль В. Д. 254
Даниил Заточник 126, 139
Данилевский Р. Ю. 228, 251
Данилов В. В. 125, 230
Дантес Ж.-К. 259
Даргомыжский А. С. 259
Дашков П. Я. 18
Дельвиг А. А. 31, 65, 166, 182
Дементьев А. Г. 199
Ден Т. П. 94—96
Денисовы А. и С. 139
Державин Г. Р. 31, 46, 53, 141, 147, 151, 153, 251, 257, 259, 262
Державин К. Н. 261
Державин Н. С. 223
Десницкий В. А. 81, 82, 84, 105, 106, 144, 145, 160, 168, 179, 195—200, 205, 224
Джером К. Джером 263
Дидро Д. 259
Диккенс Ч. 259, 261
Диников П. 109
Дмитриев А. М. 263
Дмитриев И. И. 31, 142
Дмитриев Л. А. 7, 133, 135, 242
Дмитриева Р. П. 127, 134
Добровольский Л. М. 89, 239, 242, 257
Добролюбов Н. А. 38, 174, 176, 235, 255, 259, 261
Доде А. 225, 259
Долгополов Л. К. 200
Долинин А. С. 61, 261
Достоевский А. А. 48
Достоевский Ф. М. 48, 62, 84, 111—113, 167, 170, 177, 178, 183, 189—191, 239, 250, 251, 259, 261, 262, 269, 278, 279, 290
Дробленкова Н. Ф. 243
Дубровин Н. Ф. 12, 13, 15, 16
Дымшиц А. Л. 88
- Евгеньев-Максимов В. Е. 29, 106, 175, 261
Егунов А. Н. 228
Екатерина II, 142
Емельянов Л. И. 235
Епифаний, инок 137, 139, 140
Еремин И. П. 122, 124, 125, 134, 135
Ершов Л. Ф. 200, 202, 251
Есенин С. А. 201, 250
Ефремов П. А. 30—32, 35, 255, 276
- Жданов А. А. 81
Желтова Н. И. 203, 234
Жирмунский В. М. 7, 89, 160, 168, 223, 224, 261, 279
Жуковский В. А. 31, 33, 34, 53, 55, 56, 165, 238, 251, 259, 263, 279
Жуковский П. В. 33
- Заболоцкая Н. Н. 46
Заборов П. Р. 228
Завалишин Д. И. 170
Заволоко И. Н. 140
Загоскин М. Н. 31
Замятин Е. И. 61
Зарубин Н. Н. 126, 131
Зарудная-Кавос Е. С. 278
Зверев Н. А. 13
Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
Золя Э. 259
Зотов В. Р. 53
Зощенко М. М. 259, 263
- Иван IV 127, 139
Иванов А. А. 259
Иванов Вс. И. 205
Иванов Вяч. 95
Иванова Т. Г. 221
Иванчин-Писарев А. И. 263
Иезуитов А. Н. 108, 112, 234, 235
Иезуитова Р. В. 165
Измайлов А. Е. 53
Измайлов В. В. 31
Измайлов Н. В. 14, 43, 48, 55, 56, 68, 156, 158, 160, 162—165, 168, 183, 185, 189, 238, 262, 266, 278, 280
Ильина Ф. В. 282
Ильинский Л. К. 46, 48, 141, 255
Инбер В. М. 98
Иосиф Волоцкий 127, 139
Иосиф Флавий 127
Исаков П. Н. 12, 13, 15, 20, 23
Истомин К. К. 145
- К. Р. см. Романов К. К.
Казанович Е. П. 16, 19, 26, 28—31, 38, 40, 46, 47, 60, 61, 66, 255, 277, 278, 280
Калаушин М. М. 172

- Каллаш В. В. 156
 Каменев Л. Б. 81
 Канаев Ф. Ф. 88
 Канн П. Я. 50, 51
 Кантемир А. Д. 142, 259
 Капица О. И. 220
 Капнист В. В. 141, 150, 153, 257
 Каравелов Л. 259
 Караджич В. С. 259
 Карамзин Н. М. 31, 54, 141, 153
 Карамзины 165, 281
 Каратыгин П. А. 53
 Карпинский А. П. 46, 62—64
 Касторский С. В. 82, 106, 195—197, 199, 200, 203
 Кауфман П. М., фон 20, 22
 Каховский П. Г. 170
 Каченовский М. Т. 31
 Керн А. П. 29
 Кипренский О. А. 29
 Киселев П. Д. 257
 Клеман М. К. 93, 101, 223
 Климов М. Г. 63
 Ключев Н. А. 61, 193
 Ключевский В. О. 78, 259
 Княжнин В. Н. 38, 256
 Княжнин И. Б. 142
 Ковалев В. А. 106, 193, 199, 200, 202—204, 206, 233, 251
 Коган М. С. 170
 Козина А. И. 100
 Козлов И. И. 35
 Козма Пресвитер 127, 229
 Козмин Н. К. 7, 48, 61, 76, 158, 160, 209, 223
 Коковцов В. Н. 32, 33
 Колобова Н. А. 238
 Колпакова Н. П. 210, 217
 Кольцов А. В. 29, 91, 98, 259, 262
 Комарова В. Д. 48
 Комарович В. Л. 93, 156, 210
 Комаровская А. Е. см. Шипова А. Е.
 Кондаков Н. П. 16, 20
 Кони А. Ф. 12, 13, 29, 55, 61, 64, 263
 Коновалов Г. И. 177
 Констан Б. 160
 Константин Константинович, вел. кн. см. Романов К. К.
 Константин Манассия 127, 229
 Коллан Б. И. 48, 61, 141, 144, 146, 156
 Корнйлов П. Е. 172
 Короленко В. Г. 69, 166, 182, 251, 259, 261
 Корш Ф. Е. 156
 Косминский К. К. 93
 Косячкова Л. Е. 285
 Котляревский И. П. 31
 Котляревский Н. А. 7, 23, 25, 28, 29, 35, 39, 42, 45—49, 57, 61, 66, 68, 158, 166, 256, 277
 Кравчинская В. А. 88, 95, 96
 Крамской И. Н. 259
 Красин Л. Б. 55
 Крачковский И. Ю. 223
 Кривополенова М. Д. 220
 Кругликова З. Н. 100
 Круп Л. И. 48
 Крученых А. Е. 263
 Крылов А. Н. 55, 56
 Крылов И. А. 100, 141, 152, 251, 257, 259, 262
 Кубасов И. А. 31, 48, 61, 70, 170, 193, 208, 209, 278—280
 Кукольник Н. В. 53
 Кулжинская А. А. 29
 Кулиш П. А. 61
 Купер Д. Ф. 225, 259
 Купреяднова Е. Н. 150, 164, 178, 235
 Курбский Андрей 127, 139
 Кустодиев Б. М. 73
 Кутузов М. И. 259
 Кучеров А. Я. 145, 147
 Кюхельбекер В. К. 170
 Лавренев Б. А. 259
 Лавров А. В. 225
 Лавров В. М. 241, 242
 Лебедев-Полянский П. И. 7, 78, 85, 107, 233
 Левин Ю. Д. 228
 Левкович Я. Л. 162, 165, 280
 Лебянов П. И. 15
 Ленин В. И. 67, 69, 174, 233—235, 248, 253
 Леонов Л. М. 199, 200, 202, 204, 205, 274
 Леонтьев-Шеглов И. Л. 35, 276
 Лермонтов М. Ю. 34, 46, 57, 61, 62, 83, 84, 87—89, 112, 171—173, 183, 187, 188, 190, 239, 240, 243, 250, 255, 259, 262, 270, 274, 282—284, 291, 297
 Лернер Н. О. 17, 18, 156, 265
 Лесков Н. С. 53, 251, 259, 263, 278
 Лессинг Г. Э. 226
 Либединский Ю. Н. 259
 Линева Е. Э. 220
 Лисовский Н. М. 29, 265
 Лихачев Д. С. 7, 89, 94, 96—99, 108, 109, 128—134, 136, 138, 160, 300
 Лихачев Н. П. 7
 Лозанова А. Н. 93, 96, 211, 217
 Лозинский М. Л. 61, 193
 Ломоносов М. В. 141, 142, 147, 149, 150, 151, 251
 Лонгинов М. Н. 255, 277
 Лондон Дж. 259
 Лотман Л. М. 169, 179
 Лукини И. Ф. 51
 Луначарский А. В. 7, 74, 76—79, 81, 159, 209, 235, 247, 263
 Лунин М. С. 65, 69, 170, 182
 Луппол И. К. 81
 Лурье Я. С. 134

- Львов М. Ф. 25
 Любомиров П. Г. 145, 146
 Лященко А. И. 61, 264
- Мазон А. 294**
 Майков А. Н. 35, 261, 278
 Майков В. И. 142
 Майков Л. Н. 12—15, 26, 156, 257
 Макашин С. А. 107, 176
 Макогоненко Г. П. 153, 235
 Максим Грек 127, 134, 139
 Максимов А. Г. 264
 Малевич К. С. 263
 Маленин А. И. 61, 147, 223
 Малова М. И. 258
 Малышев В. И. 88, 127, 137—139, 264
 Мандельштам О. Э. 263
 Мануйлов В. А. 88, 92, 96, 98—100, 160, 172, 173, 257, 261
 Маркелов Г. В. 137
 Маркович М. А. (Марко Вовчок) 29
 Марье К. 35
 Маршак С. Я. 61
 Маслов В. И. 223, 238
 Матэ В. В. 29
 Матюшин М. В. 263
 Маяковский В. В. 85, 102, 195, 198—200, 203, 205, 250, 251, 270
 Маяковский И. Л. 255, 265
 Медведев П. И. 193
 Межев В. И. 242
 Мейлах Б. С. 89, 91, 110, 160—164, 168, 170, 234
 Мельников-Печерский П. И. 53
 Мельц М. Я. 96, 221
 Менделеев Д. И. 259
 Мережковский Д. С. 55
 Мериме П. 225
 Метьюрин Ч. 226
 Миллер О. В. 173, 238, 240, 282
 Милонов М. В. 31
 Мирский Д. П. 145
 Михайлов М. Л. 261, 262
 Михайловский Н. К. 54
 Мицкевич А. 259, 261
 Мичурина-Самойлова В. А. 99
 Модзалевский Б. Л. 7, 14, 18, 20, 23—32, 34, 36, 38, 39, 42—44, 46—50, 52, 56, 57, 61, 65, 66, 68, 70, 156—159, 170, 183, 209, 237, 255, 264—266, 277, 278
 Модзалевский Л. Б. 84, 89, 144, 145, 147, 149, 156, 160, 183, 184, 261, 264, 266
 Моисеева Г. Н. 150, 152
 Мокульский С. 224
 Моношко С. 261
 Мордовченко Н. И. 94, 96, 242
 Морозов А. А. 224
 Морозов П. О. 156
- Морозова Ф. П. 127
 Моцарт В. А. 63
 Мудрова А. С. 100
 Муравьев М. Н. 142
 Муравьев-Апостол М. И. 31
 Муравьева О. С. 165
 Муратова К. Д. 88, 105, 106, 110, 179, 196—200, 202, 204, 234, 239, 240, 243, 244, 246, 261—263, 266, 280, 282
 Мысляков В. А. 176
- Надеждин Н. И. 53, 257**
 Назаревский 242
 Назарова Л. Н. 178
 Населенко Е. П. 48
 Нахимов П. С. 259
 Негош П. 259
 Некрасов Н. А. 31, 35, 54, 62, 69, 84, 107, 111—113, 166, 167, 174—177, 182, 192, 238, 239, 241, 243, 250, 251, 256, 259, 261, 262, 269, 273, 279, 290, 297, 299
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 31
 Нестор, летописец 139
 Нечаев А. Н. 216
 Никитенко А. В. 54
 Никитин Афанасий 127
 Никитин И. С. 29, 262
 Никитин П. В. 12, 20
 Никифоров А. И. 210, 215, 222
 Никифоров В. В. 48
 Никольский Н. К. 7, 38, 47, 121, 123
 Никон, патриарх 139
 Новиков Н. В. 217
 Новиков Н. И. 53, 142, 149, 152, 153
 Новиков-Прибой А. С. 259
- Огарев Н. П. 29, 53, 170, 259, 262**
 Одоевский А. И. 55, 65, 69, 170
 Одоевский В. Ф. 263
 Озаровская О. Э. 220
 Оксенов И. А. 61, 193
 Оксман Ю. Г. 81, 160, 224
 Оленина А. А. 162
 Ольденбург С. Ф. 16, 17, 20, 23, 26, 31, 47, 49, 55, 61, 223
 Онегин А. Ф. 29, 31—35, 55, 56, 158, 182, 268, 279, 282
 Опекушин А. М. 15
 Орлов А. С. 7, 76, 78, 79, 81, 82, 122, 123, 125, 128, 131, 134, 145, 146, 148, 160, 210, 223, 241, 278, 283
 Орлов В. Н. 144, 145, 147
 Оссиан 223, 238
 Островский А. Н. 53, 166, 179, 182, 223, 238, 243, 259, 261, 264, 270, 278
 Островский С. А. 48, 265
 Острогорский В. П. 13
 Отто-Онегин см. Онегин А. Ф.

- Павлищев Н. И. 29
 Павлищева О. С. 48
 Павлов И. П. 259
 Павлов-Сильванский Н. П. 258
 Павлович Н. А. 61
 Павловский А. И. 200, 202, 204
 Палицын Авраамий 127
 Панаев И. И. 53
 Пантелеев Л. Ф. 29
 Панченко А. М. 135, 137, 138, 151, 153, 230
 Панченко М. А. 88, 280
 Панченко Н. Т. 264
 Парни Э. Д. Ф., де 225
 Пастернак Б. Л. 263
 Патрикеев Вассиан 127
 Патуйе 55
 Пардо Басан Э. 229
 Перепеч А. И. 99
 Пересветов И. С. 127, 139
 Переселенков С. А. 48, 170
 Перетц В. Н. 7, 122, 128, 146, 241, 243, 269
 Перцов П. П. 263
 Петров В. П. 142
 Петрунина Н. Н. 165
 Пешков А. М. см. Горький М.
 Пиксанов Н. К. 7, 29, 52, 81, 82, 88, 89, 144,
 145, 156, 157, 159, 167, 168, 171, 196,
 197, 260, 265, 279, 285, 286
 Приегов Н. И. 259
 Писарев Д. И. 175, 176, 259, 261
 Писемский А. Ф. 53, 84, 256, 261
 Платонов А. А. 159
 Платонов А. П. 259
 Платонов С. Ф. 7, 55, 63, 64, 68, 69, 159,
 259
 Плетнев П. А. 30, 31, 35, 61, 255, 276
 Плещеев А. Н. 254, 261
 Плоткин Л. А. 89, 91, 168, 176
 Плющинский Ф. М. 25
 Погодин М. П. 53, 156
 Позднеев А. В. 150
 Покровская В. Ф. 124, 125, 241
 Покровская Е. Б. 170
 Покровский М. М. 160
 Покусаев Е. И. 107
 Полонская Е. Г. 61, 194
 Полонский Я. П. 34, 53, 54, 278
 Поляков А. С. 43, 46, 158
 Поляков С. А. 258, 263
 Попова Л. С. 194
 Прийма Ф. Я. 108, 167, 175, 179, 230, 261
 Пришвин М. М. 200, 204, 205
 Прокопович Феофан см. Феофан Проко-
 пович
 Прокофьев А. А. 259, 274
 Прокуратов А. А. 88
 Пропп В. Я. 222
 Пруцков Н. И. 112, 167, 169, 175, 179, 234
 Пумпянский Л. В. 145, 147, 160, 224
 Путилов Б. Н. 200, 217, 222
 Пушкин А. А. 26
 Пушкин А. Н. 278
 Пушкин А. С. 3, 4, 7, 11—17, 19, 22—24,
 26, 28—31, 33, 35, 39, 41, 46—48, 51,
 53, 55, 56, 62, 64, 65, 71, 78, 81—84, 87,
 89, 98, 104, 110, 112, 116, 142, 155,
 165, 166, 169, 170, 172—174, 181—187,
 190, 192, 198, 210, 227, 237, 239, 241,
 242, 250, 251, 255, 256, 258—261, 276,
 278, 280, 281, 284, 290, 293, 295, 296,
 299
 Пушкин В. Л. 181
 Пыпин А. Н. 12, 13, 48
 Пыпин Н. А. 48
 Радищев А. Н. 53, 83, 87, 102, 141, 142,
 146—150, 152, 153, 182, 183, 186, 259,
 270, 290
 Раевский В. Ф. 160, 170
 Раевский П. М. 29
 Разумова А. П. 215
 Расин Ж. 224
 Резцов Н. А. 20
 Реизов Б. Г. 7
 Рейнбот П. Е. 17, 20, 23, 48, 56, 61, 279
 Рейсер С. А. 261
 Ремизов А. М. 263
 Репин И. Е. 259, 274
 Рерих Н. К. 263
 Решетников Ф. М. 84, 174
 Ржига В. Ф. 124, 134
 Римский-Корсаков Н. А. 12, 13, 259
 Ровда К. И. 76, 77, 229, 251
 Ровнякова Л. И. 229
 Рождественский Вс. А. 61, 194
 Розанов И. Н. 147, 160
 Розанов М. Н. 223
 Розини Дж. 263
 Роллан Р. 259
 Рольстон В. 56
 Романов К. К., вел. кн. 12, 13, 20, 54
 Ростовцев И. Я. 13, 16
 Ростопчина Е. П. 53
 Рубан В. Г. 142
 Рубинштейн Н. Г. 259
 Рулин П. И. 145
 Рунич Д. П. 53
 Руссо Ж.-Ж. 225, 226
 Рухлядев А. М. 25
 Рыбников М. А. 216
 Рыдзевская А. Е. 125, 230
 Рылеев К. Ф. 31, 170, 257, 259
 Рышков В. А. 17, 18, 23, 27, 47, 277
 Сайтов В. И. 48, 264, 265
 Сакулин П. Н. 7, 29, 69—76, 79, 194, 195,
 207—209
 Саломон А. П. 15, 20
 Салтыков-Щедрин М. Е. 31, 52, 53, 65, 84,
 89, 107, 114, 165, 166, 174, 176, 177, 182,

- 243, 250, 253, 256, 259, 262, 274, 279, 297
- Самойлович А. Н. 122
- Саянов В. М. 79, 194, 195, 259
- Седельников А. Д. 122
- Семевский М. И. 54, 255, 276, 279
- Семенников В. П. 145, 146, 277
- Семенов Е. И. 178
- Сенкевич Г. 225, 259
- Сенковский О. И. 53
- Серафимович А. С. 195, 261
- Сергеев-Ценский С. Н. 263
- Сергиевский И. В. 145
- Серяков Я. 53
- Сеченов И. М. 259
- Симеон Полоцкий 139
- Симони П. К. 31
- Сиповский В. В. 156
- Скатов Н. Н. 108, 248
- Скотт В. 225, 259
- Скрипиль М. О. 89, 91, 124, 135, 200, 214, 216, 217, 222
- Слонимский А. Л. 160, 161, 168
- Случевский К. К. 12, 13, 16
- Смирнова А. О. 56
- Сморозин А. А. 203
- Соколов А. Н. 160
- Соколов М. И. 78
- Соколов Ю. М. 213, 216
- Соколов-Микитов И. С. 205
- Соловьева О. С. 162, 263
- Словьевы 279
- Сологуб Ф. К. 196, 263, 278
- Софроний Врачанский 127
- Софья, царица 139
- Сперанский М. Н. 122, 124
- Спиридонов В. С. 188
- Спиридонова А. М. 100
- Срезневский В. И. 31
- Сталь Ж., де 226
- Станюкович К. М. 179, 261
- Старчевский А. В. 53
- Стасов В. В. 2, 178
- Стасовы 54
- Стасюлевич М. М. 12, 30, 35, 255
- Стеблин-Каменский М. И. 95, 96, 100, 257
- Стенник Ю. В. 153
- Стеланов А. Н. 277, 279—281, 284
- Стеланов В. П. 153, 245, 248
- Стеланов Н. Л. 198
- Стравинский Ф. И. 278
- Стурдза А. С. 257
- Суворин А. 12
- Суворов А. В. 259
- Султанов Н. В. 15, 20
- Сумароков А. П. 141, 153, 259
- Сухомлинов М. И. 12, 13
- Тамарченко Д. Е. 172
- Танеев А. С. 20, 258
- Танеев В. И. 258
- Твардовский А. Т. 199, 204, 205
- Твен М. 259
- Творогов О. В. 125, 135
- Теккерей У. М. 259
- Терпигорев С. Н. 53
- Тимирязев К. А. 259
- Тимофеева В. В. 106, 200, 203, 248
- Тиханова М. А. 97, 98
- Тихонов А. А. 56
- Тихонов Н. С. 61, 194, 195, 199, 200, 204, 205, 243, 244
- Тихонравов Н. С. 78
- Толбузин А. Л. 139
- Толиверова-Пешкова А. Н. 55
- Толстой А. К. 34, 257
- Толстой А. Н. 215
- Толстой И. И. 7, 13, 15, 27, 89, 96
- Толстой Л. Л. 52
- Толстой Л. Н. 52, 53, 65, 84, 166, 178, 179, 182, 238, 253, 270, 274
- Томашевский Б. В. 61, 88, 92, 108, 110, 156—158, 160, 162, 164, 168, 261, 266, 280
- Тонкова Р. М. 145
- Третьяковский В. К. 142
- Трезини Д. 50
- Тронская М. Л. 224
- Тронский И. М. 145, 146
- Трубейская Е. Э., кн. 257
- Туниманов В. А. 178
- Тургенев И. С. 34, 35, 54, 56, 61, 63, 65, 69, 111—113, 166, 167, 177, 178, 182, 189—191, 225, 227, 239, 243, 250, 251, 256, 259, 261, 262, 270, 274, 279, 290
- Тургенев Н. И. 84, 170, 256
- Тургенев С. И. 170
- Тургеневы 257
- Тынянов Ю. Н. 61, 160
- Тютчев Ф. И. 35, 61, 166, 182, 251
- Ульянинский Д. В. 29
- Успенская М. Г. 93
- Успенский Г. И. 83, 84, 87, 102, 111, 174, 175, 177, 182, 187, 256, 261, 290
- Утевский Л. С. 63
- Ушаков Ф. Ф. 259
- Уэллс Г. Дж. 259
- Фадеев А. А. 199, 200, 204
- Федин К. А. 61, 205
- Федотов П. А. 259
- Фельтен 32
- Феофан Прокопович 127, 142
- Ферангер А. Б. 56
- Фет А. А. 53, 55
- Фишер К. А. 14
- Фомин А. Г. 158, 238, 239
- Фомичев С. А. 160, 162, 165

Фонвизин Д. И. 142, 153, 259
Фонякова Н. Н. 91, 98, 99
Форш О. Д. 205, 259
Франс А. 225, 259
Фридлиндер Г. М. 112, 169, 178, 261
Фурманов Д. А. 195
Фурсенко В. В. 145

Хайлов А. И. 200, 204
Хармс Д. И. 263
Хватов А. И. 267
Хемницер И. И. 142
Херасков М. М. 142
Хитрово Е. М. 65, 68, 159, 223
Хмелевская Е. М. 100
Холшевников В. Е. 112, 234
Худяков И. А. 215

Цакни Е. А. 93
Цвейг С. 263
Цветаева М. И. 263
Цензор Д. М. 194
Цехновицер О. В. 88, 198, 260
Цявловская Т. Г. 162, 184
Цявловский М. А. 156, 159, 160, 168, 184

Чаадаев П. Я. 186
Чайковский П. И. 259
Чапыгин А. П. 259
Чебышева Н. А. 48
Черемин Г. С. 203
Чернобаев В. Г. 125
Чернов С. Н. 145
Чернышев В. И. 7, 156, 160
Чернышевский Н. Г. 175, 176, 227, 235,
253, 259, 261, 274
Чехов А. П. 46, 65, 84, 166, 182, 189, 198,
238, 262
Чистов К. В. 217
Чичеров В. И. 216
Чуковский К. И. 60, 216

Шагинян М. 205
Шамбинаго С. К. 124
Шамрай Д. Д. 145, 147
Шамфор С.-Р.-Н. де 263

Шаповалова Г. Г. 211
Шарыпкин Д. М. 138, 228, 252
Шатобриан Ф. Р. 259
Шахматов А. А. 12, 13, 20, 23, 31, 47, 48,
49, 128, 134, 135
Шахматова С. А. 48
Шевченко Т. Г. 53, 179
Шевырев С. П. 35
Шекспир В. 228
Шиллер Ф. 225, 226, 259, 261
Шилов А. А. 43
Шилянский М. Г. 25
Шиманов Н. А. 88
Шипова А. Е. 53
Ширяева П. Г. 96, 99, 211, 217
Шишмарев В. Ф. 7, 89
Шляпкин И. А. 53,
Шмелев И. С. 263
Шолохов М. А. 115, 199, 200, 204, 205, 250,
260, 263, 270
Шопен Ф. 63
Шоу Дж. Б. 196, 259
Шошин В. А. 200, 204
Штакеншнейдер Е. А. 258
Штейн С. В. 48
Штрайх С. Я. 170
Шубин Э. А. 202
Шубинский С. Н. 53

Щеглов С. А. 122
Щеглов-Леонтьев И. А. 276
Щеголев П. Е. 53, 156, 157, 160, 258

Эвальд Э. В. 93
Эйхенбаум Б. М. 61, 89, 92, 160, 172, 187,
224
Энгельгардт Б. М. 61

Юдин Г. В. 55
Юсупов Н. Б. 55

Языков Н. М. 257, 263
Яковлев Н. В. 46, 48, 49, 52, 61, 107, 156,
174, 200, 223
Якубович Д. П. 156, 160, 161, 168, 223, 224
Ясинский Я. И. 93

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие .	3
---------------	---

ИСТОРИЯ ПУШКИНСКОГО ДОМА И ОБЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЙ

История создания Пушкинского Дома и его деятельность в 1905—1917 гг. .	11
Пушкинский Дом в 1918—1930 гг.	45
Преобразование Пушкинского Дома в Институт русской литературы Академии наук СССР. Его научная деятельность в 1930—1941 гг. .	70
В дни войны и блокады .	87
Пушкинский Дом в 1950—1980 гг.	101

РАЗВИТИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ НАУКИ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Древнерусская литература .	121
Русская литература XVIII в.	141
Пушкиноведение	155
Русская литература XIX—начала XX в.	166
Издание классического наследия .	181
Советская литература	193
Русское народнопоэтическое творчество	207
Взаимосвязи литератур	223
Теория литературы .	232
Библиография	237
Журнал «Русская литература»	247
Рукописный отдел	254
Литературный музей	267
Библиотека и книжные собрания Пушкинского Дома .	276

ПУШКИНСКИЙ ДОМ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

.	287
Указатель имен .	302

Владимир Николаевич Баскаков

ПУШКИНСКИЙ ДОМ

*Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии наук СССР*

Редактор издательства В. Н. Немнонова
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Н. Ф. Соколова
Корректоры Л. М. Бова, С. И. Семиглазова
и Е. В. Шестакова
ИБ № 33424

Сдано в набор 03.03.88. Подписано к печати 24.10.88.
М-42129. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура литературная. Печать офсетная. Фотонабор.
Усл. печ. л. 19.5. Усл. кр.-отт. 19.74. Уч.-изд. л. 21.98.
Тираж 4700. Тип. зак. 217. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 лин., 12

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «Н А У К А»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»,
В МЕСТНЫХ МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ
ИЛИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

- 117192 Москва**, Мичуринский пр., 12. Магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
- 197345 Ленинград**, Петрозаводская ул., 7. Магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»

или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой»:

- 480091 Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
- 370005 Баку**, Коммунистическая ул., 51 («Книга — почтой»);
- 232600 Вильнюс**, ул. Университето, 4;
- 690088 Владивосток**, Океанский пр., 140 («Книга — почтой»);
- 320093 Днепропетровск**, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
- 734001 Душанбе**, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
- 375002 Ереван**, ул. Туманяна, 31;
- 664033 Иркутск**, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
- 420043 Казань**, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);
- 252030 Киев**, ул. Ленина, 42;
- 252142 Киев**, пр. Вернадского, 79;
- 252030 Киев**, ул. Пирогова, 2;
- 252030 Киев**, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
- 277012 Кишинев**, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
- 343900 Краматорск**, Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
- 660049 Красноярск**, пр. Мира, 84;
- 443002 Куйбышев**, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
- 191104 Ленинград**, Литейный пр., 57;
- 199034 Ленинград**, Таможенный пер., 2;
- 194064 Ленинград**, Тихорецкий пр., 4;
- 220012 Минск**, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
- 103009 Москва**, ул. Горького, 19а;
- 117312 Москва**, ул. Вавилова, 55/7;
- 630076 Новосибирск**, Красный пр., 51;
- 630090 Новосибирск**, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
- 142284 Протвино**, Московской обл., ул. Победы, 8;
- 142292 Пушкино**, Московской обл., МР «В», 1;
- 620161 Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
- 700000 Ташкент**, ул. Ю. Фучика, 1;
- 700029 Ташкент**, ул. Ленина, 73;
- 700070 Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43;
- 700185 Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
- 634050 Томск**, наб. реки Ушайки, 18;
- 634050 Томск**, Академический пр., 5;
- 450059 Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
- 450025 Уфа**, Коммунистическая ул., 49;
- 720000 Фрунзе**, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
- 310078 Харьков**, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).